

ДАГЕСТАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

РОССИЙСКОЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В.ЛОМОНОСОВА

МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

**«ПСИХОЛОГИЯ БЕЗОПАСНОСТИ,
ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ
ЛИЧНОСТИ: ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО»**

13-14 октября 2011 г.

МАХАЧКАЛА

ББК 88.4. Ф 23
УДК 159.9

*Издание материалов научно-практической конференции
осуществлено при финансовой поддержке РГНФ,
проект № 11-06-00811а.*

Печатается по решению Научно-экспертного совета
«Дагестанский государственный педагогический университет»

Редакционный совет:

Далгатов М.М.
Гаджимурадова З.М.
Муталимова А.М.

Психология безопасности, психологическая безопасность личности: человек и общество. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 13-14 октября 2011 г. / Под общей редакцией М.М. Далгатова. Махачкала: ИП Овчинников (АЛЕФ). – 358 с.

ISBN 978-5-4242-0013-7

© Дагестанский государственный педагогический университет
© Российское психологическое общество
(Дагестанское региональное отделение)

Маллаев Д.М.

Приветственное слово участникам конференции!

Дорогие коллеги, гости, участники Всероссийской научно-практической конференции «Психология безопасности, психологическая безопасность личности: человек и общество», разрешите поприветствовать Вас на нашей Дагестанской земле. Сегодня для нашей республики особую актуальность приобретают проблемы психологической безопасности человека и общества в целом. Наш регион, действительно находится в ситуации нестабильной, экстремальной обстановки, постоянные террористические акты и экстремизм приобретают систематический характер. Кроме того, нестабильная социально-экономическая обстановка в республике, идеологическая обработка сознания молодежи со стороны религиозных экстремистов влияют на то, что большое количество молодежи уходит в леса. Очевидно, что этому надо противостоять. Об этом говорили и на 3 Съезде народов Дагестана, также и на конгрессе интеллигенции было отмечено, что действительно нам, психологам, педагогам, интеллигенции, нужно сделать многое, для того чтобы сохранить наш Дагестан.

Дагестан - это южная граница России. Это очень интересная и благодатная территория для всех стран мира, а также для тех идеологов, которые заинтересованы, чтобы Дагестан был отторгнут от России.

В 1999 г. в самые трудные минуты, когда бандформирования хотели захватить Дагестан, все Дагестанцы до одного встали вместе с Российскими войсками и сказали, что мы с Россией, мы выбрали путь с Россией, мы всегда будем с Россией.

В Дагестане всегда было многообразие в единстве и единство многообразия. Это лаборатория межнационального общения, культуры межнационального общения. Поэтому наши сложившиеся традиции, наши особенности они сродни с обычаями и культурой народов, населяющих Россию. Поэтому мы должны найти общее, но мы должны понимать, что каждый человек должен уважать культуру другого. Эту задачу мы психологи, педагоги должны решить через психологическое просвещение.

Для участия в конференции приехало много гостей с различных регионов нашей страны, а значит проблемы психологии безопасности, психологической безопасности личности действительно волнуют научное психологическое сообщество. Я хочу пожелать всем участникам данного мероприятия успешной работы на секционных заседаниях, вечерних лекциях и мастер-классах.

Сафаралиев Г.К.

*(Заместитель председателя комитета Государственной думы
пятого созыва по образованию)*

Приветствие участников конференции!

Уважаемые коллеги и участники всероссийской научно-практической конференции «Психология безопасности, психологическая безопасность личности: человек и общество», хочу выразить благодарность ректору ДГПУ Маллаеву Д.М., за то, что он постоянно старается что-то новое привнести в работу своего университета, и тем кто приехал к нам: гостям из МГУ им. М.В. Ломоносова и представителям психологического сообщества России, которые будут разрабатывать эту проблематику, являющейся самой актуальной в нашей стране.

Мы так же проводили совещание несколько месяцев назад, совместно с Государственной думой и министерством образования, которое называлось «Непрерывное образование населения противодействию экстремизму и терроризму».

В средствах массовой информации сложно добиться, чтобы показали положительный сюжет о Дагестане. У нас регулярно проводится фестиваль Русских театров страны, приезжают огромное количество театров и лучшие актеры и все проводится на высшем уровне и полные залы, но не показывают и не говорят, что в Дагестане проводится это.

Такие мероприятия как данная конференция, безусловно, способствуют научному решению многих проблем, связанных с психологической безопасностью личности и общества, позиционированию отечественного опыта культуры межнационального общения, укреплению дружбы и сотрудничества между людьми разных национальностей и вероисповеданий, профилактике экстремизма в молодежной среде.

Открытие конференции: Сафаралиев Г.К, депутат Государственной думы; Маллаев Д.М., ректор ДГПУ, член-корр. РАО; Зинченко Ю.П., декан факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, член-корр. РАО.

Пленарное заседание: Далгатов М.М., Председатель Дагестанского регионального отделения РПО, зав. каф. психологии ДГПУ; Канукова А.Ш., начальник информационно-методического отдела МГУ им. М.В. Ломоносова; Творогова Н.Д., руководитель отделения клинической психологии ПМГМУ им. И.М. Сеченова

Участники конференции,
профессорско-преподавательский состав ДГПУ.

Володарская И.А., доцент,
заместитель Председателя
Совета по психологии УМО
по классическому
университетскому
образованию.

Керимова А.В., профессор, декан
Факультета педагогики и психологии
ДГПУ; Гаджимурадова З.М.,
д. пс. н., профессор.

Участники конференции, преподаватели кафедры психологии ДГПУ.

РАЗДЕЛ 1.

ПСИХОЛОГИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ И ЭТНОСОВ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВА

Зинченко Ю.П., Шилко Р.С. (г. Москва)

ПСИХОЛОГИЯ В ИНФОРМАЦИОННОМ МИРЕ: ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В связи с интенсивным развитием в современном мире информационных технологий, одной из современных разновидностей терроризма, набирающей силу, становится так называемый кибертерроризм. В области обеспечения безопасности появилось новое понятие — «информационное оружие» — создание и использование информационно-коммуникационных технологий с целью нарушения работоспособности информационных систем и информационно-коммуникационных сетей критически важных объектов инфраструктуры общества и государства (Шерстюк, 2010).

В то же время понятие кибертерроризма всё ещё мало изучено. Попытки дать определение тому, что такое кибертерроризм не прекращаются на протяжении последних десяти лет, и до сих пор единство в понимании этого феномена не достигнуто. Ясно одно: это явление должно быть воспринято совершенно серьезно, так как оно представляет угрозу безопасности отдельных людей, групп и целого общества. Наиболее широко кибертерроризм понимается как использование компьютеров как оружия или как цели политически мотивированными международными или находящимися в рамках одной страны группами, или тайными агентами, которые угрожают или причиняют насилие и вызывают страх с целью повлиять на население или заставить правительство изменить его политику (Wilson, 2005).

Кибертерроризм также имеет отношение к повреждению или выводу из строя важных национальных инфраструктур, таких как энергетика, транспорт, коммуникации, экстренные службы

(полиция, скорая помощь, спасатели, пожарные), зависимость функционирования которых от компьютерных сетей неуклонно возрастает в современном мире.

В ряде развитых стран многие стороны жизнедеятельности уже основаны на киберпространстве – совокупности всех компьютерно-коммуникационных сетей. Интересно то, что только в очень редких случаях «кибераспекты» национальных инфраструктур были разработаны и внедрены с заложенными в них мерами защиты от опасности. Большинство же киберсистем при разработке даже не учитывали фактор безопасности, и результатом сегодня является их почти полная незащищенность.

Повышение уровня безопасности таких систем – одна из насущных проблем, связанных с обеспечением национальной и международной безопасности в целом. Серьезная проблема заключается в том, что обеспечение безопасности компьютерных систем часто вступает в конфликт с заложенными при их разработке критериями, связанными, например, с возможностью широкого доступа и высокой пропускной способностью системы. Обеспечение безопасности не только дорогостоящее мероприятие, но помимо этого, еще и приводит к снижению производительности и эффективности. Более того, зачастую люди считают довольно бессмысленным переделывать системы с той целью, чтобы они стали более безопасными.

Киберпространство привлекает террористов, так как, по мнению специалистов, Интернет позволяет группе или индивиду казаться более значительным или угрожающим, чем они есть на самом деле. При обеспечении безопасности киберпространства необходимо учитывать целый ряд его специфических особенностей, позволяющих группе или индивиду продвигать их идеи. Эти особенности, являясь сами по себе нейтральными или даже содержащими множество позитивных возможностей, в руках террористов становятся чрезвычайно опасными. В числе таких особенностей анонимность, конфиденциальность, доступность, низкая стоимость, легкость в использовании, внимание масс-медиа, психологическое воздействие.

Киберпространство предоставляет не подвергаемый цензуре и анонимный по своей сути форум для осуществления поиска, приобретения навыков, создания коммуникативных сетей и сотрудничества. Все что происходит в киберпространстве, осуществляется где-либо на земле, но идентификация и поиск следов физической локализации террористов довольно трудно

осуществляется, иногда она практически невозможна. Эти усилия отягощены техническими и юридическими проблемами, однако они должны быть сделаны, так как воздействие кибертеррористов может быть исключительно влиятельным.

Всемирное распространение Интернет-технологий облегчило доступ к общению через любые границы. Интернет позволяет общаться 24 часа в день с человеком, находящимся в любом уголке мира. В то время как это чрезвычайно удобно в производственных, гражданских и международных целях, технологии также позволяют террористам расширить их коммуникацию и сотрудничество и повысить продуктивность взаимодействия.

Террористы пытаются добиться своих целей путем привлечения внимания масс медиа к их сообщениям. Реакция медиа делает рекламу террористам на международной арене, усиливая их влияние и увеличивая их аппетиты на расширение этого влияния.

Наконец, подобно формам физического терроризма, кибертерроризм это форма психологической угрозы, призванная вселить страх в «целевую группу». Терроризм использует киберпространство для распространения пропаганды, изображений насилия, угроз и порождает кибер-страх – страх перед лицом возрастающей угрозы кибертерроризма. Террористические группы используют киберпространство не только чтобы получить поддержку, но и чтобы посеять страх среди населения (Thomas, 2003). Учитывая то, что киберпространство выступает как усилитель воздействия, посеять через него страх у населения становится легко выполнимой задачей: распространять угрозу даже без предъявления плана ее выполнения уже оказывается достаточным для того, чтобы вызвать беспокойство у целевой группы. Киберугрозы привлекают внимание медиа, которые транслируют страх и неуверенность населению.

Кибертерроризм обладает одной специфической чертой, которая во много раз усиливает его опасность для общества. В то время как защитники киберпространства вынуждены контролировать все стороны, обеспечивающие безопасность, кибертеррористу достаточно «взорвать» только один уязвимый аспект для того, чтобы выполнить свою миссию. В связи с этим работа по обеспечению безопасности киберпространства носит особенно сложный характер и должна представлять собой сложную систему мер, включающую разные уровни, этапы и формы защиты.

Очевидна необходимость быть в состоянии готовности к кибер-атакам, которые рано или поздно будут запущены.

Выделяются три стадии защиты, каждая из которых жизненно важна для борьбы с кибер-атаками: 1) профилактика, 2) защита непосредственно в ходе атаки, 3) управление последствиями атаки.

Для противодействия кибертерроризму необходимо разрабатывать и использовать разные формы защиты киберпространства. Выделяют, например, пассивную и активную формы такой защиты (Goodman et al., 2007). Активная защита, по определению, представляет серьезный риск или наказание для кибертеррористов, и должна включать в себя обнаружение, расследование и вынесение обвинения. Для обнаружения уязвимых с точки зрения безопасности аспектов необходимо обучение военных и гражданских лиц противостоянию «противнику» в бытовых информационных системах. Эффективное осуществление активных форм защиты может принести большую пользу, так как она способствует выявлению кибертеррористов и представляет для них угрозу.

Пассивная защита состоит в использовании различных технологий и продуктов (например, брандмауэр, криптография, обнаружение вторжения) и процедуры, позволяющие защитить пользователей. Некоторые формы пассивной защиты могут быть динамическими и позволяют остановить атаку в процессе. В то же время, по определению, пассивная атака не предоставляет серьезного риска или наказания для кибертеррориста и оставляет кибертеррористу возможность продолжать свои действия.

Две формы защиты должны успешно сочетаться. Например, остановка атаки в ее процессе (пассивная форма) снижает опасность в реальном времени. В это же время индивид может попытаться локализовать и найти доступ к источнику атаки (активная защита).

Исследование выполнено в рамках реализации проекта «Методологические проблемы применения современных информационных технологий в области психологии безопасности» по Федеральной целевой программе «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг.

Литература

1. Шерстюк В.П. Актуальные научные проблемы информационной безопасности и противодействия терроризму// Материалы Пятой международной научной конференции по проблемам безопасности и противодействия терроризму. МГУ имени М.В.Ломоносова. 29-30 октября 2009 г. Том 1. Материалы пленарного заседания и заседаний

- по тематике противодействия терроризму. — М.: МЦНМО, 2010. — С.27-33.
2. Goodman S.E., Jessica C. Kirk, Megan H. Kirk Cyberspace as a medium for terrorists / *Technological Forecasting & Social Change* 74, 2007, 193–210.
  3. Thomas T.L., Al Qaeda and the internet: the danger of ‘cyber-planning, *Parameters*, 2003, P. 112–123.
  4. Wilson C. Computer Attack and Cyberterrorism: Vulnerabilities and Policy Issues for Congress. 1 April CRS Report for Congress, 2005. RL 32114.

Далгатов М.М., Муталимова А.М. (г. Махачкала)

ЛИЧНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ДЕПРИВАЦИИ ПОТРЕБНОСТИ В БЕЗОПАСНОСТИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Психологические факторы формирования дезадаптивного поведения личности в условиях социальной нестабильности региона»), проект № 11-06-00811а

В последнее время интерес ученых, занимающихся изучением человека, переместился на исследование феноменов, связанных с обеспечением безопасности личности и общества. Об этом свидетельствует обилие публикаций, посвященных данной проблематике.

Проблема безопасности личности и общества приобретает в современных условиях особую актуальность в свете грандиозных «тектонических сдвигов», происходящих в общественно-политической и социально-экономической жизни современного Российского государства. Эти заметные изменения закономерно сопровождаются, помимо всего прочего, негативными последствиями в жизни российских граждан. Несомненно это касается и вопроса безопасности человека и социума.

Безопасность человека в широком смысле понимается как состояние его полного физического, социального и духовного благополучия, которое детерминируется (обуславливается) как внутренними (психологическими), так и внешними, прежде всего социальными факторами. Поэтому нельзя не согласиться с утверждением о том, что психологическая безопасность личности зависит от социально-психологического состояния общества, социума, в котором человек живет и функционирует.

Наряду с другими исследователями, мы исходили также из того, что важнейшим условием нормального существования и развития личности является реализация ее потребности в безопасности. В этой связи вполне справедливо утверждение, о том, что состояние безопасности личности – важнейший показатель (критерий) состояния общества и уровня его развития.

Оценивая степень удовлетворенности двух базовых потребностей человека (физиологических и потребностей в безопасности) в обществе, отечественные исследователи отмечают, что потребность в безопасности и защищенности удовлетворена не более, чем у 5% населения, т.е. только у тех, кто живет за высокими заборами и под защитой личных охранников [6]. Несомненно, это серьезный вызов для государства и общества, поскольку граждане России в своем подавляющем большинстве находятся в состоянии депривации потребности в безопасности.

Депривация потребности безопасности понимается как состояние отсутствия защищенности, безопасности у личности, ощущение угрозы опасности, утраты контроля над ситуацией. Как отмечает Войкунский А.Е., «Клинические данные свидетельствуют, что несоблюдение условий личной и/или групповой безопасности самым негативным образом сказывается на психическом развитии и психологическом здоровье индивидуума и социума» [1].

По данным ряда отечественных авторов, по показателям психического и духовного здоровья российское общество находится на достаточно низком уровне. Как справедливо отмечает Соснин В.А. «для большинства населения оно характеризуется прежде всего потерей жизненных перспектив, надежд и веры в будущее, потерей смысла жизни, ощущением неспособности преодолеть жизненные трудности, чувством отчаяния, депрессивностью и бессознательным пренебрежением к жизни и здоровью, психологической готовностью к психическому заражению и внушаемости» [13].

Автор вполне обоснованно дает описание личности, основываясь на метаанализе исследований по проблеме безопасности личности. В частности, в исследованиях Перельгиной, было установлено, что люди с депривированной социально-психологической безопасностью обладают полизависимым (когнитивным) стилем поведения и пониженным самопринятием, для них характерно стремление к уединенности, а их социальный мир несет в себе негативные характеристики.

В противоположность этому респонденты, находящиеся в состоянии социально-психологической безопасности, воспринимают социальный мир достаточно гармонично, просто и непротиворечиво, через призму двух положительных в содержательном плане факторов: миролюбия и активности [10].

В исследованиях О. Ю. Зотовой, проведенного в 2009 году на базе Гуманитарного университета г. Екатеринбурга, было выявлено, что в условиях отсутствия чувства безопасности (депривации потребности в безопасности) субъект не может доверять и принимать другого, поэтому человек стремится к «уходу» от контакта к манипулятивным взаимодействиям, к использованию другого как цели [5].

Действительно жизненный опыт людей, с которыми мы взаимодействуем в повседневной жизни, подтверждают эти выводы. Нередки случаи, когда люди жалуются на то, что их используют в корыстных целях, что ими манипулируют. Вероятно, такие люди становятся жертвой тех, кто испытывает дефицитарность потребности в безопасности.

Также авторы своих исследований показывают, что у людей с депривированной потребностью возникает зависимость от более «сильного» другого [5]. Возможно этим и объясняется поведение тех людей (особенно молодых), которые попали в зависимость от тех, кто возглавляет незаконные вооруженные формирования и давно обитают в лесах, горах и ущельях Северного Кавказа. Государство, общество своевременно не помогли этим людям в плане обеспечения их физической и психологической безопасности. Поиск безопасного жизненного пространства, социума есть ничто иное как проекция их внутреннего состояния депривации потребности в безопасности.

Характерной особенностью депривированной потребностью в безопасности индивидов, как отмечают многие авторы, является свертывание их активности, отсутствие в поведении субъектности и адаптивности функционировании личности. В то же время восприятие «Я в безопасности» говорит о собственной субъектности и безопасности собственной активности. «Ощущение безопасности, – пишет Зинченко Ю.П. и Зотова О.Ю. – является фоновым условием удовлетворенности собственным бытием, осознанием собственных возможностей, уверенностью в будущем» [5, с. 64].

Проведенное нами исследование субъективного благополучия, стиля атрибуции в русле атрибутивного подхода на

достаточно большой и репрезентативной выборке выявили достаточно большое количество испытуемых как среди студентов и педагогов, так и среди пожилых людей, для которых свойственны пессимистический атрибутивный стиль объяснения событий (как благоприятных, так и неблагоприятных), а также высокую степень субъективного неблагополучия. Аtribuтивный стиль – это относительно устойчивый для индивида способ объяснить себе причиненными факторами события, происходящими с ними и вокруг него. Согласно Селигману, если личность сталкивается лицом к лицу со стрессовыми ситуациями, объяснительный (атрибутивный стиль) может играть роль сильного модулятора по отношению к выученной беспомощности и депрессии.

Оптимистические объяснения останавливают беспомощность, пессимистические – усугубляют ее [12]. Очевидно, что пессимистический стиль объяснения выступает в качестве предиктора беспомощного состояния и депрессии. Видимо, в формировании пессимистического объяснительного стиля большого числа испытуемых сыграли неблагоприятные события, происходящие за последние два десятилетия на территории Северного Кавказа, и которые непосредственно затрагивают безопасность ее жителей. Этим мы и объясняем, почему у более чем половины испытуемых был диагностирован пессимистический атрибутивный стиль и субъективное неблагополучие. Субъективное благополучие (в противоположность субъективному неблагополучию) в большом психологическом словаре определяется как позитивное эмоциональное состояние удовлетворенности собой, своей жизнью, окружающим миром и своим местом в нем [8].

Примечательно, в наших исследованиях у испытуемых с высоким уровнем социальной активности, а также успешностью в учебной и профессиональной деятельности, было выявлено, на уровне статистической значимости, оптимистический атрибутивный стиль [2] и субъективное благополучие [9, 11]. Эти данные косвенно подтверждают наличие психологической безопасности этой категории испытуемых, поскольку субъектность их личности более чем очевидна.

Восприятие себя в опасности или безопасности может обуславливать функционирование и формирование когнитивных схем, личностных конструктов, имплицитных теорий личности и окружающего мира. Как правило, они искажены в силу влияния негативных эмоций, возникающих вследствие переживания

состояния депривации потребности в безопасности. Поэтому в обыденной жизни мы сталкиваемся с неверным истолкованием происходящих вокруг нас событий, получившее название фундаментальной ошибки атрибуции, принимая во внимание и то обстоятельство, что необходимость в атрибуции (поиска причиненного объяснения) возникает чаще всего в ситуации нехватки информации и/или ее противоречивости опыту индивида, названной Л.Фестингером когнитивным диссонансом [15].

Вот как объясняет суть феномена фундаментальной ошибки атрибуции Ф. Зимбардо: «Всякий раз, когда мы наблюдаем поведение и пытаемся понять, чем оно вызвано, наши суждения могут подвергаться взаимосвязанным искажениям двух видов. Если причина поведения неочевидна, то мы склонны к переоценке роли диспозиционных (личностных) факторов и недооценке ситуативных факторов... Мы часто не учитываем в должной мере влияние ситуационных переменных на наблюдаемое нами поведение других людей, даже, если мы все таки признаем, что ситуация сыграла некую роль» [4, с. 110-111]. Очень часто такая ошибочная атрибуция становится политической философией руководителей (президентов, премьер-министров, губернаторов), поскольку такое объяснение есть ничего иное, как перекладывание ответственности с себя на других людей, которые становятся жертвами их неправильной социально-экономической политики. Вот что писал по этому поводу американский юрист периода правления Р. Рейгана Мона Черен: «Видя как люди разрушают свою жизнь, употребляя наркотики, консерваторы (администрация Р. Рейгана) заключают, что проблема заключается в том, что наркоманам не хватает самоконтроля и не имеет отношения к ситуации, сложившейся в обществе» [4]. Действительно, куда более проще и удобнее винить людей, чем брать на себя ответственность за ситуацию в стране и судьбу ее граждан.

Как уже отмечалось выше, результатом неблагоприятной атрибуции является «выученная беспомощность», т.е. состояние индивида, когда он убежден, что от его действий что бы он ни делал, равным счетом ничего от него не зависит, и он не предпринимает никаких действий в силу отсутствия контроля над ситуацией. Для состояния «выученной беспомощности» характерно практически полное свертывание активности личности, ее субъектности. Пожалуй, через призму этого феномена можно объяснить наблюдаемое в последние десятилетия социальную пассивность, индифферентность российских избирателей в

особенности в республике Дагестан. Избиратели убеждены, что от их голосования ничего не зависит, а итоги выборов предрешены и заранее известны, поэтому не видят смысла ходить на эти выборы. Здесь на передний план выступает психологическая проблема личности, связанная с восприятием социального окружения в системе координат «доверие-недоверие».

В условиях депривации потребности в безопасности формируется недоверительное отношение личности к окружающему миру. И наоборот, в ситуации, когда сам субъект и тот, с кем он взаимодействует, воспринимаются как безопасные, формируется ситуация доверия, толерантности, взаимодействующие стороны пребывают в состоянии спокойствия. Уверенности, в состоянии стабильной психологической безопасности [5].

Связь между потребностно-мотивационной сферой личности и ее эффективными проявлениями в психологии известна давно. Удовлетворение потребности индивидом порождает положительные эмоциональные состояния, а ее блоктровка – отрицательные аффективные состояния. Безопасность является фундаментальной человеческой потребностью. Согласно иерархической теории мотивации А.Маслоу, высшие человеческие потребности в самоактуализации, в признании и оценке, в любви и привязанности, могут быть реализованы только при условии удовлетворения нижележащих, базисных потребностей – физиологических потребностей в безопасности [7]. С позиции теоретического конструкта А. Маслоу не трудно объяснить отсутствие активности, субъектности личности, испытывающих дефицитарность потребности в безопасности. И на самом деле всякая активность таких людей нацелена на удовлетворение потребности в безопасности.

Как было выше отмечено, потребность в безопасности связана с аффективной сферой личности. В исследованиях Зинченко Ю.П. и Зотовой О.Ю. было установлено, что депривация потребности в безопасности положительно коррелирует с такими состояниями как тревога, испуг, страх и депрессия. В то время как восприятие «Я в безопасности» порождает состояние спокойствия и уверенности [5].

В своей работе «Невротическая личность нашего времени» К. Хорни объясняет резкий рост тревоги следующими причинами:

1. Восприятие окружающего мира как опасного;

2. Восприятие себя как неспособного этой опасности противостоять [16].

В работе, посвященной изучению мотивации террористов, Тхостов А.Ш. и Сурнов К.Г. указывают на связь агрессивного поведения террориста с потребностью в безопасности [14]. В статье «Враждебность в клинической и криминальной психологии» С.Н. Ениколопов определяет враждебность как негативное отношение к каким-либо объектам. Основываясь на результатах многочисленных исследований, автор утверждает, что враждебность играет заметную роль в развитии криминального и девиантного поведения [3]. Было обнаружено, что внимание к враждебным сигналам коррелирует со склонностью приписывать враждебные намерения личности – стимулу и демонстрировать агрессивные поведенческие реакции. Речь конечно идет о восприятии другого как опасного, т.е. депривации потребности в безопасности.

Психологический анализ материалов республиканских СМИ позволяет заключить, что проблема безопасности личности и общества одним из насущных, первостепенных и волнующих для населения Дагестана. Жители республики в течение многих лет живут в состоянии депривации потребности в безопасности.

Литература

1. Войкунский А.Е. Информацмонная безопасность: психологические аспекты // Национальный психологический журнал – 2010.- №1(3)
2. Далгатов М.М. Каузальная атрибуция и деятельность: феноменология, исследования, изменения.- М., УМК «Психология» - 2006.
3. Ениколопов С.Н. Враждебность в клинической и криминальной психологии // Национальный психологический журнал. – 2007. - № 1 (2).
4. Зимбардо Ф., Лайппе М.- Социальное влияние.- СПб.-2000.
5. Зинченко Ю.П., Зотова О.Ю. Основы безопасности личности и общества.- М. 2009.
6. Макропсихология современного российского общества/ Под ред.А.Л. Журавлева, А.В.Юревича.- М. Институт психологии РАН, 2009.
7. Маслоу А.Г. Мотивация и личность.- СПб. 2001.
8. Мещеряков Б.Г. Большой психологический словарь – М.2003.
9. Муталимова А.М. Субъективное благополучие и объяснительный стиль личности на этапе геронтогенеза // Материалы XVI международной научной конференции «Ломоносов - 2009».- М. 2009.

10. Перельгина Е.Б. Теоретико-методологические основания социально-психологической безопасности: Монография/ Е.Б. Перельгина, О.Ю. Зотова - М.2009.

11. Раджабов И.М. Социальная активность как фактор субъективного благополучия в пожилом возрасте. Дипломная работа.- Махачкала: ДГУ, 2010.

12. Селигман М. Новая позитивная психология.- М.2006.

13. Соснин В.А. Круглый стол «Психология о терроризме»// Психологический журнал.-1995.- №4.

14. Тхостов А.Ш., Сурнов К.Г. Мотивация террориста// Национальный психологический журнал.-2007.- №1(2).

15. Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса.- СПб. 2001.

16. Хорни К. Невротическая личность нашего времени.- М. 1993.

Адильханова Н.Д. (г. Махачкала)

ФОРМИРОВАНИЕ ЧУВСТВА ПАТРИОТИЗМА КАК УСЛОВИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Задача патриотического воспитания младших школьников – одна из главных в образовательном процессе, так как выполняя эту задачу, учителя начальных классов стремятся к формированию у детей правильных представлений о нашей Родине, дают им необходимые и доступные знания о ней. Тем более, что в семь лет у детей эти представления и знания часто сводятся лишь к тому месту, где живет ребенок. Действительно, чувство любви к Родине у ребенка рождается из любви к семье, школе, селу, городу, родному языку. От непосредственного выражения этих чувств школьник постепенно переходит к восприятию более глубоких связей, к осмысленному восприятию понятия «родина» и окружающего мира. В деле воспитания патриотизма очень важен опыт чувств ребенка, так как, если он испытывал гордость за своих родителей, свою школу, страну, то он приобретает определенный эмоциональный опыт, который имеет большое значение в его дальнейшем развитии.

Патриотизм – это интегративное качество личности, включающее патриотические знания, взгляды, убеждения, патриотические чувства, уважительное отношение к историческому прошлому Родины и унаследованным от него традициям. Это и эмоционально-ценностное отношение к служению интересам

Родины, стремление нести ответственность за неё, готовность к ее защите и к выполнению гражданского долга перед ней.

Чувство патриотизма не может возникнуть путем естественного созревания, оно зависит от правильной педагогической позиции, от постановки цели и задач, а также выбора воспитательных технологий. Патриотическое воспитание будет являться эффективным, если оно будет организовано в определенной системе. Система патриотического воспитания представляет собой совокупность содержания, форм и методов организации познавательной деятельности учащихся, направленных на формирование способности и желания к выполнению долга по защите Родины, овладение детьми знаниями и воспитание уважения не только к традициям своего народа, но и уважения к другим народам, их культурам и обычаям, нетерпимости к национальной и расовой неприязни.

Опыт педагогов начальных классов свидетельствует о том, что патриотические чувства можно успешно формировать у младших школьников при условии, если учитель ведет систематическую работу над расширением кругозора учащихся о родном крае, в процессе обучения осуществляет опору на личный опыт и наблюдения школьников, сочетает индуктивный и дедуктивный пути познания. Однако исследования показывают, что пассивное любование красотами своей Родины не является достаточным, необходимо уже с начальных классов включать детей в активную деятельность, например, в первом классе приучать заботиться о малышах, во втором классе – заботиться о школе, третьем, четвертом – о родном городе, республике, крае. Патриотическое воспитание младших школьников осуществляется в процессе их включения в активную познавательную деятельность на благо своей большой и малой Родины, привития бережного ценностного отношения к истории и культуре своего родного края, к обычаям и традициям своего народа и народов страны проживания.

Основы патриотического воспитания младших школьников в Дагестане включают в себя:

а) воспитание национального, общенационального (республиканского, регионального), российского (гражданско-патриотического) и общечеловеческого чувств;

б) формирование национального, общенационального (республиканского, регионального), российского (гражданско-патриотического) и общечеловеческого сознания;

в) организацию позитивного опыта культуры общения с людьми разных наций и рас, представителями различных конфессий, этнических и языковых групп; воспитание умений и навыков преодоления личностно- психологических барьеров в межнациональном общении, конфликтной ситуации;

г) формирование высоконравственной мотивации поступков и поведения учащихся в процессе их общения с людьми различных национальностей, рас, конфессий.

В ходе опытного исследования, нами были определены критерии сформированности патриотизма у младших школьников:

1. *Когнитивный*. Показатели: желание узнать больше о культуре своего народа, следовать его традициям, потребность в изучении и говорении на родном языке, знания, представления и понятия, которыми владеет ученик о родном крае, Отечестве, своем народе, о патриотизме, о героях, защитниках Родины; умение устанавливать связи между ними; самостоятельность и устойчивость суждений личности о нормах, регулирующих отношение людей друг к другу, к своей Отчизне, к историко-культурному наследию; умение использовать знания в различных ситуациях.

2. *Оценочно-эмоциональный*. Показатели: оценочные суждения, характеризующие отношение ученика к Отечеству; способность оценивать свое поведение с точки зрения соответствия этническим ценностям; устойчивость, глубина, сила эмоциональных переживаний, связанных с жизнью школы, семьи, класса, страны; сочувствие, свидетельствующее о гуманистической направленности личности; действенно-критическое отношение к собственным поступкам, учебе, труду, окружающим людям.

3. *Мотивационно-поведенческий*. Показатели: устойчивая форма положительного – поведения, сопротивляемость внешним воздействиям, которые противоречат принятым нормам, устойчивость убеждений.

Наше исследование показало, что одним из важных направлений работы по патриотическому воспитанию младших школьников является овладение ими представлениями и понятиями о родине. Эти знания обеспечивают детей доступной им информацией о жизни общества, способствуют формированию осмысленного оценочного отношения к окружающему, интереса к явлениям общественной жизни, потребности в новых знаниях. Формирование представлений и понятий детей о родной стране

происходит на занятиях по ознакомлению с явлениями общественной жизни.

Работа по осмыслению и усвоению знаний о родине позволила сделать доступным детям младшего школьного возраста достаточно большой объем сведений, сформировать определенные понятия и субъективное положительное эмоциональное отношение к окружающей общественной жизни. Важным направлением в работе по патриотическому воспитанию младших школьников явилось развитие опыта действенного отношения к окружающему.

Установлено, что простое усвоение знаний еще не дает положительного воспитательного результата. Имеющиеся у младших школьников знания будут оказывать действенное влияние на их поведение тогда, когда они будут освоены практически, когда станут применяться ими в деятельности.

Организация воспитательной работы, включающая детей в разнообразные виды деятельности (игровая, трудовая, изобразительная) оказала существенное влияние на патриотическое воспитание детей, так как эти виды деятельности способствовали расширению, обогащению и углублению знаний, полученных в процессе занятий, выработке эмоционального отношения к полученной информации, формированию умения применять полученные знания на практике, руководствуясь мотивами пользы для других людей в своей деятельности, помогая формированию нравственных привычек поведения.

Афанасьева Л.В. (г. Мелитополь, Украина)

КУЛЬТУРА МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ ПОЛИЭТНИЧЕСКОГО РЕГИОНА

Настоящее и будущее общества закономерно вытекает из сущности прошлого. После распада СССР, постсоветский человек остался один на один с нелегкой жизнью и не знал на какие ценности ему ориентироваться. Как никогда ему требовалась защита и поддержка, так как распад СССР и советской системы повлекли за собой массовый «культурный шок» и потерю устойчивой социальной идентичности. Каждое из постсоветских поколений, в период перестройки, по-своему решало проблемы самоидентификации на основе собственного опыта, уровня

толерантности к прошлому и настоящему, открытости рискам и новациям, социальной зрелости и т.д.

В противоположность старшему поколению, молодежь менее других поколений переживала распад СССР, так как она в силу своего возраста более подвержена глобальным социокультурным влияниям. Не смотря на то, что молодое поколение неоднородно, ко всей постсоветской молодежи применима общая схема смены типов идентичности, а именно: отказ от советской идентичности - от типа «человек советский»; конструирование и поддержка этнонациональных типов идентичности; рост религиозной идентичности; рост субкультурных агрессивных идентичностей как отражение молодежной неудовлетворенности своим статусом в государстве и обществе.

Поскольку объектом нашего исследования является Украина, отметим, что на ее территории существует много исторически сложившихся поликультурных регионов, где веками жили представители разных этнических и культурных групп.

Таковыми регионами, в частности, являются Бессарабия, Закарпатье, Приазовье, Крым. Проживающие здесь народы можно рассматривать как единую систему этнических групп, как некий надэтнический социальный феномен. В сходстве их исторических судеб, образа жизни, менталитета заложены мощные основы для мирного, толерантного сосуществования. Ведь поликультурность не обязательно конфликтогенна. Она имеет мощный интегративный потенциал, создает для общества и граждан благоприятные возможности развития на основе взаимообогащения культурными, интеллектуальными, генетическими и другими ресурсами. [2, с.86].

Большой интерес в этом плане вызывает исследование украинского социолога Натальи Паниной «Факторы национальной идентичности, толерантности, ксенофобии и антисемитизма в современной Украине», в котором автор прослеживает динамику изменения настроений населения Украины с 1992 по 2005 год. В частности, по ее данным, в массовом межнациональном сознании взрослого населения Украины продолжает сохраняться высокий уровень восточнославянской обособленности, национального изоляционизма и ксенофобии. В качестве «своих» население Украины воспринимает преимущественно этнических украинцев, русских и белорусов. Представители большинства национальностей воспринимаются как «чужие» и «выдворяются» массовым сознанием за пределы Украины. Некоторое «ослабление» проявляется к «историческим соседям»: около половины

украинских граждан в качестве жителей Украины допустили бы еще евреев, поляков, молдаван и крымских татар, то есть представителей тех народов, с которыми есть исторический опыт совместного проживания.

Подобная конфигурация национальных предпочтений позволяет предположить, что в основе национального изоляционизма, доминирующего в массовом межнациональном сознании населения Украины, заложены архаично-традиционалистские ценностные ориентации, в значительной мере определяющие формирование, развитие и консолидацию системы социальных отношений в целом на настоящем этапе развития украинского общества.

Едва ли не решающее векторное значение в особенностях формирования национальной толерантности граждан Украины по отношению к различным национальностям имеет региональный фактор. Различия по отношению к каждой из национальностей четко ранжируются на оси «Восток – Юг – Центр – Запад». Если отношение близости к украинцам (как показатель украинской национальной идентичности) более всего выражено на Западе Украины, а менее всего – на Востоке, то отношение близости к русским (как показатель толерантности) более всего выражено на Востоке Украины и менее всего – на Западе. Во всех этих измерениях Южный и Центральный регионы Украины занимают «свое» структурное место: Юг ближе к Востоку, а Центр – к Западу [1].

Если же взять поколенческий срез, то видно, что наиболее ярко процесс смены идентичности проявился у молодого поколения, более других подверженного влиянию объективных социокультурных, политических и социально-экономических изменений.

Как не прискорбно, но исследование, которое проводила всеукраинская социологическая служба, и в котором непосредственное участие принимала автор статьи показало, что именно среди студенческой молодежи, как будущей элиты, больше всего оказалось тех, чье настроение можно определить как безразличное (каждый четвертый) по отношению к ущемлению их прав, нарушению трудового законодательства, возрастной, половой, материальной и социальной дискриминации. Возможно, это связано с тем, что молодежь достаточно часто живет сегодняшним днем, предпочитая не заглядывать в будущее. Для нее повседневная

жизнь «здесь и сейчас» оказывается более значимой, чем завтрашний день.

Исходя из ответов еще одного опроса, можно констатировать что 37,2% молодых людей считают, что нетерпимость возникает из-за низкого уровня личной культуры, 40,9% - из-за различия мировоззренческих ценностей, 23,7% - из-за предрассудков и предвзятого отношения к людям. Прискорбно, что 59,2% молодежи лично ощущали на себе проявления нетолерантности из-за предвзятого отношения к другим людям, а 63,1% респондентов считают, что в Украине есть расовая нетерпимость и ксенофобия [3, с.3].

Однако это в большей степени касается больших городов. К примеру, в небольшом украинском городе Мелитополе Запорожской области, этот показатель значительно ниже (2,3%). Это может быть свидетельством того, что в регионах с длительной историей совместного проживания представителей различных этнических групп, этническая толерантность будет способствовать формированию «сверхэтнической» общности. На наш взгляд, такая общность может быть сформирована не по этническому, а по региональному признаку. Это будет способствовать объединению этнических групп в составе региона и повышению их взаимной этнической толерантности.

Сегодня на территории Запорожской области зарегистрировано 62 национально-культурных общества, причем, 21 из них находится в Мелитополе. Этот город является показательным еще и потому, что решением Совета Европы он представляет Украину, как интеркультурный город. Результаты нашего социологического опроса выявили, что чаще всего ксенофобские настроения прогрессируют среди 16–19-летней городской молодежи из зажиточных семей. Однако, несмотря на эпизодические случаи проявления ксенофобии, нет гарантии того, что они не распространятся на большую часть молодежи. Тем более, что молодежь – категория, которая быстро перенимает что-то неформальное и радикальное [4].

Поэтому современное общество так нуждается в профессиональной разработке проблем этнокультурной компетентности, психологической готовности к межкультурному и межконфессиональному диалогу, межкультурному взаимопониманию и взаимодействию средствами просвещения. При этом, работа по развитию этнического самосознания должна сочетаться с интенсивной работой по развитию личности молодых

людей, воспитанию самостоятельности и социальной ответственности.

Преобладающие в массовом сознании установки на сближение с представителями других национальных культур являются психологической предпосылкой формирования открытой общественной системы демократического образца [1, 26]. И наоборот, психологическое восприятие представителей других этнических групп и национальностей как совершенно «чужих» и их «отторжение» от «своего» социального мира, доходящее до развития ксенофобских установок, создают серьезные предпосылки «возвратного» развития общественной системы, ведущего к ренессансу традиционно-общинных или тоталитарных принципов общественной консолидации.

Литература

1. Н.Паніна. Чинники національної ідентичності, толерантності, ксенофобії та антисемітизму в сучасній Україні. Соціологія:теорія, методи, маркетинг.2005/4 с.26-46.
2. В.Котигоренко. Бути чи не бути етнічним конфліктам в Україні? Політичний менеджмент№5(32) 2008, с.85-105.
3. Толерантність як шлях до Європи./ видання здійснено громадською організацією «Вінницький регіональний центр інформації « Креатив» » за підтримки фонду « Відродження»,-2009.
4. Афанасьєва Л.В., Глинська Л.Ф. Толерантність в поліетнічному просторі Східної Таврії: поколінський підхід. Полікультурність, діалог і злагода: українські реалії. Матеріали міжнародної науково-практичної конференції.- Мелітополь, 2008. с.80-82.

Борисова Н.П. (г. Харьков, Украина)

НАУЧНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЭТАПОВ РАЗВИТИЯ СУЕВЕРИЙ

С развитием общественного сознания, идей глобализации и космополитизма, все новыми достижениями научно-технического прогресса и, в целом, прогресса цивилизации, современный социум, тем не менее, все упорнее сохраняет и очерчивает традиционный этнический модус в сфере суеверий и предрассудков. Как правило, степень удержания их в современном массовом сознании наиболее очевидно связана с историческими и ментальными процессами

естественного «старения» мифа данной этнической группы или, напротив, резкого, часто насильственного, перехода данного социума к следующему этапу исторического, идеологического, политического и религиозного развития.

Необходимость предвидеть события возникла у людей с того времени, как они стали заниматься трудом. Испокон веков мнимые чудеса делались при помощи знаний недоступных для народа и хранились в руках жрецов или шаманов древних племен.

Существует множество суеверий, происхождение которых относится к временам язычества. Веру в нечистую силу и сокровища можно отследить за весь тот период, когда только появлялись наши исторические представления. Суеверия, которые возникли на Руси, главным образом были связаны с теми географическими и социокультурными условиями, в которых находилось государство на протяжении многих столетий.

После падения язычества, жрецы, которые всегда сохраняли мистические тайны, были изгнаны из своих укрытий, и распространили тайные знания по всему миру. Именно языческие верования, после насаждения христианства начали превращаться в суеверия. По этой причине в первые столетия христианства было много колдунов и чародеев.

Многие языческие обычаи оказали влияние на новых христиан. Они сохранили идолопоклонство, но не смогли избежать языческого мировосприятия, хотя и изменились по своей форме.

Принятие христианства застало славянскую мифологию на этапе развитой анимистической персонификации. Этим, вероятно, и объясняется такая развитая и объемная низшая демонология славян при только начавших оформляться к VIII-IX векам пантеонах. При этом праславянские боги чаще всего так и не приобретают строго антропоморфного вида и образа.

Суеверия отличаются не только в разных странах, но и в отдельных регионах одной и той же страны. Более того, невозможно установить, что сегодня служит объектом веры, а что нет; многие суеверия продолжают существовать в качестве обычных словесных оборотов, хотя со словами уже давно не связывают их значение. Поэтому попытка понять, откуда берут свое начало суеверия и магические приемы нашего времени – сложно.

Влияние западноевропейских традиций на мир суеверий началось со времен войн. Война стала формой культурного контакта. Заимствование элементов западной культуры на бытовом уровне способствовало заимствованию суеверий и примет.

Таким образом, можно сделать вывод, что приметы, поверья, суеверия, которые существовали или существуют, сейчас в нашей стране, возникли не все на Руси. Эти суеверия перешли из прошлого, как наследие народов, которые оказали воздействие на наших предков, с которыми наш народ был вынужден сближаться и у которых позаимствовал обычаи, приметы, суеверия. Значительная часть примет и суеверий возникла из обрядов.

Другие поверья придуманы случайно, для того, чтобы, застрашав и поработив умы, заставить людей, окольным путем, делать или не делать того, чего от них прямым путем добиться было бы гораздо сложнее, можно заставить их повиноваться. Поверья третьего разряда, в сущности своей, основаны на деле, на опытах и замечаниях; поэтому неправильно их называть суевериями, она верны и справедливы, составляют опытную мудрость народа. Также существуют поверья, основанные также на явлениях естественных, но обратившихся в нелепость по бессмысленному их применению к частным случаям. Пятого разряда поверья изображают дух времени, игру воображения, иносказания – словом, это народная поэзия, которая, будучи принята за наличную монету, обращается в суеверие. К шестому разряду должно отнести - может только до поры до времени – небольшое число таких поверий, в которых нельзя найти никакого смысла. Или он был утрачен по изменившимся житейским обычаям или вследствие искажения самого поверья. Эти же поверья служат извинением, оправданием и утешением в случаях, где более не к чему прибегнуть. С другой стороны, может быть некоторые бессмысленные поверья изобретены были также и с той целью, чтобы, пользуясь легковерием других, жить за чужой счет. Этого разряда поверья можно назвать мошенническими.

Еще один источник, который подпитывает суеверия – это случайные совпадения. Совпадения по расположению и времени двух разных, ничем не связанных событий в прошлом дали начало многим поверьям. Это одна из причин их живучести и сегодня.

Кроме общих источников, с которых берут свое начало суеверия, следует отметить народную мифологию, неумение объяснить некоторые явления природы, иллюзии, галлюцинации.

Славянскую мифологию чаще всего анализируют и характеризуют именно как мифологию общества второго типа, то есть как мифологию прервавшуюся, не достигшую высшей точки своего развития и, значит, не состарившуюся естественным образом, не преодоленную в славянской ментальности, психологии,

массовом сознании и коллективном бессознательном. Возможно, здесь кроется одна из причин устойчивости суеверий в коллективном бессознательном славян.

В современном функционировании суеверий, на наш взгляд, вполне «работает» принцип их генезиса, определенный К.Леви-Строссом, как «принцип бриколажа». Принцип бриколажной мозаичности поддерживает стабильность славянских суеверий, которые и так в достаточно высокой степени сохранности «законсервировали» тотемические, фетишистские и анимистические представления о мире. Этот принцип позволяет мифологическим образам, утрачивающим актуальность, превращаться в архетипические структуры, формы, средства, которые могут быть снова использованы. Стремясь вернуть себе корни, и тем самым обосновать свою легитимность, современная массовая культура все чаще обращается к мифологическим образам и символам, бриколажно их, замещая современными стереотипами и брендами.

В современных суевериях, также скорее связанных не со словесно-развлекательной, не с эстетической сферой, а с синкретической областью быта, практического жизнеустройства, мы можем и сегодня наблюдать черты и рудименты тотемизма, фетишизма, анимизма.

Таким образом, суеверия и предрассудки, приметы, стали превращаться вследствие возможности неверной оценки причинно-следственных связей в общественное явление. Скорее всего, это происходило одновременно с формированием Homo sapiens и «социализации» его приспособления.

Литература

1. Карасик В.И. Ритуальный дискурс // Жанры речи 3. – Саратов, 2002.
Мультиверсум. Філософський альманах. - К.: Центр духовної культури. 2006. № 54.
2. Непрямая коммуникация и ее жанры. – Саратов, 2000.
3. Розеншток-Хюсси О. Избранное: Язык рода человеческого. – М., 2000.
4. Энциклопедия суеверий / Сост. Э. Рэдфорд. - М., 2001.
5. www.rius.kiev.ua/news/section_14

Букреева И.В. (г. Мелитополь, Украина)

МЕНТАЛИТЕТ КАК ФАКТОР СОХРАНЕНИЯ САМОБЫТНОСТИ НАРОДОВ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Глобализационные процессы, происходящие в современном мире, характеризуются значительными деструктивными тенденциями унификации культурного пространства, актуализируя тем самым проблему сохранения этносами и нациями собственной культурной самобытности.

Украина как многие другие государства постсоветского пространства является поликультурной страной, население которой представлено более чем 130 различными этносами и народностями. В этом контексте этническая безопасность является составляющей национальной безопасности Украины. Глобализация направлена на нивелирование культурных различий между народами и тем самым ставит под угрозу собственную идентичность народов Украины. Эти процессы, в свою очередь, акцентирует внимание ученых и общественности на проблеме сохранения и развития культурной самобытности. Государственная же культурная политика в этом направлении является гарантом безопасности от деструктивных воздействий.

В последнее время интерес к этой проблеме обусловлен в значительной степени дестабилизацией социальных, этнических, конфессиональных отношений в Украине. Особым образом указанные проблемы обостряются в регионах с полиэтничным составом населения, одним из которых является Запорожское Приазовье, характерным признаком которого было постоянное усложнение этнической палитры.

Степной простор юга Украины на протяжении длительного хронологического периода играл роль пространственного или миграционного коридора, который заселялся представителями как народов Российской империи (украинцами, русскими, белорусами, евреями, караимами, армянами, татарами), так и других государств (немцами, болгарами, чехами, греками, поляками).

Все они втягивались в межэтнические контакты, что обусловило активное взаимодействие культурных традиций, которые имели двойное воздействие на формирование особенностей менталитета этносов, а впоследствии и нации. Во-первых, они сами детерминировали появление тех или иных

ментальных черт определенного сообщества, во-вторых, именно эти факторы определили тип хозяйственной деятельности, социальной структуры, общественного устройства, которые в свою очередь также имели влияние на формирование и функционирование менталитета этносов.

Поэтому целью нашего исследования является выявление общего и специфического в ментальных установках различных этносов, проживающих на территории Запорожского Приазовья, выяснение уровня диалога этих культур.

Определяющим для нашего исследования является понимание этнической ментальности, предложенное Воропаевой Т.С. По ее мнению, этническая ментальность – это совокупность образов, верований, представлений и установок, интегрированных в целостную систему миропонимания. Эта система «цементирует» единство культурной традиции этноса, определяет своеобразное отражение представителями данного этноса окружающего мира, их отношение к нему, комплекс ценностно-смысловых образований и своеобразных «правил жизни», обуславливающие мотивационную активность и наиболее целесообразный в данных социальных, исторических, культурных и природных условиях тип поведения [1, с.122].

Такой подход к изучению менталитета ценен тем, что он дает возможность проследить специфику проявления глубинных психологических черт в повседневной жизни народа, так как межэтнические отношения преимущественно определяются обыденным сознанием людей, общественной атмосферой и настроением.

Так, наиболее распространенными элементами самоидентификации почти каждого этноса Запорожского Приазовья выступают, прежде всего, язык, народные обычаи, обряды и вероисповедания. Однако, у одних (украинцев, чехов, россиян, караимов, болгар, греков) преобладает самоидентификация на языковой основе, а у других (армян, евреев, татар, немцев) – на духовных элементах традиционно-бытовой культуры. Также следует добавить, что армяне и караимы наряду с языковой идентификацией также указывают на сохранение вероисповедания. Определяющей же чертой этноса является обращение к собственным корням и этнической памяти своего народа. Непосредственно это проявляется в том, что большинство этносов под национальностью понимают социально-биологическую общность (армяне, греки,

болгары, караимы, татары, немцы, чехи), россияне же предпочитают собственную культуру. Определенное исключение составляют евреи: под национальностью они понимают гражданство.

Идею консолидации общества в украинскую политическую нацию поддерживают греки, болгары, евреи, караимы, немцы, русские, украинцы и основанием для этого процесса считают общее государство и общую историческую память и судьбу. Исключение составляют армяне, большинство которых убеждены, что консолидация не нужна, а также чехи, которые окончательно не определились с этим вопросом.

Ментальность этноса проявляется и в различиях, ярко выраженных в индивидуалистическом и коллективистском мировосприятии этносов. Так, основной критерий индивидуализма состоит в том, что человек принимает решения и действует в соответствии со своими личными целями, которые преобладают над общественными. Основные ценности индивидуалистической культуры – свобода в поступках и самодостаточность, самостоятельность в суждениях, независимость от группы. И как следствие, поведение людей регулируется преимущественно социальными установками, по сравнению с групповыми нравственными нормами. Принципы индивидуалистической культуры более свойственны немцам, чехам, украинцам, грекам Запорожского Приазовья. Главной чертой, отличающей эти этносы от других, есть четкий принцип распределения дружеских и деловых отношений, неприятие панибратства.

Таким образом, формируется тот тип человека и нации, для ментальности которой характерно доминирование индивидуализма и рационализма по отношению к другим признакам психического состояния.

И наоборот, коллективистские нормы присущи евреям, болгарам, караимам, татарам Запорожского Приазовья. Также считается, что русские традиции сильнее в масштабах коллективного действия. Основной смысл коллективизма – это, прежде всего, приоритет интересов группы над личными, а социальная идентичность является более значимой, чем индивидуальная. Поэтому связь с группами более тесная, преобладает потребность помочь группе и другим людям, выявить попечительство, а если необходимо, то и подчиниться. Достаточно четко этот принцип проявляется у еврейского этноса.

Хотя черты ментальности каждого народа особенные,

неповторимые, но одновременно они содержат палитру общечеловеческих ценностей, которые и формируют механизмы толерантного отношения к другому, определяют уровень межкультурного диалога или социальной дистанции.

Так, несмотря на национальную принадлежность, все этносы поддерживают идею толерантного и уважительного отношения к другим народам, проживающим рядом с ними, довольны тем, как складываются с ними отношения. Подтверждением уровня толерантности в регионе служит достаточно высокий показатель удовлетворенности межнациональными отношениями: молдаване и чехи – 100%, немцы – 95,2%, болгары – 91,6%, армяне – 90%, крымские татары – 89,2%, русские – 84%, караимы – 83,3%, украинцы – 77,2%, евреи и греки – 75%. Также, большинство представителей разных этносов указывают на то, что они имеют много схожих черт с украинцами и россиянами, которые на территории Запорожского Приазовья имеют более давние корни, и хотят жить по соседству с ними. К этому следует добавить, что чехам симпатизируют поляки, россиянам – чехи, украинцам – греки, крымским татарам – евреи, немцам – чехи, караимам – крымские татары и поляки, армянам – болгары.

В заключение следует добавить, что сейчас, как в Украине в целом, так и в Запорожском Приазовье, в частности, продолжается бесконфликтный интегративный тип развития межнационального взаимодействия. Нельзя не учесть и того факта, что в условиях длительного социально-экономического кризиса и снижения уровня жизни населения, потенциал стабильности межэтнических отношений может быть исчерпан в достаточно близкой перспективе. Поэтому в контексте анализа перспектив развития региона, толерантность следует рассматривать не только в качестве потенциала поддержания мира и спокойствия в стране, но и как показатель степени готовности массового сознания населения к открытости и сотрудничеству с мировым сообществом на основе общепризнанных демократических принципов.

Литература

1. Воропаева Т.С. Украинская ментальность сквозь призму эмпирических этнопсихологических исследований // Поликультурность, диалог и согласие: украинские реалии. Материалы Международной научно-практической конференции. – Мелитополь, 2008. - 304 с.

ИССЛЕДОВАНИЕ КОЛЛЕКТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ГРАЖДАН УКРАИНЫ В КОНТЕКСТЕ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В условиях глобализации особенно актуальными становятся междисциплинарные исследования процесса становления и развития коллективной идентичности граждан стран СНГ (основными формами которой являются национальная и европейская идентичность) в контексте информационно-психологической безопасности. Всестороннюю разработку категорий «информация», «информационное воздействие», «информационное общество», а также информационное видение многих явлений и процессов в мире предложили в своих научных работах А. Бард, П. Бергер, Н. Винер, Э. Тоффлер, С. Хантингтон и многие другие. Феномен информационно-психологической безопасности личности, общества и государства комплексно изучается, начиная с 1990-х годов. Негативные информационно-психологические воздействия могут привести не только к деформациям представлений человека о мире, серьезным нарушениям психического и физического здоровья личности, эмоционально-волевым и поведенческим нарушениям, но и к искажениям группового и массового сознания, деструктивным коллективным действиям, серьезным последствиям в духовной и социально-политической жизни общества, общественных организаций и государственных структур.

Теоретический анализ разных концептуальных подходов к изучению проблемы коллективной идентичности показывает, что идентичность является результатом процесса идентификации, которая чаще всего рассматривается как процесс уподобления, отождествления себя (или своей референтной группы) с кем-нибудь или чем-нибудь.

Со второй половины 80-х годов XX в. наблюдается повышение интереса ученых разных стран к проблеме национальной идентичности. Разворачиваются соответствующие научные исследования в России и Украине.

Процесс становления и развития национальной и европейской идентичности граждан Украины исследовался нами в рамках нескольких международных научных проектов Центра

украиноведения Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, в которых активное участие принимали студенты и аспиранты факультетов психологии и социологии.

В этих проектах на протяжении 1991 – 2011 годов были исследованы гендерная, возрастная, социально-профессиональная, религиозная, этническая, метаэтническая, локальная, региональная, национальная (или гражданско-политическая), европейская (или континентальная), планетарная, постсоветская и другие виды идентичности граждан Украины, проживающих в разных регионах страны. Всего было изучено 39 400 респондентов от 18 до 87 лет. Надежность результатов проведенного исследования обеспечивалась методологическим обоснованием его исходных позиций; использованием совокупности диагностических методик, адекватных цели и заданиям исследования; объединением количественного и качественного анализа эмпирических данных; использованием методов математической статистики с привлечением современных программ обработки данных, репрезентативностью выборки.

Междисциплинарный подход позволил выявить достаточно интересные трансформации: 1) нивеляцию постсоветской идентичности (в 1991 – 1999 гг.); 2) возрастание этнической (в 1991 – 1999 гг.) и религиозной (в 2001 г.) идентичности; 3) утверждение европейской идентичности (в 1999 – 2005 гг.); 4) возрастание престижности национальной и гражданской идентичности (в 2001 – 2005 гг.); 5) трансформации общеславянской идентичности (в 1999 – 2004 гг.); 6) укрепление региональной идентичности (в 2006 – 2009 гг.); 7) синхронизацию подъемов и спадов в развитии национальной и европейской идентичности (2004 – 2011 гг.). Проведенное исследование показало, что запрос на европейскость является очень сильным в украинском обществе, хотя наличие в украинских СМИ проевропейской риторики сочетается с полным отсутствием взвешенной политики национальной идентичности в Украине.

Проведенные исследования показали, что смысловое поле идентификационных матриц двух групп респондентов существенно отличается: для представителей **группы «В»** (респонденты с развитой европейской и национальной идентичностью) характерна более конструктивная иерархия жизненных смыслов (у них доминируют экзистенциальные и самореализационные смыслы) и высший уровень патриотизма, чем для представителей **группы «Н»** (респонденты с низким уровнем европейской и национальной

идентичностью), у которых доминируют гедонистические и статусные смыслы. Основным фактором, по которому эти две группы наиболее кардинально отличаются друг от друга, является фактор информационно-психологической безопасности: представители группы «В» ищут и используют необходимую им информацию, пользуясь разными источниками, а представители группы «Н» черпают необходимую им информацию преимущественно из тех СМИ, которые систематически нарушают информационно-психологическую безопасность граждан Украины.

Поскольку в рамках названных научных проектов в 2000 – 2011 гг. мы отслеживали конструктивное и деструктивное влияние украинских СМИ на формирование коллективной идентичности граждан Украины, то это исследование показало, что целая группа FM-радиостанций и телеканалов целенаправленно деформирует гуманистические и демократические представления граждан, популяризируют тоталитарную идеологию, ксенофобию и фашизм, что не способствует формированию национальной и европейской идентичности граждан Украины.

Можно привести хотя бы несколько примеров (из этических соображений названия двух государств СНГ будут заменены на символы «Nc» и «Nb»), этнонимы нескольких известных народов будут заменены на символы «NN», а прилагательные, которые сформировались на базе данных этнонимов, будут заменены на символ «NNN»): «хитромудрые NN, ... пустые балаболки, ... всегда вам нужен пришлый свинопас!»; «Какого цвета NNN кровь?»; «NN – холера и чума любой страны!»; «Nc – несостоявшееся государство, а NN – недержавообразующий народ!»; «Nc разваливается на наших глазах»; «Nc будет неминуемо расчленена»; «Nc? Нет такой державы! Это незаконнорожденный ребенок»; «Nc без Nb вообще не существует»; «языки этих народов отличаются так, как отличается звучание одной балалайки и целого оркестра»; «Культура Nc пока что самонедостаточная культура»; «было видно NNN – тело, NNN – волосы»; «Мочить NN в Интернете – есть такая работа!»; «раньше их называли предателями, а сейчас их называют диаспора» и т.п.

Таким образом, негативные информационно-психологические воздействия способны глубоко деформировать не только морально-политический климат в обществе, индивидуальное, групповое и массовое сознание, но и коллективные идентификационные практики, внутреннюю структуру общих идентификационных матриц граждан Украины и их смысловое наполнение.

Деструктивное информационное давление негативно влияет, прежде всего, на респондентов с маргинальной и измененной этнической идентичностью. Локальные масштабы последствий использования «грязных» информационных технологий постепенно перерастают в глобальные – отчуждение граждан от своего государства, усиление миграционных настроений и т.п. Поэтому защита государством своего информационного пространства является делом стратегического значения.

**Далгатов М.М., Гаджимурадова З.М.,
Гаджимурадова Ж.Т. (г. Махачкала)**

ЭТНИЧЕСКАЯ И ОБЩЕРОССИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В МОЛОДЕЖНОМ САМОСОЗНАНИИ КОРЕННЫХ ЭТНОСОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Психологические факторы формирования дезадаптивного поведения личности в условиях социальной нестабильности региона»), проект № 11-06-00811а

Проблема идентичностей, возникшая в ответ на социально-политические вызовы середины XX века, приобрела особую актуальность в XXI веке. Глобализационные процессы Нового времени стали причиной гипертрофирования идентификации личности [1.С.3–4].

При этом важно подчеркнуть, что вновь возникающие позитивные идентичности для общества не опасны, угрозы исходят от гипертрофирования этнической (этноцентризм, этнодоминирование, этнофанатизм, этнонигилизм, амбивалентность и др.), религиозной и других идентичностей.

В норме этническая идентификация – это форма эмоционального или иного отождествления человека с другими членами этноса, которая обеспечивает единство в сфере ценностных ориентаций, норм, мотивов, обычаев, традиций. Она выступает как механизм социализации межличностного общения внутри своего этноса и предопределяет согласованность и ритмичность действий членов этноса на сознательном и бессознательном уровнях [4].

В начале XXI века, когда актуальная опасность выхода российских территорий из состава государства миновала, и

сепаратизм в целом по стране (не считая некоторых районов Северного Кавказа) не грозит, встали новые проблемы – борьба с проявлением терроризма, с ростом ксенофобий и экстремизма. В этих условиях стали востребованными гражданская идентичность, гражданское сознание и поведение.

Гражданское самосознание – это осознание личностью представлений о себе самом (в связи со своими правами и обязанностями перед государством), о своей социальной роли в деле защиты укрепления, развития и процветания государства и общества [2.С.91]. Его формирование связано с комплексом социально-психологических предпосылок в обществе, заменой исторически сложившихся представлений у громадного большинства населения, переориентацией его с патерналистских настроений на деятельностную самоорганизацию, солидаризацию вокруг ответственности за свою судьбу и жизнь окружающих.

Одним из самых сложных в политическом и социально-психологическом отношениях регионов России является Северный Кавказ, где наблюдается переплетение общероссийских и всемирных тенденций с национальной спецификой. Кавказский регион сегодня является «зоной жизненных интересов» и ареной соперничества мировых геополитических конкурентов России (США, Турция, нефтедобывающие страны арабского Востока) из-за добычи и разработки газа и нефти в бассейне Каспийского моря. Рассмотрение особенностей идентичностей коренных народов такого стратегически важного для безопасности России региона как Северный Кавказ актуальная для науки и Российского государства проблема.

Нами было проведено специальное исследование этнической и гражданской идентичностей в самосознании дагестанцев и чеченцев как представителей коренных, тесно контактирующих этносов Северного Кавказа. Всего было исследовано 500 человек этнических дагестанцев и 100 человек чеченцев из числа студенческой молодежи, выходцев из традиционных семей, живущих в Дагестане и в Чечне – в возрасте от 18 до 25 лет. Исследование проводилось с 2008 по 2011 год в различных вузах городов (Буйнакск, Грозный, Махачкала, Хасавюрт) Дагестана и Чечни. Научный инструментарий – этнопсихологический опросник.

Поскольку в проведенных нами исследованиях в количественных измерениях фиксировались государственное и этническое самосознание, мы акцентировали основное внимание на их иерархическом соотношении. При этом подчеркиваем, что,

говоря о государственном и гражданском самосознании, мы солидаризируемся с мнением Л.М. Дробижевой о том, что в наших российских условиях они «... в чем – то перекрещиваются, особенно в условиях «демократического перехода» [3. С.11 – 29].

В ходе исследования для выявления обыденного повседневного восприятия этнической идентичности на поведенческом уровне мы использовали ряд вопросов типа: «*Кто Вы по национальности? Кем Вы себя ощущаете?*», «*Когда Вы узнали, что являетесь представителем определенной нации?*» и др.

Исследования показали, что самое высокое обоснование внутриэтнической идентичности делается через *этноним (98%)*, через значимость *языка (74%)*, *религии (74%)* и *обычаев (60%)* для культуры народа. Эти этноинтегрирующие факторы говорят о высоком уровне внутриэтнической самоидентификации и консолидации.

Отмечаем у этнофоров высокие индексы знания родного языка, общения на родном языке, стремление к соблюдению своих традиционных праздников и обрядовой жизни своей общности.

Выявлено, что самосознание дагестанской и чеченской молодежи, в условиях традиций и религии Дагестана и Чечни, остается преимущественно фиксированным на ценностях, связанных со своей исконной культурой.

Это происходит потому, что в условиях полиэтничного, поликонфессионального Северного Кавказа каждый отдельный этнос стремится сохранить свою самобытность, а каждая отдельная личность через знание своих этнических корней стремится очертить уникальные границы своего Я. И народы Дагестана, и чеченцы целенаправленно сохраняют свою идентичность и естественно обособляются от всех других этносов по типу константы «Мы» и «Они». Этот латентный, полезный уровень межэтнической напряженности способствует самосохранению этносов. Однако в периоды исторических катаклизмов естественное обособление может перейти в ярко выраженную антитезу «Мы – Они» и вызвать отчуждение и межэтнические конфликты [4].

В ходе исследования мы также использовали методику выбора общностей для идентификации. При этом частота выбора «мы – идентификации» служила основанием для суждений о включенности исследуемых нами девушек и юношей в данный тип общности.

Исследование категоризации общероссийской государственной идентичности на социально-психологическом уровне показали, что,

для 60% исследованных нами дагестанских девушек и юношей Родиной является в первую очередь *Дагестан*, а для 44% – *и/или Россия*; 28% называют *село (аул)*, в котором они родились и 6% считают Родиной *планету Земля* или же *всю Вселенную*. Отмечаем совпадение общероссийской и общедагестанской идентичностей у 52,8% этнофоров.

Здесь подтверждается *гипотеза о сложной иерархической структуре самосознания у этнических дагестанцев, которая строится на основе разноуровневых идентификаций*. Исследования показали, что в привычной обстановке «*общедагестанская*» и «*общероссийская*» идентичности занимают последовательно: первую и/или вторую ступени, а значение «*родного села или родного города*» редуцируется, что говорит о тенденции выхода самосознания молодежи на более широкий (*рациональный*) уровень.

Для чеченцев одинаково важны *этническая* (92% от N=100) и этнорегиональная (51,2% от N=100) идентичности в обычной обстановке. *Общегражданская идентичность* выражена минимально (7% от N=100).

При выезде за границу 68,4% исследованных нами *дагестанцев* и 25, 7% *чеченцев* ответили бы, что они родом *из России*; 42,2% *дагестанцев* назвали бы и/или *Дагестан*, а 61,2% *чеченцев* – назвали бы и/или *Чечню*; 2% *дагестанцев* и 92,4% *чеченцев* категорично и обязательно назвали бы свою национальность и 2% *дагестанцев* – *Кавказ*.

Очевидно, для дагестанской молодёжи чувство сопричастности к большому сообществу в условиях измененной социальной ситуации облегчает социальное самочувствие. Известно, что в ситуациях социальной напряженности, социальной фрустрации и конфликтов актуализируются те особенности самосознания и качества личности, которые закрепились в процессе исторического развития этноса как наиболее адаптивные способы социального реагирования и сохранения личной безопасности его членов.

Для исследованных нами чеченцев в любой социальной ситуации чрезвычайно важны этническая и родовая идентичности и минимально значимы любые другие, в том числе и общегражданская.

Исследование, проведенное посредством ранжирования списка идентификационных признаков [5], позволило выявить

доминирующую идентичность в самосознании дагестанской и чеченской молодежи.

65% (от N=500) дагестанской молодёжи в первую очередь ощущают себя мусульманами, а 31% – гражданами России; во вторую очередь – 76% молодёжи ощущают себя дагестанцами и представителями своего этноса (аварцы, даргинцы, лакцы и т.д.) в равной степени, в третью очередь (44%) – гражданами России, и в последнюю – кавказцами и жителями планеты Земля.

У чеченской молодёжи, в первую очередь, выявлена высокая приверженность (73,5% от N=100) к религиозной (Я – мусульманин), во-вторых, – к этнической (Я – чеченец) идентичностям (61,7% от N=100). На третьей и четвертой позиции в рейтинге предпочтений стоят внутрисельская (Я – житель своего села) идентичность (26,4%) и общекавказская (Я – кавказец) идентичность (22,2%); пятую и шестую позиции разделяют общегражданская (Я – гражданин России) и общепланетарная (Я – человек планеты Земли) идентичности.

Как видим, в рейтинге предпочтений приоритетными для чеченской и дагестанской молодежи являются религиозная и этническая и отдельно у чеченцев – этнорегиональная (внутриреспубликанская – родовая) идентичность. Общегражданская идентичность у дагестанцев выражена более чётко. Высокая ориентация дагестанцев на Россию не случайна. Она развивалась в течение двухсот лет, со времени воссоединения России и Дагестана в 1860 г.

Для этнических дагестанцев понятия «большая Родина» и «малая Родина» неразделимы, и в зависимости от социальной ситуации они меняются в иерархии самосознания местами. Так, во времена августовских событий 1999 г., когда бандформирования напали со стороны Чечни на Дагестан с целью установления исламского государства и отделения республики от России, дагестанские добровольцы бок о бок с русскими бойцами защищали российскую государственность, показав, что в экстремальной ситуации у дагестанцев доминирует общероссийская (общегражданская) ментальность.

Между тем на прямо поставленный вопрос: «Ощущаете ли Вы себя гражданином России?», 80% (N=100) чеченцев ответили положительно; 14% дали негативный ответ и 6% сказали, что не задумывались. На этот же вопрос 90% дагестанцев ответили положительно; 5% дали негативный ответ и 4% не задумывались.

При этом на вопрос: «*Ощущаете ли Вы себя гражданином Дагестанской (Чеченской) республики?*» 92% дагестанцев ответили положительно и 8% дали другие ответы. Все 100% чеченской выборки ответили положительно.

Как видим, для молодежи в городах Республики Дагестан и Чечни приоритетны как общероссийское, так и республиканское гражданство. В действительности указанной поляризации (оппозиции) гражданских идентичностей не существует, так как основная часть молодежи считает себя одновременно и гражданами России, и одновременно гражданами своей республики. О масштабах этой совместимости и взаимной толерантности можно судить по тому, что одинаково важными признали для себя обе гражданственности – республиканскую и общероссийскую – 85% представителей молодежи Дагестана и Чечни. Тем не менее, остается 15% молодежи, для которой важна республиканская и неприемлема общероссийская идентичность.

Итак, этническая идентификация дагестанцев и чеченцев в современную эпоху кризисов и практики всеобщей интеграции, изменяясь под влиянием внешних условий, в то же время в значительной мере определяется традиционными этнокультурными факторами. При этом отмечаем *гиперпозитивную (этнофанатичную)* направленность чеченской молодежи к своей этничности.

Особенностью самосознания современных дагестанцев на фоне расширения идентичностей до масштаба общечеловеческих ценностей, является сохранение этнорегиональной, общedaгестанской, общероссийской идентичностей, а также возрождение родовых, джамаатских ориентаций и выраженной идентификации в этой сфере. Многоуровневая структура, состоящая из взаимосвязанных между собой идентификаций – от религиозной, этнической (родовой, джамаатской), межэтнической (я – дагестанец, кавказец) до общероссийской (я – россиянин) и – в настоящее время – общепланетарной (я – человек планеты Земля), составляет основную особенность самосознания современной дагестанской молодежи.

Структура и содержание самосознания чеченской молодежи обусловлены последствиями специфической социальной ситуации (войны, разруха, террор, преступность, конфликты, безработица и др.), в которой пребывало население Чечни в течение двадцати лет.

В иерархии структуры самосознания чеченцев и в первую, и во вторую очередь осуществляются *идентификации со своей*

религией и со своим этносом, в третью – с местом рождения и жительства, а затем уже с этносами, проживающими в едином геоисторическом пространстве (Северный Кавказ) и только в пятую очередь с Россией.

Превалирование этнорелигиозных и этнолокальных идентичностей над общегражданской говорит о наличии латентной напряженности самосознания чеченцев, которая влечет за собой *внутриэтническое капсулирование* (фиксация на своем этносе), присущее всем этносам, находящимся в состоянии явной или иллюзорной тревоги за свою безопасность. Очевидно, в периоды социальной напряженности на смену приходят наиболее древние и стабильные, шаблонные и упрощенные стереотипы структурирования мира – этническая и религиозная. Они становятся механизмами защиты этноса и каждой отдельной личности в него входящей.

Выявленные идентичности являются для дагестанцев и чеченцев ведущими в данный момент времени и определяют значимые параметры сравнения собственной группы с другими и направленность межэтнического взаимодействия.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что при формировании общегражданской идентичности значимы не только принадлежность к определенному государству, но, прежде всего, комфорт и доверие граждан, живущих в пределах одного государства, выполнение взаимных обязательств. Для дагестанцев и чеченцев понятие «*Я – россиянин*» вкладывается в самосознание как политическая реальность и как социальные интересы. Отношение к такому сообществу, как «россияне», можно рассматривать как гражданскую идентичность, прежде всего потому, что эта более широкая общность в многонациональном государстве позволяет подняться над узкоэтническими интересами. Для того, чтобы произошло совмещение государственной и этнической идентичности, государство должно выстроить систему отношений, основанную на взаимопонимании. Чтобы общероссийская идентичность стала привлекательной для других народов России, ее ценности, символы, представления, ассоциирующиеся с российскостью, должны соответствовать также и их интересам и ценностям.

Литература

1. Гаджимурадова З.М. Этническое самосознание личности в эпоху интенсификации интеграционных процессов (на материале

- исследования народов Дагестана). Дисс. ... док.психол.н. – М., 2008.
2. Губолго М.Н. Формирование гражданской идентичности (опыт молодежи России) //Этнографическое обозрение.1998. – №6. – С.91.
  3. Дробижеева Л.М. Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность//Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России/Отв.ред.В.С. Магун. М., 2006. С.11-29.
  4. Мухина В.С. Личность: Мифы и Реальность. – М.: Прометей, 2010. – 1088с.

Глинская Л.Ф. (*г. Мелитополь, Украина*)

ИСЛАМО-ХРИСТИАНСКИЕ КОНФЛИКТЫ И ПРОЦЕСС ЕВРОИНТЕГРАЦИИ

Сегодня всё более острыми становятся дискуссии относительно преимуществ и рисков европейского выбора Украины и её адаптации к современным глобализационным процессам. Провозглашенная политическая ориентация на евроинтеграцию требует систематической оценки украинской перспективы, поскольку продвижение к членству в ЕС предполагает и расширение контактов с доминирующими на Европейском континенте церковными структурами, религиозными лидерами и конфессиями.

Но аналитики чаще затрагивают вопросы экономического, политического, социокультурного устройства интегрированного европейского пространства вместо новых проблем и кризисов его функционирования. Европейский мир демонстрирует противоречие в том, что есть слишком поляризованными: политическая, религиозная, социокультурная и экономическая дифференциация протестует против процессов глобальной унификации; противоречат идеалам интеграции антиномические ориентации стран, которые прошли этап одернизации, и тем, которые не адаптировались к требованиям новой эпохи.

Не сосредотачиваясь специально на анализе разнообразий европейского мира, рассмотрим один из важнейших, с точки зрения европейской безопасности и стабильности, аспектов, а именно проблему интеграции мусульман в европейское пространство и конфликтности христианско-мусульманской религиозной среды.

Геополитическая концепция европоцентризма, которая пропагандирует особый статус западноевропейских ценностей в мировом культурном процессе, обосновывает исключительность западноевропейской цивилизации и абсолютизирует закономерности собственной истории остается мощным научным и политическим дискурсом. Часть европейской политической элиты негативно настроены по отношению к исламским государствам боясь эскалации религиозно-политических и военных конфликтов на обустроенном, привычном европейском пространстве.

Свидетельствует ли это о конфликте цивилизаций – вопрос достаточно спорный, но обоюдная отчужденность резко растёт. Уже целая генерация выросла на ценностях агрессивного противостояния христианского евро-американского и мусульманского афро-азиатского мира, разделения на своих и чужих по конфессиональному признаку.

Подпитываясь информационным, психологическим и политическим давлением, целенаправленным воспитанием, влиянием социальных институтов и нетолерантной среды, конфессиональные фобии могут сформировать ненависть к иной цивилизации на уровне генетической памяти.

Такое религиозное противостояние и столкновение двух мировых религий может вовлечь в орбиту междурелигиозной вражды большое количество верующих, народов, стран. Исламо-христианские конфликты представляют собой не просто разнообразие религиозных конфликтов, которые сопровождали всю историю человечества и будут оказывать деструктивное влияние на будущее, а становятся внешним идейным выражением конкуренции цивилизаций, каждая из которых претендует на лидерство в мировом сообществе. Это противостояние не только двух религиозных мировоззрений, идеологий, ценностных систем, а двух образов жизни, двух социальных макросистем во всей совокупности их экономических, политических, гендерных, национальных и правовых отношений.

Христианство и ислам провоцируют конфликтную среду, находясь на разных стадиях своего исторического развития. Так, европейское христианство подвергалось серьезным кризисным явлениям, которые затронули самые разные сферы его функционирования – от расшатывания мировоззрения основ, трансформаций современного религиозного сознания к сложностям кадровой политики.

Исламский мир, наоборот, свободный от кризисных явлений такого масштаба, переживает стадию активного сращивания религии. Научно-техническая и информационная революция, технологический

прогресс, что радикально изменили европейскую цивилизацию и упростили христианскую картину мира, мало затронули мусульманские страны и, соответственно, мировоззренческую основу ислама. Преобладающую часть мусульманского мира составляют страны, где ислам остаётся господствующей религией и глубоко внедрился в сознание, образ жизни и культуру. Секуляризационные тенденции затронули только локальные регионы исламского мира.

Политизированный государственный ислам расширяет сферу своего влияния, становится идеологической основой как для национальных элит, политических партий и организаций, так и для народных движений, наглядно демонстрируя многовекторность процессов «исламизации». Для европейских стран эта проблема приобретает особенное значение, взирая на отсутствие у многих генераций афро-азиатского региона исторического опыта религиозной свободы, конфессионального плюрализма, этнической и религиозной толерантности.

Исламо-христианские конфликты определяются не только количественными, но и качественными измерениями, к которым принадлежит и их длительность, и уровень угрозы для национальной безопасности и общественные последствия. Главное, что их определяет – чрезмерное сращивание религиозного и политического содержания, политизация религиозных различий и сакрализация политических противостояний. Вполне естественно, что у европейца, воспитанного в условиях политической и религиозной свободы, преимущественно вне-церковной и секулярной среды, политизированность ислама вызывает предостережение. Большой поток сообщений о физических столкновениях в «горячих» регионах планеты, распространение целенаправленной практики террора сетью организаций, которые откровенно позиционируют себя выразителями исламских идей, приводит к искажению ценностей мусульманской культуры и гуманистического содержания этики ислама в массовом сознании европейцев. В условиях информационного общества искажённый образ этой религии стимулирует возникновение и распространение ксенофобий, что становится дополнительной причиной международной напряжённости.

Такие религиозные конфликты нельзя разрешить путём правовой или идеологической победы одной из сторон. Любые ущемления, или даже оправданные с точки зрения национальной безопасности правовые ограничения представителей мусульманской общности способны не только вызывать волны возмущения единоверцев во всём мире, но и создать

потенциальную угрозу национальной стабильности и безопасности. Поэтому урегулирование исламо-христианских конфликтов только правовыми методами невозможно, а требует создание специальной стратегии, комплекса политических, экономических, национальных мероприятий, большой просветительской и культурнической работы. Таким образом, способность европейских стран к достижению длительного консенсуса в междуконфессиональных отношениях, интегрирование мусульманского населения в европейское сообщество, становится в современных условиях показателем жизнеспособности и безопасности Евросоюза в целом. В условиях эскалации религиозных конфликтов, мера толерантности и цивилизованности устройства конфессиональной сферы может стать значимым критерием членства в ЕС для стран-кандидатов. В этом контексте украинские реалии слишком далёкие от желаемых и допустимых для Европы.

Несмотря на попытки найти оптимальную модель государственно-церковных отношений, внедрить принципы толерантного сосуществования, согласовать национальные интересы с интересами полноценного функционирования вероучений, которые востребованы обществом, поликонфессиональность в Украине остаётся источником постоянной напряжённости. Если донедавна развитие религиозной сферы в Украине было обусловлено в основном коллизиями между христианскими конфессиями, то сегодня существует угроза дестабилизации христиано-мусульманских отношений, распространение идей мусульманского радикализма в Крыму.

К счастью, усиленные попытки заложить в сознание простого крымского обывателя искажённые детали сути исламской системы, придать исламу радикальную и агрессивную сущность, связать его с экстремизмом и терроризмом, пока не приводит к ожидаемым результатам. Крымское сообщество, исторически проживающее в поликонфессиональных условиях, проявляет пока генетическую невосприимчивость к надуманным исламским «страшилкам», которыми пытаются запугать их заказчики крымских и зарубежных средств массовой информации.

Можно утверждать, что сегодня в Украине создалась исторически уникальная ситуация, когда разнообразные конфессии, среди которых и мусульманские, получили немало возможностей для своего утверждения. Никогда за все исторические часы церковные и религиозные структуры не знали такой меры свободы и правовых гарантий и не находились в обстоятельствах, когда религиозная жизнь определяется не государственной доктриной, а процессами

взаимотолеризования религиозных групп. Возможно, это обстоятельство даёт Украине исключительный шанс создать со временем собственную модель религиозно-толерантного государства способного выступать посредником между христианским и исламским миром, и кардинально изменить всю генконфессиональную ситуацию.

Литература

1. Кирюшко Н.И. Мусульмане в украинском обществе: социологическое исследование.- К.: Ансар Фаундешн, 2005.
2. Рустамов А. Социальная доктрина ислама// Українське релігієзнавство.- № 3-4.- К., 2004.

Грабовская И.Н. (*г. Киев, Украина*)

ГЕНДЕРНЫЙ КОНФЛИКТ В КОНТЕКСТЕ РЕЛИГИОЗНОЙ СИТУАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЕ

Одной из актуальных проблем как современного глобализированного мира, так и конкретных социумов, в частности, переходных, к которым принадлежит и современное украинское общество, является проблема толерантности и личностной безопасности. Современный дискурс, особенно посттоталитарный, не может обойти эту проблематику как наиболее практически значимую.

При изучении проблем толерантности и безопасности, в том числе и психологической, в постсоветских обществах возникает потребность глубокого анализа реальной ситуации, которая обуславливает степень и специфику проявления толерантного межличностного и группового взаимодействия в данном социуме. Конфликты, которые возникают в постсоветских странах, вызваны радикальными изменениями в различных сферах жизни общества (политическая система, экономика, система ценностей, межконфессиональные отношения и т.д.), его транзитивным характером. Возникают вопросы: возможно ли разрешить эти конфликты переходных социумов, базируясь на плюрализме ценностей, толерантности и равенстве? Как относятся политические режимы в постсоветских странах к религиозным, этническим, национальным, гендерным, сексуальным, языковым и т.д. меньшинствам? Смогут ли несовершенные демократические структуры обеспечить эффективную защиту таких меньшинств? Эти

проблемы в постсоветских странах реально решаются не только в правовом поле, а и на уровне специфики психологии и ценностных ориентаций конкретного общества.

Дело в том, что общество бывшей колонии, в отличие от метрополии, имеет свои специфические способы исторического самосохранения и выживания. Одним из главных заданий в этом плане является работа по сохранению традиционных этнических и национальных ценностей, и в значительной степени консервация этнической и национальной культурной традиции, которая тесно связана с религиозной жизнью общности. Фактически речь идет о процессе, названном С. Вейль «укоренением». При этом из-за искусственно культивированной консервации народной традиции происходит определенное несовпадение реальной повседневной практики жизнедеятельности общества с его идеологическими, религиозными и т.д. установками.

Рассматривая под этим углом зрения ситуацию в украинском обществе, в том числе существующие религиозные практики, нетрудно заметить, что действительность, например, в гендерных и сексуальных отношениях, в значительной мере не отвечает установкам, провозглашенным определенной категорией интеллектуальной элиты, имеющей моральный авторитет в обществе. Прежде всего это относится к традиционно настроенной интеллигенции и новообращенным верующим. Вследствие подобных ситуаций иногда возникают абсурдные моменты, когда, например, женщина-депутат Верховной Рады активно пропагандирует патриархальную и патриархатную семью, основанную на таких православных ценностях как «берегинство» и положение домохозяйки как высший идеал для украинской женщины, находясь при этом на вершине социальной и властной лестницы, не чувствуя при этом психологического дискомфорта. И это при том, что социологические исследования говорят о втором этапе сексуальной революции в Украине.

Большинство современных аналитиков утверждают, что украинское общество сегодня переживает религиозный ренессанс. Независимо от того, к какой конфессии причисляет себя верующий, в каждом религиозном учении он встречает открытую вражду как к гомосексуализму, так и к эмансипированной женщине. Это порождает конкретные настроения в обществе. Недооценка данного фактора может привести к серьезному общественному конфликту, катализатором для которого может быть сопротивление, например, введению закона об однополых браках.

Нужно учитывать и тот факт, что в современной Украине большое количество граждан открыло для себя церковь. Как любой неофит, такой человек особенно остро реагирует на явления, осуждаемые Библией. Это еще одна из причин, почему современное украинское общество обходит молчанием тему узаконивания ЛГБТ в соответствии с принципами соблюдения прав человека. К тому же, на правовом уровне гомосексуалисты имеют в Украине все права, кроме права вступления в законный брак. В остальном они также защищены законом, как любой гражданин. И это уже реальное достижение, учитывая тот факт, что в Советском Союзе, наследие которого достаточно сильно и сейчас чувствуется в нашей жизни, гомосексуализм преследовался по закону с 1934 г., когда была введена криминальная ответственность за практикование гомосексуальных отношений, и до времени, когда в независимой Украине в 1991 г. был упразднен этот закон. То есть, 67 лет советской истории гомосексуалы были преступниками по закону и патологией в массовом сознании. Общество с этим жило, не говоря уже о всей предыдущей православной истории, о чем шла речь выше.

Украинское общество не выработало альтернативного взгляда на данную проблему, в отличие от западного. Поэтому, поддерживая политику расширения прав человека и соглашаясь с необходимостью ее усовершенствования, а также соглашаясь с теоретическими доказательствами необходимости утверждения прав человека в полном объеме, исходить все же приходится из конкретной общественной психологической ситуации и разумного консерватизма, не создавая искусственных очагов конфликтности и не подталкивая тем самым украинское общество к проявлению нетолерантного отношения к Другому, в данном случае – к сексуальным меньшинствам.

В кризисные моменты истории общности возникает специфическая проблема «матернализма» - утверждение особенного статуса и значения женщины-матери в репродуцировании физического тела нации. Подобные проблемы актуальны для всех социумов с демографическими проблемами, к которым принадлежит и современная Украина. Для нее демографические проблемы являются одними из наиболее сложных, и гомосексуализм, а вместе с ним почему-то и феминизм (хотя феминистки никому не запрещают рожать и рождаться!), рассматривается как прямая угроза среди факторов-угроз самому физическому существованию украинской нации. Как доказывают

современные исследования по психологии гомосексуальности, взгляд на нее как на репродукционную угрозу для нации ошибочен. Однако, здесь срабатывают устоявшиеся общественные стереотипы, которые тяжело преодолеть. Нужно также иметь ввиду опыт минувшей истории украинского народа, в частности, ориентацию на доминантные типы маскулинности, чтобы понять активное неприятие массовым сознанием альтернативных форм маскулинности. Большинство, особенно молодых женщин, считает, что гомосексуальные браки и гомосексуализм в целом мешают созданию нормальных гетеросексуальных семей и напрямую представляют угрозу «нормальной» семье как социальному институту, создавая конкуренцию для женщин относительно мужчин как брачных партнеров. Это заблуждение не так легко искоренить.

Сегодня в цивилизованном мире изменяются теоретические подходы к пониманию сущности гендерного мейнстриминга. Если говорить о реальности протекания такого процесса переориентации гендерной политики относительно современного украинского общества, то сама идея предложить сегодня обществу такой проект для широкого обсуждения угрожает созданием достаточно серьезного прецедента для возникновения конфликтной ситуации в социальной среде. Она может создать достаточно серьезные психологические угрозы для личности с определенной гендерной ориентацией.

Для украинцев, безусловно, более актуальной является проблема достижения реального равенства между мужчинами и женщинами, нежели защита прав сексменьшинств. Украинская женщина всегда была относительно свободна. Женская половина населения или хотя бы часть его имела право на определенную долю частной собственности, которая обеспечивала женщине некоторый уровень свободы в социуме. Ярчайшим примером является феномен материзны (надела земли, который передавался по женской линии от матери к дочери). В частности, это явление позволило исследователям квалифицировать украинское общество как толерантно настроенное и комплиментарное к женщине исторически. Очевидно, благодаря и подобным практикам, сегодня достаточно легко можно убедить украинское общество вести диалог по поводу реализации принципов равноправия и равенства между женщинами и мужчинами, несмотря на существование достаточного количества противников изменения традиционных ролей «женщины-берегини» и «мужчины – кормильца семьи», к

которым принадлежат как мужчины, так и женщины. Но это утверждение, к сожалению, не касается религиозно настроенных людей.

Признавая реальные гендерные проблемы украинского социума, считаем, что его сегодня можно все же квалифицировать как в основном толерантное и безопасное на том основании, что за все постсоветские годы его существования мы не имеем примеров этнических конфликтов и открытого противостояния на национальной почве. А это главная сфера серьезных конфликтов в постсоветской среде. Гендерные же проблемы пока что массовым сознанием вытеснены на маргиналы, не в последнюю очередь из-за позиции действующих церквей. Поэтому они не могут сегодня рассматриваться как источник тяжелого общественного конфликта.

Дрынкина Т.И. (г. Санкт-Петербург)

СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Казалось бы, что по мере модернизации, вопрос о психологической безопасности должен сойти на «нет». Экономическая, и во многом политическая, модернизация состоялись, но попытки ускоренной ценностной модернизации и глобализация неизбежно привели к культурному конфликту, который продолжает усугубляться, угрожая, в свою очередь, психологической безопасности. Период «Второго модерна» (У. Бек) характеризуется следующим: экономика и политика во всех модернизирующихся странах приобретает универсально-западный вид, а культура остается самобытной, меняет природу общественной безопасности и ценностные приоритеты, трансформирует индивидуальные и коллективные аспекты человеческого опыта, закрепленного в самосознании.

В социальных и социально-психологических науках *психологическая безопасность* рассматривается как результат множества взаимосвязанных ситуационных и субъективных влияний, формирующихся и на индивидуальном уровне, и на различных уровнях социальной организации общества. Традиционно под психологической безопасностью понимают наличие и сохранение в настоящем и будущем условий, оптимальных для жизни человека,

его деятельности и развития. «Психологическая безопасность в широком смысле слова означает осознанное, рефлексивное и действенное отношение человека к условиям жизни как обеспечивающим его душевное равновесие и развитие» (Еремеев А.Б.). В структурном аспекте феномен психологической безопасности представляет собой сложное интегральное образование, включающее эмоциональные, мотивационные, поведенческие и соматические компоненты, которые, образуя симптомокомплексы, объединяются, в конечном итоге, в базовые подструктуры. Структура психологической безопасности представляет собой динамичное образование, что означает, что ее количественный и качественный состав определяется содержанием рядом факторов, которые, по мнению специалистов, и определяют популяционную и индивидуальную психологическую безопасность. В последнее время психологическая безопасность чаще употребляется в связи с проблемами религии, культуры, экономики, политики и морали.

Механизм формирования психологической безопасности, включает как характеристики общего контекста страны или определенной территориальной общности людей (экономические, социальные, культурные), так и индивидуальные предикторы, связанные с принадлежностью человека к определенной социально-структурной группе. Исходя из вышеизложенного положения о многоуровневых факторах, формирующих феномен психологической безопасности, необходимо рассматривать этот вопрос в контекст культурно-исторических, социально-экономических и политических изменений в обществе; соответственно, в данной работе будет обращено внимание на ее социальный, объективный аспект – макроуровень – основными факторами которого являются общество и государство.

Наряду с универсальными социальными характеристиками, значимыми для психологической безопасности, включающий значительный набор общественных факторов, существуют и специфические характеристики конкретного общества и государства, которые отражают множество структурных, культурных и функциональных аспектов социальной системы.

Многие факты говорят о том, что в Российском обществе в основе психологической безопасности лежат политические, социальные, экономические и иные интересы, а также «социальная дистанция», соответственно, угрозы психологической опасности с

большой вероятностью возникают в межкультурных, управленческих, межконфессиональных отношениях.

А.С. Ахизьер считает, что главной особенностью современного российского общества является глубокий социальный, культурный, идейно-политический раскол по отношению к основным направлениям и целям развития, который определяет весь путь его развития. Сущность социокультурного раскола с точки зрения автора заключается в том, что всякое различие в обществе может в определенной степени превратиться в непреодолимое противоречие, с которым общество соглашается. Раскол проявляется в том, что активизация ценностей в одной части общества вызывает активизацию ценностей в другой группе. Раскол обуславливает отсутствие цивилизационного единства, смешение, переплетение противоречивых, часто взаимоисключающих ориентаций. Он пронизывает общество, раздирает страну по классам, слоям, конфессиям и субкультурам. Следствие всего этого становится отсутствие устойчивого равновесия, метание из крайности в крайность, что угрожает тем самым психологической безопасности каждого россиянина.

Соседствуя с разными странами, и отличаясь полиэтничностью, Россия воплощает различные культурные начала, являясь открытой. Мы стали свидетелями того, что эпоха постмодерна принесла, наряду с массовыми миграционными процессами в мире, и оживление деятельности активистов различных локальных, региональных, этнокультурных и этноконфессиональных групп. Глобальные сети, Интернет, массовая культура пока еще не способны унифицировать культурное пространство и привить человечеству единую систему ценностей и стандартов. Обратной стороной этой открытости является хрупкость и проблематичность норм, готовность их менять на противоположные. В широкой российской душе уживаются противоположные нормативно-ценностные ориентации (порядок-невыносимость порядка, государство – стремление бежать от него).

Другой особенностью российского общества является проблема социальной дистанции, которая препятствует не только позитивным социальным взаимоотношениям людей различных идеологических взглядов, но и нарушает психологическую безопасность. Усугубляющее социальное расслоение, демонстрация богатства, которое вызывает неприятие всюду, является сильнораздражающим фактором способствующим увеличению

социальной дистанции и продуцирует чувства зависти, неприязни и агрессии. Последствия культурного конфликта в России – особенно сильно, вследствие огромной социокультурной дистанции между городом и селом, не говоря уже об этнокультурных дистанциях между отдельными российскими народами. Наиболее наглядно это проявляется, конечно, в отношении к «чужакам» иного этнического происхождения и вероисповедания. Так же, как и социальное расслоение, культурный конфликт приводит к формированию латентных микроконфликтов на межличностном и межгрупповом уровне.

Одним из принципиальных условий для поддержания психологической безопасности населения признается также и степень ориентированности государственной политики на достижение социальных целей; в свою очередь, недоступность социальных услуг является одним из факторов, ухудшающих уровень психологической безопасности. Главным следствием низких доходов и низкого уровня жизни, для большинства российских людей становится недоступность социальных благ в сфере медицины, поскольку услуги в них быстро коммерциализируются. Особенно сильно социальное неравенство в сфере здравоохранения проявляется в сельской местности, что усугубляется не только их дороговизной, территориальной удаленностью, но и элементарным отсутствием медицинских учреждений и персонала, неразвитостью инфраструктуры. Тотальная коммерциализация в сфере здравоохранения значительно снижает возможности малообеспеченных групп населения получать их в полном объеме; дорогостоящие лекарства, стоматология и оперативная хирургия становятся для них просто недоступными. Все это серьезно сказывается на психологическую безопасность малообеспеченных групп. Качественное ухудшение человеческого капитала, вызывает депривации, стрессы, различные девиации.

Кроме вышперечисленного наиболее сильными предикторами самооценки психологической безопасности являются возраст, статус занятости и такие показатели социально-экономического положения человека, как образование и доход.

И в заключение, несколько слов об основном факторе микроуровня, – семье – как базовом элементе первичного социального формирования субъективного психологической безопасности. По данным отечественных исследователей, очевидна позитивная роль семьи в формировании субъективного ощущения психологической безопасности индивида: лица, находящиеся в

браке (официальном или гражданском), субъективно ощущают более защищенными, нежели те, кто пережил утрату супруга и/или развод.

Будем надеяться, что в современной России исследования, построенные по принципу многоуровневого анализа в оценке комплексного влияния индивидуальных и контекстуальных факторов на психологическую безопасность будут иметь дальнейшее продолжение.

Закарьяева Б.А. (г. Махачкала)

СОЦИАЛЬНО-НОРМАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО В САМОСОЗНАНИИ СОВРЕМЕННОЙ ДАГЕСТАНСКОЙ МОЛОДЕЖИ

В XXI веке в мировом сообществе либеральное сознание современных мыслителей-политологов, историков, социологов и других представителей наук, заинтересованных в проведении будущего, в число основных понятий, наряду с понятиями «демократия» и «права человека», ввело понятие «безопасность».

Сегодня общественное сознание расширило содержание «безопасности» и пользуется такими понятиями, как «человеческая безопасность», «национальная безопасность», и многими другими. Человеческая безопасность – единство природных и социальных условий существования, обеспечивающих человеку достойную жизнь: благосостояние, свободу и развитие личности.

В условиях глобализации общества, становится актуальной проблема исследования социально-нормативного пространства в самосознании современной молодежи. Социально-нормативное пространство включает всю материальную и духовную сторону человеческого бытия наряду с общением, человеческими деятельностями и системой прав и обязанностей [1.С 140]. Оно определяет организацию поведения человека, а также его образ мыслей и мотивов. Человек будет чувствовать себя достаточно защищенным в условиях реальности социально-нормативного пространства лишь в том случае, если он примет за основу своего бытия существующую систему обязанностей и прав.

Как у социального существа, у человека сформировалось в его историческом развитии могущественное чувство – регулятор его

социального поведения, оно резюмируется в коротком, но могущественном слове «должен». Социальное качество человека – чувство долга – формировалось в процессе построения идеалов и реализации социального контроля. В индивидуальном сознании людей они выступают в чувстве, называемом совестью, и определяют поведение человека в обыденной жизни [6, С. 181– 220].

Человечество при создании и освоении реальности социального пространства всегда стремилось создать нравственный идеал – представление о всеобщей норме, образце человеческого поведения и отношений между людьми. Нравственный идеал ориентирован на большое число внешних составляющих: законы, конституцию, обязанности, правила общежития в семье, в общественных местах и многое другое. В то же время нравственный идеал имеет у каждого отдельного человека индивидуальную направленность.

Реальность социально-нормативного пространства определяет организующее поведение человека, его образ мыслей и мотивов. На протяжении истории возникают варьирующие ценностные ориентации, идеологии, мифы, которые то выступают по отношению друг к другу как противоборствующие, то сливаются друг с другом, творя новые значения и смыслы.

В сфере индивидуальных символов человека необходима некая система, позволяющая его сознанию, чувствам и нравственности обладать определенной константой, способствующей сохранению чувства личности, целостности его «Я». Константой, ориентирующей самосознание «Я» каждого человека, может быть идеология, религия, система ценностных ориентаций, мифология. Но в современном мире все меняется – это обстоятельство порождает маргинальное сознание.

Реальность социально-нормативного пространства – весь нерасторжимый комплекс знаковых систем, предметного мира, а также человеческих отношений и ценностей. Именно в эту реальность как условие, определяющего индивидуальное развитие и индивидуальную человеческую судьбу входит каждый человек с момента своего рождения.

Безусловно, не каждый человек готов жить в рамках поля общественного сознания, постоянно соотнося свои поступки с социальными ожиданиями. Людей, которые живут не по законам общества, не по принятым на себя позициям ответственности и чести, а по тенденциям стихийно возникающих побуждений, было

достаточно во все времена и во всех социальных устройствах общества.

Живая жизнь человечества в его истории, сегодняшнем дне и будущем – определяет как развитие самих реальностей предметного мира, образно-знаковых систем, природы, так и развитие рефлексий на них самого человека, который постигает сущностные особенности социально-нормативного пространства через разнообразные способы присущей ему активности.

Социально-нормативное пространство сопряжено с идеологическим полем общественного сознания, в перипетиях его развития во все исторические периоды. Это продукт исторического развития человечества, особая форма существования человеческой сущности, особые условия движения человека к себе как личности.

Нами специально было проведено исследование правового самосознания дагестанской студенческой молодежи в сентябре 2011 года. Всего было исследовано 200 человек из числа студентов математического и географического факультетов Дагестанского Государственного Педагогического Университета.

Инструментарий – опросник «Отношение к праву» Н.Безносова(2004), состоящий из 48 вопросов.

Результаты психологического исследования выявили наиболее высокие, статистически значимые показатели (1009 баллов), определяющие уровень выраженности правового реализма как компонента общей структуры правового самосознания. Правовая толерантность (правовой реализм, как вид правового сознания) студенческой молодежи отражена в положительном отношении к праву, нормальном правосознании, связанном со знанием и позитивной оценкой законодательства, признанием права в качестве основного регулятора в обществе, лояльностью к правовой системе общества.

При этом, такие же высокие показатели (1008 баллов) молодежь проявила в отношении правовой интолерантности. Выявлен высокий уровень правового цинизма, то есть осознанное отрицание роли права в обществе, сознательное ношение его норм, вера в собственные силы и возможность перебороть общественные и правовые отношения, навязать свою волю окружающим, самим диктовать правила поведения, не подчинение нормам права, принятым в современном обществе, создание собственных правил.

Правовой конформизм, как признание власти правовой системы в обществе, бездумное подчинение законам, основанное на их незнании, отсутствие интереса к нормам права выражен не очень

отчетливо. В тоже время исследование показывает полное отсутствие правового скептицизма, правового фетишизма и правового инфантилизма.

Индексы выраженности правового нигилизма (15 баллов), как и правового идеализма (54 балла) статистически незначимы.

Таким образом, несмотря на социально-экономические катаклизмы, происходящее сегодня в мировом сообществе в целом и в Дагестане, в частности, у молодежи нет тотального отрицания социальной ценности права и его способности быть средством регулирования общественных отношений. В тоже время в самосознании молодежи отсутствует идея о том, что только правовая система способна осуществлять преобразования в обществе и что правильные и хорошие законы могут привести к процветанию дагестанского общества.

Итак, правовой реализм и, одновременно правовой цинизм преобладают в правосознании молодежи Дагестана, что говорит об их недостаточной защищенности в условиях современного социально-нормативного пространства. Очевидно, человек чувствует себя достаточно защищенными в условиях реальности социально-нормативного пространства лишь в том случае, если существующая система обязанностей и прав представляет собой нравственный идеал, образец человеческого поведения и отношения между людьми.

Полученные результаты могут быть использованы для составления программ развития правового самосознания молодежи, которая составляет нравственную константу, способствующую сохранению чувства личности, целостности его «Я».

Литература

1. Гаджимурадова З.М. Этническое самосознание личности: структура, содержание, генезис. Москва, 2006.
2. Леонтьев А.А. Психология общения. Тарту, 1974.
3. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М, 1975.
4. Мухина В.С. Проблема генезиса личности. М, 1985.
5. Мухина В.С. Феноменология развития и бытия личности. М. Воронеж, 1999.
6. Мухина В.С. Личность мифы, реальность. Екатеринбург, 2007.
7. Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М, 1979.
8. Хвостов А.А. Моральное сознание личности: структура. Генезис, детерминанты. М, 2005.

ГРУППОВАЯ РАБОТА КАК СПОСОБ СНИЖЕНИЯ АГРЕССИВНОСТИ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖНОЙ СРЕДЕ

Сегодня в обществе активно используется агрессия, как один из способов психологической защиты, особенно ярко на современном этапе это проявляется в некоторых регионах Северного Кавказа, в частности в Дагестане.

К. Холл выделял две основные характеристики защитных механизмов:

- 1) они отрицают или искажают реальность;
- 2) они действуют на бессознательном уровне.

Причем защитные механизмы могут исказить факты как внутренней, так и внешней реальности. «Например, «Я» может защищать себя и незнанием о существовании определенных нужд и инстинктов, и незнанием о существовании внешних объектов» [1].

Психологические защиты начинают свою «работу» тогда, когда человек (или этнос) терпит неудачу в достижении поставленной цели и под угрозой оказывается его душевное равновесие (или интересы этноса). Длительное использование защит приводит к накоплению негативной психической энергии. Человек оказывается в кризисной ситуации.

Кризис обозначает потерю какой-то существующей жизненной формы, к которой человек привык. Эффективность совладания с кризисом определяется не столько быстротой его преодоления, сколько глубиной внутренней переработки собственных переживаний, возможностями использования возникшей проблемы для собственного роста и развития, осознанием экзистенциального контекста кризиса.

На первом, так называемом этапе кризисной поддержки необходимо человека выслушать. Он может рассказывать о травмирующих его переживаниях от 30 - 50 минут до нескольких часов. Особое внимание нужно уделить технике слушания, человека нужно слушать терпеливо, сочувственно, не перебивая. Когда человек рассказывает о своих проблемах, отмечается снижение эмоционального напряжения, и может даже произойти эмоциональная разрядка.

Следующий этап – это проговорить и попробовать неизвестные ранее способы разрешения кризисной ситуации,

возможные варианты выхода. При этом большое внимание следует уделять навыкам самоанализа и самонаблюдения. И обязательно наличие новых значимых людей для поддержки и помощи во время принятия плана выхода из кризисной ситуации. Человек в кризисе обладает ограниченными личностными ресурсами, поэтому рядом с ним должен быть тот, кто либо уже пережил такой кризис и может поделиться жизненным опытом, либо человек, который в силу профессиональных или личностных особенностей может оказать психологическую помощь и поддержку.

Мощным терапевтическим приемом оказания помощи человеку, оказавшемуся в кризисной ситуации, является групповая работа. Это позволит переключиться с собственных переживаний на переживания другого человека: рядом может оказаться человек, которому гораздо хуже и гораздо тяжелее. В ходе группового тренинга хорошо использовать стихи и текст для структурирования проблемы. Например, притчи, в которых заложена вековая мудрость человечества.

В период с ноября 2010 по апрель 2011 года нами на базе «Психологической службы ДГПУ» было укомплектовано 8 тренинговых групп по 25 человек в каждой (всего 200 человек). Этнический состав групп: аварцы, даргинцы, лезгины, лакцы и кумыки (по 40 человек). С каждой группой отработано по 10 встреч (по 5 часов каждая встреча).

Перед началом групповой работы с помощью методики «Опросник уровня агрессивности» Басса-Дарки мы исследовали у студентов вузов города Махачкалы особенности агрессивных и враждебных реакций [2].

В таблице 1. представлены среднестатистические данные по каждому этносу, согласно результатам проведенного исследования по методике Басса-Дарки.

Таблица 1. Обобщенные результаты исследования по методике «Опросник уровня агрессивности Басса-Дарки»

Вид агрессии этнос	Физическая агрессия	Косвенная агрессия	Раздражение	Негативизм	Обида	Подозрительность	Вербальная агрессия	Чувство вины
Аварцы	8,2	5,6	6,8	2,7	4,5	5	7,7	6,5
Кумыки	6,6	6,1	4,7	3,4	4,2	5,3	7	5,6
Даргинцы	7,9	6,4	5,2	4,2	3,2	3,8	8,3	3,2
Лезгины	4,8	7,8	4,4	6,6	5,1	8	8,9	8
Лакцы	5,2	8,1	5,3	7,6	8,4	6,7	7,1	7,8

Таким образом, результаты нашего исследования по выраженности различных видов агрессии оказались следующими: физическая агрессия более выражена у аварцев и даргинцев; косвенная агрессия ярче выражена у представителей лезгинского и лакского этносов; раздражение более характерно для аварцев; негативизм в большей степени проявляется у лезгин и лакцев; обида у лакцев и лезгин несколько в большей степени выражена, чем у аварцев, кумыков и даргинцев; подозрительность более характерна для лакцев и лезгин; вербальная агрессия характерна для всей выборки, особенно выражена у аварцев, даргинцев и лезгин; чувство вины более выражены у лакцев и лезгин.

Согласно результатам исследования особенностей агрессивности различных этносов, можно говорить о том, что для аварцев характерными агрессивными и враждебными реакциями являются физическая агрессия, вербальная агрессия и раздражение; для кумыков и даргинцев – физическая агрессия; и для лезгин вербальная агрессия – подозрительность, чувство вины; для лакцев – косвенная агрессия, обида, негативизм и чувство вины.

По завершении группового тренинга проведен опрос (авторская анкета «Мнение») и проанализированы результаты [3].

Опросник выявил высокие показатели прозрения, переосмысления жизненных позиций участников, развитие позитивного взгляда на межличностных отношения в русле кооперации.

Следует отметить отзывы участников об увеличении в их сознании мыслей с большим содержанием гуманистической составляющей, о чем свидетельствует снижение выраженности агрессивности по отношению друг к другу в полиэтнической молодёжной среде. Это, на наш взгляд, является одним из важнейших показателей результата проведенной групповой работы.

Литература

1. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: Речь, 2004. 304 с.
2. Рогов Е.И. Настольная книга практического психолога: Учеб. пособие: в 2-х кн. – М.: Гуманит. изд. центр. ВЛАДОС, 2000. – Кн.1. 384 с.
3. Кадиева Р.И., Кадиев Т.Т., Сулейманова Н.М. Тренинг «Личностный Рост». Учебно-методическое пособие. – Махачкала: ДГПУ, 2010. – 59 с.

КЛАССИФИКАЦИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ ПЕРЕЖИВАНИЯ УГРОЗЫ ТЕРАКТА

Существуют разные источники опасности, переживаемые человеком как угроза, которая актуализирует психологические механизмы совладания, результатом которых должно быть переживание безопасности. Угроза может носить статус повседневных угроз или статус экстремальных угроз, к примеру, угроза террористического акта

Для предотвращения угрозы террора создаются различные программы обеспечения безопасности: радиационной, в воздушном пространстве, биологической, химической, ядерной безопасности, информационной, в том числе на уровне защиты государственных интересов. В то же время формирование психологической безопасности является важным фактором обеспечения адекватных установок, аттитюдов, работы с предрассудками, слухами, изучения и прогнозирования различных феноменов массового сознания, когнитивными оценками угрозы, психологии разрешения конфликтов.

Угроза террористического акта (происшедшего и ожидаемого) оказывает на человека разнородные воздействия и связана с различными детерминантами, которые разрушительно влияют на человеческое существование. Их можно объединить в следующие сферы.

1. Ценностная сфера. Разрушение веры или иллюзий о справедливом устройстве мира, связанных, вероятно, с верой в благополучие, счастье и благоденствие, позволяющее противостоять жизненным невзгодам (Henry, Tolan, Gorman-Smith, 2005) которые происходят при массовом уничтожении людей в террористических актах.

2. Смысловая сфера. Социальные факторы актуализации деструктивных сил (что наблюдается при терроре, геноциде, массовых уничтожениях людей) в человеке (Freud, 1920, Langs, 1997, 1999, 2002, 2004), которые при определенных условиях проявляются в виде ненависти, зла, с одной стороны, веры в справедливое устройство мира, с другой, что проявляется в девальвации жертв (Sternberg, 2003), смысловом удвоении (Magomed-Eminov, 1997).

3. Базовые потребности. В частности, потребности, связанные с заботой о близких, семейными ценностями, которые толкают человека, находящегося под воздействием террористической угрозы, к проявлению чрезмерного беспокойства о благополучии членов семьи, близких, детей.

4. Эмоционально-аффективная сфера. Терроризм в широких слоях населения актуализирует страх, депрессию, панику, дезорганизацию, злость, беспомощность, потерю веры в себя, может создавать базисную тревогу, связанную с фундаментальным переживанием страха смерти, разрушения (Dalbert, 1999, 2001).

5. Проблемы физического здоровья. В немалой степени связаны с психосоматическими установками: страх, гнев, депрессия становятся основой для актуализации базисных конфликтов и триггерами для запуска биологической уязвимости. И обратно: позитивные установки создают основу для более высокой устойчивости к угрозе террора.

6. Когнитивная сфера. Нарушение правильной оценки степени риска, связанного с террористической угрозой, порождает потерю контроля над страхом, ужасом, подрывает доверие к средствам массовой информации (Sloane, 2000).

Остановившись специально на проблеме влияния СМИ на усиление оценки угрозы и без того угрожающих событий. Подобное влияние создает особую зону угрозы чувству безопасности у широких слоев населения. В исследованиях, реализованных в рамках кафедры экстремальной психологии и психологической помощи факультета психологии МГУ (М.Ш.Магомед-Эминов, 2003) на примере событий на Дубровке, было обнаружено, что индукционное влияние СМИ на восприятие угрозы, идущей от террористического акта, становится основой для дестабилизации психологической устойчивости человека, узнавшего о террористическом акте из сообщений новостей. На этот процесс влияют несколько факторов: 1) количество просмотренных новостных сюжетов, 2) уровень паники в окружении в момент события, 3) наличие доверия к руководству (в том числе политическому, которое демонстрируют средства массовой информации), 4) характер информации для населения об уровне риска, 5) дозированность угрожающей информации, 6) наличие информации об усилиях, предпринимаемых авторитетными службами по снижению риска, 7) характер информации о последствиях, 7) четко обозначенные действия, которые могут совершить люди для спасения, преодоления угрозы.

При этом обнаружено, что активация страха увеличивает оценку угрозы, а усиление агрессивных установок ее уменьшает, как в оценке будущих, так и прошлых рисков (Fischop, Gonzeles, Lerner, 2002). Таким образом, психологическая работа помогает убедить или разубедить неинформированное население и сформировать восприятие не только неопределенного будущего, но и даже оценку конкретного прошлого.

Для обеспечения безопасности людей в условиях увеличения угрозы терроризма в обществе особое значение имеют формирование психологической устойчивости человека к столкновению с террористической угрозой. Становится актуальным создание программ эффективных психологических интервенций для предотвращения вредных последствий самих терактов, так и их освещения в обществе с учетом личностных, ценностных, аффективных, когнитивных и психофизиологических параметров, разрушающихся в результате столкновения с терроризмом.

Магомедова М.М. (*г. Махачкала*)

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЭТНОСА В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВА

Радикальные изменения, произошедшие в России в конце XX начале XXI столетий, оказали огромное влияние на самосознание россиян. Этническая идентичность также подверглось трансформациям в связи с распадом Советского Союза.

Сейчас наша страна находится в сложном экономическом и политическом положении. Распад советской империи дал России не только демократию и рыночные отношения, но и крупные мировые задолженности, разваливающуюся экономику и население, уставшее от бесчисленных перестроек, грандиозных проектов, не приносящих им никакой реальной помощи. К тому же в один миг разрушилась идеологическая структура коммунизма. Огромные массы людей чувствовали острую потребность в стержневой структуре образов мышления. Люди стали искать этот базис миропонимания и многие из них стали смотреть в прошлое, в истоки их родов, в свою национальную принадлежность, так как именно культура, сформированная многими поколениями предков,

давала множество ответов на волнующие вопросы современников, учила здравомыслию и гармонии.

На сегодняшний день, когда основной пик социальной нестабильности прошел, интерес к родной культуре по-прежнему остается актуален. Видимо люди, наученные предыдущим опытом, стараются обезопасить себя на всякий случай и прикрывают себе тылы. К тому же хоть основной кризисный этап прошел, но современная стабильность имеет довольно шаткие позиции, что не может не сказаться на общем настроении общества.

В истории российской государственности Северный Кавказ всегда играл объективно важную роль. Республики Северного Кавказа за последние годы были наиболее проблемными регионами России. Особенно остро стоит проблема психологической безопасности личности и общества. К сожалению, на сегодняшний день в российской действительности эта проблема является актуальной, так как функционирование общественных отношений не в состоянии гарантировать гражданам российского государства безопасность в достаточно многочисленных сферах жизнедеятельности общества. И особенно значимой эта проблема выглядит на территории республик Северного Кавказа, где за последние годы четко и явно проявили себя угрозы религиозного, национального, территориального и других характеров.

Изучение этнической идентичности и ее особенностей, на наш взгляд, может позволить спрогнозировать поведение людей в ситуации социальной нестабильности, а также найти этнопсихологические средства, с помощью которых возможна эффективная жизнедеятельность этих людей в данных условиях.

В условиях социальной нестабильности, перманентных экономических неурядиц, морального и физического износа производственных фондов и техники, ухудшения экологической ситуации, обостряется проблема выживания человека, возникает настоятельная необходимость обеспечения его безопасности.

Проблема психологической безопасности начала осознаваться в полном объеме лишь в последние годы. Понятие «безопасность» определяется как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. Психологическая безопасность является одной из составляющих национальной безопасности и включена в категорию социальной безопасности. Психологическая безопасность, как состояние сохранности психики, предполагает поддержание определенного баланса между негативными воздействиями на

человека окружающей его среды и его устойчивостью, способностью преодолеть такие воздействия собственными ресурсами или с помощью защитных факторов среды. Психологическая безопасность личности и среды неотделимы друг от друга и представляют собой модель устойчивого развития и нормального функционирования человека во взаимодействии со средой.

Человек, являясь частью живой природы, одновременно является социальным существом, которое не может жить без сотрудничества с другими людьми. По мнению Э. Фромма, в любом обществе человек должен объединяться с другими, если вообще хочет выжить, либо для защиты от врагов и опасностей природы, либо для того, чтобы иметь возможность трудиться и производить средства к жизни [3].

Это объединение в целях защиты от угроз своей жизни, для реализации возможностей безопасного существования формирует потребности в постоянных связях с окружающим миром и, как их продолжение, потребность идентификации себя с определенной общностью, группой, родом, нацией, народом, социальной системой, потребность избежать одиночества. Чувство полного одиночества, – отмечает Э. Фромм, – ведет к психическому разрушению, также как физический голод – к смерти. Эта связанность с другими не идентична физическому контакту [3].

В исследованиях А. Маслоу, Б. Боулби, Д.В. Винникота, Г.С. Никифорова, В.и. Гарбузова, Э.Г. Эйдемиллера, Э. Эриксона и др. показано, что полноценное развитие человека возможно только при условии удовлетворения потребности в безопасности, когда его ресурс направлен не на защиту от субъективно воспринимаемой и переживаемой угрозы, а на собственное развитие [2].

Несмотря на то, что в толковом словаре феномен «безопасность» определяется как «состояние, при котором не угрожает опасность, есть защита от опасности» [1], общеупотребительным значением слова является характеристики не состояния безопасности, которые остаются скрытыми в данном определении, а характеристики среды, обуславливающие данное состояние.

Этническая идентичность – динамическое образование. Процесс ее становления начинается примерно в 5-6 лет и происходит в той или иной степени всю жизнь человека. «Внешние обстоятельства могут толкать человека любого возраста на переосмысление роли этнической принадлежности в его жизни,

приводить к трансформации этнической идентичности. После накопления фактов рыхлое этническое сознание часто становится более устойчивым и даже может меняться... Кроме того, на трансформацию этнической индивидуальности влияют не только бесчисленные обстоятельства индивидуальной человеческой жизни, но и факторы, обусловленные изменениями в жизни общества» [4].

В условиях острой социальной нестабильности этнос часто выступает в качестве аварийной группы поддержки. Именно в такой период, который переживает и наша страна, человеку свойственно ориентироваться, прежде всего на этнические общности и нередко преувеличивать позитивное отличие своей общности от других.

По мнению Стефаненко, этнос был группой поддержки для очень многих людей и в бывшем СССР. А в момент его распада, к осознанию незаконности существующих отношений между группами, добавилось осознание их нестабильности, этнические чувства выплеснулись наружу. «В нашей стране этому процессу способствовало еще и то обстоятельство, что в советский период этносы оказались одним из немногих общностей, которые были способны выполнять столь необходимые для человека ценностно-ориентационную и защитную функции.

Как известно, в СССР в течении семидесяти лет проводился «эксперимент» по установлению социальной однородности. В результате его осуществления были уничтожены многие группы, которые в большей или в меньшей степени служили человеку опорой и защитой – сословия, крестьянская община, большинство церковных приходов, многочисленные партии, землячества национальных меньшинств и т. п. Были утеряны и региональные элементы культурной отличительности, на основании которых формировалась групповая идентичность граждан Российской империи, осознававших себя прежде всего поморами, казаками, мегрелами, а не русскими, украинцами, грузинами.

Распад СССР и советской системы повлекли за собой массовый «культурный шок» и потерю устойчивой социальной идентичности. Когда окружающий мир перестает быть понятным, начинается поиск групп, которые помогли бы восстановить его целостность и упорядоченность, защитили бы от трудностей пореформенной жизни.

За последние годы в России появилось много новых групп, претендующих на эту роль – кришнаиты и хиппи, белое братство и

рокеры. Предпринимаются попытки возродить уничтоженные за годы советской власти общности: действуют общества потомков дворян и купцов, все более активны «казачьи войска». Партии исчисляются десятками, если не сотнями. Но все эти группы не могут выполнять ценностно-ориентационную и защитную функции для большинства граждан России. Более того, очень часто эти объединения - во всяком случае на первом этапе своего существования - оказываются лишь инсценировками групп... В подобных группах преобладают внешние знаки идентификации: их члены осваивают символику одежды (сари, кожаные куртки, казачью форму), специфический жаргон, стиль движений и приветствий» [4 с. 25-27].

«Многие люди «погружаются» в подобные субкультуры, но для большинства в период слома социальной системы необходимо «зацепиться за что-то более стабильное, за более устойчивую группу. Как и в других странах, переживающих эпоху острой социальной нестабильности, в России такими группами оказались межпоколенные общности – семья и этнос. Не следует также забывать, что этническая идентичность является наиболее доступной формой социальной идентичности именно у нас в стране: самоотожествиться с «народом» для большинства граждан не составляет труда, так как советская паспортная система превратила «национальность» в расовую категорию, определяемую по «крови» (происхождению родителей), тогда как во всем цивилизованном мире это понятие означает гражданство.

С помощью осознания своей принадлежности к этносам потерявшие опору в жизни бывшие граждане СССР стремятся найти выход из состояния социальной неприкаянности и беспомощности, почувствовать себя частью общности, которая обязательно имеет привлекательные черты. Конечно, на первых этапах и здесь не обходится без «инсценировок». При этом «этнические новые русские» (или украинцы, татары и т. п.), не так давно осознававшие себя, прежде всего, «советскими» и не задумывавшиеся о том, что их связывает с этносом кроме пятого пункта в паспорте, часто выделяют либо самые внешние знаки идентичности (национальную одежду, другие элементы оформления внешности, стиль речи), либо глубинные факторы крови, миф об общем происхождении. Так, члены русских националистических групп опираются на идею о великом предназначении России, рассуждают, используя архаизированный стиль речи, о тайнах русской души. Более того, люди часто

доказывают превосходство своего народа не только с помощью самых красивых усов или самой загадочной души. Используют и социально-психологические механизмы, которые помогают противопоставлять свой народ всем остальным и смотреть на них сверху вниз. Используют, к великому сожалению, и коллективные действия, далеко не всегда мирные» [4 с. 27-28].

В соответствии с валентностью, этническая идентичность характеризуется как позитивная или негативная. Позитивная этническая идентичность является наиболее естественной, нормальной, более распространенной для большинства людей формой этнической идентичности, когда чувство этнической принадлежности порождает ощущение стабильности, безопасности и защищенности. Негативная этническая идентичность, являясь результатом неблагоприятного межэтнического сравнения, отражает негативную оценку представителей своей этнической группы. Негативная этническая идентичность чаще присуща представителям недоминантных этнических групп и этнических меньшинств. Негативная этническая идентичность связана с комплексом таких чувств, обусловленных этнической принадлежностью, как неуверенность, неполноценность, униженность, ущемленность, стыд за свой народ и др. [6].

В ситуациях социальной нестабильности этническая идентичность возрастает. Это связано с тем, что данная психологическая структура обеспечивает личности устойчивый стержень общих жизненных позиций, поступательное и систематическое поступление и переработку информации, дает внутреннюю психологическую защиту при внешних неурядицах. Этническая идентичность удовлетворяет потребность личности в позитивной Я-концепции, что дает возможность сохранять психическое равновесие в любых условиях.

Рост этнической идентичности проявляется в увеличении интереса к своим корням, традициям, культуре данного этноса. Также наблюдается повышенный интерес к другим смежным культурам с целью четкой дифференциации «своих» и «чужих» по тем или иным этническим признакам: язык, ценности и нормы, историческая память, религия и т. д. Наблюдается стремление к полному или частичному разграничению территории проживания, опять же, по этническим признакам. Также можно отметить рост интереса не только к глубоким корням, но и к близким родственникам. Человек как бы сужает свой мир до самого близкого окружения, предпочитая иметь отношения более

стабильной системе – семье, чем в диффузной – глобальном социуме. Именно в условиях социальной нестабильности человек остро начинает осознавать всю значимость для него членства в данной этнической общности. Он тонко ощущает те этнические чувства, которые витают в его окружении, и стремится исполнять все моральные обязательства по отношению к нему.

Гармоничное формирование этнической идентичности приводит к большей уверенности человека в завтрашнем дне, улучшает его самооценку, гармонизирует его связи с внешним миром.

Многие люди «погружаются» в подобные субкультуры, но для большинства в период слома социальной системы необходимо «зацепиться» за что-то более стабильное, за более устойчивую группу. Как и в других странах, переживающих эпоху острой социальной нестабильности, в России такими группами оказались межпоколенные общности — семья и этнос. Не следует также забывать, что этническая идентичность является наиболее доступной формой социальной идентичности именно у нас в стране: самоотождествиться с «народом» для большинства граждан не составляет труда, так как советская паспортная система превратила «национальность» в расовую категорию, определяемую по «крови» (происхождению родителей), тогда как во всем цивилизованном мире это понятие означает гражданство.

Литература

1. Вайнер Э.Н. Образовательная среда и здоровье учащихся // Валеология. 2003. – № 2.
2. Дорожевец А. Н. Когнитивные механизмы адаптации к кризисным событиям // Журнал практического психолога, 1998, № 4. – с. 3– 17.
3. Петровский А.В. Введение в психологию.- М, 1995. – С.117-221.
4. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М., 2000г., с. 220-221.
5. Структурные факторы самоорганизации этноса // Расы и народы. М.: Наука, 1990. Вып. 20. С.5-39.
6. Фельдштейн Д.И. «О сущности социализации детей», Интернет ресурс.
7. Краткий психологический словарь / Под ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. Ростов-на-Дону.: Феникс, 1998. – с. 203.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ СМЫСЛ ФЕНОМЕНА БЕЗОПАСНОСТИ

Поставив вопрос о психологическом смысле феномена безопасности, мы сразу же обнаруживаем, что психология безопасности соотносительна психологии опасности. Этот тезис влечет за собой требование разделения повседневного – ординарного, обычного, безопасного мира, и неповседневного – трансординарного, экстремального мира. Действительно, чтобы подступиться к феномену безопасности и ухватить его сущность, нам надо осуществить обходной теоретический манёвр. К этому нас принуждает необходимость определить понятие, которое указывает с первого взгляда не на присутствие чего-то, а отсутствие: безопасность не утверждает наличие чего-то позитивного, а указывает на отсутствие опасности, стремление избежать, устранить возникшую для индивида, личности опасность, тревогу.

В логике потребностной концепции безопасности, стремление к безопасности наиболее остро переживается в ситуации опасности и слабо проявляется или отсутствует при отсутствии опасности. Когда проблема безопасности выводится из опасности, сама опасность чаще всего трактуется эмпирически через перечень опасных, критических, экстремальных ситуаций. Эти экстремальные ситуации: войны, техногенные, природные катастрофы, ситуации насилия, других бедствий – называют также травматическими стрессорами, вызывающими травматический стресс и посттравматические стрессовые расстройства. При ситуационно трактуемой опасности, ставится знак равенства между опасностью и угрозой, что приводит к чисто «стимульно-реактивной» модели, связанной с интенсивностью стимуляции. Травматический стресс тогда определяют через травматический стрессор, и травматический стрессор – через травматический стресс. Для преодоления односторонности «стимульно-реактивной» трактовки необходимо учитывать смысл ситуации опасности для личности в целом и смысл конкретного жизнеопасного события в ситуации опасности.

В когнитивной модели стресса Лазарус вводит опосредующую стимул и реакцию когнитивную оценку и совладание, позволяющие формулировать транзактную модель (Лазарус, 1966). В этой модели Лазарус основывается на «сигнальной концепции тревоги» Фрейда (Фрейд, 1926). При

возникновении опасности Эго оценивает её как угрозу, и создаётся тревога, сигнализирующая об опасности, что приводит в действие принцип удовольствия и процессы защиты. Лазарус, отбросив термин «тревога» в концепции Фрейда, привёл в прямую связь угрозу и защиту в терминах оценки опасности (или несоответствия требований окружения личностным ресурсам) и стратегий совладания.

Как бы ни трактовалось по-разному отношение индивида к опасной ситуации, становится очевидным то, что психологически ситуация опасности должна быть раскрыта, как ситуация угрозы. Чтобы реагировать на опасность, человек должен воспринимать её как угрозу. Следуя этой закономерности, некоторые авторы потребность в безопасности связывают не с устранением опасности, а с устранением угрозы и редукцией напряжения, вызванного в организме угрозой. Переход от опасности к потребности в безопасности в терминах дефицитарной мотивации реализовал А. Маслоу (Maslow, 1970). Он выделяет в своей концепции мотивации потребность в безопасности и отводит ей место внизу мотивационной иерархии – второе после физиологических потребностей. Хотя он делает существенный шаг вперёд, отделяя эту потребность от низших, физиологических, но в то же самое время крайне расширяет содержание самой потребности. По сути, у него речь идёт не об одной потребности, а о совокупности потребностей, объединённых общим названием, в которую включены: потребность в безопасности, в стабильности, в зависимости, в защите, в свободе от страха, тревоги и хаоса, потребность в структуре, порядке, законе, ограничениях и т.д.

Предельно расширив предметное содержание потребности в безопасности, А.Маслоу вынужден в то же самое время свести эту комплексную потребность к реакции на угрозу, побуждающей организм мобилизовать все силы для борьбы с угрозой. В этой формулировке и потребность в безопасности является также дефицитарной, и её трудно связать с развёрнутым мотивационным процессом, определяющим поведение человека в ситуации опасности. Подобная потребность ухвачена как сигнал опасности и возбуждения в организме, которое разряжается при исчезновении угрозы.

Мы теперь сформулируем следующий важный тезис: гомеостатические модели мотивации, в частности, модель потребности в безопасности, связаны с редукцией напряжения, а не с организацией поведения самосохранения и выживания. В

гомеостатических моделях опасность трактуется, как угроза предельной стимуляции, возникающей в системе, требующей своей разрядки. Между тем, самосохранение и выживание требуют организации целенаправленного поведения, направленного на достижение определённых результатов и преобразование окружающей реальности. Следовательно, для учёта взаимодействия «личность – окружение» требуется переход от импульсных моделей мотивации к регулятивным концепциям мотивации (Магомед-Эминов, 1983).

Боулби в своей теории привязанности, критикуя концепцию вторичного влечения, связывает поведение привязанности, формирующееся в отношениях ребёнка с матерью и сохраняющееся позже, с функцией обеспечения защиты и достижения безопасности (Bowlby, 1964). Боулби, в отличие от психоаналитической концепции влечения, центральную роль отводит поведенческим паттернам – инстинктивному поведению, которое имеет аналогию в этологии в защите от хищников. Его теорию можно отнести к концепции выживания, точно так же как подход Мерфи (Murphy, 1964), нежели к концепции разрядки угрожающей избыточной стимуляции.

Переход от негативного определения безопасности, как избегания опасности, к позитивному определению, как мотивации личности, требует раскрытия угрозы в рамках дихотомии ординарного и трансординарного существования человека (Магомед-Эминов, 1998).

Тогда безопасность, как устранение опасности, то есть безопасность = отсутствие опасности, подвергается трансценденции. Безопасность во втором значении, как трансцендентная мотивация, направлена на утверждение позитивных ценностей, решение жизненных задач вопреки страданию, угрозе, опасности, насилию и угрозе смерти. Спасатель бросается в пламя пожара вопреки редукации опасности, чтобы спасти гибнущих в огне людей. Тогда раскрывается находящаяся за феноменом опасности угроза смерти, которая неявно актуализируется в потребности безопасности. В ориентации на бытие-к-жизни, преодолевающее угрозу смерти, человек утверждает стремление к безопасности, как к утверждению фундаментального переживания безопасности, являющейся условием реализации всех базисных мотиваций личности. Фундаментальное переживание безопасности вырастает из основной характеристики бытия человека в мире, которую

Хайдеггер назвал заботой. Тогда безопасность мы трактуем, как значимость совместного жизненного мира личности, открывающуюся в горизонте заботы. Позитивное определение феномена безопасности, как мы указали, требует осуществления онтологического анализа личности в горизонте бытия – небытия, что приводит к разделению модусов повседневности и неповседневности, ординарности и трансординарности (экстремальности).

Повседневность мы интерпретируем в горизонте парадигмы жизни, а неповседневность – в горизонте парадигмы жизни-смерти. Это положение требует специального комментария. Существование в повседневном мире означает не только жизнь в условиях отклонения смерти (неоткрытости смерти) и переживания символического бессмертия, но и феномен преодоленной смерти – интеграции смерти в человеческую жизнь. Так случается с уцелевшим – человеком, пережившим предельный, трансцендентный опыт, и утратившим – человеком, продолжающим быть вопреки небытию близкого. Это происходит, по сути, с любым человеком в транзитности – переходе между различными способами существования личности в жизненном мире. Ведь бытие личности транзитно, и субъект транзитен (переходен). Вот почему субъект всегда существует в просветах грядущей субъектности и в свете возвращённой субъектности.

Неповседневность, или трансординарный (экстремальный) модус бытия личности – это существование, когда небытие (Ничто) вторгается в основание бытия, что приводит к трансгрессии повседневности. Тогда меняется жизненная «почва», на которой разворачивается человеческое существование. Присутствие в этой реальности и влечет за собой возможность не только жизнепадения, но и жизневосхождения, не только психотравматизацию, но и рост личности, не только деструкцию, но и конструкцию. Однако, как в модусе повседневности, так и в модусе неповседневности человек может стать как ничтожеством, «ничто», так и святым: проблема ответственности не снимается ни в одном из жизненных миров человека. Повседневный жизненный мир мы рассматриваем не с точки зрения донаучной, нетеоретической, эмпирической установки и обыденных знаний (Шютц А., 2004; Бергер П., Лукман Т., 1995 и др.), а на основе соотнесения модусов бытия личности.

Так как личность, трактуемая экзистенциально, есть бытие в жизненном мире, то модусы бытия личности коррелятивны

жизненному миру, который, собственно говоря, есть способ человеческого существования. Жизненный мир, при этом, не вещный мир, но мир человека, в котором он имеет дело с предметами, людьми и т.д. А жизненная ситуация, являющаяся регионом жизненного мира, или жизненных миров (в пространственно-темпоральном протяжении), есть вступление человеческой личности в определенный способ бытия в жизненном мире. При этом наиболее кардинальные изменения личность претерпевает именно в трансординарной ситуации, где существование человека выходит за пределы повседневности, приобретая черты аномальности, катастрофичности, запредельности. Подобное трансординарное существование создается различными катастрофическими событиями, включающими в себя: военные конфликты, террор, землетрясения, аварии, физическое и сексуальное насилие, утрату близких, тяжелые операции и многие другие бедствия. Для того чтобы эмпирическая катастрофическая ситуация «превратилась» в трансординарную, экстремальную, требуется трансформация модуса бытия личности. Тогда эмпирическая ситуация трансформируется в онтологическую ситуацию личности – ситуацию бытия в жизни.

Концепция заботы о себе, практики себя М.Фуко приводится в связь с концепцией заботы М.Хайдеггера, и мы трактуем ее с новой точки зрения культурно-исторической работы личности, в которой забота и практика себя открываются в заботе о Я и о Другом. Таким образом, в ситуации опасности человек не только стремится преодолевать опасность и, соответственно, свести к нулю гомеостатическое напряжение, но проявляет фундаментальную мотивацию заботы о жизни, не только своей, но и близких, то есть – человеческой жизни. Вопрос о психологической безопасности отсылает нас к оборотной стороне психологической опасности, горизонтом раскрытия которой является феномен заботы. Сама психика является работой, которая обслуживает деятельность человека, связывающая его с миром, и эта работа имеет два плана: план конструирования образа мира и план заботы о жизни, существовании, в том числе о себе и о Другом в повседневном безопасном мире и неповседневном опасном мире.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА В НАЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЕ МИРА

В каждой культуре наряду с универсальными ценностями существует и своя, характерная именно для этой культуры система ценностей, которая связана с обычаями, традициями, нравственными убеждениями и стереотипами поведения, которую принято называть «картина мира». Важную роль в становлении этого термина сыграли Э. Сепир и Б. Уорф. На современном этапе изучения картины мира в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы считается перспективным направление, исследующее собственно картину мира как исходный глобальный образ мира, положенный в основу мировоззрения человека [1, с. 21].

Это результат определенного мировоззрения, выражающийся познавательно-духовной и практической деятельностью различных групп людей и является сложной системой образов, отражающих действительность в коллективном сознании, а также в сознании отдельного индивида [6, с. 37]. Она обуславливается рядом факторов в рамках единого объективного мира и влияет на его понимание и поведение человека в нем [11, с. 31]. Общность культурной и природной среды приводит к образованию общей для определенного этноса картины мира.

Картина мира отражает верования, комплекс концептов, социальных утверждений и моральных принципов этноса, который является уникальным по сравнению с подобными комплексами других социокультурных групп [3, с. 12]. Понятие «картина мира» акцентирует внимание на процессе соотношения индивида с действительностью, возникает «естественным универсальным посредником» между различными сферами человеческой культуры и отражает последнюю в сознании людей, которые ее создают.

Будучи субъективным отражением объективного мира, картина мира составляет основу мировоззрения человека и воспроизводится по результатам своего воздействия на нее. Она представляется как продукт процессов категоризации и концептуализации мира языковой личностью и, следовательно, отражается сознанием отдельного человека – носителя того или иного национального языка – не объективно. Попадая под различные интерпретации, она содержит черты человеческой субъективности, специфичности [2, с. 12]. Взаимодействие

коллективного сознания, реального мира и языка как способа репрезентации знаний о мире приводит к формированию национальной картины мира, в которой находят свое отражение мироощущения и миропонимания этноса, специфика окружающей среды существования и знания о национальной ментальности в вербальных формах [4, с. 129]. Картина мира – подвижная, динамичная сущность, которая постоянно корректируется, дополняется, уточняется по мере накопления опыта и знаний конкретным индивидом и социумом в целом.

Современное осмысление соотношения «человек и язык» приобретает в последнее время большей заостренности и актуальности, позволяет связать проблему субъективного с познавательной деятельностью человека и тем, как особенности этой деятельности и культуры в целом отражаются в структуре языка. Как следствие, уделяется внимание изучению культуры, языка как факта культуры, языковой личности, языковой картины мира и языковой системы в их взаимосвязи [5, с. 58]. Особое внимание уделяется вопросу сущности, с одной стороны, антропоцентрического характера языка, с другой – лингвоцентричного характера понимания человеком окружающего мира [6].

Язык отражает мир, охватывая все сферы индивидуальной и общественной жизни человека. Заложенные в языке теоретические, практические и культурные знания, опыт, национальная специфика представлений о мире носителей и их своеобразие реконструируются результате семантического и концептуального анализа – как речевая картина мира [7, с. 74]. Языковая картина мира формируется в процессе когнитивной деятельности человека и влияет на нее, при этом в большей степени действует субъективный фактор, чем объективный [8, с. 219].

При исследовании проблемы отражения картины мира в языке выходят из обычной триады: окружающая действительность, отражение этой действительности в сознании человека и вербализация результатов этого отражения [2]. Каждому языку и этносу присуща собственная языковая картина мира, т.е. речевое прочтение картины мира является национально специфическим, характерным для той или иной эпохи из ее духовными, культурными и национальными ценностями [9, с. 146]. Национальная языковая картина мира рассматривается как этнически обусловленное осмысление и оценка окружающего мира определенным этносом, отраженный в речевых формах [3, с. 24].

Имеющаяся в сознании говорящих, она рассматривается как способ отражения реальности, основанной на восприятии этой реальности сквозь призму языковых и культурно-национальных особенностей, характерных для определенного речевого коллектива, или как интерпретация окружающей среды по национальным концептуально-структурным канонам. Речь при этом выступает одним из основных способов познания и взаимодействия с культурой, а языковая картина мира отражает реальность, объективно отражая восприятие мира носителями определенной культуры [10, с. 137].

Под концептуальной картиной мира понимают совокупность знаний о мире, «систему мыслей», приобретаемые в процессе деятельности человека, а также способы и механизмы интерпретации новых знаний. Концептуальная картина мира – это система информации об объектах, актуально и потенциально представленная в деятельности индивида, где единицей информации выступает концепт, призванный фиксировать и актуализировать понятийное, эмоциональное, ассоциативное, вербальное, культурологическое содержание объектов действительности, содержащиеся в структуре концептуальной картины мира.

Картина мира, отраженная в сознании человека, предстает вторичным существованием объективного мира, закрепляется и реализуется в своеобразной форме. Этой материальной формой выступает язык, который выполняет функцию объективации индивидуального сознания. До индивидуального восприятия факта, события в известной мере приобщается так называемое национальное видение мира [11, с. 15, 67]. Различия между культурами проявляются в количественном и комбинаторном преимущественных признаков концептуализации мира. Объяснение таких преимуществ требует обращения к истории, психологии, философии того или иного народа. Именно язык хранит информацию, накопленную языковым социумом в течение длительного исторического и культурного развития. С помощью языковых форм фиксируется способ видения мира, взгляд на мир сквозь «вуаль» национально-культурных представлений и образов этноса, что делает национальный язык важнейшим этногенным фактором. Картина мира отражается в содержательном аспекте этноса, ее анализ помогает понять, чем отличаются национальные культуры и как они дополняют друг друга [8, с. 297]. Взаимодействие коллективной языкового сознания, реального мира

и языка как способа репрезентации общественно-исторического опыта ведет к формированию феномена национального языковой картины мира, под которой понимают отражение средствами отдельного языка мироощущений и миропонимания этноса, вербализованную интерпретацию социумом окружающего мира и себя самого в данном мире [9, с. 54].

Именно в языке аккумулируются ключевые концепты культуры, транслируемые в знаковом воплощении – словах; их изучение позволяет выявить особенности мировосприятия народа, представить концептуальные и национальные языковые картины мира.

Литература

1. Гвоздева А. А. Языковая картина мира: лингвокультурологические и гендерные особенности (на материале художественных произведений русскоязычных и англоязычных авторов) автореф. дис. на соискание науч. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.19 «Теория языка». – Тамбов, 2004. – 25 с.
2. Голубовська І. О. Етнічні особливості мовних картин світу. – К.: Логос, 2004. – 284 с.
3. Добровольская Е. В. Концептуализация семьи в русской языковой картине мира: автореф. дис. на соискание науч. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.01 «Русский язык». – Томск, 2005. – 24 с.
4. Дуличенко А. Д. О перспективах лингвистики XXI века // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. – 1996. – № 5. – С. 124 – 131.
5. Заботкина В. И. Изменение в концептуальной картине мира в аспекте когнитивно-прагматического подхода к языковым явлениям // Категоризация мира: пространство и время: тезисы докл. – М., 1997. – С. 55 – 59.
6. Колесник А. С. Функции номинативных единиц в мифопоэтическом контексте // Филология и культура: III-я междунар. науч. конф., 16-18 мая 2001г.: тезисы докл. – Тамбов, 2001. – Ч. 3. – С. 37 – 38.
7. Колшанский Г. В. Объективная картина мира в познании языка. – М.: Наука, 1990. – 108 с.
8. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – М.: ЧеРо, 2003. – 330 с.
9. Постовалова В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / Под ред. Б. А. Серебренникова. – М.: Наука, 1998. – С. 8 – 69.
10. Сукаленко Н. И. Отражение обыденного сознания в образной языковой картине мира. – К.: Наукова думка, 1992. – 164 с.
11. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие. – М.: Слово, 2000. – 624 с.

СОЦИАЛЬНЫЕ МАНИПУЛЯЦИИ И ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ МОЛОДЕЖИ

В процессе стремительного развития нашей информационной цивилизации все большую актуальность приобретает проблема манипуляции сознанием людей. И при этом самой уязвимой социальной категорией является молодежь, ведь именно она наиболее остро воспринимает общественные проблемы и, не имея жизненного опыта для осознания и анализа их причин и следствий, легко впадает в заблуждение относительно истинности определенных событий.

Явление манипуляции в целом является негативным, поскольку предполагает представление неправдивых сведений, с целью навязывания определенной, выгодной меньшинству, программы поведения. Вряд ли эта программа закладывается в подсознание молодого человека ради его блага. Манипулятивные технологии рассматривают человека как предмет, бездуховное существо. Иначе теряется сама суть манипуляции. А такое отношение противоречит самой сущности человека. Следовательно, мы относим манипуляцию и контроль над сознанием и поведением людей к действиям недопустимым и опасным.

Термин «манипуляция» является метафорой и употребляется в переносном смысле: ловкость рук в обращении с вещами перенесена в этой метафоре на ловкое управление людьми (и, конечно, уже не руками, а специальными «манипуляторами», технологиями). Следует отметить, что изначально это понятие ограничивает набор способов управления - им обозначается лишь ловкое, хитрое, скрытое управление.

Если проанализировать те определения, которые дают авторитетные заграничные исследователи явлению манипуляции, то можно выделить главные, родовые признаки манипуляции. Во-первых, манипуляция - это вид духовного, психологического влияния (а не физическое насилие или угроза насилия). Мишенью действий манипулятора является дух, психические структуры человеческой личности, сознание.

Во-вторых, манипуляция – это скрытое влияние, факт которого не должен быть раскрыт объектом манипуляции. Как замечает Г. Шиллер: «Для достижения успеха манипуляция должна оставаться незаметной. Успех манипуляции гарантирован, когда

лицо, которым манипулируют, верит: все, что происходит – естественно и неминуемо. Короче говоря, для манипуляции нужна фальшивая действительность, в которой ее присутствие не будет чувствоваться». Еще тщательнее прячется главная цель – так, чтобы даже разоблачение самого факта попытки манипуляции не привело к выявлению намерений. Поэтому сокрытие информации – обязательный признак манипуляции.

В-третьих, манипуляция – это влияние, которое требует значительного мастерства и знаний. Встречаются, конечно, талантливые самородки с мощной интуицией, способные к манипуляции сознанием окружающих при помощи примитивных средств. Но размах их действий небольшой, ограничивается личным влиянием – в семье, в бригаде или банде. Если же идет речь об общественном сознании, о политике, хотя бы местного масштаба, то, обычно, к разработке акции привлекаются специалисты или хотя бы специальные знания. То есть, в современных условиях в информационно-коммуникативных процессах используют не просто отдельные приемы, а специальные манипулятивные технологии.

Наиболее яркие черты технологическая сторона манипуляций приобретает во время избирательного процесса. Это ситуации умелого и в большинстве случаев опасного манипулирования политическими ценностями.

Цель политического манипулирования – получение, реализация и сохранение власти. На нынешнем этапе жизни нашего общества такие цели достигаются путем выборов. Успех на них невозможен и без значительной общественной поддержки (если не принимать во внимание примеры прямой фальсификации результатов голосования). Соответственно цели манипуляторов сводятся к формированию у избирателей мысли обязательно поддержать определенную политическую силу. Манипулятор должен угадать социальные ожидания и предложить оптимальный образ кандидата или программу.

Таким образом, в узком понимании политическое манипулирование – это теория и практика предвыборных технологий и методика проведения избирательных кампаний. Стратегия получения власти требует решения таких тактических заданий, как поощрение и содержание внимания, а также формирование позитивного имиджа претендента на власть. Согласно мысли В.Амелина, политическое манипулирование сводится к таким операциям как внедрение в общественное

сознание под видом объективной информации желательного для определенной группы содержания; «давление» на болевые точки общественного сознания, которое вызывает страх, тревогу, ненависть и тому подобное; реализация декларируемых и скрытых намерений, достижение которых манипулятор связывает с поддержкой общественным мнением своей позиции. Отметим, что первый пункт принадлежит к заданиям, второй - к методам, третий – к целям политического манипулирования. Для успешного решения заданий и достижения целей существуют средства политических манипуляций, которые называются политическими технологиями. Средства политического манипулирования можно классифицировать по разным критериям. Они разделяются на регламентированные законом и такие, которые выходят за пределы правовых норм; по способу влияния - на прямые и скрытые; по форме – на агитационные, экономические, административные и провокационные; по содержанию – на рекламу и антирекламу; по уровню влияния – на межличностные, групповые и массовые; по типу информационного носителя – на печатные, электронные, внешние и тому подобное.

Все средства политических манипуляций базируются на создании и углублении в массовом сознании специальных мифов. Казалось бы, что эпоха слепой веры в мифы давно прошедая, но политическая практика свидетельствует, что это не так. Е. Кассирер отмечает: «Если современный человек больше не верит в натуральную магию, то он, без сомнения, исповедует определенный сорт «магии социальной»». Новые политические мифы создаются по точному плану, в соответствии с социальной психологией людей и целями манипуляторов.

Для распространения и внедрения социальных мифов технология манипулирования имеет специальные средства: полуправда (когда обстоятельно освещаются конкретные малозначимые факты и в то же время замалчиваются более важные или же подается выгодная интерпретация событий), навешивание ярлыков (навешивается, например, без аргументации ярлык фашиста, империалиста или «красного»). Еще один пример симуляции массовой демократии – вытеснение апелляции к общественному сознанию с помощью манипуляций экспертов с рейтингами. Рейтинги на основе выборочного опроса – это лишь модель реального мнения масс, которое эксперты якобы «оживляют».

Избирательные технологии по своему назначению принадлежат к корректирующим технологиям развития общества. Они, преимущественно, используются в предвыборный период, который характеризуется высоким напряжением, бескомпромиссной конкуренцией, дефицитом времени. При таких условиях у претендентов на власть часто возникает искушение использовать любые средства влияния на избирателей. «Классическими» в этом понимании являются технологии подделки избирательной документации, элементарный подкуп избирателей, влияние на подсознание, психологическое давление на конкурента путем использования компромата, моральное или даже физическое устранение конкурентов и тому подобное. Условиями, в которых используются такие технологии, являются, прежде всего, тщательная конспирация, информационный прессинг, отвлечение внимания общественности на второстепенные события. Следует заметить, что применение отмеченных и им подобных избирательных технологий является объективным следствием явлений трансформационного периода во всех странах СНГ.

Общим результатом использования таких, по существу шоковых, избирательных технологий всегда остается напряжение в социуме. Именно потому, что применение описанных и им подобных манипулятивных, сжатых во времени и пространстве избирательных технологий, повышает социальную энтропию, дают все основания определить их как грязные.

А дальнейшее бесконтрольное манипулятивное влияние на молодежь может, в конце концов, вытеснить ее из культурного ядра нашей цивилизации, запрограммировав совсем другие мотивы поведения. Как следствие – общество потеряет само себя. Как один из реально возможных путей предотвращения манипулятивных влияний мы рассматриваем общее информирование населения, в частности, молодой его части относительно техник управления сознанием, относительно тех опасностей, которые кроются в политических акциях, в средствах массовой информации, интернете. Когда человек готов к таким неожиданностям, он более придирчиво воспринимает информацию, анализирует ее на предмет скрытых смыслов. Манипуляторам тяжелее проникнуть в его подсознание, а молодой человек получает реальное право выбора и право на свое развитие и духовное совершенствование.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТНОПСИХОЛОГИИ: ТЕХНОЛОГИИ РАЗВИТИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ МОЛОДЕЖИ

На рубеже конца XX – начала XXI веков проблемы межэтнического взаимодействия на постсоветском пространстве являются предметом исследования разных отраслей отечественной науки. Безусловно, основной тон данных исследований задает практика. Социологи приводят ужасающую статистику: в течение двух последних десятилетий XX века на территории бывшего СССР зафиксировано шесть региональных войн и вооруженных столкновений с участием регулярных войск и использованием тяжелого оружия, около 20 кратковременных вооруженных столкновений, сопровождавшихся жертвами среди мирного населения, более 100 невооруженных конфликтов. В районах, непосредственно затронутых региональными войнами, вспышками этнических столкновений, проживало не менее десяти миллионов человек [7].

Результат межэтнических конфликтов – потоки беженцев, вынужденных переселенцев. По данным УФМС России, пик вынужденной миграции пришелся на 1995-1999-е годы. Данная ситуация изменила этнический состав ряда территорий, серьезно осложнила ситуацию на рынке труда, привела к изменению демографического поведения населения. Кроме того, различия в культурных ценностях, образе жизни, традициях и установках местных жителей и мигрантов, стали причиной недовольства, создали трудности в совместной работе.

Отголоски 1990-х годов проявились в начале второго десятилетия XXI века в виде многочисленных локальных столкновений на межнациональной почве, как в больших городах, так и в регионах России. Приходится констатировать, что выросло целое поколение молодых людей, имеющее негативный прямой (проживание в очагах межэтнических войн и конфликтов) и опосредованный (СМИ, рассказы участников военных действий) опыт межэтнического взаимодействия и взаимовосприятия.

Безусловно, урегулирование межэтнических проблем требует социально-экономических, политических решений. Между тем, актуальным продолжает оставаться социально-психологический аспект данной проблемы: отсутствие достаточной практики

межкультурных и межэтнических контактов у населения, а также определенная идеологическая деятельность СМИ способствуют формированию негативных этнических стереотипов, предубежденности, вербальной агрессивности по отношению к представителям разных этнических групп. Нельзя не согласиться с мнением Стефаненко Т.Г. в том, что «... ни один психологический механизм не способен разрешить социальные проблемы. Но, даже не изменяя социальную ситуацию, психологические подходы способствуют переориентации человеческой агрессии, установлению более естественных отношений ...объединению людей вокруг общих целей, уменьшению влияния на человеческие взаимоотношения грубых механизмов межгруппового восприятия» [11, С. 223].

Следует отметить, что на государственном уровне предпринимались попытки создания механизмов предупреждения негативных явлений в молодежной среде в условиях межэтнического взаимодействия. В частности, в 2001-2005 годы реализовывалась принятая Правительством России Федеральная целевая программа «Формирование установок толерантного сознания и профилактики экстремизма в Российском обществе» [12]. В рамках реализации данной программы проведены крупномасштабные этнопсихологические исследования, прошли конференции по данной проблеме, выпущены сборники [6]. Большой пласт исследований посвящен разработке практических технологий, направленных на формирование установок толерантного сознания подрастающего поколения.

В учебном пособии «Введение в этническую и кросс-культурную психологию» (1999) Н.М. Лебедева отмечает, что для достижения цели улучшения межэтнического взаимодействия и взаимовосприятия необходимо усилить линию постановкой двух основных задач:

- 1) исследования путей формирования позитивной этнической и культурной идентичности;
- 2) поиска путей взаимопонимания и тождественности культур в их духовно-нравственных основах... потому что они - общие у всего человечества...» [4, С. 37].

Достаточно перспективным является внедрение практик поликультурного образования в российские образовательные учреждения. Поликультурное образование широко применяется в школах крупных городов: Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Сочи. Между тем, реализация идей поликультурности актуальна

для российских регионов. По результатам исследований было установлено, что наиболее низкий уровень этнической толерантности выявлен именно в регионах [2].

В качестве эпистемологической базы поликультурного образования служат идеи постмодернизма, конструктивизма и деконструктивизма. Специалисты поликультурного образования отмечают, чтобы изучить другую этническую группу, культуру того или иного народа, понять их проблемы, необходимо, в первую очередь, познать себя, осмыслить уникальные характеристики своей культуры и их влияние на отношение к «другому». Поликультурное образование рассматривается его теоретиками не только как способ решения проблемы этнических групп внутри страны, но и как средство формирования многогранного целостного видения мира, способности оценить явление с позиции другого человека, стремление к сотрудничеству, к взаимодействию и взаимопониманию. В этой связи особое внимание в концепциях поликультурного образования уделяется развитию межкультурной компетентности [1].

Чрезвычайно актуальной как с научно-теоретической, так и с практической точек зрения представляется разработка программ повышения межкультурной компетентности, в частности, обучающих программ при подготовке к межкультурному и межэтническому взаимодействию [11]. В данном контексте компетентность рассматривается исследователями как «важнейшая форма социальной компетентности личности, определяющая адекватность и успешность деятельности человека в поликультурном мире» [10]. При этом межкультурная компетентность рассматривается исследователями с трех позиций. «Во-первых, с позиции анализа личности как субъекта деятельности в социальной ситуации развития, преломляющей в своем фокусе различные факторы, опосредующие формирование компетентности. Во-вторых, в сочетании адаптивной и неадаптивной активности личности, определяющих достижение не только приспособительного, но и преобразующего уровня компетентности. В-третьих, в контексте рассмотрения внутренней структуры компетентности, представляющей тесную взаимосвязанность ее компонентов и метаобразований» [10].

По мнению исследователей, поведение людей, принадлежащих к другим культурам, не является чем-то непонятным и непредсказуемым, оно поддается изучению, прогнозированию и корректировке с помощью определенных

методов обучения и воспитания [11]. В этнопсихологии разработано множество такого рода методов, основанных на самых разных методологических и теоретических положениях, школах и концепциях. В практике межкультурного обучения широкое распространение получили активные методы: дискуссии, разнообразные игры, анализ ситуаций, тренинги. Достаточно подробный обзор технологий и практик межкультурного обучения представлен в работах [5; 11]. По нашему мнению, перспективным в данном направлении является также проектная деятельность [8].

Г.У. Солдатова в своей монографии «Психология межэтнической напряженности» (1998) отмечает, что «...проведение теоретических и эмпирических исследований в русле социальной этнопсихологии предусматривает соотнесение и взаимосвязь трех уровней анализа: широкого социального контекста, уровня этнической группы и уровня отдельной личности как одновременно уникального и типичного ее члена. Главным методологическим принципом этнопсихологии является изучение взаимосвязей между структурными характеристиками общества, особенностями этносоциальной и социокультурной среды и когнитивно-мотивационной сферой этнической группы и индивида как ее представителя. Это предполагает широкую междисциплинарную опору..., только такой подход может обеспечить многомерное изучение этнопсихологических явлений [9, С.17-18].

В представленном ракурсе анализа необходимо выделить следующие важные направления в решении данных задач. На государственном уровне: разработка и реализация государственных программ, направленных на урегулирование межэтнических проблем, снижение межэтнической напряженности в современном обществе. Данные программы должны содержать правовые, социально-экономические, социальные механизмы решения данных проблем. На муниципальном уровне – внедрение идей поликультурности в практику работы образовательных учреждений и учреждений дополнительного образования детей и молодежи.

Особо важное значение имеет социально-психологический аспект развития межкультурной компетентности подрастающего поколения, который связан с применением технологий, направленных на обучение позитивному межэтническому и межкультурному взаимодействию.

Таким образом, перед отечественной социальной этнопсихологией, развитие которой имеет лишь тридцатилетнюю

историю и многовековой багаж заданных обществом и пока еще не разрешенных вопросов стоит множество актуальных задач по решению проблем взаимопонимания и взаимодействия между представителями различных этнических групп, формированию межкультурной компетентности подрастающего поколения.

Литература

1. Гаганова О.К. Поликультурное образование в системе общего образования США: Дис. ... канд. пед наук. – М., 2003. – 189 с.
2. Губогло М.Н. Толерантность представлений и представления о толерантности // Этнопанорама. - 2002. - № 3-4. – С. 58 – 70.
3. Купавская А.С. Развитие этнокультурной компетентности подростка методом социально-психологического тренинга: Автореф. дисс. ... канд. псих. наук. – М., 2008. – 26 с.
4. Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. Учебное пособие для студентов университетов. – 2-е изд-е, доп. - М.: «Ключ-С», 1999. - 270 с.
5. Лебедева Н.М., Лунева О.В., Стефаненко Т.Г. Межкультурный диалог в школе. Кн. 1. Теория и методология. М.: РУДН, 2004. 195 с.
6. Лебедева Н.М. Теоретико-методологические основы исследования этнической идентичности и толерантности в поликультурных регионах России и СНГ // Н.М. Лебедева / Этническая толерантность в поликультурных регионах России; отв. ред. Н.М. Лебедева, А.Н. Татарко. - М.: Изд-во РУДН, 2002. – С. 10 – 34.
7. Мукомель В.Н. Демографические последствия этнических и региональных конфликтов в СНГ // Соц. исследования. - 1999. - № 6. – С. 34-41.
8. Непочатых Е.П. Потенциал проектной деятельности в формировании межэтнической компетентности молодежи // Миры культур и культура мира. Сборник материалов третьей Всероссийской научно-практической конференции «Практическая этнопсихология: актуальные проблемы и перспективы развития»: 11-12 марта 2011 г. – М.: МГППУ, 2011. – С. 78-79.
9. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. – М.: Смысл, 1998. - 389 с.
10. Социальная компетентность классного руководителя: режиссура совместных действий / Под ред. А.Г. Асмолова, Г.У. Солдатовой. – М.: Смысл, 2006. – 321 с.
11. Стефаненко, Т.Г. Этнопсихология: Учебник для вузов / Т.Г. Стефаненко. – 3-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2004. – 368 с.
12. Федеральная целевая программа «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе (2001 – 2005 годы)» // Народное образование. - 2002. - № 1. – С. 255 - 263.

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ОБЩИЙ КОНТЕКСТ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ УКРАИНЫ

Беспристрастный взгляд на состояние по защите окружающей среды, обеспечения необходимого уровня экологической безопасности в Украине позволяет заметить, что оно должно быть признано как катастрофическое. Так, только за последние пять лет украинское государство понесло значительные материальные и финансовые убытки, вследствие чрезвычайных ситуаций как природного, так и техногенного характера. Экологическое состояние большинства горнодобывающих регионов Украины вызывает большую заботу и беспокойство.

Цель исследования заключается в попытке применения системного подхода для анализа понятия «экологическая безопасность», где она рассматривается как один из элементов системы национальной безопасности, в органической связи с другими составляющими, в контексте выполнения государством своих функций.

Анализ публикаций исследователей, в которых рассматриваются аспекты национальной безопасности, убеждает в том, что при условии их достаточного обработки незначительная доля внимания было уделено именно вопросам конкретно государственной политики управления по обеспечению экологической безопасности. Логичной при таких условиях должна быть определена, прежде всего, попытка анализа общего содержания понятия «безопасность». В научном обороте термин «безопасность» используется давно и часто, как раз когда состояние, определялся ним, связывается с защищенностью от негативного влияния определенных факторов, которые воспринимаются как угроза. Под угрозой понимается конкретная и непосредственная форма опасности, или совокупность негативных факторов и условий. Однако, зачастую, это понятие имело два уровня использования: личный и социальный (общественный). Но чаще всего случается их сочетание, когда речь идет о безопасности личности гражданина, должна быть обеспечена и защищена государством как социальным институтом.

Вместе с тем, необходимо учитывать и мнение о существующей наличие трех вертикальных уровней безопасности

при осознания объектов деятельности, которая направляется на достижение «безопасности», а именно: безопасности личности, безопасности общества, безопасности государства. Следствием деятельности на всех этих уровнях должна быть: а) на личностном уровне – достижение способности системы безопасности предотвращать вред жизненно важным основам личности, б) на общественном уровне – обеспечение состояния защищенности всех членов социума, в) на государственном уровне – обретение качества развитой системы мер безопасности.

Наверное, именно поэтому рассуждения понятие «безопасность государственная» и «безопасность национальная» используются как однопорядковые, т.е. такие, которые взаимно дополняют друг друга. Национальная безопасность включает в себя составляющие: политическую, военную, социальную, экономическую, культурную, экологическую, энергетическую, научно-техническую, технологическую, международную, региональную и др. В последние годы отмечаются проявления и новых видов опасности, так называемых, нетрадиционных – в информационной и медико-биологической сферах. Несомненными угрозами безопасности становятся растущие масштабы терроризма и религиозного экстремизма. Собственно, количество составляющих национальной безопасности определяется многоаспектностью подходов к ее анализу. В трудах современных украинских ученых присутствуют попытки определения содержания понятия «национальная безопасность». Так, существует такое понимание содержания «национальной безопасности», при котором оно презентуется как состояние и уровень развития всех отраслей экономической системы общества (производства, денежно-финансовой системы, управления, экологии, социальной сферы и т.д.), когда государство может привлекать для обеспечения своего развития все свои ресурсы и интеллектуальный потенциал. Такая векторность государственной активности позволяет обеспечивать социальное спокойствие, общественное согласие, достаточный уровень экономического развития, политической независимости. На основе учета факторов, которые могут стать основой для возникновения внешних и внутренних угроз национальной безопасности, законом определены основные направления государственной политики.

Отмечая диалектическое единство сфер, в которых государство осуществляет активную и эффективную деятельность по обеспечению национальной безопасности, и направления, по

которым должны реализоваться национальные интересы Украины, следует акцентировать внимание на том факте, что в такой же естественной единства должны рассматриваться составляющие национальной безопасности и место среди них экологической безопасности. Вместе с тем, вопросы экологической безопасности приобретают все большую значимость в системе национальной безопасности Украины.

Функциональная структуризация национальной безопасности позволяет выделять экологическую безопасность как самостоятельную, отдельную составляющую. Хотя она достаточно часто рассматривается как один из важных аспектов в контексте экономической, военной, энергетической, социальной, технологической безопасности и т.п. Понятие «экономическая безопасность» зачастую используется в силу того, что, имея широкий смысл, оно до сих пор не имеет четкого определения.

Так, под экономической безопасностью понимается устойчивое состояние государства, национальной экономики, уровень функционирования органов государственной власти, характеристики социального, информационного и природного сред, обеспечивающих безопасность и развитие общества и страны. Исходя из задач, которые ставятся в данном исследовании, считается целесообразным определять экономическую безопасность как процесс экономического развития, что обеспечивает адекватный уровень социального, политического, военного потенциалов и прогрессивного развития страны, а также ее независимость в отношении к возможным внешним и внутренним угрозам и воздействиям

Необходимость выделения социальной безопасности как самостоятельной составляющей национальной также продиктована сложностью взаимосвязи экономических и социальных факторов в обеспечении благоприятных условий для развития общества. Экономический рост как основа для решения само по себе не может решить социальных проблем, повысить жизненный уровень населения, поскольку устойчивое развитие экономической сферы все больше зависит от решения социальных проблем.

Социальную безопасность определяют как состояние гарантированной правовой и институциональной защищенности жизненно важных интересов личности и общества от внешних и внутренних угроз. Однако, в группу социально-экономических угроз традиционно относят имеющие непосредственно корни в сфере экономических отношений, а именно: рост безработицы,

антагонизация социальной структуры, люмпенизация населения, деквалификация и пауперизация занятости, увеличения обездоленных категорий населения, криминализация общественных отношений, технологическое отставание экономики, энергетическая зависимость от стран-поставщиков, снижение жизнеспособности страны вследствие резкого ухудшения состояния здоровья людей вследствие стремительного ухудшения экологических характеристик окружающей среды.

Под технологической безопасностью зачастую понимают достижения состояния устойчивости различных процессов и технологий при осложнениях, возникающих в связи с неблагоприятными тенденциями или событиями. Но достаточно часто используется понятие «техногенно-экологическая безопасность», что порождает представление о последствиях воздействия на природную среду антропогенных факторов. Важным фактором государственного управления развитием страны выступает становление экопроизводственных отношений, которые характеризуют взаимосвязь общества и природы в процессе производства материальных благ. Расширение антропогенной деятельности как условия функционирования общественного производства требует его последовательного территориальной организации как фактора, определяющего экономический рост государства.

Таким образом, обобщая проанализированные выше подходы и точки зрения, можно сделать такие выводы: экологическую безопасность можно определить как составляющую общего содержания национальной безопасности и правомерное следствие выполнения государством своего назначения, обеспечивающей состояние защищенности природной среды и жизненно важных интересов человека от возможного негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера и их последствий. Однако, выяснение соотношения между разновидностями национальной безопасности должно стать предметом отдельного исследования, но на уровне данной работы считаем достаточным указать на их взаимную связь и сосредоточиться на выяснении содержания и специфике собственно понятия «экологическая безопасность».

СМИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ БЕЗОПАСНОГО СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ПОЛИКУЛЬТУРНОГО РЕГИОНА

В последние десятилетия XX и в начале нынешнего века во всем мире происходят значительные изменения, связанные с разными сторонами жизни человека и социума, одной из которых является этничность.

Этничность – один из интереснейших для науки и общества феноменов. Дольше не очень четкий, даже для исследователей, он был актуализирован в последнее столетие, и в немалой степени, искусственно. И важным фактором, этой актуализации выступили средства массовой информации.

Известно, что в результате сообщений СМИ в массовом сознании формируются определенные представления и установки по тому или иному вопросу. Следовательно, именно СМИ выполняют функцию одного из главных факторов формирования толерантного или конфликтного массового этнического сознания, на его быструю мобилизацию, и в конечном итоге – на регулирование межэтнических отношений.

Поэтому формирование толерантных установок при освещении этнических или конфессиональных вопросов в СМИ – одна из важных задач любого демократического общества, а изучение механизмов распространения принципов толерантности в массовом сознании – важная социальная проблема.

Если внимательно проанализировать «языки межкультурного восприятия», которые используют современные медиа для описания этнических ситуаций, то исследователи на сегодня достаточно четко разграничивают «язык согласия» и «язык вражды» [1, 156]. Несомненно, при таком подходе наиболее толерантным является «язык согласия», в рамках которого взаимодействие этнических групп и культур описывается с точки зрения их взаимообогащения и развития. Тогда как «язык вражды» используется с абсолютно противоположной целью. [1, 156].

Собственно, роль «языка» и «дискурса» в процессе межкультурной коммуникации трудно переоценить. Тем более, когда речь идет о тематизации этничности в средствах массовой информации. Это особенным образом касается медиа регионального и городского уровней, аудитория которых более

определена и локализована. Но, к сожалению, исследование этнического дискурса в региональных СМИ, особенно в поликультурных регионах, еще не получили должного внимания. Именно поэтому в качестве объекта данного исследования был выбран один из полиэтнических регионов - г. Мелитополь и его медиа-пространство.

В рамках исследования были проведены анкетный опрос жителей города, с использованием шкалы социальной дистанции Э.Богардуса [5] и контент-анализ публикаций наиболее популярных местных медиа (Телерадиокомпания «МТВ-плюс») и местное периодическое издание (газета «Мелитопольские Ведомости» (МВ).

Полученные в ходе исследования данные в целом доказывают, что уровень социальной дистанции в городе удерживается на достаточно позитивной отметке (в среднем 4,189).

Данное значение социальной дистанции свидетельствует о том, что люди в той или иной мере склонны к национальному обособлению и по отношению к большинству национальностей. С другой стороны, данные свидетельствуют, что представители украинской (уровень социальной дистанции к данной этнической группе составляет 1,703), русской (2,828), польской (2,998), армянской (3,722) и крымскотатарской (3,889) этнической группы тесно включены в процесс межэтнической интеграции.

Большинство других этнических групп продуцируют интеграцию в основном на уровне сотрудничества и соседства. А вот представители ромской культуры к сожалению не пользуются популярностью, поскольку уровень дистанцированности от них наивысший (6,054), что свидетельствует об отсутствии интеграции этой этнической группы в общественные процессы и институты в регионе.

В целом, можно утверждать, что регион не является конфликтным. Большинству жителей скорее всего безразлично, представители каких именно национальностей их окружают. И это подтверждают не только данные нашего исследования, но и предыдущие исследования проведенные лабораторией социологических исследований Мелитопольского государственного педагогического университета имени Богдана Хмельницкого [3].

Какая же роль принадлежит в поддержке этого положения местным СМИ? Обращается ли внимание местных журналистов на проблемы многонациональности города?

Данные исследования свидетельствуют, что на сегодня основным источником, который формирует информационное

пространство города является телевидение (66,9% жителей отдают предпочтение именно этому медиа-каналу). Читают прессу 10,8%. Соответствующие и уровни доверия к этим местным медиа – к телевидению в среднем 3,6201, а к прессе – 3,1093, при максимальном показателе 4,0. Хотя, в целом, полностью доверяют информации, которая распространяется через местные СМИ лишь 10,4% жителей.

Именно поэтому, если через местные медиа будет распространена информация негативного характера по отношению к группам, которых респонденты воспринимают как «свои», большинство из них остро не станут воспринимать ее. Но, если допустить, что в городе может сложиться проблемная ситуация в сфере межэтнических отношений, то скорее всего факторами влияния на поведение членов городской общины будут, во-первых, личностные взгляды, чувства и интуиция, во-вторых, советы родственников, близких, а, в-третьих, мнение известных журналистов и комментаторов. Последнее и подтверждает предположение о том, что СМИ играют достаточно весомую роль в формировании бесконфликтной ситуации в регионе.

Реальное же отношение местных медиа к проблеме межэтнического взаимодействия в городе можно определить как пассивное и безразличное. Так в течение с 2007 по апрель 2010 года через избранные для исследования медиа (телеканал «МТВ-плюс» и газету «МВ») были распространены 74 сообщения, в которых встречается понятие «толерантность», «национальность» или освещаются события в жизни отдельных этнических групп. В среднем это составляет 1,85 сообщения на месяц. Но, эти сообщения не являются систематическими.

Содержание сообщений, также, является достаточно односторонним. Сообщения чаще всего носят новостной, краткий характер, освещая мероприятия, которые проводит Ассоциация «Совет национально-культурных обществ» или другие общественные организации города, и рассказывая о наиболее значительных событиях в жизни отдельных этнокультурных групп, оставляя в стороне культуру и повседневность этнических групп.

При этом, следует отметить, что культурная жизнь одних этнических групп попадает в контексты сообщений намного чаще, чем других. Так, за период наблюдения обоими медиа-каналами было опубликовано 21 (44,6%) сообщение, посвященных еврейскому обществу, 9 (19,1%) сообщений, посвященных болгарам, 8 (17,0%) – крымским татарам, 3 (6,3%) – армянам, 2

(4,2%) – грекам, 2 (4,2%) – караимам, 1 (2,1%) – полякам и 1 (2,1%) – русским.

Отрадним является тот факт, что в контекстах сообщений не встречается информация интолерантного или пренебрежительного характера к этническим культурам города. В основном, в эфир или на страницах прессы, проходят сообщения, которые касаются трагических событий жизни и истории этносов (Холокост, депортация и тому подобное), и, сравнительно мало сообщений, посвященных позитивной популяризации этнокультур. Информационная однобокость, освещение в СМИ межнациональных отношений, может стать фактором «подогрева» «негативной памяти». А единое информационное пространство должно противодействовать этому и способствовать воспитанию в новых поколениях культуры межнационального диалога.

В заключение следует подчеркнуть, что мультикультурализм является реальностью современной жизни, которая характеризуется ростом социальной динамики и императивной необходимостью интеграции конструктивных идей, концепций, теорий, которые способствовали бы культурному диалогу и полилогу. Поэтому и сохранение межнационального мира и согласия во многом обусловлено сохранением стабильного уровня толерантности к национальным сообществам в большинстве населения, несмотря на ухудшение экономического положения и политическую напряженность в обществе. И именно СМИ как фактор значительного влияния на массовое сознание должны взять на себя роль одного из институтов формирования и поддержания бесконфликтного многонационального пространства.

Литература

1. Аза Л. Лематизація етнічності у засобах масової інформації. // Медіа. Демократія. Культура / За ред.. Н.Костенко, А.Ручки. – К.: Інститут соціології НАН України, 2008. – С.153-177.
2. Особливості етнічного самоусвідомлення населення Східної Таврії та його національно-державницька орієнтація на сучасному етапі національного відродження // Анкетне опитування на території Запорізької обл. – Лабораторія соціологічних досліджень МДПУ, 2007.
3. Bogardus E.S. Measuring Sicial Distans // JURNAL OF APPLIED SOCIOLOGY. – 1925. – VOL.9. – P.299-308.

ПРОБЛЕМА ТОЛЕРАНТНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО МИРА

Под глобализацией понимают процесс образования наднациональных (глобальных) структур в сфере экономики, политики, культуры, которые оказывают влияние на мировые процессы.

Имеющееся во многих европейских языках слово толерантность, от латинского *tolerantia* – терпение (англ. — *tolerance*, *toleration*, нем. — *Toleranz*, фран. — *tolerance*) связывается с терпимостью, снисходительностью к кому-либо или чему-либо, обозначает готовность предоставить другому человеку возможность осуществить свободу мысли и действия [1].

Учёные фиксируют рост ксенофобных настроений в российском обществе уже много лет. Опасная черта, которая нас отделяет от нестабильности, уже пройдена, потому что уровень ксенофобии в России выше 50%. Это означает, что люди воспринимают других, в первую очередь, как этнически других, не как конкурента по работе. Не «он лучше или хуже меня как хирург или учитель», а «он чеченец или он русский, поэтому он занимает привилегированное положение». И ксенофобия сейчас фактически является, как мы видим на примере убийства Егора Свиридова консолидирующим элементом общества.

В начале XXI века, в условиях глобализации общества, немислимое прежде тиражирование фактов, известий, слухов об отношениях «других» к «нам» и «нас» к «другим», этническая мобилизация, ксенофобия и экспрессивность становятся повседневностью [2].

По данным Левада-Центра, на протяжении последних лет большинство россиян поддерживает националистическую идею "Россия – для русских". Данные последнего опроса таковы: 19 % россиян заявляют, что ее давно пора осуществить, 35% тоже хотели бы ее осуществить, но в разумных пределах, и только 21% опрошенных отвергают эту идею, полагая, что это настоящий фашизм. Остальных эта проблема не интересует.

Ксенофобным настроениям подвержены не только молодежь, но и правоохранительные органы, и система здравоохранения, и все наше общество. Национальная неприязнь явилась, в частности, и спусковым крючком, позволившим молодежи выразить острое

социальное недовольство в выступлениях на Манежной площади 11 декабря 2010г.

Наиболее точное определение ксенофобии – нетерпимость или неприязнь к кому-либо или чему-либо чужому, незнакомому, непривычному; восприятие чужого как непонятого, непостижимого, а поэтому опасного и враждебного (Свободная энциклопедия Википедия). Соответственно, толерантность (от лат. *tolerantia* – терпение) терпимость к чужому образу жизни, поведению, чужим обычаям, чувствам, верованиям, м нениям, идеям (Энциклопедия социологии).

Характерный для конца XXI века процесс глобализации заставил по-новому взглянуть на безопасность и международное сотрудничество как на важнейшую проблему современности. Феномен глобализации и бурные политические процессы обусловили необходимость в новой глобальной этике, философии современного мира, а также в новых формах взаимоотношений цивилизаций, государств и народов.

«Облик мира, вступившего в третье тысячелетие, радикально меняется. К числу глубоких изменений следует отнести сближение стран и народов, усиление их взаимодействия, под влиянием которого происходит распад многовекового изоляционизма, превращение Земли в «глобальную деревню». Этнически население стран становится все более разнообразным. По данным ЮНЕСКО, к концу XX века в мире не осталось ни одного моноэтнического государства. Тенденция к полиэтничности и многокультурности вступает в противоречие с веками формировавшейся психологией человека «свой – чужой», «я – не я», с недоверием и враждебностью к «чужому», что ярко проявляется в растущих конфликтах и войнах на этнической и конфессиональной основе. Международные организации видят один выход из ситуации, угрожающей существованию человечества – воспитание молодежи в духе уважения к другим народам, понимания и принятия их культур, готовности к диалогу с другими культурами» [3].

Очевидно, что набирающая обороты эра глобализации существенно изменяет облик и структуру жизни человечества. Однако, помимо своих очевидных положительных свойств, глобализация имеет и явные негативные проявления.

К отрицательным последствиям глобализации ученые причисляют нестабильность в международных отношениях, распространение оружия массового поражения и формирование центров международного терроризма, эскалацию этнической

нетерпимости, экономическое неравенство и неуправляемый рост населения, миграционные процессы, а также крах экологических систем и истощение природных ресурсов.

Наибольшие опасения среди данных проблем вызывает обострение социальных, расовых, межнациональных и иных противоречий, приводящее к нарастанию агрессии, общему падению нравов, торжеству цинизма, нигилизма, легализации пороков и взрыву преступности. Эти проявления, связанные с отсутствием культуры и этики толерантности, принимают острые конфликтные формы – от экстремистских действий до террористических актов в отношении представителей других народов.

В эпоху глобализации происходит столкновение религиозных, национальных и этнических идентичностей различных культур и народов. Глобализация, ставшая причиной культурного и этноконфессионального многообразия, обостряет проявление в массовом сознании различных предрассудков и страхов: ксенофобии как реакции на встречу с чужим человеком и культурой, этнофобии, мигрантофобии, антисемитизма, – приводящих к ущемлению прав человека, национализму, дискриминации и связанной с ними нетерпимости.

Одной из важнейших проблем, которая в настоящее время находится в центре внимания и требует незамедлительного решения, является формирование цивилизованных норм общежития на нашей планете, в нашей стране, толерантного сознания у представителей различных народов.

Во второй половине XX века формирование социальных норм толерантности, веротерпимости, миролюбия стало мощным фактором преодоления многочисленных международных, национальных и внутривострановых конфликтов, предотвращения проявлений социальной агрессии, экстремизма, терроризма и фанатизма.

В условиях глобализации проблема толерантности приобретает принципиально важное значение, так как усиливает процесс взаимодействия и взаимовлияния культур, становится реальным фактором противостояния тенденции снижения этнокультурного разнообразия, их унификации. Толерантность способствует формированию в общественном сознании гуманистических установок на утверждение идей *диалога культур*, новой системы ценностей как реальной возможности продвижения

человечества к цивилизационному синтезу при сохранении «единства многообразия» культур.

Резюмируя изложенное выше, можно сделать вывод о том, что в условиях глобализации главной задачей работы по воспитанию молодежи в духе толерантности является формирование мировоззренческих установок личности, способной органически вписаться в любое цивилизационное пространство.

Литература

1. Погодина А.А. Толерантность: термин, позиция, смысл, программа. История: научно-методическая газета 2002, № 4. – М., «Первое сентября». 2002. – С. – 4.
2. Соколовский С.В. Понятия «этническое меньшинство» и «малочисленный народ» в социальных науках // Подходы к изучению этнической идентификации. М., 1994. Вып. 1. С. 27
3. Гаганова О. К. Понятие «поликультурное образование» в американской педагогике: этапы становления и дефиниции. В сб. «Мир образования – образование в мире». М., 2002, № 4
4. Давыдов Ю. С. Власть культуры в университете. М.-Пятигорск, 2004, изд. Пятигорского государственного лингвистического университета, с. 129.

Рашидова А.И. (г. Санкт-Петербург)

ПРОБЛЕМА МОЛОДЕЖНОГО ЭКСТРЕМИЗМА И ПРИЧИНЫ ЕГО ВОЗНИКНОВЕНИЯ

Проблема молодежного экстремизма, расизма и национализма в молодежной среде становится предметом исследований специалистов в различных областях. В литературе и различных публикациях выделяют причины, которые благоприятствуют распространению националистической идеологии среди молодежи. Эти причины можно условно разделить на группы:

1. Социально-экономические проблемы, конкуренция на рынке труда.

Сегодня Российскую Федерацию охватил кризис всех отраслей производства. Как следствие, в стране растет безработица. Присутствие нескольких претендентов на рабочее место неизбежно вызывает конфликты, которые легко переходят на национальную и расовую почву. Ненависть к приезжим «конкурентам» может переходить, в том числе и в активные действия насильственного характера. Ухудшение условий жизни, расслоение общества на

бедных и богатых вызывает недовольство и, в первую очередь, у самого активного слоя общества - молодежи.

2. Криминальный фактор.

Немалая часть приезжих, презрев «грошовый» труд на предприятиях, фабриках и заводах, стала заниматься трудом иным, четко регламентированным уголовным кодексом как преступные действия. Они создают преступные группировки, банды, сообщества, занимаются кражами, грабежами, совершают избиения, изнасилования, убийства, по большей части в отношении коренного населения, по жестокости и дерзости оставляя местные криминальные образования далеко позади. Во многом это связано с тем, что многие из них чувствуют себя вечными гостями в этом богатом, красивом, но совершенно чуждом для них регионе, регионе, где можно «делать свой бизнес, не заботясь о последствиях, не вспоминая о приличиях. Ситуация неприятная, а при умелом пиаре, способна вызвать массовые волнения, в том числе со стороны законопослушных граждан.

3. Конфликты на Северном Кавказе.

Жители Кавказа и раньше воспринимались без особой теплоты, поскольку выходцы из Кавказа и Средней Азии стали весьма сильно заметны на российских рынках, воспринимаясь как «торгаши», «обдиратели честных граждан». Впрочем, так же негативно воспринимались почти все, кто торговал на рынке.

Но когда последовала серия терактов с «чеченским следом», жители Кавказа стали восприниматься в образе врага, врага «с кавказским лицом», грозящего всем жителям России. Конфликт на Северном Кавказе имеет давние глубокие корни (например, нефтегазовые, геополитические), но не вся молодежь способна долго размышлять и анализировать.

Несомненно, что террористические акты, до предела накалившие обстановку в России в немалой степени подогрели волну националистических настроений.

4. Снижение уровня духовности современной молодежи, потеря многих моральных и нравственных категорий, идеологическое оскудение, отсутствие четких целей, развенчание большего числа идеалов и примеров для подражания.

Эти факторы в совокупности составляют значительный вклад в развитие агрессивного неформального молодежного движения. Здесь же следует говорить о детской и подростковой беспризорности и безнадзорности. Причем это относится не только

к маргинальным семьям, но и к детям «суперзанятых» родителей, не уделяющих своим чадам должного внимания.

Либерализм в системе образования привел к увеличению количества малообразованных подростков, склонных к девиантному поведению. Сюда же можно отнести пропаганду насилия и жестокости в их крайних формах в книгах, журналах, газетах и других видах СМИ, а также в кинематографе.

5. Возрастные психологические особенности подростков и молодежи

К ним относятся стремление к самоутверждению в группе, повышению своего статуса, в том числе через нестандартное, агрессивное поведение. Наличие идеологии в группировке позволяет придать своим действиям ореол романтики. В собственных глазах (да и в глазах многих окружающих) молодой человек предстает «защитником идеи», «патриотом России», а не просто малолетним правонарушителем, уличным хулиганом.

В настоящее время есть понимание проблемы и стремление к ее решению. За последние годы в противодействие нетерпимости среди молодежи включились не только правоохранительные органы, но и властные структуры, общественные институты общества.

Важным проявлением нетерпимости (интолерантности) в молодежной среде как социокультурного феномена выступают следующие категории: негативная этническая идентичность, межнациональная напряженность, нетерпимость, национализм, расизм, шовинизм, фашизм, ксенофобия. Бесконтрольное развитие каждой из них может привести к самым трагическим последствиям. Такая молодежь крайне бескомпромиссно проводит границы между «своими» и «чужими» в обществе. Они воинственно нетерпимы к членам общества, принадлежащим к «чуждым» социальным группам, исповедующим иные политические взгляды, экономические, эстетические, моральные, религиозные идеи, имеющим другой цвет кожи или этническую принадлежность.

В Декларации ЮНЕСКО о расе и расовых предрассудках провозглашается, что особые меры должны приниматься в целях обеспечения равенства в достоинстве и правах отдельных лиц и групп людей везде, где это необходимо. В этой связи особое внимание следует уделять наименее защищённым группам, находящимся в неблагоприятных социальных или экономических условиях, с тем, чтобы предоставить им правовую и социальную защиту.

В соответствии с Декларацией ЮНЕСКО о принципах терпимости, наиболее эффективным средством предупреждения нетерпимости является воспитание. Воспитание в духе терпимости начинается с обучения людей тому, в чем заключаются их общие права и свободы, дабы обеспечить осуществление этих прав, и с поощрения стремления к защите прав других.

Воспитание в духе терпимости должно быть направлено на противодействие влиянию, вызывающему чувство страха и отчуждения по отношению к другим. Оно должно способствовать формированию у молодёжи навыков независимого мышления, критического осмысления и выработки суждений, основанных на моральных ценностях.

Практика борьбы с противоправным поведением молодёжи подтверждает, что в современных условиях реальную опасность представляет наличие устойчивых противоправных группировок. Усиление групповых проявлений в молодёжной преступности - один из важнейших факторов при оценке общего криминогенного влияния на молодёжь.

Многообразие различного рода неформальных групп связано с разнообразными формами молодёжной субкультуры и её внутренней динамикой. Диапазон целей и интересов в таких группах, принципов их функционирования и характера активности достаточно широк - он простирается от фанатичных последователей рок-музыки, а также «панков», «хиппи», «рейверов» и балансирующих на грани административных правонарушений «рокеров» до враждующих между собой территориальных объединений.

Основными чертами современного молодёжного экстремизма являются: возрастающая организованность, сплочённость группировок, формирование в них идеологических, аналитических и боевых структур, усиление мер конспирации, применение для распространения своей идеологии и координации действий новейших информационных и коммуникационных технологий. Происходит активное укрепление межрегиональных и международных связей организаций экстремистской направленности. Серьёзную тревогу представляет распространение экстремизма на националистической почве в молодёжной среде. Отмечается резкая активизация их противоправной деятельности, стремление совершать тяжкие, вызывающие большой общественный резонанс преступления (убийства иностранных студентов, мигрантов), дерзкие, демонстративные

административные правонарушения, а также переход от хулиганских действий к осуществлению террористических актов.

Наличие социально-экономических условий распространения в молодёжной среде этнической и религиозной нетерпимости, ксенофобии, национализма и экстремизма предопределяет необходимость совершенствования законодательства, принятия действенных мер по их профилактике и пресечению.

Творогова Н.Д., Кулешов Д.В. (г. Москва)

ДОВЕРИЕ КАК ИНДИКАТОР УДОВЛЕТВОРЕНИЯ ПОТРЕБНОСТИ В БЕЗОПАСНОСТИ

Своеобразной революцией в понимании здоровья стало позитивное его определение: «состояние полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней и физических дефектов» (Устав ВОЗ, 1946). Из определения ВОЗ следует, что здоровье состоит из трех компонентов: физического, душевного (или психического) и социального. Причем можно не иметь никаких болезней и в тоже время не быть здоровым. Наряду с континуумом патологий (их глубины) стал изучаться и континуум состояний здоровья, а также факторы, влияющие на состояния физического, психического (душевного) и социального благополучия человека. Здоровье как состояние благополучия это - некая возможность, в пределах которой человек реализует свои желания, приспосабливается к окружающей среде и изменяет ее. «Благо» в русском языке это то, что служит удовлетворению каких-то значимых человеческих потребностей, доставляет удовольствие (Словарь русского языка/Под ред. А.П.Егеньева, 1985). Термин «благо» в философию ввел Сократ.

Состояние полного *физического благополучия* подразумевает не только отсутствие каких бы то ни было заболеваний, неприятных, болезненных физических ощущений, но подразумевает и переживание ощущений свежести, бодрости, пр., связанных с удовлетворением базовых физиологических потребностей, соответствующих природе человека.

Понятие состояния *психического благополучия* разными авторами на сегодняшний день трактуется по-своему. «Психическое благополучие» подразумевает не только отсутствие

психических заболеваний, но и предполагает переживание удовольствия от удовлетворения потребностей, соответствующих психической природе человека, удовлетворение которых является благом для человека (Н.Д.Творогова, 2005).

Социальное благополучие в зарубежных исследованиях оценивается успешностью его физического, психического, социального и экономического функционирования (Raphael et al., 1996).

В настоящее время кроме соматического, психического, социального измерений здоровья изучается и его духовное измерение, что правомерно, если иметь в виду не только здоровье человека вообще, а здоровье личности. В наши дни определились следующие направления изучения духовности: (1) духовность как принцип саморазвития и самореализации личности; (2) поиск корней духовности не столько в самом человеке (особенностях его личности, склонности к рефлексии), сколько в продуктах жизнедеятельности, его творческой активности; (3) изучение факторов возникновения у человека духовных состояний; (4) религиозное.

Духовное благополучие личности в контексте научной парадигмы подразумевает ее осмысленную, добровольно ориентированную на реализацию высших ценностей жизнь. Духовное в человеке может быть выражено через его убеждения, веру, религиозную практику, отношение к природе и творчеству, через взаимоотношения с другими людьми, служение другим людям, может быть выражено в его надежде на будущее, осознании смысла своей жизни, ощущении источника силы, находящегося вне всех нас или за пределами материального мира, др. (Д.М.Шапю де Сентонж, 2008). Духовность в светском понимании это деятельность сознания, направленная на поиск не только смысла жизни, но и своего места в ней, на определение критериев добра и зла для оценки событий, людей и руководства к действию (И.А.Гундарев, 2008). Исследуются общественное и индивидуальное духовное здоровье, духовные болезни.

Субъективное благополучие - общее восприятие человеком уровня своего благополучия (самооценка текущего здоровья, перспективы здоровья в будущем) (Ware,1987). Действительно, человек не только испытывает или не испытывает состояние благополучия, но способен к его рефлексии. Мы рассматриваем субъективное благополучие как оценочный компонент эмоционально окрашенного отношения к разным аспектам своей

жизни, как оценку (когнитивный компонент) и переживание (эмоциональный компонент) уровня получения от жизни «благ» для себя (Н.Д.Творогова, 2002). Восприятие личностью своего положения в жизни в контексте культуры и системы ценностей, в которых она живет, в соответствии со своими целями, ожиданиями, стандартами и заботами ВОЗ рассматривает в качестве одного из субъективных показателей качества ее жизни.

В общее состояние субъективного благополучия каждая из его составляющих (субъективное физическое, социальное, психическое, духовное благополучие) вносит свой вклад. В последнее десятилетие иногда «субъективное благополучие» (subjective well-being – SWB) и «счастье» рассматриваются как синонимы, изучаются факторы на него влияющие, и последствия его переживания. Так, при исследовании влияния на социальное поведение человека степени его психического благополучия показано, что счастливые люди не просто активнее общаются, их социальное взаимодействие «качественнее» (Berry & Hansen, 1996), они скорее вступают в сотрудничество, чаще уступают в ответ на просьбу, не стесняются сами обращаться с просьбой (Forgas, 1999).

Актуально изучение и состояния неблагополучия (при отсутствии физических дефектов и заболеваний, психических заболеваний), факторов на него влияющих. Такое состояние может возникнуть вследствие неспособности человека приспособиться к различным жизненным ситуациям, к требованиям, которые к нему предъявляются извне или которые он к себе предъявляет сам, к требованиям физической среды к его организму, пр. Субъективное состояние неблагополучия может возникать и без объективных оснований.

В качестве одного из индикаторов состояния благополучия/неблагополучия мы рассматриваем доверие/недоверие миру. Доверие в психологии изучается как особый вид установки-отношения человека с миром, с другими людьми (Б.Ф. Поршнев, 1971; В.С. Сафонов, 1978; К.А. Абульханова-Славская, 1981; Т.П. Скрипкина, 1987, 1998; Л.Я. Гозман, 1987; А.А. Кроник, 1989; П.Н. Шихирев, 1999; и др.). Выделены фазы развития доверия, которые последовательно связаны друг с другом, но не предполагают автоматического перехода от одной к другой (Л.Б. Филонов, 1986; А.Ю. Панасюк, 2006). Доверие рассматривается как условие существования явлений, связывающих человека с миром (Э. Эриксон, 1968 и др.), с другими людьми (К.А. Абульханова-Славская, 1981). Проблема доверия затрагивалась и в

контексте разработки социально-психологических аспектов внушения (В.М. Бехтерев, В.Н. Г.К. Лозанов, К.К. Платонов и др.). Мы рассматриваем доверие (Н.Д.Творогова, Д.В.Кулешов, 2011) как показатель удовлетворения потребности личности в безопасности.

При наличии опасности обычно автоматически включается аварийное поведение (нападать, убежать, замирать). При наличии доверия, как когнитивно-эмотивного образования, личность не только испытывает особо эмоционально окрашенное состояние, но и определенным образом относится к объекту, которому доверяет. Вследствие оценки ситуации (например, партнера по общению) как безопасной, возникновения доверия к ней, арсенал возможных для себя поведенческих программ личность расширяет.

Результаты проведенного эмпирического исследования (Д.В.Кулешов, 2004, 2007, 2011) свидетельствуют, что у личности имеются устойчивые психосемантические характеристики идеальных образов объектов, которым она доверяет и которым не доверяет («образ-позитив» и «образ-негатив»). Отсутствуют гендерные влияния на эти образы (у мужчин и женщин они схожие).

Наличие доверия расширяет диапазон возможного поведения по отношению объекта доверия (аварийное поведение становится избыточным), что создает базовое условие для развития личности, ее творческой самореализации. Однако личность может начать бороться, защищаться от того, что объективно для ее физической или духовной природы благостно. И наоборот она может довериться тем или иным аспектам жизни, которые объективно для нее опасны, не сулят ей благополучия.

Эмпирическое исследование: духовное неблагополучие.

Искреннее стремление к духовным ценностям, удовлетворению надиндивидуальных желаний в атмосфере духовного нигилизма, царящей в обществе (при потере в нем проверенных веками духовных ориентиров), на фоне сниженного уровня собственного духовного иммунитета (отсутствие устойчивой системы ценностей, отсутствие в субъективной системе ценностей сфокусированности на высших ценностях жизни, незнание их, невключенность их в регулирование каждодневным поведением, др.) нередко делает личность податливой к воздействию всевозможных духовных эрзацев, что может породить состояние духовного неблагополучия.

Деструктивные религии, секты, режимы – один из источников возможного девиантного поведения [4]. Такие культы

принципиально отличаются от других из-за тоталитарно-деструктивного характера их деятельности, использования современных манипулятивных методов воздействия на личность, подавления самостоятельности, формирования зависимости (традиционные религии свято чтут автономию и творческую самобытность личности, видя в этом основное подобие человека Богу, подчеркивают ее право на свободу выбора). Р.Дж.Лифтон первым описал характерные свойства тоталитарных культов, выделив их характерные элементы. Культы могут быть организованы не только под религиозным, но под научным, медицинским (оздоровительным) и социальным предлогом (как религиозные, общественные, образовательные, спортивные и др. организации и фонды). Американские авторы указывают на частоту развития у экс-культистов посттравматических стрессовых расстройств (ночные кошмары, фобии, трудность концентрации внимания и ухудшение памяти, навязчивые влечения, нанесение себе увечий, пр.), упоминают о возникновении «расщепления личности» как во время пребывания в культовой группе, так и после выхода из нее.

Членство в деструктивном культе является результатом двух взаимодействующих сил: (1) тактики, приемов, которыми пользуются культы; (2) личной уязвимости потенциального новичка. Вызвать состояние духовного неблагополучия, «сбить» с пути здорового развития, благочестивых дел, «проломить» имеющиеся у человека духовные защиты – одна из основных задач, решаемых с помощью тактик, приемов, которыми пользуются тоталитарные культы. Присоединение человека к культу это своеобразный процесс оболыщения, а не свободный выбор личности. Человек становится более уязвим к воздействию деструктивных культов, когда находится в состоянии неблагополучия, связанного с его психической или социальной жизнью, с его физическим, духовным состоянием (представители культа используют эти состояния своей потенциальной жертвы). Для людей, участвующих в сектах, как притягательная причина продолжать оставаться в ней является ощущение, что они, наконец-то, нашли смысл своей жизни, ощутили состояние безопасности, защищенности и поддержки. Они рассматривают секту как средство спасения себя, своей души.

В эмпирическом исследовании приняли участие 36 медсестер в возрасте примерно 30 лет; использовались методика дифференциальной диагностики депрессивных состояний

В.А.Жмурова, опросник дифференциальных эмоций К.Э.Изарда, специальные анкеты. Результаты исследования свидетельствуют, что большинство опрошенных испытывали на себе внешний контроль сознания: 80% опрошенных медсестер имели контакт с представителями тоталитарных сект, 63% приглашались на собрания и лекции этих сект, из них двое посещали эти собрания. В обыденной жизни также можно испытывать на себе элементы внешнего контроля сознания (77% опрошенных испытывают его на работе, 11% - дома), что влияет на уровень депрессии, на появление хронического страха.

Уровень духовного благополучия/неблагополучия общества (как одна из динамических характеристик уровня и направленности его развития) мы рассматриваем в качестве одного из показателей общественного здоровья.

Доверие в отличие от веры не предполагает полного отказа от аварийного, защитного поведения. При появлении признаков опасности последний вид поведения активизируется («Доверяй, но проверяй»).

Требуется изучение взаимосвязи различных составляющих состояния благополучия/неблагополучия, поскольку человек является сложной многоуровневой системой, включенной в физический и социальный контекст, в которой существует иерархия ее духовной, психологической и биологической подсистем. Установление иерархии подсистем в общей динамической системе, которой является человек, будет способствовать разрешению моральных дилемм в таких сферах, как, например, гериатрия и эвтаназия, расчеты эффективности затрат на различные нужды здравоохранения, здоровье инвалидов и заключенных, др., поскольку принцип сохранения жизни и физического здоровья нередко вступает в конфликт с экономическими и духовными целями в общей структуре общественных ценностей (Т.Х. Тульчинский, Е.А. Варавикова, 1999).

Эмпирическое исследование: взаимосвязь социального благополучия и психического, физического здоровья.

При изучении общения студентов в учебной группе мы смоделировали ситуацию, вызывающую у студентов невротическое расстройство (здоровье студентов оценивалось по результатам их диспансеризации в поликлинике института).

Нами установлено, что: 1) среди лиц с высокой потребностью в общении в группе и низким социометрическим статусом в ней случаи нервных заболеваний встречаются чаще,

чем у лиц со слабой потребностью в общении и имеющих достаточно возможностей для удовлетворения этой потребности, т.е. обладающих высоким социометрическим статусом; 2) обе проанализированные группы существенно различаются по частоте психо-соматических заболеваний; 3) группа лиц с высокой потребностью в общении по частоте заболеваемости не отличается существенно от группы лиц со слабой потребностью в общении; 4) группа лиц с высоким социометрическим статусом по частоте заболеваемости не отличается существенно от группы лиц с низким социометрическим статусом.

Таким образом, влияние фрустрации потребности в общении на состояние психического и физического здоровья несомненно. Изоляция в группе при условии высокого показателя потребности в общении, недостаточная включенность в жизнь группы является источником постоянного эмоционального напряжения, которое способствует возникновению различных болезней (Н.Д.Творогова, 1977).

Однако, патогенное влияние неудовлетворения потребности в общении, приводящее к эмоциональному перенапряжению, зависит от состояния механизмов интрапсихической защиты. Одним из таких механизмов, по нашему мнению, является неадекватный контроль личности за степенью удовлетворения своей потребности в общении (несмотря на то, что в группе у студента на основании результатов социометрического теста нет взаимных выборов, студент считает, что в группе у него много друзей). Так, у фрустрированных студентов IV курса, имеющих неадекватный контроль, вероятность нарушения состояния здоровья - 0,4, а у фрустрированных с адекватным контролем - 0,8. Причем, процентный состав фрустрированных студентов с неадекватным контролем среди студентов IV курса, чем среди студентов II курса (на II курсе - 58%, на IV курсе - 79% из общего числа фрустрированных на этом курсе).

Полученные результаты свидетельствуют о том, что длительное состояние субъективного социального неблагополучия повышает вероятность возникновения физического или психического расстройства. Состояние субъективного социального благополучия или неблагополучия влияет на устойчивость человека к физическим и психическим расстройствам.

Наряду с уже ставшим традиционным изучением психо-соматических взаимосвязей, на протяжении последних 20 лет связь

между духовным здоровьем и физическим здоровьем также стала предметом серьезных исследований. Данные из более чем 1200 работ, посвященных этой теме, обобщены в 2001г. в обзоре Оксфордского университета. Следование своему духовному Пути, по мнению многих авторов, соответствует природе человека. Игнорирование такого «духовного путешествия» (Дж. Кэмпбелл, 1997), своих метамотивов (В.Франкл) лишает человека чего-то жизненно необходимого для его благополучия, может вызвать «*метапатологии*» (А.Маслоу).

Троянская А.И. (г. Москва)

О ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ЛИЧНОСТИ

В условиях жизни человека в современном обществе, в связи с усилением тенденций глобализации, проявившихся, в частности, в повсеместном функционировании мультинациональных корпораций, распространении многонациональных классов в школах и т.д., остро встает проблема психологической безопасности этнокультурной личности, безопасности личности, погруженной в разнородные и взаимоопосредованные культурные, профессиональные и др. миры. Это наложение социальных реальностей, нередко вступающих в отношения противоречия, требуют от личности все более усложняющихся способов самоорганизации. Но в то же время, сохраняющаяся ориентация на рыночные ценности, массовую культуру, чреватая тенденцией «оммассовления индивида» [6], не предполагает внимания к отдельной личности, формы психической жизни редуцируются, снижается ценность осознанного выстраивания собственного внутреннего мира, траектории профессионального развития, в частности. Такая противоречивая ситуация, сложившаяся на современном этапе развития общества, ставит человека в затруднительное в психологическом плане положение, угрожающее его психологической безопасности.

Рассматривая личность на пересечении социальных миров, в частности, мира профессии и мира этнической культуры, необходимо сказать, что традиционно профессиональная деятельность, процессы профессионализации рассматривались как

универсальные для любой культуры, при этом игнорировалась культурная специфика их протекания.

Профессиональный мир, равно как и этнокультурный, представлен как *образно-знаковая презентация мира* [2]. Его можно рассмотреть как разновидность культурного мира, как культуру профессиональной группы, включенную в более широкую этническую культуру, как профессиональную культуру – систему норм, ценностей, способов действия, принятых в профессиональном сообществе.

Этнокультурный и профессиональный миры в широком смысле представляют собой *способы организации жизнедеятельности* людей и являются соотносимыми в структурном и функциональном плане образованиями, находящимися в отношениях взаимопроникновения.

Рассмотрение вопросов профессионализации в терминах профессиональной культуры поддерживается в акмеологии (К.А. Абульханова-Славская, М.В. Швыдкая, Е.В. Селезнева и др.) [3]. Такой подход позволяет рассмотреть взаимодействие личности и профессионального мира как взаимодействие двух систем, подобно системам личности и этнического мира, применив концепцию метаиндивидуального этнического мира В.Ю. Хотинца [5].

Рассматривая системы личности и профессионального мира в русле концепции В.Ю. Хотинца, подобно системам личности и этнического мира, личность по отношению к профессиональному миру может выступать в двух ипостасях [5]: как объект (элемент профессионального мира), являющийся носителем качеств и свойств последнего, и как субъект (активно действующая позиция) мира и как относительно автономная самоактуализирующаяся система, независимая от него, обладающая имманентными свойствами и качествами, присущими только ей. Профессиональный мир по отношению к личности также приобретает двойственность качественной определенности. Личность-подсистема, пребывая и приобщаясь к профессиональной культуре, получает специфическое профессиональное содержание, на первый план выходят профессионально типичные, обусловленные профессиональной деятельностью, **ДЕЯТЕЛЬНОСТНО-СУБЪЕКТНЫЕ** свойства. С другой стороны, личность-система привносит в профессиональный мир свое имманентное качество, своеобразное и особенное, неповторимое индивидуальное, актуализируя **СУБЪЕКТНО-**

деятельностные свойства. Метаиндивидуальный мир рассматривается как специфическая область взаимодействий личности со своим миром, который непосредственно влияет на личность и который, в свою очередь, испытывают на себе ее влияние [5]. Опосредующая роль ДЕЯТЕЛЬНОСТНО-субъектных (идентификационных) свойств, СУБЪЕКТНО-деятельностных (личностных смыслов труда) приводит к формированию системы свойств Субъекта профессиональной деятельности.

Роли этнической и профессиональной культур в точке их приложения к конкретной личности опосредуются, что определяет возможность вариативных взаимоотношений между этническим и профессиональным самосознанием.

Взяв за основу выделенные С.Т. Джанерьян [1] варианты соотношений личностных и субъектно-деятельностных свойств человека в профессии, появляется возможность применить их к аспекту этнопсихологических и профессиональных свойств личности как следующие варианты отношений: 1 – совмещение, сближение; 2 – доминирующее влияние свойств субъекта труда, профессионального самосознания на этнопсихологические свойства, этническое самосознание; 3 – доминирующее влияние этнопсихологических свойств, этнического самосознания на свойства субъекта труда, профессиональное самосознание; 4 – параллельное, не пересекающееся в профессии существование свойств субъекта труда, профессионального самосознания и этнопсихологических свойств, этнического самосознания.

Наличие той или иной формы соотношения обусловлено особенностями системы личностных смыслов и ценностей человека, приоритетностью той или иной сферы жизнедеятельности.

В поликультурных регионах психологи и другие заинтересованные специалисты сталкиваются с тем фактом, что единый, ожидаемый от представителя любого этноса, результат профессиональной деятельности – ее высокая эффективность – зачастую достигается различающимися способами. Обнаруживаются свои стилевые особенности деятельности, которые, к несчастью, могут быть интерпретированы как качества, снижающие конкурентоспособность представителей того или иного этноса. Чтобы этого избежать, специалистам сфер образования, производства необходимо быть осведомленными в специфических особенностях этносов, с представителями которых они сотрудничают, и учитывать их при выработке программы работы,

позволяющей с максимальной результативностью раскрыть потенциал возможностей и резервов личности, в который, несомненно, входят и свойства, обусловленные культурой, интерпретированные как культурноспецифические преимущества.

Культура – это неиссякаемый резерв надежных, проверенных и безопасных способов жизни, моделей осуществления деятельности, из которого человек вычерпывает способы выстраивания себя, организации своего внутреннего мира в различных сферах жизни [4]. В этом случае личность способна к преобразованию условий труда в направлении, необходимом для полной реализации собственных способностей с учетом индивидуального своеобразия. Условия поликультурного мира актуализируют значимость учета культурноспецифических свойств личности, в том числе в профессиональной деятельности.

Максимальная реализация личности в профессиональной деятельности возможна при соблюдении необходимых условий психологической безопасности этнокультурной личности в профессии, предполагающей переосмысление профессиональной деятельности как деятельности в мультикультурной среде, как деятельности в условиях учета и уважения культурной самобытности, позволяющих раскрыть и задействовать потенциал способностей и резервов личности, обусловленных ее культурноспецифическими особенностями.

Литература

1. Джанерьян С.Т. Профессиональная Я-концепция: автореф. дис. докт. психол. наук. – Р-н/Д., 2005. – С. 282 – 284, 373.
2. Мухина В.С. Личность. Мифы и реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты). – 2-е издание, исправленное и дополненное / В.С. Мухина. – М.: Прометей, 2010.
3. Селезнева Е.В. Развитие акмеологической культуры личности. – М.: РАГС, 2004. – 200 с.
4. Троянская А.И. Культурная специфика профессиональной рефлексии личности // Материалы всероссийской научно-практической конференции «Психология в современном мире». – Махачкала: Изд-во ДГПУ, 2010. – С. 91 – 96.
5. Хотинец В.Ю. Этническое самосознание. – СПб.: Алетейя, 2000. – 240 с.
6. Юнг К.Г. Психология бессознательного. – М., 1994. – С. 103 – 114, 240 – 249.

ТОЛЕРАНТНОСТЬ В ДИАЛОГЕ ЦЕННОСТЕЙ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ОБЩЕСТВЕ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ

После окончания Второй мировой войны, уже более полувека, Европа живет в условиях мира, который, однако, не стал как стабильным, так и планетарным. Он продолжает нести в себе конфликтогенный потенциал. Заявление европейских лидеров о невозможности проекта «Поликультурного общества» в Германии и Франции не способствуют культурному единению народов континента. По сути, еще не окончились времена, относительно которых Вольтер в XVIII столетии отмечал: «Большинство законодателей обладало мыслью ограниченной и деспотической, замкнувшей их кругозор пределами той страны, которой они управляли. Каждый рассматривал свой народ как единственный на свете или же как народ, обреченный жить во вражде с другими».

Вместе с локальным миром в Европе дал знать о себе так называемый феномен «стран – близких родичей», который проявился в Балканской войне 1992-1994 гг. Взаимная ненависть, религиозная нетерпимость, подозрительность стран и народов бывшей Югославии привели к кровавым жертвам, особенно среди христианского сербского населения и мусульман в республиках бывшей Югославии.

Заметим, что достижение нынешнего мира стало возможным благодаря культурному объединению Европы, плодотворной деятельности ее лидеров, а также новому политическому мышлению и психологии общения, когда, вместо идей и чувств ненависти и нетерпимости к чужим, утверждаются разрядка, мирное сосуществование, толерантность, взаимное признание. Новое мышление, открытое для диалога с представителями других культур и вероисповеданий, является духовной и психологической подготовкой мирного сосуществования народов.

Напомним, что в годы восстановления послевоенной Германии Бертольд Брехт в стихотворении «Наши города стали мусором и мы голыми руками разбирали кирпичи», – писал:

«Потом для тех же наших детей
Мы расчищали место в школах
И счищали с вековых знаний
Старую грязь, чтобы они принесли пользу».

Старой грязью была для немецкого народа идеология фашизма и расовой ненависти. Нужна была новая идеология либерализма, которая способствовала религиозной терпимости, в частности к мусульманам – туркам, многомиллионная община которых теперь свободно живут и работают в объединенной Германии, она также способствовала и расцвету демократии в самом немецком обществе, уважению к другим народам с их своеобразной культурой, религией, социальной психологией, нравами и обычаями.

Толерантность – это многоаспектный феномен, который по-разному модифицирует себя в различных сферах социума. В политике он проявляется себя неотъемлемым элементом демократии, в психологии деловых отношений – готовностью к пониманию различий и продуктивному диалогу, в культурологии – уважением и пониманием других культур, в международной жизни – уважения прав, обычаев, образа жизни других.

Сложнее обстоит дело в сфере морали и религии, где нетерпимость приобретает форму принципиальности или даже вероотступничества и не воспринимает терпимости (толерантности). Концепт нашей статьи состоит в том, что рассмотреть атрибуты толерантности в противоречивом единстве со своим антиподом – нетерпимостью ко всему другому в идеологии, психологии, религии, не похожему на свое, которое превращается в «чужое», и в конечном счете, выливается в конфликты.

Конечно, в социальных отношениях мы не можем признать толерантность *абсолютной*, так как в области морали, религии, права вряд ли можно говорить о терпимости при грубых нарушениях закона, общепринятых моральных норм, при попрании религиозных святынь, а, следовательно, толерантности необходимо найти свое место в системе отношений между людьми. На наш взгляд толерантность особенно востребована в социально-психологической и религиозно-идеологической сферах.

Культура мирного сосуществования, лучше сказать сожительства разных народов становится на повестку дня Европы в нашу эпоху, которая должна быть осмыслена более сложными категориями, чем универсализм, глобализм, «общий дом» и т.д. Фрагментарность мира не только продолжается, но и становится более глубокой, вызывая раскол цивилизации на культуры, религии, сообщества в середине государств и даже в семье. Запреты на строительство мечетей в Швейцарии, на ношение традиционного

мусульманского одеяния для женщин во Франции при более-менее терпимом отношении к христианским обычаям и нормам со стороны мусульман усложняют межконфессиональный диалог христианства и мусульманства. Характерным является тот факт, что призыв бывшего лидера Ливии к признанию ислама среди женщин Италии в сентябре 2010 года, расценен представителями католицизма как негативный, тогда как свобода совести предполагает более толерантное отношение к подобным заявлениям. Мы оставляем в стороне правовую и политическую оценку режима Каддафи, но обращаемся к психологическим аспектам толерантности.

Мы определяем *толерантность* как мышление и деятельность, имеющие в своей основе готовность принять, понять, продуктивно взаимодействовать с принципиально иным в социокультурном отношении, не допуская психологии превращения «иное» в «чужое» или «враждебное».

В структуре толерантности в идейно-политическом отношении лежит понимание идеологических различий стран и народов, признания политического плюрализма, наличия различных общественно-политических устройств. В Конституции Украины 1996 года указано о недопустимости в светском государстве монополизации какой либо идеологии, о расовых, религиозных и национальных ограничениях и дискриминациях.

Антиподом толерантности выступает *идеологическая нетерпимость*, которая в постсоветских республиках имеет глубокие корни – десятилетиями внушалась мысль населению, а учение старательно поддерживали и «прорабатывали» эту идею, что единственно правильной идеологией является марксизм-ленинизм, а все остальное есть ненаучные, не состоятельные в историческом отношении, реакционные и антигуманные течения. Деидеологизация сферы науки, образования, воспитания становится на повестку дня. Украина восприняла Болонский процесс как отвечающий духу времени и гуманизма, а обмены между студентами и преподавателями должны дополняться обменом научными идеями, стиранию предубеждений, отражающими общепланетарное мышление, с широким идеологическим спектром подхода к проблемам идеологий, религий, власти и миропорядка.

Обмены в образовательной сфере следует дополнить развитием широкой сети международных контактов в самом широком понимании. Об их взаимной пользе утверждал еще легендарный Солон. Он указывал, что международные контакты

ослабляют чувства вражды и подозрительности к другим странам и народам. При этом, под международными контактами мы имеем в виду не только международный туризм во всех его проявлениях (культурный, научный, деловой), а поездки с теми ознакомительными целями, о которых указывал Френсис Бекон в эссе «О путешествиях». Английский мыслитель писал, что в других странах надо ознакомиться и с деятельностью судов, парламентов, церквей, общественных учреждений, повседневными нравами, психологией и вековыми обычаями других народов.

К вековым обычаям украинского народа мы относим веротерпимость, дружескую приязнь к путешественникам. Запорожские казаки приглашали всех прибывших в Запорожскую Сечь к столу, не интересуясь откуда и с какой целью прибыли. На Украине практически никогда не было гонений на отдельные народы или религии. За двадцать лет независимости не зафиксировано террористических актов большого масштаба. В стране свободно осуществляют духовное окормление верующих четыре христианские конфессии, свободно исповедуют ислам более двух миллионов мусульман.

Возникающие проблемы не носят антагонистический характер, тем не менее, диалог религий, по нашему мнению, должен происходить на основах признания равенства всех религий, уважения святости религиозных источников, Библии и Священного Корана, соответствующих моральных норм и правил поведения. В этом контексте преследования и высылка цыган из Франции, вольнолюбивого народа, который издревле проживал и проживает на территории Украины, нельзя расценивать как толерантность к самобытной культуре и вольному способу жизни ромеев.

Культура мира, о которой мечтают многие народы на территории бывшего СССР, состоит в установлении мира вначале в душе каждого, в психологическом ощущении свободы и защищенности, в уважение прав народов на культурную и религиозную самобытность, в уважении каждого народа, большого или малого. Сотни лет тому назад арабский поэт Саади сказал словом «адамийят», что мы все сестры и братья от Адама, мы обречены жить вместе и пользоваться дарами мира и свободы.

РАЗДЕЛ 2.

ПСИХОЛОГИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ

Абакарова С.М. (г. Махачкала)

ВЗАИМОСВЯЗЬ АДАПТИВНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ И АТТРИБУТИВНОГО СТИЛЯ КАК УСЛОВИЕ УСПЕШНОЙ САМОРЕАЛИЗАЦИИ ПОДРОСТКОВ В УСЛОВИЯХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ

Социальная нестабильность, высокий динамизм развития жизни в нашей стране требуют от человека определенного уровня развития адаптационных способностей. В современном обществе актуализируется проблема оказания помощи индивиду в процессе формирования адаптивных механизмов поведения, защищающих личность от негативных последствий социализации и предоставляющих ей возможность продуктивного саморазвития и успешной самореализации.

Решение проблемы формирования адаптивного поведения и продуктивных его стратегий связано с выявлением механизмов и закономерностей его возникновения и развития у человека на разных возрастных этапах его становления в качестве субъекта собственной активности.

Умение приспособливаться к изменчивым условиям социальной среды необходимо человеку любого возраста. Возрастные особенности подростка часто усложняют его социально-психологическую адаптацию, ему приходится адаптироваться не только к нестабильному взрослому миру, но и к тому промежуточному сообществу, представленному подростками и старшими школьниками, нормы и ценности которого еще более изменчивы (Кряжева И.К., 1993).

Подростковый возраст является одним из наиболее важных в становлении личности человека. В этом возрасте происходит перестройка ранее сложившихся отношений с окружающей действительностью, осуществляется своеобразный переход во взрослую жизнь. Успешность данного перехода во многом зависит от способности человека приспособливаться к новым социальным и психологическим ситуациям.

Способность адаптироваться к социуму и эффективно действовать в нем зависит от многих особенностей человека – это и интеллект, и темперамент, и коммуникативная компетентность, и внешность, и многое другое. Некоторые из этих особенностей неизменны, как, например, темперамент. Но есть и те, которые можно изменять и развивать, что будет способствовать построению более конструктивных отношений с окружающим миром. К их числу можно отнести оптимистическое мышление и безусловное самопринятие. Люди, по-нашему мнению, имеющие пессимистическое мышление, погружаются в нездоровые эмоции, дисфункциональное поведение и имеют низкую самооценку. Более рациональные и реалистичные убеждения способствуют здоровой эмоциональной окраске событий жизни, более адаптивному поведению, лучшей самооценке, а также более высокой оценке других.

Анализ современного состояния проблемы социальной адаптации подростков позволяет выявить ряд ее аспектов, которые не являются пока разработанными в достаточной степени. К ним относятся, прежде всего, изучение ведущих компонентов социальной адаптации в подростковом возрасте, на этапе развития, когда личность находится в периоде естественного кризиса (Березин, 1988). Нам представляется важным более детальное изучение когнитивных коррелятов адаптивного поведения, и выделение посредством этого предпосылок повышения адаптивности подростков.

В качестве когнитивных коррелятов адаптивного поведения в нашем исследовании выступил атрибутивный (объяснительный) стиль. Под атрибутивным (объяснительным) стилем в современной когнитивной психологии понимается привычный способ объяснения себе причин различных событий, в том числе своего собственного поведения и деятельности (Abramson, Seligman, Teasdale, 1978; Abramson, Metalsky, Alloy, 1989).

Целью нашего исследования явилось изучение взаимосвязи объяснительного стиля и адаптивных способностей у подростков. Объектом исследования являются адаптивные способности подростков. Предметом исследования является взаимосвязь адаптационных способностей и атрибутивного стиля. В своем исследовании мы опирались на теоретические положения по проблеме адаптации, разработанные в трудах А.А. Ухтомского, И.П. Павлова, Г. Селье, Ю.А. Александровского, Ф.Б. Березина, И.А. Коробейникова, А.И. Агаева, Ш.Д. Миндиашвили и других ученых; на когнитивный подход, с позиции которого процесс

адаптации обеспечивается взаимосвязью социального окружения, познания и мотивации (Л. Фестингер, Р. Лазарус, А. Бек); на положения В.А. Петровского и А.Г. Асмолова о «неадаптивной активности» личности, что позволило говорить о психосоциальной адаптации как состоянии личности, которое выражает её неадаптивное поведение, не выходящее за рамки нормы.

В исследовании приняли участие 129 подростков школ города Махачкалы РД. Адаптивные способности измерялись нами с помощью методики «Адаптивность» А.Г. Маклакова и Шкалы социально-психологической приспособленности (К. Роджерс, Р. Даймонд в адаптации Т.В. Снегиревой, 1973). Объяснительный стиль изучался с помощью методики СТОУН-П (Гордеева Т.О., Осин Е.Н., Шевяхова В.Ю., 2009).

Атрибутивный стиль характеризуется тремя параметрами: стабильностью, глобальностью и контролем. Оптимистический или пессимистический атрибутивный стиль складывается из сочетания данных параметров, причем отдельно для ситуации успеха и отдельно для ситуации неудачи, что нашло свое отражение в выделенных шкалах.

Для установления степени взаимосвязи между параметрами адаптивности и атрибутивного стиля нами был использован коэффициент корреляции Пирсона.

Полученные результаты позволяют говорить о том, что большинство учащихся с пессимистическим стилем атрибуции менее адаптивны, имеют низкий уровень поведенческой регуляции, склонны к нервно-психическим срывам, у них отсутствует адекватная самооценка и реальное восприятие действительности, коммуникативные способности слабо развиты, испытывают затруднения в построении контактов с окружающими, проявляют агрессивность и повышенную конфликтность. Среди подростков с пессимистическим объяснительным стилем чаще встречаются лица, обладающие удовлетворительной адаптацией, признаками различных акцентуаций характера, которые, впрочем, в привычных условиях частично компенсированы и могут проявляться при смене деятельности. Эти учащиеся, как правило, обладают невысокой эмоциональной устойчивостью, у них возможны асоциальные срывы, проявление агрессии и конфликтности. Коэффициент социально-психологической приспособленности у таких подростков несколько ниже, чем у подростков с оптимистическим атрибутивным стилем

В группе учащихся с оптимистическим объяснительным стилем большинство подростков имеют высокий и нормальный

уровень адаптации, достаточно легко приспосабливаются к новым условиям действительности, быстро входят в новый коллектив, достаточно легко и адекватно ориентируются в ситуации, быстро вырабатывают стратегию своего поведения, как правило, не конфликтны, обладают высокой эмоциональной устойчивостью.

В целом, испытуемые с оптимистическим атрибутивным стилем имеют высокий уровень нервно-психической устойчивости и поведенческой регуляции, высокую самооценку и адекватное восприятие действительности.

Актуальный уровень адаптации определяет восприятие изменений среды как личностно значимой ситуации. Анализируя эту значимую ситуацию и определяя стратегию поведения в ней, индивид активизирует когнитивную (смыслы), эмоциональную и мотивационную сферу: смысл преодоления возникшей преграды, опыт прежней адаптированности, эмоциональные переживания прошлого опыта. Подобная рефлексия задает вектор направленности мотивации, которая в свою очередь определяет будущее адаптации.

Таким образом, выявлено, что оптимистический атрибутивный стиль подростков оказывает множественное влияние на успешность самореализации и личностное функционирование, способствуя адаптивным поведенческим и эмоциональным реакциям на неудачи, использованию проблемно-фокусированных стратегий их преодоления.

Абдулвагабова П.О. (г. Махачкала)

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩЕГО ФАКТОРА РАЗВИТИЯ ПСИХИЧЕСКИ ЗДОРОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Среда оказывает фундаментальное воздействие на все аспекты человеческого бытия. С момента своего рождения между субъектом и средой существуют отношения взаимозависимости и взаимовлияния. В современных условиях социокультурной, экономической и политической нестабильности общества и ухудшения качества жизни населения эта взаимосвязь особенно актуализируется. Становится очевидной необходимость глубинного анализа проблемы, особенно, в ее связи со становлением и развитием подрастающего поколения.

Главной социальной формацией, обуславливающей формирование фундамента личности, является, безусловно, семья. Вторым по важности социальным институтом для человека является образовательная среда, которую исследователи определяют как комплекс специально организованных психолого-педагогических условий, в результате взаимодействия с которыми происходит развитие и становление личности [1]. При этом ключевой задачей для педагогов и психологов является необходимость формирования и проектирования такой атмосферы, где личность была бы востребована, чувствовала защищенность и удовлетворенность основных потребностей, сохраняли и развивали психическое здоровье. Психически здоровой личностью может быть только в определенных условиях. Одним из важнейших условий является психологическая безопасность образовательной среды.

По мнению отечественных и зарубежных авторов (И.А. Баева, Г.В. Грачев, Э. Эриксон, Х.М. Уолкер и др.) психологическая защищенность детей выступает условием обеспечения адаптации, развития социальной компетентности и формирования в ребенке ориентации на позитивные отношения в социуме (стремление быть как все и со всеми), ожидания социального принятия, поддержки, развития чувства личности и внутренней позиции по отношению к самому себе (стремление к уникальности)[3;9]. Кроме того, общепризнанным является тот факт, что эффективность образовательного процесса зависит напрямую от показателя психологической безопасности образовательной среды [2;3;5].

Напряженная психологическая обстановка в школах, переполненные классы, где сложно сохранять нацеленность на обучение и необходимость педагогу осуществлять дифференцированный подход к максимальному количеству учеников; сверстники из неблагоприятных семей, жесткая дисциплина, предвзятое отношение к учащемуся со стороны одноклассников или педагогов – все это лишь некоторые из факторов, характеризующих небезопасную психологическую среду для формирующейся, незрелой личности. И самым главным содержательным компонентом, определяющим качество окружающей личность среды, является насилие – физическое или психологическое. Насилие – как знак неравенства, как подавляющий и властный компонент отношений между людьми, деструктивно воздействующий на психическое и физическое здоровье человека.

Под насилием чаще всего подразумевают физическое воздействие, но не следует, забывая, что человек существо не только телесное, а и духовное и психологическими средствами человека, можно измучить не меньше, чем физическим насилием. Насилие представляет собой узурпацию человеческой свободы в её наличном бытии, внешнем выражении. Психологическое насилие является «ядром» насилия, его исходной формой, на основе которой возникают другие формы насилия [10].

Насилие, пережитое в детстве, может приводить к долгосрочным последствиям, зачастую влияющим на всю дальнейшую жизнь.

К сожалению, образовательная среда является пластичной и подверженной любым, а особенно, негативным тенденциям изменяющегося общества. Именно по этой причине, мы можем наблюдать в школах страны повышение уровня психологической напряженности, рост среди учащихся уголовно наказуемых преступлений, антиобщественное поведение (вандализм, драки, грабежи и др.), рассматриваемые как нарушение физической безопасности, притеснение, принуждение, злоупотребление властью со стороны учительского и педагогического состава и т.д. Потребность в безопасности, безопасном общении и взаимодействии является жизненно важной, кроме того, базовой [7], и потому не исчезает при нарушении механизмов ее функционирования и реализации, а трансформируется в виде ухода в себя, возникновения внутриличностных конфликтов, аддиктивной компенсации.

В связи с этим все острее возникает необходимость создания психологически безопасных учебно-воспитательных средовых условий в школах, колледжах и высших учебных заведениях, основная цель которых сделать образовательную среду справедливой и доступной для эффективного развития каждого ее ученика. Как показатели психологической безопасности образовательной среды Секач М.Ф. и Семанюк Э.Э выделяют:

- отсутствие проявлений психологического насилия во взаимодействии участников образовательного процесса;
- удовлетворение основных потребностей в личностно-доверительном общении;
- преобладание диалогической направленности субъектов общения;
- позитивное отношение к основным параметрам образовательной среды у всех ее участников;

- преобладание гуманистической центрации у субъектов образовательной среды;
- организация насыщенной образовательной среды, стимулирующей развитие участников процесса.
- укрепление психического здоровья [8].

Моделирование такого рода социокультурной, безопасной среды будет способствовать лишь одному - максимальному удовлетворению и развитию социально ориентированных потребностей ребенка, сохранению и повышению его самооценки, сможет обеспечить раскрытие личностных потенциалов. При этом, интегральным показателем психологически безопасной образовательной среды должно являться переживание эмоционального благополучия и компетентности всеми субъектами образовательного процесса, которое выступает в качестве необходимого условия эффективного личностно развития, как педагога, так и ученика [6].

Если мы стремимся к поддержанию психического здоровья подрастающего поколения, к попытке построения максимально комфортных и эффективных условий для развития детей, то психологизация образовательной среды, защита учащихся и педагогического состава от всех форм дискриминации и насилия становятся приоритетными, как для психологических служб в системе образования, так и для государства в целом.

Литература

1. Баева И.А. Психологическая безопасность в образовании: Монография. Санкт-Петербург, 2002.
2. Баева И.А. Безопасность образовательной среды, психологическая культура и психическое здоровье школьников. 2002.
3. Грачев Г.В. Информационно-психологическая безопасность личности: состояние и возможности психологической защиты. М.: Изд-во РАГС, 1998
4. Иовчук Н.М. Детско-подростковые психические расстройства. М. «Изд-во НЦЭНАС», 2000.
5. Кабаченко Т. С. Психология управления: Уч. пос. М.: 2000
6. Лебедев О.Е. Потенциал современной школы // Школа в начале третьего тысячелетия. СПб., 2000.
7. Маслоу А. Мотивация и личность. Санкт-Петербург, 2001.
8. Секач М.Ф. Психология здоровья. – М.: Академический проект, 2003.
9. Семикин В.В. Психологическая культура в образовании человека: Монография. Санкт-Петербург, 2002.

КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ТОЛЕРАНТНОГО СОЗНАНИЯ МОЛОДЁЖИ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО РЕГИОНА

Современные исследователи подчеркивают, что в XXI веке все более очевидной становится антропологическая и социальная укорененность гуманизма в сознании человека. В наше время наступает этап новой его трансформации в постмодернистском пространстве (П. Курц, Э. Фромм и др.). Влияние культурного поля на формирование толерантного сознания человека становится все более значительным, и область искусства, развиваясь на основе новых технологий и открытий XX в., образует разнообразные среды (музыкальную, экранную, архитектурно-пространственную и др.), обладающие значительной силой воздействия на человека, нередко вне зависимости от его личного желания.

На современном этапе развития психолого-педагогической науки и практики наблюдается усиление интереса ученых и педагогов-практиков к возможностям влияния культурной среды на процесс воспитания. Педагогическая традиция, опирающаяся на разносторонние исследования культурной среды, находит свое дальнейшее развитие в разнообразных концепциях, отражающих результаты исследований авторов в области взаимодействия образования и среды.

В русле данного исследования особенно важным представляется связь современной культурно-образовательной среды и компонентов толерантного сознания, таких, как:

- обогащение культурного опыта;
- доверие и открытость в получении новой информации;
- общая направленность на доверительное паритетное общение.

Очевидно, что перечисленные компоненты способствуют активному взаимодействию толерантного сознания с культурной средой, причем данный процесс определяется исследователями как двояконаправленный – культурная среда не только воздействует на личность человека, но и сама испытывает воздействие с его стороны. Так, Дж. Гибсон, исследуя категорию возможности, подчеркивал, что возможность влияния обращена в обе стороны – и к окружающему миру, и к наблюдателю.

В свою очередь, Д.Ж. Маркович считал, что «каждый из нас

поэтому и человек, и среда, что зависят от угла зрения. В связи с этим и говорится, социальное (общественное) поведение возникает как следствие того, что один человек важен для другого как часть его среды. Вот почему нужно изучать влияние социальной среды на поведение человека, как и влияние поведения человека на общественную среду» [1].

В. А. Ясвин выделяет пространственно-предметный, социальный и психодидактический компоненты среды, выстраивая ее на основе переноса на образовательное пространство логики изучения природной среды и отношения к ней [2].

В целом, опираясь на положения о том, что:

а) существует связь современной культурно-образовательной среды и компонентов толерантного сознания;

б) в процессе развития психолого-педагогической науки и практики наблюдается усиление интереса ученых и педагогов-практиков к возможностям влияния культурной среды на процесс воспитания;

в) культурно-образовательная среда оказывает на человека большое влияние и это влияние на формирование толерантного сознания становится все более значительным;

г) такая среда не только воздействует на личность человека, но и сама испытывает воздействие с его стороны,

мы можем утверждать, что современная культурно-образовательная среда может оказывать активное формирующее воздействие на толерантное сознание растущего человека.

В современных условиях исследовательская деятельность ученых и учителей-практиков все чаще направляется на воспитание учащихся в духе толерантности, в плане усвоения ими гуманистических культурных норм. Внимание к региональному компоненту образования обусловлено тем, что культурные нормы, в своей основе имея общечеловеческие ценности, принятые как первооснова гуманистического мировоззрения, имеют в то же время и ряд специфических, характерных для той или иной социальной группы, нации, народности, особенностей. Эти специфические черты, если они не вступают в противоречие с принципами гуманизма, должны приниматься во внимание при создании культурно-образовательной среды в многонациональном регионе.

Так, ряд западных исследователей определяют в качестве основных целей создания поликультурной образовательной среды

развитие у учащихся способности к самореализации в эпоху мультикультурализма (П.А. Белл, Р. Гаглиарди, Ч. Осгуд и др.).

В этом направлении ученые предлагают: 1) усовершенствовать содержание многокультурного образования, 2) изменить программы подготовки педагогов на основе особенностей образования в поликультурном обществе; 3) установить такие отношения между участниками образовательного процесса, чтобы каждый учащийся, независимо от этнического происхождения, языковых, политических и речевых отличий, имел бы возможности для своего личностного и профессионального развития.

Исследователями выделены следующие признаки мультикультурного образования:

- интеграция содержания занятий вокруг проблем мультикультурализма [3];

- процесс конструирования знания о мультикультурном мире и месте каждого человека в нем [4];

- преодоление предубеждений в ходе развития культуры личности учащихся [5];

- справедливая педагогика в отношении всех учащихся вне зависимости от национальной и расовой принадлежности [6];

- стимулирование развития среды и социальной ориентации школы [4].

Усиление поликультурной составляющей в культурно-образовательной среде в образовательном процессе происходит за счет таких компонентов, как:

- создание условий для развития интереса молодежи к культурным ценностям других народов,

- теоретическое осмысление сущности мультикультурного мира;

- проведение занятий, включающих задания, сформулированные на основе видения мира с позиций представителей разных культур.

Анализ данных, полученных в опытно-экспериментальной работе, доказывает, что столь мощный воспитательный потенциал поликультурной образовательной среды обусловлен тем, что в такой среде планомерно и продуктивно реализуется идея воспитания уважительного отношения к другим людям, понимания возможности многовариантного человеческого бытия в разнообразных, отличных друг от друга культурных, религиозных и социальных сферах. Культурно-образовательная среда трактуется

учеными и как «среда с творческой заряженностью» (Л.А. Баренбойм), вследствие того, что в ней создаются условия для стимулирования мотивации к саморазвитию и самореализации учащихся.

Показательно, что в проведенном нами опытно-экспериментальном исследовании было доказано, что наиболее эффективная в аспекте развития толерантного сознания учащихся культурно-образовательная среда создается в условиях творческих коллективов, опирающихся на традиции народного искусства. В таких коллективах создаются условия для творческого взаимодействия участников, что позволяет осуществлять стратометрическое (послойное) построение постепенного вхождения молодежи в пространство диалога культур внутри полиэтнической среды.

Современными учеными особенно акцентируется, что главная цель культурно-образовательной среды – это воспитание, которое осуществляется в такой среде на основе взаимодействия трех компонентов: ценностно-смыслового, пространственно-временного и координационно-педагогического.

Ценностно-смысловой компонент включает в себя систему значимых ценностей учащихся и педагогов, а также цели воспитания; принципы воспитания; содержание жизнедеятельности учебно-воспитательного процесса в целом; методики диагностики и оценки результатов работы.

Пространственно-временной компонент представляет собой систему различных видов деятельности учащихся, которые направлены на развитие их личностной культуры.

Координационно-педагогический компонент включает в себя совокупность педагогических технологий, применяемых в учебно-воспитательном процессе.

Разработка педагогических условий реализации культурно-образовательной среды и выявление ее формирующего влияния на процесс развития толерантного сознания учащихся в многонациональном регионе опирались на существующие в психолого-педагогической и культурологической науке концепции:

- опережающего развития личности (В. В. Давыдов, Л. В. Занков);
- приоритетного формирования эмоционально-чувственной среды (Л. Н. Толстой, К. Н. Вентцель);
- гармонического синтеза ориентаций образовательного процесса на развитие интеллекта, образно-эмоциональной сферы,

овладение практическими навыками в применении полученных знаний и мотивации на нравственное самоопределение (В.А. Сухомлинский, Ш.А. Амонашвили, Б.П. Юсов);

– гуманистического личностно-ориентированного образования (К. Роджерс, Е.В. Бондаревская, С.В. Кульневич, В.В. Сериков, И.С. Якиманская);

– использования этнопедагогизации и регионального компонента (Г.Н. Волков, Д.С. Лихачев, Л.Н. Гумилев).

Основываясь на теоретическом анализе трудов исследователей и опытно-экспериментальной работы, мы определяем высокий уровень развития культурно-образовательной среды по следующим критериям:

– такая среда является неотъемлемым признаком поликультурного образовательного учреждения, в котором осуществляется соединение общекультурного, социального, собственно образовательного и личностного начал;

– целью создания такой среды является достижение эффективных условий для развития каждого учащегося, включая целенаправленную профессиональную социально-педагогическую поддержку, опору в образовательном процессе на принципы личностно-ориентированного подхода и углубление содержания занятий за счет привлечения информации, позволяющей учащимся в дальнейшем наиболее продуктивно реализоваться в мультикультурном пространстве.

Таким образом, культурно-образовательная среда реализует следующие функции: гуманитарно-воспитательную; социально-адаптационную; культурологическую; коммуникативную и образовательно-развивающую. При этом в такой среде происходит конструктивный диалог культур, в содержании образования знания интегрируются и у учащихся создается целостная картина мира; они развивают в себе культурную рефлексивность, овладевают навыками саморегуляции, в них растет мотивация к жизнетворчеству, саморазвитию, самореализации.

Литература

1. Маркович Д.Ж. Социальная экология. М.: Наука, 1991. – С. 53.
2. Ясвин В.А. Тренинг педагогического взаимодействия в творческой образовательной среде. – М.: Просвещение, 1997. – С. 11-12.
3. Adam K.M., Butler B.E. Comprehending cognition: An integrative paradigm for psychology // The American Journal of Psychology; Urbana; Fall 1999. – Vol.112, Is. 3. – Pp.489-495.

4. Gump P. V. The school as a social situation // An. Rev. Psychol. 1980. 31. - P. 553- 582.
5. Harlow.H.F. Learning motivated by a manipulation drive. J. exptl. Psychol, 1950-40. – Pp. 228-234; Roger D., Parinaud C., Parinaud A. Tolerance. Collection: Cultures and Peace. - UNESCO Publishing, 1995.
6. Samovar L.A., Porter R.E. Communication between Cultures. - Belmont, 1991.

Адамакина Т.А. (г. Санкт-Петербург)

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ РЕБЁНКА В ПРОЦЕССЕ ГЕНДЕРНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ

Известно, что одну из главных ролей в процессе гендерной социализации ребенка играет воспитание родителей. Традиционно принято думать, что гендер, как социокультурный аспект половой принадлежности человека, должен соответствовать биологическому полу. Так, гендерный стереотип в отношении мужчин связан с такими индивидуально-типологическими особенностями как предприимчивость, доминантность, независимость, неэмоциональность, легкость в принятии решения, самодостаточность и др. Формирование фемининных черт (типично женских) проявляется в воспитании таких психологических качеств как пассивность, зависимость, нежность, мягкость, интерес к собственной внешности, незащищенность, аккуратность, спокойствие и т.д. (Клецина И.С., 1998)

Однако в последнее время происходят некоторые сдвиги в отношении традиционного представления о гендерной социализации ребенка. Так, высокая фемининность у женщин часто сопряжена с пониженным самоуважением и повышенной тревожностью. Высокофемининные женщины и высокомаскулинные мужчины хуже справляются с деятельностью, не совпадающей с традиционными половыми ролями (Ильин Е.П., 2003).

Имеются предположения, что личность характеризует не маскулинность или фемининность, а андрогинность, то есть интеграция женского стиля с мужским (Бем С., 2004). В одном из наших эмпирических исследований (Адамакина Т.А., Белоголовкина Д.С.) было показано, что люди с преобладанием андрогинных черт ориентированы на конструктивные модели поведения в

конфликтной ситуации (сотрудничество и компромисс) и безобвинительную позицию. Обнаружены статистически достоверные различия между маскулинными юношами и фемининными девушками в выборе стратегий соперничество ($t_3=14,5$ при $p \leq 0,001$), избегание ($t_3=2,288$ при $p \leq 0,05$) и приспособление ($t_3=9,8$ при $p \leq 0,001$). Другими словами маскулинные юноши предпочтительнее относятся к соперническому способу конфликтного реагирования, а фемининные девушки к приспособлению и избеганию. Исходя из обозначенных данных, можно утверждать, что наличие андрогинной гендерной идентичности способствует конструктивному поведению в конфликтной ситуации.

В эволюционном плане наблюдается тенденция к феминизации мужчин и маскулинизации женщин. В последнее время женщины приписывают «идеалу женственности» почти все положительные маскулинные качества, а современный стереотип маскулинности предполагает интеллектуальное, а не физическое превосходство, допускает проявления нежности и душевной тонкости, а также пресечение и контроль над «грубыми» чувствами и бутальностью (Кон И.С., 1989).

В связи с вышеобозначенными рассуждениями, интересным и неожиданным оказался факт, выявленный в процессе судебно-психологической экспертизы по вопросам об определении места жительства ребёнка и режиме его общения с родителями (Санкт-Петербург, ООО «Центр независимой профессиональной экспертизы "ПетроЭксперт"»).

В судебно-психологической практике, как правило, используется беседа для составления ответов на поставленные судом вопросы (Васильева Н.В., Горьковая И.А., 1997). Для оценки эффективности применения опросного метода в экспертной практике, после беседы оба родителя заполняли методику «Анализ семейных взаимоотношений», предложенную Э.Г. Эйдемиллером (1990). Основная цель данного опросника состоит в выявлении типа воспитательной тактики, оценке степени удовлетворения материально-бытовых и духовных потребностей ребенка, уровня требовательности, количества запретов, строгости санкций, меры занятости родителей воспитанием детей. Помимо стилей семейного воспитания, данное диагностическое средство оценивает психологические проблемы родителей, решаемые за счет ребенка. Так, в методике Э.Г. Эйдемиллера имеется шкала, выявляющая предпочтение респондентом мужских или женских качеств. В связи

с тем, что в практической деятельности набор репрезентативной группы занимает длительное время (многие годы), в нашей работе представлены результаты, полученные только на десяти семьях.

Первичная обработка данных показала, что во всех семьях, воспитывающих мальчиков, один из родителей в своих ответах превышает минимальное диагностическое значение по шкале «предпочтение женских качеств». Данный феномен обнаружен по большей части у женщин (80%). На утверждения: «большинство мужчин легкомысленнее, чем женщины», «мужчины более склонны к измене», «хуже понимают чувства», «действуют безрассудно», «думают только о себе», – мамы отвечают утвердительно, полагая, что женщины лучше себя контролируют, способны понять другого, более ответственны, заботливы. Предполагается, что данная шкала выявляет гендерные предпочтения респондентов, а превышение минимального диагностического значения по этому параметру сказывается на воспитании детей, особенно если оно не совпадает с биологическим полом ребенка.

На наш взгляд, такой результат, вероятнее всего, связан не с желанием матерей воспитать сына с выраженными фемининными чертами, отвечая изменяющимся тенденциям гендерной социализации, а обусловлен наличием семейного конфликта. Психологический портрет отцов из таких семей характеризуется грубостью, эгоизмом, бескомпромиссностью, властностью, отсутствием контроля над своими потребностями и негативными эмоциональными состояниями. Женщины идентифицируют обозначенные черты с типично мужским поведением и не хотят повторения и усиления в сыновьях отрицательных качеств их мужей.

В этом аспекте, психологическая безопасность ребенка в процессе гендерной социализации будет формироваться в случае воспитания личности, способной регулировать свои спонтанные порывы и биологически обусловленные устремления, понимать чувства других, уметь искать компромиссы. Формы поведения, направленные на конструктивные способы взаимодействия с окружающими, относятся к личностным характеристикам (то есть социально обусловленным), поэтому желание матерей с помощью воспитания «смягчить» влияние негативных качеств отцов будет только способствовать психологической защищенности ребенка.

Известно, что агрессивность как качество, во многом обусловленное биологическими факторами, можно контролировать посредством личностной регуляции и правильно сформированной

просоциальной ценностной ориентации (Фромм Э., 1994; Васильева Н.В., 1997; Назаретян А.П., 2007). Другими словами, типично мужские качества (брутальность, напористость, директивность) будут проявляться у ребенка мужского пола даже при «мягком» воспитании. Однако формирование соответствующей ценностно-нормативной структуры личности позволит направить такие черты в социально конструктивное русло, а не на нарушение норм современной семейной жизни.

Литература

1. Бем С. Линзы гендера. Трансформация взглядов на проблему равенства полов. М. – 2004. – 329 с.
2. Васильева Н.В. Интеллект и личность в генезе гомицида //Ананьевские чтения - 97 (90 лет со дня рождения Бориса Герасимовича Ананьева). Тезисы научно-практической конференции 28-30 октября 1997г./ Под общей ред. Крылова А.А. СПб., 1997. С.115-117.
3. Васильева Н.В., Горьковская И.А. Судебная экспертиза и ее клиничко-психологические основания. СПб., 1997. – 170с.
4. Ильин Е.П. Дифференциальная психофизиология мужчин и женщин СПб.: Питер, 2003. – 362 с.
5. Клецина И.С. Гендерная социализация. СПб.: Изд. РГПУ им. А.И. Герцена, 1998. – 92 с.
6. Кон И.С. Введение в сексологию. М.: Медицина, 1989. – 336 с.
7. Назаретян А.П. Антропология насилия и культура самоорганизации. Очерки по эволюционно-исторической психологии. М.: УРСС, 2007. 256 с.
8. Фромм Э. Антология человеческой деструктивности. М.: Республика, 1994. 447 с.
9. Эйдемиллер Э.Г. Методы семейной диагностики и психотерапии. Методическое пособие / Серия: "Психодиагностика: педагогу, врачу, психологу (Вып. 1). М.: Фолиум, 1996. 48 с.

СОЗДАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОМФОРТА НА УРОКЕ КАК УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТНОГО ОТНОШЕНИЯ К ЗДОРОВЬЮ ЛИЧНОСТИ РЕБЕНКА

Весьма перспективным является подход к проблеме психологического здоровья учащихся с точки зрения полноты, богатства развития личности. Здоровье человека характеризуется полнотой проявления жизненных сил, радостного ощущения жизни, всесторонностью и долговременностью социальной активности и гармоничностью развития личности.

Проблема здоровья учащихся становится приоритетным направлением развития образовательной системы современной школы, стратегическая цель которой – воспитание и развитие свободной, творческой и здоровой личности. Здоровье ребенка, его физическое и психическое развитие в значительной степени определяется условием его жизни и условием жизни в школе. Современное образование должно обеспечивать условия для сохранения и укрепления психического и психологического здоровья учащихся. Только в этом случае современное образование действительно защищает интересы ребенка, обеспечивая ему психологическую безопасность.

Здоровье ребенка, его физическое и психическое развитие, в значительной степени определяются условием его жизни в школе и вне нее. Условие для здорового развития личности это – целостная медико-психолого-педагогическая система, включенная в социальный и культурный контекст эпохи. Основной характеристикой является понимание социальной ситуации развития (Л.С. Выготский). Её основу составляет переживание ребенком среды своего обитания и себя в этой среде. Полноценное психическое развитие на всех этапах онтогенеза составляют основу психического здоровья. Именно в детстве проблемы психического здоровья имеют более прямую связь с окружающей обстановкой чем другие возрастные периоды. Здоровье ребенка зависит от многих факторов: правильное питание, режим дня, пребывание на свежем воздухе, двигательная активность,

Закаливающие процедуры, психологический комфорт в семье, психологический комфорт в образовательных учреждениях. Основным условием нормального психосоциального развития ребенка (помимо здоровой нервной системы), признается спокойная и доброжелательная обстановка, создаваемая благодаря

постоянному присутствию родителей или педагогов, которые внимательно относятся к эмоциональным потребностям ребенка. Нарушение психического здоровья связаны как с соматическими заболеваниями или дефектами физического развития, так и с различными неблагоприятными факторами и стрессами, воздействующими на психику.

К нарушению психического здоровья так же ведет недостаточное общение с взрослыми и враждебные отношения. Психическое здоровье соотносится с переживанием психологического комфорта и психологического дискомфорта. От того, насколько ребенку комфортно в образовательном учреждении, зависит качество образования и психофизиологическое здоровье учащихся.

Что же такое психологический комфорт? Психологический комфорт – это психофизиологическое состояние, возникающее в процессе жизнедеятельности ребенка в результате оптимального взаимодействия его с внутри школьной средой. Структурными составляющими комфорта являются психологический, интеллектуальный и физический комфорт. Их единство в процессе образовательной деятельности и есть одно из условий полноценного личностного развития школьника. Психологический комфорт указывает на состояние радости, удовольствия, удовлетворения которые школьник переживает, находясь в образовательном учреждении. Эти состояния связаны с процессом обучения (т.е. интеллектуальным комфортом), с организацией предметного окружения (т.е. физическим комфортом). Источниками психологического комфорта выступают в первую очередь организационно-коммуникативные условия внутри школьной среды, то есть организация межличностных взаимодействий субъектов. Отношения «учитель- ученик» характеризуются:

1. Положительным эмоциональным состоянием;
2. Доброжелательными обоюдными отношениями.

Педагог должен дать возможность ребенку проявить себя как личность в полной мере. Для этого учителю необходимо использовать в своей работе:

1. Просьбы, а не требования;
2. Убеждения, а не агрессивное словесное воздействие;
3. Четкую организацию, а не жесткую дисциплину;
4. Компромисс, а не конфронтацию и т.д.

На уроке интеллектуальный комфорт достигается:

1. Сменой видов деятельности;

2. Достижением желаемого результата;
3. Поддержкой со стороны педагога;
4. Верой в собственные возможности.

Необходимые условия психологического комфорта:

1. Доброжелательные взаимоотношения в системе «учитель-ученик», «ученик-ученик»;
2. Создание ситуации успеха на уроке;
3. Использование на уроках методов эмоциональной раскочки, упражнений на релаксацию;
4. Комфортная внутришкольная среда.

«Золотые правила», соблюдение которых обеспечивает психологический комфорт всем участникам образовательного процесса:

1. Уважай детей;
2. Не навреди, ищи в детях хорошее;
3. Замечай и отмечай малейшие успехи ученика, от постоянных неудач дети озлобляются;
4. На уроке создавай ситуацию успеха;
5. Будь великодушным умей прощать;
6. Оценивай поступок, а не личность;
7. Дай ребенку ощутить, что сочувствуешь ему, веришь в него хорошего мнения о нем, несмотря на его оплошность;
8. Хвали в присутствии коллектива, а прощай наедине,
9. Только приблизив к себе ребенка, можно влиять на развитие его духовного мира.

Духовность сама собой не рождается, она понимается как особое эмоционально-нравственное состояние личности, ориентированное на Истину, Красоту, Добро.

Забота о психологическом здоровье включает в себя внимание к внутреннему миру ребенка, его чувствам и переживаниям увлечениям, интересам, способностям, его отношению к себе, сверстникам, окружающими миру, к жизни как таковой. Ценность здоровья в жизни человека выступает как ключевая категория. Главная роль в этом принадлежит образовательным учреждениям, где формируется как индивидуальное здоровье личности, так и здоровье всего общества.

Литература

1. Кузнецова Л.В. Ситуация успеха на уроке. М., – 2003.
2. Корневская В.А. Всем ли комфортно в школе? – методическое пособие. – Кемерово, – 2009.

ПРОБЛЕМА ПЕРЕЖИВАНИЯ ОДИНОЧЕСТВА ЛИЧНОСТЬЮ В ПОСТРАЗВОДНОЙ СИТУАЦИИ

Состояние переживания личностью собственной изолированности или одиночества – может быть как объективным, так возможно и его субъективное нагнетание. В первом случае мы говорим о ситуации, когда человек вынужден не вступать в межличностное взаимодействие в силу каких-то объективных причин. Нет объектов межличностного контакта, существуют социальные, экономические, географические и др. барьеры, препятствующие осуществлению значимых коммуникаций. Личность оказывается не готова существовать в пространстве отсутствия удовлетворяющих коммуникативные потребности систем, в пространстве потери знакомых и устоявшихся механизмов социального поведения (смерть, развод, длительный отъезд, переезд и др.). Второе же проявление одиночества связано с наличием психологических барьеров. Человек не вступает в близкие отношения и не допускает находящихся в общих с ним микросоциумах индивидов нарушить свое одиночество. В этом случае одиночество может рассматриваться как проблема, только если человек сам воспринимает его таковым. Он живет в семье, работает, выполняет множество социальных контактов, но при этом переживает собственную изолированность.

Развод, как прекращение брака при жизни супругов неизменно связан с переживанием чувства утраты и, как следствие – одиночества. Развод порождает множество проблем, как осознаваемых, так и неосознаваемых. Независимо от того, каким образом супруги разорвали отношения, им обоим приходится приспособляться к изменившимся условиям жизни. Особенно на этом фоне хочется выделить проблему ребенка. Разрушение устойчивых стереотипов поведения в значимом микросоциуме приводит к формированию у развивающейся личности непродуктивных поведенческих схем и разрушительных проявлений внутриличностного самочувствия.

Одиночество здесь может рассматриваться в нескольких проявлениях. Одно из них может быть названо прямой реакцией, второе - следствием. Прежде всего, если мы говорим о прямой реакции, одиночество проявляется, как объективно существующая потеря общения в актуальном пространстве с близким и родным

человеком, так как в результате развода общение с одним из родителей на том уровне каким оно было ранее, становится невозможным. В некоторых случаях родители решают ситуацию таким образом, что один из детей, если в семье несколько сиблингов, живет отдельно с родителем, покинувшим семью. Тогда дети, кроме понятной тоски по ушедшему взрослому испытывают чувство одиночества связанное и с изменением горизонтальных отношений в системе детской семейной подгруппы. Еще одно проявление данного переживания (как следствие) - уход в себя, ограничение существующих социальных контактов, культивирование интровертных переживаний, как защитный механизм выживания в новой и некомфортной ситуации. Лишенный привычных поведенческих стереотипов ребенок, бессознательно производит проекцию проблемы на собственные личностные характеристики и стремится избавиться себя от возможных аналогичных проявлений в будущем. «Если меня смогла оставить мама (или папа) то разве не может так же поступить тетя, бабушка, соседка по дому, друг, одноклассник и т. д.? Что бы избежать такого же в дальнейшем, лучше я останусь один, и ограничу свое взаимодействие необходимым минимумом контактов» так, или примерно так, появляется переживание одиночества в жизни ребенка из семьи, пережившей развод.

В ситуации организации психологической помощи приходится работать с переживанием личностью феномена утраты. Утрата понимается как потеря близкого человека в результате различных событий. Это может быть не только развод, но и смерть близкого человека, длительное расставание или прекращение отношений в силу различных непредвиденных обстоятельств. Утрата часто сопровождается возникновением кризиса у человека. Кризис может оказывать влияние на различные сферы личности и проявляться по-разному. Можно выделить такие проявления кризиса, связанного с утратой, как: возникновение депрессии, апатии и безразличия ко всему; снижение жизненной активности и жизненного тонуса; замкнутость, «уход в себя»; ощущение потери смысла жизни; суицидальные проявления в речи или в поведении; обострение старых и возникновение новых соматических заболеваний, имеющих психологическую природу; частая смена настроений от гиперактивности до гиппомании; повышенная эмоциональная возбудимость, агрессивность, конфликтность; неряшливость из-за нежелания ухаживать за собой, вплоть до пренебрежения повседневной гигиеной. Переживание утраты

отношений, связанное с разводом - это восприятие его как символическую смерть отношений, гибель привычного уклада жизни, установок и норм, связанных со своим социальным статусом, образом жизни до развода. Для переживания утраты в связи с разводом, расставанием партнеров свойственны те же стадии, что и для переживания утраты в связи со смертью близкого человека. При этом существуют и характерные особенности этого процесса, выражающиеся в специфике переживаний, чувств и действий на каждой из стадий.

Прохождение стадий переживания утраты при разводе имеет свои специфические особенности. Прежде всего – это отрицание, характеризующееся обесцениванием важности произошедшего события через механизм рационализации. После этого может наступить озлобленность, направленная на бывшего супруга, партнера, являющаяся своеобразной защитой от душевной боли, возникшей в результате произошедшего события. При этом каждый из супругов ведет поиск сторонников, которыми часто стараются сделать детей. Затем наступает стадия переговоров, которые направлены на восстановление брака, с использованием различных манипуляций (дети, секс, беременность, чувство вины, чувство ответственности и т. п.). После негативного опыта предыдущей стадии, если она не принесла желаемых результатов, личность может испытать состояние депрессии. Здесь как раз и проявляется переживание одиночества. Происходит осознание случившегося и переживание различных чувств и эмоций, среди которых могут быть такие, как: ощущение пустоты жизни; ощущение собственной неполноценности и ненужности; снижение уровня самооценки; уход в себя, снижение доверия к людям; трудности в построении новых отношений. Проживание личностью этого этапа приводит к этапу адаптации – происходит приспособление к новому положению и изменившимся условиям жизни. Человек самостоятельно или при помощи специалистов должен овладеть умением жить в одиночестве, без поддержки супруга, самостоятельно решать проблемы бытового уровня, которые ранее решались другим супругом; изменить стиль поведения в социуме, принять свой статус; у него формируются новые жизненные цели, привычные установки и стереотипы.

Относительно психологической поддержки супругов в распавшемся браке с помощью специалиста – психолога, надо понимать, что она зависит от стадии этого процесса. Если это предразводный период, то цель консультационного взаимодействия

– достижение продуманного, ответственного решения. В период развода, когда переживаются чувства гнева, печали, вины, необходимо способствовать принятию произошедшего. Задачи постразводного периода – стабилизация положения, достижение самостоятельности, профилактика депрессивных состояний. К специфическим проблемам постразводного периода, которые нуждаются в проработке, относятся продолжение и проживание конфликтной ситуации, избегание ухода в себя, негативного отношения к собственной персоне, самобичивания и добровольного изолирования от существовавших ранее контактов.

Задачи работы психолога-консультанта при консультировании в связи с разводом, тесно связаны с этапом переживания личности периода скорби. На начальных этапах работы, когда еще сильна боль и отрицание утраты отношений, – это будет оказание поддержки. При этом консультанту следует постепенно подводить клиента к осознанию своего положения и ситуации. Часто у клиента возникает сильная потребность в советах по поводу того, как вернуть супруга. Здесь консультант должен, в первую очередь обратить внимание клиента на то, зачем ему это нужно, необходим глубокий анализ переживаний клиента и их проработка.

На стадии агрессии консультанту также не следует давать советов. Необходимо сосредоточить свое внимание на осознании клиентом своих истинных мотивов и чувств, чтобы клиент понял, что данная стадия является неотъемлемой частью прохождения всего процесса переживания разрыва отношений. Иногда клиент может испытывать сильное чувство вины из-за того, что не смог сохранить отношения. В этом случае консультант должен помочь проанализировать истинную природу этих чувств, проработать чувство вины клиента и не позволить ему перейти в негативное самоотношение и дальнейшую личностную изоляцию.

Переход на следующую стадию – стадию адаптации возможен только в том случае, если у клиента произошло осознание своих чувств и переживаний по поводу случившегося, и проработка этих чувств. При работе с клиентом, находящимся на первых трех стадиях, важно подвести его к переходу на стадию адаптации через осознание своего нового статуса, понимание своих будущих возможностей, ответственности за свою жизнь и возможность самостоятельно делать выбор. Если работа на первых трех стадиях была успешной, то задача консультанта – помощь и поддержка клиента в сложном и трудном процессе адаптации и выработке нового взгляда

на ситуацию, жизнь, свое место в ней и тех качеств, которые способствует успешной адаптации в ситуации развода.

Однако, порою даже благополучное построение постразводного взаимодействия не мешает переживанию одиночества. Здесь надо говорить о наличии у человека, даже при позитивном жизненном сценарии, потребности в одиночестве. С определенного момента своего развития, даже в дружной и любящей семье, человек нуждается хоть в маленьком, но собственном пространстве, где он может быть изолирован. Если такой возможности нет, подросток начинает сооружать себе своего рода «гнездышки», благодаря которым он перестает ощущать постоянный контроль окружающих и их присутствие в каждом отрезке собственного существования.

В ситуации развода, переживания личности настолько оголены и уязвимы, что требуют психологического сопровождения, иногда с направленностью на опережение. Однако, любая психологическая помощь эффективна только при открытости со стороны самой личности, поэтому определенные переживания и страдания неизбежны и даже в некоторых ситуациях оправданны как необходимые этапы прохождения человеком пути возвращения к себе – позитивному.

Арипов М.М., Асадулаева У.М. (г. Махачкала)

ВЗАИМОУСЛОВЛЕННОСТЬ ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЙ СФЕРЫ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТА И БЕЗОПАСНОГО ПРЕОДОЛЕНИЯ КРИЗИСНЫХ СИТУАЦИЙ

Сегодняшний деловой и профессиональный мир остро нуждается в мобильных людях, готовых грамотно принимать самостоятельные решения и способных успешно и эффективно находить и реализовывать себя в современных условиях изменчивого мира.

На формирование ценностно-смысловой сферы личности оказывают влияние многие факторы. Исследования показывают, что профессиональное становление и профессиональная деятельность имеют непосредственное влияние на формирование ценностно-смысловой сферы личности, и она в свою очередь влияет на успешность профессиональной деятельности.

Профессиональное становление личности всегда сопряжено как с успешностью, так и с определенными трудностями, противоречиями и кризисными ситуациями. Профессиональная подготовка в настоящее время становится непрерывным процессом и постепенно превращается в процесс непрерывного образования и развития личности в избранной им области.

Различные концепции профессионального становления представлены в психологических исследованиях (Л.М. Митина, Т.В. Кудрявцев, Ю.П. Поваренков, Э.Ф. Зеер, Д. Холлонд и др.). Так Ю.П. Поваренков выделяет несколько стадий профессионализации, совпадающие с этапами профессиональной социализации. Это допрофессиональное становление личности, поиск и выбор профессии, профессиональное обучение и самостоятельная профессиональная деятельность.

По мнению Т.В.Кудрявцева, профессиональное становление представляет собой достаточно сложный, весьма подвижный, длительный, многоплановый, а подчас и противоречивый процесс. Особое значение он придает кризисным ситуациям, которые обусловлены рассогласованием между ожидаемым и достигаемым результатом, ломкой концепции самого себя и построением новой. Т.В. Кудрявцев и Э.Ф. Зеер выделяют четыре в определенном смысле взаимосвязанные стадии профессионального становления личности профессионала:

1. На первой стадии происходит формирование профессиональных намерений.
2. Вторая стадия предполагает профессиональную подготовку или обучение.
3. К третьей стадии отнесена профессионализация или профессиональная адаптация.
4. Четвертая стадия – это мастерство, частичная или полная реализация личности в профессиональной деятельности.

Надо заметить, что практически на всем протяжении процесса профессионального становления переход от одной стадии к другой часто может сопровождаться возникновением у человека определенных трудностей и противоречий и даже кризисных ситуаций. Кризисы профессионального становления - это непродолжительные по времени периоды кардинальной перестройки личности, изменения вектора ее профессионального развития.

Они протекают, как правило, без ярко выраженных изменений профессионального поведения. Смена одних стадий процесса

профессионального становления другими, как мы установили, не всегда бывает жестко привязана к определенному возрастному этапу, которая отражает психологический возраст профессионально-личностного становления, развития и зрелости человека.

Кризисы, которые характерны самому процессу профессионального становления, могут возникать не только при переходе от одной стадии к другой, но и внутри отдельных стадий этого процесса. Они протекают, как правило, без ярко выраженных изменений профессионального поведения. Вместе с тем происходящая перестройка смысловых структур профессионального сознания, переориентация на новые цели, коррекция и ревизия индивидуально-профессиональной позиции подготавливают смену способов выполнения деятельности, ведут к изменению взаимоотношений с окружающими людьми, а в отдельных случаях – смене профессии» [2].

Если внимательно проследить факторы, инициирующие кризисы профессионального развития, то прежде всего мы заметим, что они могут выступать как постепенные качественные изменения способов выполнения деятельности. На стадии профессионализации наступает момент, когда дальнейшее развитие деятельности, формирование ее индивидуального стиля невозможны без коренной ломки нормативно-одобряемой деятельности. В этих условиях личность должна совершить профессиональный поступок, проявить сверхнормативную активность, которая может выразиться в переходе на новый образовательно-квалификационный, либо на качественно новый инновационный уровень выполнения деятельности.

Взросшая социально-профессиональная активность личности также может стать фактором проявления кризиса профессионального становления. Кроме того факторами, порождающими профессиональные кризисы, могут выступить такие социально-экономические условия жизнедеятельности человека как ликвидация предприятия, сокращение рабочих мест, неудовлетворительная зарплата, переезд на новое место жительства и некоторые другие. Кризисы профессионального становления нередко связаны с такими возрастными изменениями как ухудшение здоровья, снижение работоспособности, ослабление психических процессов, профессиональная усталость, интеллектуальная беспомощность, синдром «эмоционального сгорания» и т.д. Профессиональные кризисы нередко возникают

при вступлении на новую должность, участии в конкурсах на замещение вакантной должности, аттестации специалистов.

Наконец, фактором длительного кризисного явления может стать полная поглощенность профессиональной деятельностью. Специалисты-фанаты, одержимые работой как средством достижения признания и успеха, иногда серьезно нарушают профессиональную этику, становятся конфликтными, проявляют жесткость во взаимоотношениях, что конечно же не способствует его толерантности в обществе, коллективе.

Кризисные явления могут сопровождаться нечетким осознанием недостаточного уровня компетентности и профессиональной беспомощностью. Иногда наблюдаются кризисные явления при достаточном или при более высоком, чем требуется для выполнения нормативной работы уровне профессиональной компетентности. Как следствие, возникает состояние профессиональной апатии и пассивности [2].

Как показывает анализ опыта организации профессиональной подготовки, в практике учебно-воспитательной работы высших учебных заведений разных типов нередки случаи, когда уже к концу первого, а особенно часто на втором или третьем году обучения, у студента может измениться отношение к процессу овладения профессией. Профессиональное развитие и совершенствование особенно на начальных этапах профессионального становления, может стать причиной дестабилизации отношения личности к выбору профессии и процессу овладения ею. Это проявляется в падении интереса, появлении чувства тревоги, в возникновении некоторой неуверенности в возможности овладеть делом, которое могло бы стать смыслом жизни, и которому человек мог бы посвятить себя по возможности более полно. Все это связано с правильностью выбора профессии.

Среди критериев правильного выбора профессии А.В. Тихомиров называет степень соответствия внутренних побуждений индивида профессиональным стандартам. В случае несовпадения субъективных склонностей и объективных требований формируется «профессиональный стресс», который выражается, в первую очередь, в отсутствии удовлетворения от работы, в неврастении, психосоматических заболеваниях, усталости [6]. Определяющая роль в возникновении чувства удовлетворения от труда, как отмечает Р.В. Габдреев, принадлежит не фактору полного совпадения способностей индивида с определенным видом

деятельности, а становлению последней смыслом жизни индивида [1].

На обусловленность профессионального поведения личности ценностными ориентациями и смыслами обращают внимание Н.С. Пряжников, Е.Ю. Пряжникова. Они подчёркивают что «...именно развитие ценностно-смысловой сферы часто выступает важнейшим критерием перехода человека на новый уровень (этап, стадию) своего развития.., без такого внимания к ценностно-смысловой сфере вообще невозможно понять, как формируется субъект труда и какую роль играет профессиональный труд в жизни человека [5].

Возможность появления таких ситуаций в процессе профессионального становления личности требует к ним особенно пристального внимания со стороны педагогов, психологов и самих студентов. Знание индивидуальной динамики и хода процесса профессионального становления и развития каждого конкретного студента, помочь в осознании своих собственных личностных особенностей является неременным психологическим условием своевременного оказания психологической помощи в преодолении возникающих здесь проблем и затруднений.

Итак, можно сделать вывод о том, что уровень сформированности ценностно-смысловой сферы личности профессионала оказывает положительное воздействие на преодоление трудностей, устранение противоречий и преодоление кризисных ситуаций в его деятельности.

Литература

1. Габдреев Р.В. Методология, теория, психологические резервы инженерной подготовки. – М.: Наука, 2001. – 167 с.
2. Зеер Э.Ф. Психология профессий. Екатеринбург, 1997.
3. Кудрявцев Т.В., Шегурова В.Ю. Психологический анализ динамики профессионального самоопределения личности // Вопр. психол. 1983. – № 2.
4. Поваренков Ю.П. Психологическое содержание профессионального становления человека. М., 2002.
5. Пряжников Н.С, Пряжникова Е.Ю. Психология труда и человеческого достоинства. М., 2001.
6. Тихомиров А.В. Метод дифференциации профессиональных выборов в практике профконсультирования // Екатеринбург, 2001. – Вып.1., часть 1.

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПЕДАГОГА

Рассматривая личность как центральное звено развивающегося общества, педагогические исследования особое значение отдают воспитанию свободного человека с развитыми духовной культурой, культурой чувств, интеллектом и способным на постоянную трансформацию, меняющейся в соответствии с движением науки картины мира. В этой связи становление личности, обладающей развитой духовной и экологической культурой, стремящейся к сознательному овладению и утверждению экологического образа жизни, является необходимым условием изменения системы подготовки учителя педагогическом ВУЗе.

Результативность решения эколого-педагогических проблем затрагивает личность учителя, так как именно от его экологической культуры во многом зависит способность подрастающего поколения отказаться от позиции вседозволенности в отношении Природы и в дальнейшем строить взаимосвязи с ней на принципиально новой основе.

Актуальность данной проблемы обусловлена, прежде всего:

- необходимостью и потребностью поиска духовной опоры человека в период политического и идеологического кризиса в государстве, вокруг которой способна рождаться новая картина окружающего мира;
- изменением сложившегося потребительского, антропоцентрического образа Природы как одного из основных средств трансформации устоявшейся эгоцентрической картины мира и посредством этого становления основ экологической культуры личности;
- необходимостью обращения к чувственной сфере личности при становлении экологической культуры личности;
- необходимостью оценки и регуляции деятельности со стороны нравственной, смысловой, экоцелесообразной точки зрения их достижения;
- необходимостью кардинального улучшения качества экологической компетентности личности в условиях нарастающей экологической угрозы, формирования способности человека рассматривать экономическое в рамках экологического;

- потребностями современного общества и школы в учителе, обладающем высоким уровнем развития экологической культуры личности адекватной изменяющейся социосреды;

- необходимостью углубленной подготовки студентов педвуза к осуществлению деятельности по становлению экологической культуры личности школьников.

Понятие «экологическая культура» широко применяется сегодня в научной, научно-популярной литературе, в средствах массовой информации, однако, несмотря на это, оно до сих пор не имеет общепринятого толкования.

Это понятие включает в себя комплекс философских, психологических, культурологических, биологических, педагогических, социологических проблем и является, на наш взгляд, производным из духовной культуры.

Следовательно, становление экологической культуры личности понимается как социальный процесс духовно-практической деятельности субъекта, основанный на личном и общественном опыте, протекающий под воздействием различных объективных факторов как:

- социальной (семья, школа, высшие учебные заведения, различные общественные организации, средства массовой информации и другие);

- природной среды (процессы и явления, происходящие в природе);

- социальных условий (экологическое воспитание, образование и самовоспитание как познание собственной природы), направленных на развитие себя и качества жизни.

Экологическое воспитание и образование подрастающего поколения возникло как компенсация и преодоление разрыва между человечеством и окружающей средой, негативно воздействующей на обе стороны этого процесса.

В таком понимании сущности проблемы, экологический кризис – это не только и не столько кризис в системе политики, производства и идеологии, а в первую очередь – это кризис культуры, оказавшейся не в состоянии обеспечить воспроизводство новых культурных норм людей в изменившихся условиях и кризис самого человека.

Научный подход к проблеме становления экологической культуры личности будущего учителя в процессе педагогической деятельности требует от нас обращения к сложному и многомерному феномену культуры.

Педагогика обращается к формированию трех сфер личности: интеллектуально-познавательной (рациональной), мотивационно-ценностной (эмоциональной), нравственно-практической (волевой). То, развитию каких из них отдается предпочтение, каким образом связываются процессы приобщения к знаниям, развития мышления, формирования мотивов, переживаний, поведенческих навыков, закреплено в базисных традициях цивилизации. Они могут выражать тенденции преимущественной ориентации механизмов социализации или на воспроизведение готовых образов культуры, зафиксированных в устойчивых стереотипах, или на творческий подход, изменяющий, преобразующий отношения к накоплению культуры и способам ее передачи от поколения к поколению.

Бесспорно, в настоящее время особое внимание должно уделяться перестройке мышления будущих учителей, поскольку процесс преодоления конфликта в собственном сознании, сопряженный с психологическими, моральными, физическими усилиями проходит у людей этой возрастной категории менее болезненно.

Следует отметить, что картина мира формируется не только на основе научных знаний, но и на основе чувственно-образных представлений о мире. Смысл, образ и чувство создают образно-смысловой конструкт, в котором выстраивается картина мира, и экологическая в частности, как целостное системное образование, состоящее из знаний о внешнем мире и самопредставлений. Экологическое «Я», в этом случае, является доминантным, ведущим компонентом духовной базисной культуры личности субъекта, которая материализуется не только в процессе взаимоотношений человека с Природой, но и с обществом людей, с отдельным человеком, с самим собой.

Построение целостной фундаментально-экологической и чувственно осознанной картины мира индивида создает основу для проявления эксцентрического мотива деятельности студента.

Мотивы любой деятельности – сложное, многокомпонентное, многофазовое образование, в котором задействованы различные составляющие (волевые, эмоциональные, когнитивные).

Мотивация, таким образом, включает определение экологических параметров деятельности, целевую мобилизацию энергетических, психофизиологических, физических ресурсов личности, определение потенциала жизненной перспективы.

Исходя из этого, становление экологической культуры как подсистемы духовной культуры личности представляет в настоящее время особый интерес.

В процессе освоения экологического опыта общества (как отрицательного воздействия на природу, так и положительного), человек осуществляет и обратное воздействие на характер отношений между обществом и природой, изменяя их.

Если рассматривать экологическую культуру личности будущего учителя как восприятие окружающей действительности и степень ответственности по отношению к ней, то экологическая воспитанность личности составляет социальное и индивидуальное качество человека, отражающее его отношение к внешней и внутренней природе, к другим людям по поводу природы, характеризующееся не только способностью и готовностью к практической экологической деятельности, но и потребностью в ней, проявляющееся в процессе его участия в духовно-практической деятельности по познанию, освоению, сохранению природного окружения, обусловленное историческим типом экологической культуры общества, социальным и личностным механизмами ее формирования.

Уровень экологической культуры общества соответствует уровню институтов, ее воспроизводящих и создающих объективные условия, воздействующие на сознание и психологию человека.

Приоритет в этой области принадлежит образованию. Но для этого необходимо знать: кого и как учить; как помочь каждому конкретному человеку понять, осознать, почувствовать свою глубинную связь с природным миром, научиться не переносить потребительское отношение к техническому миру на мир живой. Помочь в этом может и должен учитель, воспитатель, наставник

Человек может получать информацию о том или ином явлении в процессе социального познания и взаимодействия, выстраивать свое поведение на основе имеющихся социальных представлений и дополнить их собственным опытом.

Обобщая вышеизложенное, подчеркнем, что результативность воспитательного процесса целиком зависит от того, каким представляется мир человеку, как он видит жизнь, разворачивающуюся вокруг него, каким он видит себя в ней и от того, как педагог воспринимает построенный воспитанником образ окружающего мира, как соотносит этот образ со своим собственным, насколько он способен найти оптимальные способы воздействия и скорректировать образ мира вверенных ему людей, не нарушив при этом принцип «не навреди».

К ПРОБЛЕМЕ РАЗВИТИЯ ПОЗИТИВНОЙ Я-КОНЦЕПЦИИ У ДЕТЕЙ, ВОСПИТЫВАЮЩИХСЯ ВНЕ СЕМЬИ

В последние десять лет наше государство уделяет большое внимание проблеме сиротства. Это выражается, прежде всего, в увеличении размера материальных выплат на обеспечение детей-сирот и в вознаграждении замещающих родителей. В результате чего отмечается тенденция к уменьшению количества детей-сирот. Однако количество сирот в нашей стране значительно превышает численности детей, во время войны и послевоенное время. Основной контингент детей-сирот, как показывает современная практика, составляют социальные сироты (дети, оставшиеся без попечения родителей).

Специфические условия жизни детей-сирот, заключающиеся в отсутствии внимания, тепла, ласки со стороны родителей, прежде всего, матери, а также недостаточности общения детей с взрослыми, высокой интенсивности контактов со сверстниками и др., накладывают отпечаток на весь процесс развития и становления личности ребенка.

В современной психологии широко используемое понятие «Я-концепция» понимается как система представлений человека о самом себе, о своих физических, интеллектуальных, характерологических, социальных и прочих свойствах. Эти представления неразрывно связаны с его самооценкой и выражаются в соответствующем поведении.

Многочисленные психологические исследования свидетельствуют, что любовь к себе одна из важнейших, базовых потребностей человека. Вместо термина «любовь к себе» в психологии чаще используются другие слова: принятие себя, позитивная «Я-концепция», высокая самооценка, высокая степень самоуважения и т.д. Люди с высокой самооценкой, с высоким уровнем самоуважения характеризуются более высокими достижениями во всех видах деятельности, высокой обучаемостью.

Важной характеристикой «Я-концепции» является ее внутренняя целостность, последовательность, согласованность, преемственность и устойчивость во времени. Совокупность этих характеристик является содержанием понятия «идентичность».

Я-концепция, идентичность формируются у человека очень рано, в первые месяцы жизни. Согласно Э. Эриксону идентичность

понимается как тождественность человека самому себе (неизменность личности в пространстве) и целостность (преемственность личности во времени). Так как «Я- концепция» в раннем детстве формируется, прежде всего, на основе того, как к нему относятся другие люди, то в случае множества различных мнений о нем не развивает чувства тождества себе, идентичности. Основная причина развития негативной «Я-концепции» и спутанной идентичности у детей, воспитывающихся вне семьи, по мнению большинства исследователей, в том, что ребенок из учреждения с раннего детства имеет дело ни с несколькими близкими взрослыми, а с множеством постоянно меняющихся взрослых, разных и по особенностям своего поведения, и по характеру эмоционального отношения к ребенку. Целостность как важный аспект идентичности обретается детьми из детских учреждений с большим трудом.

По данным исследований А.М. Прихожан, Н.Н. Толстых, самосознание, отношение к себе у детей, выросших вне семьи, отстает в развитии всех аспектов «Я»: представление о себе, отношение к себе, образ «Я», самооценка. «Я-концепция» формируется у подростков-сирот иначе, чем у «семейных» детей. Воспитанники из детского дома в большинстве своем имеют негативную «Я-концепцию», они не уверены в себе. Преобладание заниженной самооценки воспитанников из детского дома приводит к пессимизму, неверию в справедливость, трудности социальной адаптации в самостоятельной жизни выпускника и т.п. (Прихожан, Толстых, 2007).

При сравнении самооценок подростков обращает на себя внимание то, что у воспитанников интерната они в большинстве случаев негативны и относятся к личности в целом негативно. У подростков из семьи отношение к себе положительное, а самооценка носит весьма сложный характер, даже если низко оценивает отдельные свои качества, успехи, но при этом любит себя.

Сравнивая категорию «Поведение» у подростков из школы и интерната, можно отметить существенные отличия. Если для «образа Я» подростков, растущих в семье, наиболее характерно негативистическое противопоставление собственного поведения нормативному, собственных предпочтений – требованиям взрослых, то для «образа Я» воспитанников интерната важными оказываются разные стороны поведения, умение ловко приспособиться к ситуации (Прихожан, Толстых, 2007).

Можно утверждать, что характер общения с взрослым и самооценка взаимосвязаны. Именно общение влияет на зарождение общей и конкретной самооценки у воспитанников из детского дома. Воспитанники детских домов не уверены в себе, у них заниженное представление о себе.

Дефицит общения воспитанников детских домов с взрослыми, педагогическая позиция многих взрослых, при которой дети являются лишь объектом ухода, обучения и воспитания и минимумом индивидуальных контактов – все это затрудняет осознание своего «Я».

Чтобы стать полноценной личностью, ребенок должен воспитываться в эмоционально теплой и стабильной обстановке. По мнению Альфреда Адлера если эмоциональный контакт с близкими взрослыми или окружающими людьми нарушен, то обстоятельства ребенка подавляют, его ожидания, относительно будущего пессимистичны, чувствует себя слабее других, нелюбимым. В результате у него развиваются очень низкая самооценка, чувство неполноценности. Возникшая в детстве неуверенность в себе становится устойчивой характеристикой воспитанников детского дома (Фурманов, Фурманова, 2004).

Известно, что для развития личности человека, в том числе становления его «Я-концепции», «образа Я» важное значение имеет то, как к нему относятся окружающие, каким его видят, как оценивают. Человек ощущает, переживает и осознает эти оценки и взгляды, в результате чего формируется так называемое «зеркальное Я». «Зеркальное Я» формируется в результате усвоения мнений и оценок других людей. Чем младше ребенок, тем более неразделимыми оказываются его «Я» и «зеркальное Я». Высокий уровень личностного развития характеризуется четкой дифференцировкой «Я» и «зеркального Я». По данным А.М. Прихожан и Н.Н. Толстых, в интернате более чем у половины подростков «зеркальный» автопортрет хуже «прямого». В интернате нет подростков, которые бы считали, что окружающие думают о них лучше, чем они думают о себе. У подростков из интерната в большинстве своем случае «Образ Я» оказывается зависимым от мнения окружающих, в отличие от подростков, растущих в семье.

В исследованиях Дубровиной И.В. и др. показано, что отношение к себе у воспитанников детского дома, по сути, повторяет оценку окружающих. Иногда мы встречаемся с этим почти в парадоксальной форме, когда в ответ на просьбу написать:

«Каким я кажусь себе» подросток пишет: «Мой воспитатель говорит, что я очень грубый, не очень-то умен». У подростков из семей происходит активный процесс становления собственного отношения к себе, основанного на собственных представлениях, выработка собственных критериев оценки себя (Дубровина, 1991).

Таким образом, по данным ряда исследований видно, что воспитанники интерната инфантильны, зависимы в поведении, в самооценке от окружающих, чем дети из семьи.

Р.Бернс подчеркивает, что у детей-сирот «Я-концепция» часто оказывается полностью лишенной позитивного содержания, и поэтому она крайне уязвима и защищает себя с помощью агрессии и враждебности к другим людям (Бернс, 1986).

Как уже отмечалось выше, воспитанники из учреждений интернатного типа имеют негативную «Я-концепцию», не уверены в себе. Данные специальных исследований и психолого-педагогический опыт, при наличии устойчивой негативной «Я-концепции» у человека часто возникает так называемый «дискомфорт успеха», когда ему бывает неуютно и даже неприятно, когда его хвалят. Дискомфорт успеха объясняют тем, что человеку важнее сохранить привычное отношение к себе, даже отрицательное, чем иметь неопределенное, спутанное представление о себе, спутанную идентичность.

Нами было проведено специальное сравнительное исследование самооценки подростков-сирот и подростков, воспитывающихся в условиях семьи.

Методика изучения самооценки (Т.В. Дембо - С.Я. Рубинштейн - А.М. Прихожан), модифицированная М.М.Далгатовым, позволила нам выявить уровень самооценки у подростков-сирот и подростков из семьи. Подростки-сироты оценивают себя по каждому из предложенных качеств значительно ниже, чем подростки, воспитывающиеся в условиях семьи. Анализ средних значений развития самооценки подростков, воспитывающихся в условиях семьи и подростков-сирот, позволяет утверждать, что самооценка способностей и везения у последних значительно ниже, чем самооценка этих же качеств у подростков из семьи. Однако самооценка усилий и трудности задачи в обеих выборках достоверно не различается.

Таким образом, теоретический анализ литературы и проведенное нами исследование личностных особенностей подростков-сирот и подростков, воспитывающихся в условиях семьи, показал ряд различий между ними. У большинства

воспитанников из детского дома отмечается негативная «Я-концепция», низкая самооценка, низкий уровень самоуважения, тогда как у подростков, воспитывающихся в условиях семьи позитивная «Я-концепция», высокая самооценка и высокий уровень самоуважения.

Литература

1. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание [Текст] / Р. Бернс. Общ. ред. В.Я. Пилиповского. – М.: Прогресс. – 1986 .
2. Богатырева М.Б. Психологические особенности «образа Я» подростков, проживающих вне семьи. –М., 2007.
3. Божович, Л.И. Личность и её формирование в детском возрасте [Текст] / Л.И. Божович. – М.: Просвещение. - 1968.
4. Дети-сироты: консультирование и диагностика развития/ Под ред. Е.А.Стребелевой. М.: Полиграф сервис, 1998.
5. Лисина М.И., Дубровина И.В. и др. Психическое развитие воспитанников детского дома / Под ред. И.В.Дубровиной, А.Г.Рузской; Научн.- исслед. ин-т общей и педагогической психологии Акад.пед.наук СССР.-М.:Педагогика, 1990.
6. Прихожан А.М. Тревожность у детей и подростков: Психологическая природа и возрастная динамика. М.: Моск. психолого-социальный ин-т, 2000.
7. Прихожан А.М., Толстых Н.Н. Психология сиротства. СПб., 2005.
8. Психология подростка. Под ред. А.А.Реан. - СПб.: ПРАЙМ - ЕВРОЗНАК, 2003.

Багдужева К.Г. (г. Махачкала)

ПРОГРАММЫ РЕАБИЛИТАЦИОННЫХ МЕРОПРИЯТИЙ С ДЕТЬМИ-ИНВАЛИДАМИ И ИХ СЕМЬЯМИ КАК УСЛОВИЕ СОЗДАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИ БЕЗОПАСНОЙ СРЕДЫ

Все люди мечтают о счастливой судьбе - об образовании, любимой работе, замечательной семье, своей востребованности. Реальность же нередко вносит коррективы в эти мечты. Одно из самых тяжелых его испытаний - утрата здоровья и связанная с ним инвалидность.

В «Декларации о правах инвалидов» говорится, что эти люди имеют неотъемлемое право на уважение их человеческого достоинства. Инвалиды, какого бы происхождения ни были характер и серьезность их увечий и недостатков, имеют те же

основные права, что и их сограждане того же возраста. Это, прежде всего, означает, что у них есть право на удовлетворительную жизнь и меры, которые могут помочь им обрести максимальную самостоятельность.

Вопрос о причинах рождения детей-инвалидов до сих пор до конца не изучен. Среди факторов риска ученые называют генетику, экологию, неблагоприятный образ жизни, инфекции и перенесенные заболевания родителей. Казалось бы, с развитием современной медицинской диагностики подобные случаи не должны повторяться, но проблема продолжает оставаться актуальной.

Долгие годы об этом не принято было говорить вслух, и фактор общественного молчания, как и созданная система закрытых учреждений для детей с тяжелыми нарушениями, привели к тому, что именно эти дети зачастую оказываются изолированными от общества, а семьи – остаются наедине с собственной горечью и проблемами.

Общеизвестно, что в семьях детей-инвалидов происходят качественные изменения на трех уровнях: психологическом – в силу хронического стресса, вызванного заболеванием ребенка, постоянными и различными по своей природе психотравмирующими воздействиями; социальном – семья этой категории сужает круг своих контактов, так как матери чаще всего оставляют работу; рождении ребенка деформирует отношения между супругами; соматическом – переживаемый родителями стресс, выражается в различных психосоматических заболеваниях.

Очевидно, что инвалидность ребенка для его родителей является сильным психотравмирующим фактором. Это особенно свойственно семьям с высоким образовательным и профессиональным статусом, в которых порой культивируются ожидания повышенной одаренности ребенка. В этих случаях реакция на факт инвалидности ребенка может быть адекватной. Она может принимать крайнюю форму – комплекс собственной вины, что порождает гиперопеку в отношениях с ребенком.

Другая категория родителей – люди с низким образовательным уровнем, ограниченным кругом интересов и невысоким интеллектуальными способностями. Им свойственно или пренебрежение проблемами ребенка, или ожидание решения проблем медицинскими и социальными работниками. Это две крайние (патологические) позиции, они нуждаются в коррекции.

Семьи с детьми-инвалидами – особая категория, относящаяся к «группам риска». Известно, что количество психических (невротически и психосоматических) расстройств в семьях с детьми, имеющими ограниченные возможности выше, чем в семьях, не имеющих детей-инвалидов в 2,5 раза. Распад семей с детьми-инвалидами происходит значительно чаще.

Все эти и другие факторы приводят к тому, что родители становятся препятствием в реабилитации детей с ограниченными возможностями. Но и в том случае, когда родители занимают более конструктивную позицию, они испытывают эмоциональные перегрузки и нуждаются в особых знаниях о проблемах своего ребенка.

Семьи в процессе воспитания, становления социальной интеграции ребенка-инвалида сталкиваются с большим числом трудностей. Прежде всего, – это оказание помощи детям, переживающим свою незащищенность, общественное пренебрежение. Порой сами близкие люди ребенка-инвалида пребывают в состоянии хронического стресса, вызванного его болезнью, обстоятельствами лечения, воспитания, обучения, профессионального становления. В целом переживают за его будущее. Все это затрудняет социальную интеграцию ребенка, имеющего ограниченные возможности в среду его здоровых сверстников. В такой ситуации психологи, социальные работники, дефектологи оказывают содействие семье в решении всех этих проблем. При этом их работа ведется в тесном сотрудничестве с социальными партнерами из здравоохранения, образования, культуры, соцзащиты и т.д.

Анализ жизнедеятельности детей и семей, имеющих детей-инвалидов, специальное изучение навыков самообслуживания и бытового труда детей обнаружило их весьма сниженный характер. Значительно страдает коммуникативная деятельность детей с ограниченными возможностями: практика их общения со сверстниками и взрослыми чрезвычайно бедна и замыкается на близких родственниках.

Обследования, проведенные в 118 семьях в г. Махачкала, показали, что 20% обследованных детей может вполне активно участвовать в общественной жизни, наравне со здоровыми. Для 53% необходимо создать определенные условия, а 25 % из них, к сожалению, не смогут возродиться в социальном плане из-за тяжелой формы болезни.

Для определения наиболее актуальных форм помощи семьям, имеющим детей-инвалидов, нами было проведено анкетирование детей и родителей. Анализ данных социологических исследований показал, что семьи нуждаются в получении их детьми профессиональной подготовки (90%), психологических услуг (54%), медицинских услуг (45%), информации о правах и льготах (44%). Ребята отметили, что часто испытывают трудности в общении со сверстниками (87%), имеют проблемы во взаимоотношениях с учителями (67%), в общении с родителями (65%).

На основе подобных данных специалистами должны разрабатываться комплексные проекты, т.е. программы реабилитации, решающие задачи психологической, социально-педагогической, социально-медицинской реабилитации семей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями.

Программа реабилитации – это система мероприятий, развивающих возможности ребенка и всей его семьи, которая разрабатывается командой специалистов (состоящей из врача, социального работника, педагога, психолога) вместе с родителями. Во многих странах такой программой руководит один специалист – это может быть любой из перечисленных специалистов, который и отслеживает и координирует реабилитационную программу (специалист-куратор). Такая система мероприятий разрабатывается индивидуально для каждого конкретного ребенка и семьи, учитывая как состояние здоровья и особенности развития ребенка, так и возможности и потребности семьи. Программа реабилитации может разрабатываться на различный срок, в зависимости от возраста и условий развития ребенка.

Программа реабилитации - это четкий план, схема совместных действий родителей и специалистов, способствующих развитию способностей ребенка, его оздоровлению, социальной адаптации (например, профессиональной ориентации), причем в плане обязательно предусматриваются мероприятия относительно других членов семьи: приобретение родителями специальных знаний, психологическая поддержка семьи, помощь семье в организации отдыха, восстановление сил и т.д. Каждый период программы имеет цель, которая разбивается на ряд подцелей, поскольку предстоит работать сразу в нескольких направлениях, подключая к процессу реабилитации разных специалистов.

При проведении реабилитационных мероприятий необходимо учитывать психосоциальные факторы, приводящие в ряде случаев к эмоциональному стрессу, росту нервно-психической патологии и

возникновению так называемых психосоматических заболеваний, а зачастую - проявлению девиантного поведения. Биологические, социальные и психологические факторы, взаимно переплетаются на различных этапах адаптации ребенка к условиям жизнеобеспечения.

При разработке реабилитационных мероприятий необходимо учитывать как медицинский диагноз, так и особенности личности в социальной среде. Этим в частности объясняется необходимость привлечения к работе с детьми-инвалидами социальных работников и психологов в самой системе здравоохранения, ибо граница между профилактикой, лечением и реабилитацией весьма условна и существует для удобства разработки мероприятий. Тем не менее, реабилитация отличается от обычного лечения тем, что предусматривает выработку совместными усилиями социального работника, медицинского психолога и врача, с одной стороны, – и ребенка и его окружения (в первую очередь семейного), с другой стороны, качеств, помогающих оптимальному приспособлению ребенка к социальной среде. Лечение в данной ситуации – это процесс, больше воздействующий на организм, на настоящее, а реабилитация больше адресуется личности и как бы устремлена в будущее.

Задачи реабилитации, а также ее формы и методы меняются в зависимости от этапа. Если задача первого этапа – восстановительного – профилактика дефекта, госпитализация, установление инвалидности, то задача последующих этапов - приспособление индивидуума к жизни и труду, его бытовое и последующее трудовое устройство, создание благоприятной психологической и социальной микросреды. Формы воздействия при этом разнообразны – от активного первоначального биологического лечения до «лечения средой», психотерапии, лечения занятостью, роль которых возрастает на последующих этапах. Формы и методы реабилитации зависят от тяжести заболевания или травмы, особенности клинической симптоматики особенностей личности больного и социальных условий.

Таким образом, необходимо учитывать, что реабилитация - это не просто оптимизация лечения, а комплекс мероприятий, направленных не только на самого ребенка, но и на его окружение, и в первую очередь на его семью. В этой связи важное значение для реабилитационной программы имеют групповая (психо)терапия, семейная терапия, трудовая терапия и терапия средой.

Терапия как определенная форма вмешательства в интересах ребенка может быть рассмотрена как метод лечения, влияющий на психические и соматические функции организма; как метод влияния, связанный с обучением и профессиональной ориентацией как инструмент социального контроля; как средство коммуникации.

В процессе реабилитации происходит изменение ориентации - от медицинской модели (установка на болезнь) к антропоцентрической (установка на связь индивида с социальной средой). В соответствии с этими моделями и решается, кем и какими средствами, а также в рамках каких государственных учреждений и общественных структур должна осуществляться терапия.

Байсонгуров И.Б. (г. Махачкала)

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК КОМПОНЕНТ СОВРЕМЕННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ

Одной из актуальных задач современной образовательной среды является создание условий для развития личности учащегося, способного к саморазвитию, самовоспитанию и самореализации. К таким условиям относится сфера взаимодействия ребенка с наставником, взрослым в условиях психологической защищенности и поддержки.

Многочисленные исследования, проведенные отечественными психологами Л.С. Выготским, А.Н. Леонтьевым, А.Р. Лурия, Д.Б. Элькониным, Л.И. Божович, приводят к выводу о том, что, психическое развитие ребенка определяется общением с взрослыми в детстве ее эмоциональной окраской и зависит способности человека оценивать себя и регулировать свое поведение и подтверждают мысль о ведущем значении эмоционального благополучия в психическом развитии личности. Следовательно, психологические показатели качества среды, особенно психологическая безопасность, являются значимыми не только для межличностного взаимодействия, но и для психологических механизмов функционирования человека.

В психологической литературе существуют несколько подходов, определяющие результативность педагогической деятельности.

Во-первых это функциональные продукты деятельности (урок, методика и т. д.).

Во-вторых – это психологические продукты деятельности (психические новообразования в личности учащихся). Иначе говоря, главный, конечный результат педагогической деятельности – сам учащийся, развитие его личности, способностей и умений.

По данным социально-педагогического исследования, проводившегося в нескольких регионах России, благополучная образовательная школа, с точки зрения учащихся, формирует знания и умственные способности, готовит к будущей профессиональной карьере, воспитывает уверенность в себе, самостоятельность в решении жизненных проблем.

Существенными признаками «благополучной школы» для учащихся являются школа без опасности насилия, унижения, оскорблений и межличностные отношения между учащимися, а также между учащимися и учителями (школа, в которую идешь с радостью). С точки зрения общества, школа должна сформировать готовность к продолжению образования, сотрудничеству в социуме, принятию общественных ценностей и норм морали, к саморефлексии, самоопределению. Такое понимание смысла школьного образования определило отношение родителей к знаниям и умениям, которое дает школа: нужны знания и умения, которые обеспечивают возможность дальнейшей учебы и успешной жизни в обществе. Большинство родителей связывают понятие «хорошая школа» не только с качеством образования, но и с психологическим климатом в школе, обеспечением безопасности детей.

А для этого жизнь школы должна и своим содержанием, и формой привлекать к себе, пробуждать в учащихся творческую активность, формировать в каждом из них в конечном итоге положительный эмоциональный настрой и вызывать ощущение психологического комфорта и защищенности.

Важным условием здесь является обеспечение психологической безопасности во взаимодействии участников образовательной среды. Рассмотрение феномена образовательной среды осуществляется с позиций, связанных с современным пониманием образования как сферы социальной жизни, а среды – как фактора образования.

Образовательная среда представляет совокупность материальных факторов образовательного процесса и межличностных отношений, которые устанавливают субъекты образования в

процессе своего взаимодействия. С психологических позиций образовательная среда есть взаимодействие ее участников. Люди организуют, создают образовательную среду, оказывают на нее постоянное воздействие в процессе функционирования, но и образовательная среда как целое и отдельными своими элементами влияет на каждого субъекта образовательного процесса.

Таким образом, психологический компонент образовательной среды – это прежде всего характер общения субъектов образовательного процесса, на фоне которого реализуются потребности, возникают и разрешаются межличностные и групповые конфликты. Этот компонент несет на себе основную нагрузку по обеспечению возможностей удовлетворения и развития потребностей субъектов образовательного процесса в ощущении безопасности, сохранении и улучшении самооценки, признании со стороны общества, самоактуализации.

Можно предположить, что в качестве значимых психологических характеристик образовательной среды можно рассматривать отношение к образовательной среде, удовлетворенность основными характеристиками взаимодействия и психологическую безопасность.

Психологическую безопасность можно выделить как важнейшее условие, позволяющее придать образовательной среде развивающий характер, так как особую актуальность в настоящее время приобретает проблема защищенности от психологического насилия во взаимодействии участников образовательной среды.

Психологизация образовательной среды в целях сохранения и укрепления здоровья, ее участников, создания безопасных условий труда и учебы в образовательном учреждении, защита от всех форм дискриминации могут выступать альтернативой агрессивной социальной среде, психоэмоциональному и культурному вакууму, следствием которых – рост социогенных заболеваний.

Образовательная среда есть психолого-педагогическая реальность, содержащая специально организованные условия для формирования личности, а также возможности для развития, включенные в социальное и пространственно-предметное окружение.

Психологическая сущность этой реальности – совокупность деятельностно-коммуникативных актов и взаимоотношений участников учебно-воспитательного процесса. Фиксация данной

реальности возможна через систему отношений участвующих в ней субъектов. Необходимо смоделировать и спроектировать образовательную среду, где личность бы свободно функционировала, чувствовала защищенность и удовлетворенность своих основных потребностей, сохраняла и развивала психическое здоровье.

Беломестнова Н.В., Бойкова А.В (*г. Санкт-Петербург*)

КОГНИТИВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

В последнее время авторы все чаще затрагивают проблему информационного насилия над ребенком, порождаемого современной образовательной средой. Суть информационного насилия заключается в перегрузке ученика информацией, знаниями, которые он не способен усвоить или осмыслить в заданном темпе и в отведенные для этого сроки.

В данной статье обсуждаем проблему информационного насилия в аспекте проблемы неоправданных амбиций родителей, принимающих решение о выборе образовательного маршрута. И это проблема, затрагивает детей, имеющих самый разный интеллектуальный потенциал.

Рассмотрим проблему детей с нормативными когнитивными способностями. Зачастую дети, не имеющие специальных задатков, способностей в определенной области (в парадигме Б.М. Теплова), определяются родителями в специализированные гимназии. Решающее значение при выборе образовательного учреждения в данном случае имеет субъективное мнение родителя о престижности учебного заведения, планы родителя, связанные с будущей профессией ребенка и прочие факторы, зачастую никак не связанные с реальными способностями ребенка.

Профессиональные психологи-консультанты знают, чем заканчивается такой неоправданный энтузиазм родителей – пожизненным чувством отсутствия личностной самореализации, чувством недооценки своей личности со стороны микро- и мезосоциума, нередко формирующим невротическое развитие личности. И от такого чувства не спасает даже возникшая в возрасте *акмэ* вполне критичная оценка своих возможностей в когда-то переоцененной родителями сфере.

Но наиболее сложной является ситуация, когда ребенок испытывает серьезные трудности в усвоении программы массовой школы в силу объективных причин, связанных с психическим недоразвитием – специфическим задержками психического развития или умственной отсталостью. К сожалению, некоторые родители пренебрегают коррекционными и специальными образовательными учреждениями, даже несмотря на настоятельные рекомендации специалистов, и пытаются определить ребенка в массовый детский сад или школу, не ориентируясь при этом на объективные возможности ребенка.

Авторы данной статьи имеют многолетний опыт работы с такими детьми. Одна из авторов обычно в случае упорного психологического сопротивления родителей рекомендовала пробное обучение ребёнка в первом классе массовой школы при постоянной ежедневной индивидуальной работе с таким ребёнком. Такая возможность есть, если подозрение на задержку психического развития любого генеза возникло до наступления школьного возраста (Беломестнова Н.В., 2003). И во всех таких случаях родители пришли к выводу о необходимости обучения ребёнка в специализированной коррекционной школе. При этом для части таких детей (не менее половины, обычно это дети с легкой степенью дебильности) обстановка массовой школы и невозможность вписаться в общий поток и темп усвоения знаний, всё же оказала психотравмирующее действие.

Что происходит, если в школе толерантно относятся к таким детям (обычно декларируя «индивидуальный подход») и формально ставят им положительные оценки, не соответствующие реальности?

Из многолетней педагогической практики хорошо известны последствия обучения ребенка по неправильно выбранной, непосильной для него учебной программе – это многочисленные проявления школьной дезадаптации, появление неврозоподобной симптоматики, частые конфликтные ситуации. Итогом вышперечисленного является неуспевание ребенком даже потенциально посильных для него знаний и учебных навыков.

В области нормативного развития также есть данные о неправомерном преувеличении когнитивных возможностей ребёнка. Речь идёт о вредных последствиях, никакими научными исследованиями не обоснованной идеи-лозунга о том, что все дети гениальны. Это метафора, имеющая ввиду тот факт, что скорость психического развития в детском возрасте многократно превышает

темп развития в юности и, тем более, в возрасте акмэ. Но буквальное толкование этой метафоры родителями или пропагандистами детских развивающих тренингов приводит к неврозу детей, не соответствующих своими успехами ожиданиям взрослых. Пора вернуться к пониманию и признанию столь очевидного факта, как отличие субъектов не только по соматическим показателям, но и по интеллектуальным.

Объединить изложенные проблемы можно следующими выводами. Ребёнок имеет право на когнитивную безопасность в образовательной среде, т.е. на такое образование, которое соответствует его возможностям, а не ожиданиям взрослых. Отсюда следует, что требуется специальная психокоррекционная программа для родителей, в процессе которой они могут осознать пределы возможностей их ребёнка.

Учащийся имеет право на получение профессии, доступной для его индивидуального интеллектуального потенциала, и попытки заставить его учиться в образовательном учреждении, не соответствующем его когнитивным возможностям, следует трактовать как посягательство на его психологическую безопасность. Защита этого права со стороны специализированных образовательных структур должна войти в перечень их функций.

Литература

1. Васильева Н.В. Методологические проблемы психометрии интеллекта //Природные и социальные основания интеллектуального развития и деятельности. Материалы всероссийской конференции 17-19 апреля 2000г. – СПб.: Изд-во «Художественная воля», 2000. – стр.36-37
2. Беломестнова Н.В. Клиническая диагностика интеллекта. Психометрическая и клиничко-психологическая оценка уровня развития интеллекта в клинической и судебно-психологической экспертной практике: Методическое пособие. – СПб.: Изд-во «Речь», 2003. 128с

ИССЛЕДОВАНИЕ СВЯЗИ ИЗБЕГАНИЯ КОНФЛИКТОВ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ КУРСАНТОВ ВЫСШИХ ВОЕННЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

Обучение в высшем военном заведении является важным этапом не только для профессионального становления будущих офицеров, но и не менее важным этапом социализации курсантов. Во время обучения курсанты сталкиваются с рядом трудностей, которые связаны с изменением привычного образа жизни, характера трудовой деятельности, стереотипов поведения; с несоответствием индивидуальных, этнокультурных, возрастных, социально-психологических особенностей курсантов; со сложностью и динамичностью воинской деятельности. Все это является стрессовыми факторами, вызывающими изменения в психическом самочувствии курсантов и могут привести к рассогласованию в системе «личность – военно-социальная среда». Такое рассогласование ведёт, к повышению уровня конфликтности личности, к снижению учебной успеваемости, к появлению деструктивных способов взаимодействия и к другим негативным последствиям, которые могут вызвать отклонения от нормального процесса социализации курсантов.

В исследовании использовалась методика «Стратегии поведения в конфликте» (К. Томас, Н.В. Гришина) и методика диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р.Даймонда.

Выборку составили 43 курсанта ВВУЗа, в возрасте от 18 лет до 21 года.

Стратегия избегания конфликта связана обратной связью с адаптивностью курсантов ($p < 0,05$).

Одной из особенностей военных образовательных учреждений являются высокие требования к нормативности поведения курсантов. Сложности в адаптации к требованиям учебно-профессиональной среды могут выражаться как в форме агрессивного поведения, так и в форме ухода от межличностного взаимодействия.

Обратная связь между этими показателями, говорит о сложностях межличностного взаимодействия не только в конфликтных ситуациях, но и в ситуациях ежедневного взаимодействия. Частое избегание возникающих конфликтов,

может негативно сказаться на формировании умений для выполнения профессиональной деятельности, тесно связанной с умением своевременно принять решение и принять на себя ответственность.

Избегание связано прямой связью как с неприятием себя ($p < 0,05$), так и с неприятием других людей ($p < 0,05$). С одной стороны, это свидетельствует о том, что уход характерен не только, для поведения в конфликте, но и для других видов межличностного общения, и может основываться на нежелании вступать в контакт с другими людьми. А, с другой стороны, связь неприятия вне зависимости от направленности (на себя или на других) и избегания конфликта, может быть скрытой формой агрессии, которая впоследствии может принять открытую форму.

С увеличением самопринятия, которое связано с уровнем самооценки и удовлетворенностью своими личностными характеристиками, снижается частота избегания конфликтов ($p < 0,05$). Самопринятие, как принятие себя и принятие других, является не только показателем социально-психологической адаптации, но и комплексной личностной характеристикой, тесно связанной, как с внутриличностными конфликтами, так и с когнитивными особенностями курсантов.

Ощущение эмоционального комфорта имеет прямую связь с избеганием конфликта ($p < 0,05$), эта связь носит конструктивный характер, и направлена на сохранение доброжелательных отношений. Связь этих показателей свидетельствует о высоком уровне конфликтоустойчивости курсантов.

Шкала внутреннего контроля, близкая к понятию внутреннего локуса контроля обратно пропорциональна избеганию конфликтов ($p < 0,01$). Чем больше ответственности за свои решения будет брать на себя курсант, тем реже он будет избегать от конфликта. Сочетание этих показателей тесно связано с таким профессионально важным качеством, как умение принятия решений в экстремальных ситуациях.

На основании результатов исследования мы пришли к следующим выводам:

1. Избегание конфликтов связано с различными сторонами социально-психологической адаптации курсантов;
2. Избегание может быть как конструктивной, так и деструктивной стратегией поведения в конфликте;
3. Успешная социально-психологическая адаптация курсантов способствует повышению их конфликтоустойчивости.

ОПТИМИЗАЦИЯ ПРОЦЕССА АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ К УСЛОВИЯМ ОБУЧЕНИЯ КАК ФАКТОР СОЗДАНИЯ БЕЗОПАСНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ

В последние годы возросший интерес к проблеме адаптации детей, подростков и юношей в социуме был реализован в серии работ педагогов и психологов.

Следует отметить, что адаптация студентов средних специальных учебных заведений в первый год обучения имеет общие характеристики с адаптацией старшеклассников, когда изменяется социальное окружение (новый состав класса, новые учителя и система деятельности на новой ступени образования).

И.В. Дубровина, И.С. Кон и другие считают, что в юношеском возрасте формируется готовность войти во взрослую жизнь, в том числе и профессиональную, занять в ней приемлемое место. То есть, важным является процесс самоопределения личности. Выделяются следующие компоненты самоопределения – развитость потребностей, обеспечивающих внутреннее содержание личности (установки, ценностные ориентации); самосознание личности, как результат развития и осознания потребностей, интересов и способностей.

В этот период бурно развиваются рефлексивные процессы. Благодаря этому закрепляется и совершенствуется мотивационная сфера. Для эффективной адаптации должны развиваться способности к самоопределению, самореализации и саморегуляции, так как у них формируется и развивается отношение к деятельности, к профессии как к ценности.

Важным моментом решения проблемы адаптации в юношеском возрасте является формирование и развитие их ценностных ориентации.

Проблема ценностных ориентации личности в современной педагогике, психологии и аксиологии является одной из самых актуальных. Это объясняется тем, что «в период радикальных изменений в обществе резко обостряются противоречия смены приоритетов прошлого, настоящего и будущего.

В исследованиях В.И. Утенкова, В.И. Овсянникова изучались ценностные ориентации юношеского возраста, которые необходимо учитывать при проведении адаптивных мероприятий. Авторы указывают, что такие необходимые составляющие человеческой

жизни, как стремление к познанию, труду, образованию и т.п., заметно потеряли в своем значении, уступив верхние ступени иерархии ценностей самореализации, материальной обеспеченности и семье.

В научной литературе отмечается, что в первые недели обучения в колледже у части студентов, как правило, происходит «социально-педагогический шок», потому что вхождение в новую среду, новые условия жизнедеятельности сопровождается неприятными чувствами (потеря школьных друзей, разлука сельских студентов с родителями, потеря статуса школьника, удивление и дискомфорт при осознании различий между школой и колледжем и т.п.), изменения в ценностных ориентациях. Симптомы шока проявляются в неуверенности в себе, тревожности, бессоннице, депрессии. При благоприятных условиях вхождения в новую среду и новые условия жизнедеятельности студент проходит цикл «стресс - адаптация - личностный рост». В юношеском возрасте идет активный процесс познания окружающего мира.

Поэтому сильное влияние на адаптацию оказывает познавательная активность студентов при овладении будущей профессией, наличие интереса к ней.

Студенты приходят в колледж с разной степенью готовности включения в новый режим работы. Больше половины студентов, как показывает анализ литературы, испытывают трудности в учебе, что объясняется не только низким уровнем знаний, но и невысоким уровнем развития интеллектуальных познавательных умений.

Проблема адаптации студентов, имеющих существенные пробелы в знаниях и учебных навыках, обстоятельно рассматривается и в работе Г.Л. Жданова. Основное внимание, по мнению автора, должно быть направлено на применение организационно-дидактических средств, позволяющих достичь успеха в формировании недостающих знаний и навыков. Выработка самоконтроля, планирования и рациональной организации учебной деятельности имеют немаловажное значение для студента. Организация учебного труда студентов с установкой на успех способствует развитию уверенности в своих силах. Таким образом, проведенные Г.П. Ждановым исследования показали, что адаптация первокурсника тесно связана с его учебными успехами.

Уровень развития познавательной активности, как отмечается в различных исследованиях, тесно связан с коммуникативными умениями, с навыком общения. Общение, как деятельность, играет

важную роль во всех видах деятельности, поскольку социальная природа человека делает общение людей условием познания, выработки системы ценностей. Общение есть не просто действие, но именно взаимодействие, поскольку оно осуществляется между несколькими субъектами. Это значит, что общение есть практическая активность субъекта, направленная на других субъектов и не превращающая их в объекты, а, напротив, ориентирующаяся на них как на субъектов. Следовательно, общение, как подчеркивают исследователи, является одним из важнейших факторов адаптации. Немаловажную роль в адаптации играет система межличностных отношений.

Юношеский возраст – это возраст общения. Именно через общение они получают информацию о других и о себе, что помогает самоутверждению. Поэтому проблемы первого года обучения не исчерпываются трудностями только учебной деятельности студента. Вторую группу трудностей составляет вхождение в новую среду и новый коллектив через общение. Социальная адаптация затрагивает взаимодействие студентов с новой средой; межличностные отношения внутри учебной группы, общение со студентами других курсов, отношения с преподавателями, новая обстановка, быт и т.п.

Трудности в общении обуславливаются еще и тем, что на начальном периоде обучения педагоги плохо знают своих учеников. Очень важный с точки зрения адаптации, коммуникативный фактор; умение кураторов устанавливать контакты с родителями.

Отношения «родители - педагоги» особенно важны для иногородних студентов. Родители, проявляя большой интерес к учебным делам своих детей и выражая тревогу по поводу неудач или появлению каких-то осложнений, обращаются к кураторам, педагогам. Эта заинтересованность, поддерживаемая педагогами, подтверждает, насколько важны хорошие взаимоотношения между родителями и педагогами. Уметь общаться зависит от индивидуальных особенностей личности. Учеными отмечается, что образование устойчивых профессиональных интересов, намерений, склонностей может обуславливаться различными внутренними факторами – особенностями характера, темперамента, сложившимся опытом и др. В некоторых средних профессиональных учебных заведениях разрабатывались программы развития профессионально важных качеств студентов, что служило становлению мотивации, приводившей к успешности адаптации, вводился специальный курс: «Диагностика и развитие

профессионально важных качеств», где предусмотрено несколько этапов формирования профессиональных качеств студентов:

- определение профессионально важных качеств исходя из специфических требований, предъявляемых профессией к личностным качествам: психологическим, деловым, моральным, физическому здоровью;
- диагностика наличия (или отсутствия) профессионально важных качеств у будущих специалистов с использованием различных психодиагностических методик;
- развитие профессионально важных качеств с использованием развивающих методик, с учетом индивидуальных особенностей студентов.

Отмечается тенденция, что на развитие и укрепление мотивации к избранной профессии играет раннее вхождение студентов в профессиональное пространство.

Поэтому многие исследователи связывают адаптацию в средних специальных учебных заведениях с широким вхождением в практику будущей профессии.

На первых курсах обучения по мере приобретения знаний, умений, навыков находит свое разрешение свойственное юношескому возрасту противоречие между наличием острой потребности индивида к самоопределению и отсутствием необходимых умений, навыков для ее реализации. Исследования особенностей самоопределения в ходе обучения и воспитания свидетельствуют о том, что эффективность процесса вхождения в профессию определяется, с одной стороны, активным овладением личностью профессиональными знаниями, умениями, навыками, а, с другой стороны, - мотивами, установками, ценностными ориентациями обучающегося на учебно-профессиональную деятельность, а также уровнем идентификации с социальной средой. Поэтому трудность для адаптации представляет противоречие между представлением о себе как о будущем профессионале и субъективной эталонной моделью идеального профессионала. Оно возникает по причине не вполне адекватного представления молодого человека о профессии, а также отсутствием возможности проверить себя с точки зрения профессиональной пригодности.

Таким образом, особенностями адаптации студентов в средних специальных учебных заведениях являются:

- несформированность ценностной системы личности;
- слабая развитость познавательной активности;

- несформированные, в достаточной мере, коммуникативные умения и навыки общения;
- слабая мотивация к избранной профессии;
- зависимость от индивидуальных особенностей личности.

Поэтому необходима целенаправленная работа по формированию адекватной самооценки и уровня притязаний, повышению мотивации учебной деятельности, путем введения в пространство будущей профессии по совершенствованию коммуникативной компетентности и навыков поведения в конфликтных ситуациях. В конечном счете, необходима выработка стратегии адаптации. Для решения этих задач следует проводить индивидуальные консультации, групповые социально-психологические или коррекционные тренинги.

Литература

1. Кузьмина Н. В. Формирование педагогических способностей. - Л., 1991.
2. Маркова А.К. Психология труда учителя. – М., 1993.
3. Митина Л.М. Учитель как личность и профессионал. – М., 1994.
4. Введение в педагогическую профессию: Курс лекций // Научные редакторы: Н.К. Сергеев и Е.И. Сахарчук. – Волгоград: Перемена, 1998.
5. Слостенин В.А. и др. Педагогика: Учебное пособие для студентов педагогических учебных заведений. М.: Школа-Пресс, 1997.

Керимова Д.Р. (г. Махачкала)

К ПРОБЛЕМЕ РАЗВИТИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ ДЕТЕЙ В МЛАДШЕМ ШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ

Проблема взаимодействия человека с окружающей средой в XXI веке требует развития культуры самосознания личности, включающей в себя экологический аспект. В настоящее время в теории и практике воспитания особое значение уделяется изучению феномена экологического самосознания.

Являясь одновременно и объектом и субъектом деятельности, человек воздействует не только на социальную и природную действительность, но и на самого себя. Внутренний мир, таким образом, становится фактором регуляции индивидуального

развития. Самосознание выступает как механизм саморегуляции и саморазвития личности.

Экологическое самосознание – сложное, интегративное психологическое образование личности, включающее познавательный компонент (система знаний о себе, как субъекте природоохранной деятельности, субъекте познания законов развития природы), эмоционально-ценностный (самоотношение к своим личностным качествам и в целом к своей личности, оценкой соответствия и в целом к своей личности, оценкой соответствия своему собственному идеальному Я-образу в природоохранной деятельности, в познании законов развития природы) и поведенческий компонент (саморегуляция своего поведения в природе), целенаправленно формирующихся в их диалектическом единстве с учетом возрастных и индивидуальных особенностей школьника.

Актуальные проблемы теории и практики образования в области окружающей среды рассматриваются как в работах зарубежных гуманистов: А.Маслоу, Э.Эриксона, Э.Фромма, К.Юнга, так и отечественных психологов, уделявших внимание проблемам сознания и самосознания личности: Б.Г. Ананьев, Л.И. Божович, Л.С. Выготского, И.С. Кона, А.Н. Леонтьева, В.С. Мерлина, С.Л. Рубинштейна, В.В. Столина и др.

Развитие экологического самосознания младшего поколения – актуальная психолого-педагогическая и социальная задача. Важным этапом в развитии самосознания личности вообще, и экологического самосознания в частности, является младший школьный возраст, так как именно в этом возрасте (6 – 10 лет) закладывается фундамент знаний, основы мировоззрения, умения и навыки рационального природопользования.

Все процессы и свойства личности младшего школьника находятся в состоянии становления и развития. Детям младшего школьного возраста свойственно не только конкретное, но и абстрактное мышление.

Для успешного развития экологического самосознания детей, первостепенное значение имеет организация непосредственного чувственного контакта школьников с природой. Показано, что в традициях, обычаях и привычках людей, в нормах поведения, в образе реагирования на окружающую обстановку, в действиях в различных ситуациях проявляются этнические особенности экологического самосознания. Развитие этнического чувства любви к Родине, к своей природе среди представителей различных наций и

народов имеет свою специфику, которую необходимо принимать во внимание. В основе этой специфики находятся национально-психологические особенности, присущие каждому этносу (В.Г. Крысько, А.А. Деркач),

Обращение к различным источникам духовной культуры дагестанских этносов позволяет осмыслить заключенную в них мудрость по отношению к природе, опыт рационального природопользования, сохраняющего экологический баланс в природе и отражающий сознательное отношение наших предков к природной среде (Ш.А. Мирзоев).

Тема бережного отношения и любви к природе красной нитью проходит через все жанры фольклора народов Дагестана. В песнях, пословицах и поговорках, загадках, сказках люди в своеобразной, самобытной форме отразили свое отношение к птицам, насекомым, животным, отдельным явлениям природы.

Вековой жизненный опыт наблюдений за явлениями природы, фиксируемый в форме различных примет, пословиц и поговорок как истина передавался от старших к младшим. Эти образные поучения легко запоминались детьми.

В пословицах и поговорках широко отразились основные занятия горцев – земледелие, животноводство. В них содержатся добрые советы, имеющие некоторое познавательное значение: «На крутом склоне не делай пашни, на берегу речки не строй дом», «Зерно полнеет — колос гнется» и др. На маленьких каменистых пашнях дети вместе с родителями выращивали пшеницу, ячмень, кукурузу, рис, занимались бахчеводством, виноградарством и т.д., наблюдая при этом многие особенности в росте той или иной культуры: «Фасоли и гороху – дождь, винограду – солнце», «Ячмень сей в пыль, пшеницу – в грязь» и др.

В горном неорошаемом земледелии природные и климатические факторы играли важное значение. Жизнь требовала учиться самим и учить детей наблюдать и предсказывать погоду: «Откуда ветер подует, оттуда и дождь придет», «Красный месяц предвещает жару, мутный месяц предвещает холода», «Когда суслики готовят норы на солнечной стороне холма, тогда зима предстоит морозная, когда роют норы на обратной стороне холма, то зима предстоит теплая», «Кукушка кукует – быть дождю».

С поговоркой «Кукушка кукует – быть дождю» связана табасаранская легенда «Поиски воды», в которой кукушка носит нарицательный образ человека эгоистичного, думающего только о себе. В те далекие времена, когда не было еще водных источников,

все живые существа, кроме одной только кукушки, объединились в поисках воды. Кукушка отказалась им помочь, заявив что ей хватит и дождевой. С тех пор, звери и птицы не любят кукушку и, заметив ее у воды, прогоняют. Вот почему кукушка всегда просит дождя.

Немалое место в жанрах дагестанского фольклора народ отводит своему любимцу – коню, который играл большую роль в жизни горца. С раннего детства горцы приучали своих детей к верховой езде, умению ухаживать за конем. Для горца лошадь в условиях суровой природы была кормильцем и другом, за которую он готов был отдать все свое имущество, так как не было для него ничего драгоценнее и лучше. Считалось, что прибитая над входом в дом подкова приносит счастье, оберегает от невзгод. У некоторых народов древнего Дагестана существовал даже культ лошадиного черепа. Человека благородного, трудолюбивого, выносливого, горцы часто сравнивали с конем: «Одень на осла конскую сбрую – все равно конем не станет».

В дагестанских пословицах находят свое отражение и другие животные. С образом змеи связано у горцев коварство, двуличность и лицемерие: «Если бы змея была прямая, то и нору для себя она выбрала бы прямую», «Поверив змее, ее за пазуху не кладут».

У древних дагестанцев бытовало поверие, связанное с животными. Считалось, что если изобразить ручку какого-либо предмета в виде одного из животных, то оно спасает человека от злых духов. У кубачинцев существовал обычай, запрещающий убивать лягушку, которая по-видимому, являлась у них символом плодородия: «Лягушку убьешь – год не проживешь».

Поклоняясь силам природы, вместе с тем, человек ощущал себя частицей природы, осознавал неразрывную связь с ней.

Свои любимые изречения, пословицы и поговорки об истинной ценности вещей, о смысле жизни, о своих идеалах горцы записывали на всех предметах домашнего быта, ремесленного производства, украшениях, оружии. Это служило немаловажным средством воспитательного воздействия на подрастающее поколение. Дети задумывались над прочитанным, а постичь всю глубину народной мудрости, заключенной в этих надписях им помогали взрослые:

«Истинная красота не снаружи, а внутри», «Хутор можно проесть, ремесло не кончается», «Человек имеет родину, птица-гнездо», «Кто не сажал дерева – тому не сидеть в тени», «Ждешь плодов от дерева – ухаживай за саженцами». В дагестанских пословицах и поговорках отразилась культура, быт, мораль и

нравственные идеалы, взгляды горцев на окружающую действительность.

Загадки у горцев играли большую роль в экологическом воспитании подрастающего поколения. Их значение велико и в наше время, так как они развивают потребность у детей к наблюдению в природной среде, воспитывают чувство прекрасного по отношению к природе, расширяют знания школьников, обогащая их новой полезной информацией о растительном и животном мире, о различных явлениях природы. Загадка имеет не только развлекательное, но и познавательное значение, она вырабатывает сообразительность и наблюдательность, развивает способность видеть красоту в обыденных вещах и явлениях природы, бережно относиться ко всему живому. Предметы быта, животные, насекомые, атмосферные явления, астрономические сведения — вот далеко не полный перечень содержания загадок и в этом их образовательная экологическая ценность.

Экологический характер идей, выраженных в дагестанском фольклоре, обычаях и традициях не потеряли своей актуальности и силы психологического воздействия, что делает необходимым их использование в развитии экологического самосознания младших школьников.

Кимпаева Э.А., Исаева Р.Г. (г. Махачкала)

ОСОБЕННОСТИ СТРАТЕГИЙ ПОВЕДЕНИЯ СТУДЕНТОВ МЛАДШИХ И СТАРШИХ КУРСОВ В КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЯХ

В настоящее время, в связи с демократизацией российского общества, растет число межличностных конфликтов во всех сферах общественной жизни. Не является исключением и сфера высшего образования. Свобода педагогов и студентов от педагогических и социальных догматов неизбежно приводит к возникновению «нештатных», непредсказуемых ситуаций во взаимоотношениях между студентами, педагогами, руководителями учебных заведений. Знания педагога о профессиональных конфликтах, стрессах, сопровождающих его повседневные межличностные отношения в вузе, становятся особенно значимыми в условиях изменяющейся педагогической политики государства. Теоретико-прикладная подготовка будущего учителя в области

профессионально-педагогической конфликтологии обогащает его профессионализм, готовит к возможным противоречиям.

В настоящем исследовании предпринята попытка в определенной степени изучить поведение студентов разных курсов в конфликтной ситуации и установить связь между стратегиями поведения.

Для получения эмпирических данных нами были использованы следующие методики:

1. Методика диагностики межличностных отношений Т. Лири;
2. Методика диагностики предрасположенности личности к конфликтному поведению К. Томаса (адаптация Н. В. Гришиной).

Для статистической обработки данных был применен сравнительный анализ (с использованием t – критерия Сьюдента).

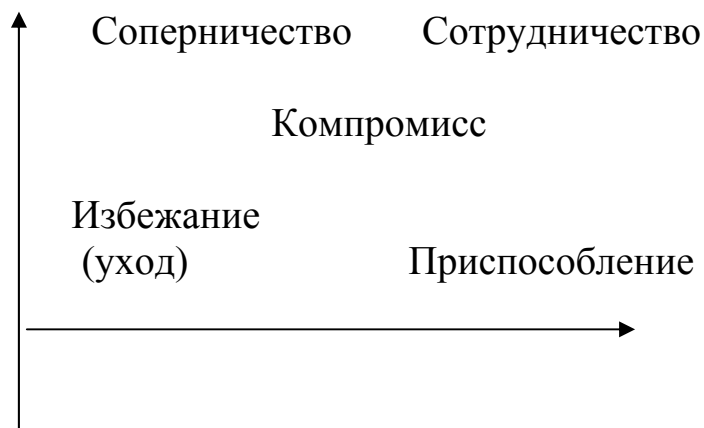
Базой для исследования послужил Дагестанский государственный педагогический университет: исторический факультет. Выборка состояла из 84 студентов в возрасте 18 – 21 лет.

Наиболее распространенным представлением, обсуждаемым как стратегии поведения в конфликте, является модель К. Томаса, согласно которой конфликтное поведение выстраивается в пространстве, заданном системой координат, интерпретируемой следующим образом: по вертикальной оси указывается степень настойчивости в удовлетворении собственных интересов, представляемая как важность результатов;

по горизонтальной оси – степень уступчивости в удовлетворении интересов других партнеров, представляемая как важность отношений.

Таким образом, минимальная (нулевая) заинтересованность по обеим осям в точке пересечения образует стратегию избегания (ухода); максимальная по вертикальной оси образует соперничество; по горизонтальной — приспособление; сочетание максимальной заинтересованности по обеим осям обеспечивает сотрудничество; и срединное положение соответствует компромиссу (рис. 1).

Согласно этой модели можно дать следующее толкование стратегий поведения. *избегание* (уход) — это реакция на конфликт, выражающаяся в игнорировании или фактическом отрицании конфликта.

Соперничество (борьба) — стремление к доминированию и конечному счёту, к устранению одной из сторон в конфликте.

Приспособление — уступки противоположной стороне в достижении ее интересов, вплоть до их полного удовлетворения и отказа от своих интересов.

Сотрудничество — стремление к интегрированию интересов всех участников конфликта.

Компромисс — взаимные уступки; согласие на частичное удовлетворение собственных интересов в обмен на достижение частичных интересов другой стороны.

Анализ полученных результатов, по методике Томаса, показывает, что имеются различия в выборе стратегий поведения между студентами старших и младших курсов. В частности обнаружено на уровне статистической значимости, что студенты младших курсов (1-2) чаще, чем студенты старших курсов (3-4) используют стратегию соперничества в конфликтной ситуации. Стратегия компромисса используется наиболее часто на 3-4 курсах; менее всего она выражена на младших курсах. При использовании сотрудничества наблюдается следующая динамика: студенты младших курсов менее склонны к использованию этой стратегии в сравнении со студентами старших курсов (3-4), у которых наблюдаются очень высокие показатели по использованию этой стратегии. Не найдено статистически значимых различий между курсами при использовании избегания и приспособления: и на младших курсах и на старших курсах низкие показатели использования этих стратегий.

Анализ результатов, полученных при проведении методики Т.Лири, позволил сделать следующие выводы. В частности было обнаружено, что имеются различия в доминирующих типах межличностных отношений у студентов младших и старших курсов

на уровне статистической значимости. Выявлено, что у студентов младших курсов более высокие показатели по независимо – доминирующему типу межличностных отношений по сравнению со старшекурсниками. Этот тип характеризуется уверенностью в себе, независимостью, ориентированностью на себя, склонностью к соперничеству. У студентов старших курсов наблюдаются высокие показатели по сотрудничающему и альтруистическому типам межличностных отношений. Сотрудничающий тип характеризуется склонностью к кооперации, гибкостью, компромиссу, стремится быть в согласии с окружающими. Для альтруистического типа характерно ответственное отношение к людям, деликатность, мягкость, симпатия, умение подбодрить и успокоить окружающих. Эти результаты дополнительно подтверждают данные, полученные при использовании методики К.Томаса.

На основании проведенного исследования можно сделать следующий вывод: по мере приобретения профессиональных знаний, по мере накопления опыта межличностного общения, социальной зрелости меняется стратегия поведения студентов в конфликтной ситуации от использования «соперничества» к использованию «компромисса и сотрудничества». По мнению студентов всех курсов, использование «ухода» и «приспособления» в конфликтных ситуациях малоэффективно. Меняется и тип межличностных отношений: на младших курсах доминирует независимый – доминирующий тип межличностных отношений, а на старших курсах сотрудничающий и альтруистический тип.

Кисляков П.А. (г. Шуя)

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СОЦИАЛЬНО БЕЗОПАСНОЙ СРЕДЫ ВУЗА

В последние десятилетия в России отмечена тенденция к ухудшению состояния социальной среды, что приводит к росту различных девиаций, в особенности таких, как преступность, наркомания, алкоголизм, росту социальной напряженности, и, в конечном счете – к ухудшению социального здоровья и демографических характеристик нации (Гольцова Е.В., 2005). Особая роль социальной общности как среды человека отмечается В.В. Рубцовым: «Мы говорим и пребываем в человеческой среде, но для человека среда – это не только окружающий его мир. Для человека это тот мир, который существует в его общении,

взаимодействии, взаимосвязи, коммуникации и других процессах». Межчеловеческие отношения могут складываться в отношения взаимной терпимости и сотрудничества, превосходства и эксплуатации, подавления, подчинения или заботы и поддержки. Во всех этих случаях личность будет находиться в совершенно различной социальной среде с разным уровнем ее психологической безопасности, соответственно по-разному будет проходить и процесс ее развития (Ковров В.В., 2008).

Ряд авторов указывают на необходимость исследования взаимоотношений между человеком и его социальной средой. Для осуществления этой задачи следует, в первую очередь, проанализировать процессы, происходящие в современной социальной среде и разработать методологию оценки системного влияния комплекса социальных факторов на здоровье и развитие человека. Важно выяснить, какие именно элементы социальной среды и ее факторы могут способствовать развитию человека, а какие, наоборот будут его ограничивать (Гольцова Е.В., 2005; Коджаспиров А.Ю., 2008). Особенно это касается социальной среды образовательных учреждений, в которых воспитывается молодежь.

В образовательном учреждении обучающийся проводит зачастую больше времени, чем в семейной среде, поэтому степень влияния данного микросоциума на развитие, здоровье и поведение ребенка или юноши трудно переоценить. Образовательное учреждение, в том числе вуз представляет собой микросоциум с присущими ему опасностями и угрозами поскольку студенты высших учебных заведений составляют особый социальный слой населения, объединенный определенным возрастом, специфическими условиями обучения и образом жизни. Высокая умственная и психоэмоциональная нагрузка, вынужденные частые нарушения режима труда, отдыха и питания, кризис нравственных ценностей, неуверенность в своем будущем, смена места жительства и многие другие факторы требуют от студентов мобилизации сил для адаптации к новым условиям проживания и обучения, формирования межличностных отношений вне семьи и преодоления сложных жизненных ситуаций (Осипова Г.Ф., Любочкин Ф.В., 2002; Карасева Т.В., Перевозчикова Е.В., 2007 и др.).

Полноценный учебный процесс в вузе невозможен без создания социально безопасной среды, обеспечивающей обучаемому адекватные условия развития его психофизических

своих, удовлетворяющей его потребность в безопасности, двигательной и интеллектуальной активности. Социально безопасная среда является важным фактором успешной реализации целей и задач учебно-воспитательной работы и позволяет минимизировать отрицательные социальные, социально-биологические, психологические влияния в образовательном социуме. В число основных компонентов социально безопасной среды вуза входят: безопасная и здоровьесберегающая инфраструктура, технологии обучения вопросам обеспечения безопасности в социальной среде, здоровьесберегающие образовательные технологии, благоприятный психологический микроклимат в академических группах и в вузе в целом.

Кроме того психологически безопасно функционирующая образовательная среда определяет успешность сформированности (развитости) личностных компетенций, касающихся жизни в многокультурном обществе: понимание различий, уважение друг друга, способность жить с людьми других культур, языков, религий; политические и социальные компетенции: способность брать на себя ответственность, участвовать в совместном принятии решений, регулировать конфликты ненасильственным путём, участвовать в функционировании и улучшении демократических институтов и т.п. (Ковров В.В., 2003).

Вышесказанное позволяет относить стрессоустойчивость и толерантность к необходимым психологическим характеристикам социально безопасной среды вуза. Данные характеристики могут быть рассмотрены как условия, определяющие психосоциальное благополучие студентов.

С позиции психологии здоровья здоровая личность психически устойчива (в том числе стрессоустойчива), что позволяет ей поддерживать собственную надежность и противостоять воздействиям среды, преодолевать сопротивление внешних условий, бороться с препятствиями и, в конечном счете, достигать поставленных целей. В этом отношении психическое здоровье в целом, и стрессоустойчивость в частности, выступает как характеристика целостного, акмеологического развития человека (М.Ф. Секач). Поэтому для предупреждения профессионально-личностной деформации, поддержания высокой работоспособности, сохранения психического и физического здоровья студенту необходимо владеть технологиями профилактики длительных стрессовых состояний (дистресса), основами психической саморегуляции. При этом высокий уровень

развитости креативных способностей и адекватная самооценка позволят студенту сформировать систему совладания со стрессом, в том числе в экстремальных ситуациях.

В рамках исследования развития готовности студентов к обеспечению социальной безопасности нами была проведена диагностика на определение склонности к развитию стресса (по Т.А. Немчину и Тейлору). Обработка полученных результатов диагностики была дифференцированной, в результате которой студенты, принимавшие участие в исследовании, были разделены на 3 группы: студенты с низким уровнем тревоги и высокой стрессоустойчивостью (высокий уровень) (27%), студенты со средним уровнем тревоги и средней (ситуационной) стрессоустойчивостью (средний уровень) (58%) и студенты с высоким уровнем тревоги и развитием дистресса (низкий уровень) (15%).

Учащаяся молодежь является частью общества, наиболее остро реагирующей на происходящие в нем изменения. Естественная для молодежи бескомпромиссность нередко входит в противоречие с требованием терпимости в социальных взаимодействиях, что способно привести к негативным последствиям для личности и общества, может стать объектом для внешнего манипулирования. Подтверждением тому является широкое участие подростков и молодежи в деятельности экстремистских организаций религиозного и политического толка (Алимбекова Ф.Б., 2009). В этом смысле наличие или отсутствие толерантности в молодежной среде становится важной психологической составляющей социальной безопасности образовательного учреждения и общества в целом. Толерантность – одно из важных качеств в структуре личности, понимается как искреннее уважение и признание другой личности, ее духовных ценностей.

Проведенный нами опрос среди студентов ШГПУ позволил выявить следующие проявления интолерантности в молодежной среде: конфликты и ссоры с однокурсниками (в том числе в общежитии) (50%); конфликты с преподавателями (27%); раздражение по отношению к некорректному поведению приезжих – представителям той или иной национальности (43%); проявление нетерпимости по отношению к представителям той или иной национальности (неадекватное поведение) (25%).

Для диагностики общего уровня толерантности студентов нами был использован экспресс-опросник «Индекс толерантности»

разработанный группой психологов центра «Гратис» под руководством Г.У. Солдатовой. Три субшкалы опросника направлены на диагностику таких аспектов толерантности, как этническая толерантность (отношение к людям иной расы и этнической группы), социальная толерантность (отношение к меньшинствам, нищим, психически больным людям), толерантность как черта личности (готовность к конструктивному решению конфликтов и продуктивному сотрудничеству). Данные проведенного исследования показали, что процент студентов с высоким уровнем общей толерантности составил 28%, процент студентов с низким уровнем – 32%. Анализ инфраструктуры толерантности позволил выявить у студентов низкий уровень развития толерантности как личности (19%) и социальной толерантности (25%). Этническая толерантность оказалась у студентов на среднем уровне развития (42%).

Формирование толерантности и стрессоустойчивости имеет комплексную структуру и представляет собой процесс, одной из главных составляющих которого является обучение. При этом важно, чтобы студенты не только знали сущность толерантности и стресса, но и практически владели технологиями толерантного поведения, технологиями психической саморегуляции в стрессовой ситуации, умели творчески применять их в конкретных условиях образовательной среды.

Козловская Г.Ю. (г. Ставрополь)

РАЗВИТИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ УЧАЩИХСЯ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ

Стратегическая цель государственной образовательной политики – повышение доступности качественного образования, соответствующего требованиям инновационного развития экономики, современным потребностям общества и каждого гражданина, – связана с созданием такой образовательной среды, которая обеспечивала бы успешную социализацию всех обучающихся вне зависимости от их психофизического, материальных, интеллектуальных, социальных, эмоциональных или иных условий и должна создаваться как для детей-инвалидов, так и одаренных, беспризорных, детей из отдаленных районов,

относящихся к языковым, этническим или культурным меньшинствам, а также для детей из других находящихся в неблагоприятном положении или маргинальных групп населения. Баева И.А. под психологической безопасностью понимает состояние образовательной среды, свободное от проявлений психологического насилия во взаимодействии, способствующее удовлетворению потребностей в личностно-доверительном общении, создающее референтную значимость среды и обеспечивающее психическое здоровье включенных в нее участников

При этом важными параметрами формирования психологической безопасности будут выступать: значимые привязанности, связываемые с умением выстраивать эмоционально – близкие отношения; состояние *адаптированности (успешной адаптации)*, которое связывают с психоэмоциональной стабильностью, состоянием удовлетворенности, отсутствием дистресса, ощущения угрозы, что интегрально означает переживание чувства психологической защищенности; коммуникативная компетентность, как способность к выстраиванию эффективного общения, легкость в контактах; внутренняя установка, связанная с готовностью действовать определенным образом, личностная позиция; реальная безопасность окружающей среды [1, 3].

Обеспечение психологической безопасности образовательной среды и, как следствие, охрана и поддержание психического здоровья ее участников должно быть приоритетным направлением деятельности психологической службы в системе образования. С этой точки зрения, возможно, выделить несколько базовых критериев обеспечения психологической безопасности образовательной среды: психологическая культура как фактор и условие психологической безопасности образовательной среды; референтная значимость среды; удовлетворенность участников основными характеристиками процесса взаимодействия.

Психологическая культура проявляется в самоорганизации и саморегуляции любой жизнедеятельности человека, различных видов его базовых стремлений и тенденций, отношений личности к себе, к близким и дальним людям, к живой и неживой природе, миру в целом. С ее помощью человек более гармонично учитывает как внутренние требования психики, тела, так и внешние требования жизни [5]. Психологическая культура выступает важнейшим фактором и условием создания и поддержания

безопасной среды, является ее интегральной характеристикой. Выстраивая модель психологической культуры в общепсихологическом плане, Баева выделяет в целостной психике человека психическое образование, которое включает в себя все, что касается субъект-субъектных и самосубъектных взаимосвязей и отношений. Это образование, таким образом, имеет отношение к способам и стилям взаимодействия с другими и с самим собой, а также оно включает содержание отношений к другому человеку и самому себе [1].

В генезисе психологической культуры выделяется три основных уровня: психологическая грамотность (некоторый минимум психологических знаний и умений, которые обеспечивают более или менее адекватное поведение и социальное взаимодействие); психологическая компетентность (обеспечивает эффективность поведения, деятельности или социального взаимодействия с людьми); зрелую психологическую культуру (как механизм личностной саморегуляции, обеспечивающий эффективное, безопасное, гуманное взаимодействие с людьми).

Л.С. Колмогорова рассматривает понятие «базисная психологическая культура» как системное многокомпонентное образование, которое может быть раскрыто с точки зрения следующих основных аспектов: гносеологического, процессуально-деятельностного, субъективно-личностного.

В гносеологическом аспекте к компонентам культуры относятся: нормы, знания, значения, ценности, символы. Культурные нормы человека связаны с нормативностью социального поведения, его ролевыми функциями, социальными ожиданиями и т.д. В то же время с усвоением норм связано такое наследие психологической культуры, как предрассудки, стереотипы психологии людей, проявляющиеся в сознании, подсознании, поведении.

Следовательно, указывает Л.С. Колмогорова, одной из центральных проблем содержания психологического образования школьников, является определение того, что, когда, в каком объеме и на каком уровне сложности представить для освоения в различные возрастные периоды из огромного багажа, накопленного психологией за время ее существования, а также психологического опыта, накопленного мировой практикой и представленного в художественной литературе, фольклоре.

Процессуально-деятельностный аспект анализа психологической культуры определяется кругом и содержанием

задач, которые предстоит научиться решать ученику, и организацией деятельности по ее освоению. Процессуально-деятельностный аспект анализа предполагает решение вопроса о содержании той активности, которая лежит в основе освоения культуры. Введение ребенка в мир психологической, как и любой другой, культуры возможно двумя путями: через репродукцию известного человечеству опыта и через творчество, "открытие" истин, постижение психических явлений, законов, освоение действий в личном опыте, через "инсайты", в специально организованных и приближенных к реальной жизни ситуациях [4].

Вместе с тем деятельность по присвоению культуры имеет черты воспитательного процесса, который организуется в рамках различных видов деятельности (в педагогическом процессе это домашние задания и поручения, совместная деятельность детей с привлечением членов семьи, праздники, тренинги, игры и т.д.

Осуществляя проблемный подход к введению учащихся в мир психологической культуры, организуется постановка проблемных задач, создание проблемных ситуаций, обеспечивающие их творческую активность, используется метод творческого самовыражения. Учащимся даются творческие индивидуальные задания и поручения.

Несмотря на принципиальные различия в организации и содержании этапов этих двух путей, в их исходном и конечном пунктах они обязательно предполагают рефлекссию по поводу выполненной деятельности, достигнутых успехов, трудностей, отношений, себя как субъекта деятельности.

Детерминантами психологической культуры, по мнению В.В. Семикина, выступают опыт социальных взаимосвязей, процесс социализации, воспитания и самовоспитания, образования и самообразования. Присвоение психологической культуры далеко не всегда организованный и регламентируемый процесс. Ее носителями и «передатчиками» являются семья, художественные произведения, значимые личности, массовая культура и т. д. Вместе с тем необходима система целенаправленной работы школы по повышению психологической культуры всех участников педагогического процесса.

Литература

1. Андронникова О.О. Психологическая безопасность образовательной среды вуза.: Эл. ресурс [http://www.obrazovanie9.ru/articles/338-psy-bezopasnostj-vuza.html]

2. Баева И.А. Психологическая безопасность в образовании: Монография. Санкт-Петербург, 2002. - 271с.
3. Баева И.А., 2002. Безопасность образовательной среды, психологическая культура и психическое здоровье школьников. 2002.
4. Колмогорова Л. С. Повышение психологической культуры учащихся как проблема современного среднего образования// Формирование психологической культуры личности в системе дополнительного образования детей/ Под ред. А.В.Егоровой, И.М. Каманова, М. В.Поповой: Эл. ресурс [http://prosv.informika.ru/metod/egorova/index.html]/
5. Семикин В.В. Психологическая культура в образовании человека: Монография. Санкт-Петербург, 2002. - 155с.
6. Сыманюк Э.Э. Психологическая безопасность образовательной среды. 2004

Костева Ю.И. (г. Мелитополь, Украина)

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ МЕЖГРУППОВОГО КОНФЛИКТА В ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ

Педагогические коллективы профессионально-технических учебных заведений имеют свою яркую специфику. Слабое деловое взаимодействие существует внутри профессиональных групп – мастеров производственного обучения и преподавателей («горизонтальный» межгрупповой уровень). Во-первых, разделены обязанности. Во-вторых, существует даже территориальная изоляция мастеров и преподавателей. В – третьих, учебно-воспитательный процесс в ПТУ организовано так, что самые тесные деловые связи характерны для «вертикальной» взаимодействия (преподаватель - руководитель, мастер-руководитель), менее тесные - для «горизонтальной» между группового взаимодействия (преподаватель-мастер).

В основном они работают параллельно друг другу, места пересечения появляются только при взаимном посещении уроков, совместном проведении внеклассных мероприятий, в процессе методической работы и т.п. Такая организация совместной деятельности уменьшает плотность взаимодействия, менее жесткими становятся взаимные требования сотрудников друг к другу.

В отечественной социальной психологии стало типичным определение межличностного конфликта через более общую категорию «противоречие». Противоречия, или несовместимость потребностей, как правило, связаны с невозможностью их одновременного удовлетворения. В таких ситуациях конфликты, разумеется, возможны, однако, отнюдь не неизбежны. Они нередко завершаются совсем безболезненно, если при этом в действиях сторон не обнаруживаются противоречащие их ценностям и интернаризованным нормам тенденции.

Первопричиной любого конфликта в психологическом смысле является осуществление хотя бы одной из взаимодействующих сторон действий, нарушающих ожидания другого, и возникновение в результате этого противоречия мотивов, ценностных ориентаций, интернаризованных норм. Можно предположить, что в развитых трудовых коллективах со сложившейся системой норм конфликты - следствие нарушения этих норм. То же действие может быть названо поводом для начала конфликта, а противоречия, обнажаемая, является его причиной. Через многообразие конфликтов разнообразны и причины и условия их Исчезновение. Однако существуют общие детерминанты. При анализе конфликта любого вида выявляются объективные и субъективные причины его исчезновения. Конфликт – это всегда субъективно-объективное отношение (взаимодействие), что происходит в социальной среде. Субъективные факт представляют собой стимулы к конфликтным действиям, обусловленные иллюзорные предполагаемыми обстоятельствами. Люди иногда искаженно воспринимают ситуацию, в которой они находятся, и в их воображении реальные обстоятельства принимают не свойственным им в действительности характер или рисуются такие обстоятельства, которых в данной ситуации на самом деле вообще нет. Но последствия этого вполне реальны. Цель нашего исследования: выделение и описание психологического содержания межгруппового конфликта в конкретном ПТУ для разработки мер по его преодолению и профилактике.

Исследование проводилось на базе Мелитопольского ПТУ, которое готовит специалистов по широкому спектру строительных специальностей. В выборку исследования вошли 32 сотрудника (из них – 17 мастеров производственного обучения и 15 преподавателей общеобразовательных и специальных дисциплин). При статистическом сравнении групп выявлено, что достоверной разницы по возрасту нет. Значение коэффициента студента для

независимых выборок равен 1,63, значимость $p = 0,113$, то есть, вероятность того, что преподаватели достоверно старше, не превышает принятый критический уровень 0,05. Распределение сопоставлялся с помощью критериев Ливена и Брауна-Форса. Вероятность того, что распределение в группах отличается, по первому из них составил 0,699, а по второму - 0,771. Таким образом, мы можем считать, что группы однородны по возрасту, и все различия между ними, которые выявлены в дальнейшем при анализе, обусловлены именно их различной ролью в психологической структуре училища.

Были использованы следующие методики:

1. Цветовой тест отношений (ЦТО). Цветовой тест отношений (ЦТО) предназначено для изучения эмоциональных компонентов отношений человека и отражает как сознательный, так и частично неосознаваемый уровни этих отношений. Именно взаимоотношения чувств составляющей отношений с их вербальными компонентами определяют степень качество их осознания человеком. Расхождение между чувственным и вербальными компонентами отношений определяет неадекватное осознание этих относительно характерно для проявления конфликтов, различных нарушений эмоционально-аффективной сферы.

2. Методика изучения социально-психологического климата в трудовом коллективе А.С.Михалюка и А.Ю.Шапито. Исследование психологического климата в трудовом коллективе, как правило, преследуют две цели: подтверждение гипотезы о взаимосвязи между особенностями психологического климата в группах и закономерностями протекания в них ряда процессов и выработка конкретных рекомендаций по оптимизации психологического климата в коллективе. Психологический климат коллектива понимается авторами как социально обусловленная, относительно устойчивая система отношений членов коллектива к коллективу как целому. Методика позволяет выявить эмоциональный, поведенческий и когнитивный компоненты отношений в коллективе. Как существенный признак эмоционального компонента рассматривается критерий привлекательности – на уровне понятий «нравится - не нравится», «приятный - неприятный». При конструировании вопросов, направленных на измерение поведенческого компонента, учитывался критерий «желание - нежелание работать в данном коллективе», «желание - нежелание общаться с членами коллектива в сфере досуга».

Основным критерием когнитивного компонента является переменная "знание - незнание особенностей членов коллектива».

3. Методика диагностики межличностных отношений Т. Лири (ДМО). Методика использовалась для изучения характерологических особенностей, которые проявляются в межличностном общении респондентов. При исследовании межличностных отношений наиболее часто выделяются два фактора: доминирование-подчинение и дружелюбие-агрессивность. Именно эти факторы определяют общее впечатление о человеке в процессах межличностного восприятия. По результатам методики ДМО существенных различий между группами мастеров и преподавателей не выявлено - средние показатели по шкалам (агрессивность, эгоизм, авторитарность, альтруизм, дружелюбие, зависимость, подчиненность, подозрительность) в двух группах очень близки. Таким образом, можно предположить, что в нашем случае психологический смысл конфликта лежит не в интрапсихический сфере. Обе группы оценивают социально-психологический климат в училище в целом примерно одинаково, а именно: наиболее высоко - когнитивный его компонент (верхний предел среднего диапазона), а самое низкое - эмоциональный его компонент (отрицательные значения среднего диапазона). При этом, оценки преподавателей имеют больший размах значений между компонентами, чем у мастеров. Наиболее ярко межгрупповая конфликтность проявилась в мало осознанном эмоциональном отношении к чужой группе (по методике ЦТО). Здесь отчетливо проявился феномен поляризации (яркое негативное эмоциональное восприятие другой группы на фоне позитивного отношения к своей).

Таким образом, подтвердилась наша основная гипотеза о том, что существуют достоверные различия между восприятием своей и чужой группы. Выявлено дополнительный по отношению к основной гипотезы факт: конфликтное отношение между группами мастеров и преподавателей влияет третья группа - учащиеся. Отношение к ним мастеров производственного обучения в данном коллективе более позитивное, чем у преподавателей (по данным методики ЦТО). Возможно, это одна из причин сохранения психологического противостояния между группами, которые мы рассматривали.

На основании полученных результатов мы можем предложить некоторые направления работы в данном коллективе относительно решения и профилактики конфликта:

– Проведение психологического тренинга в смешанных группах, где определенное количество времени группа выполняла бы единые задачи, что способствовало бы уменьшению полярной идентификации.

– В первой части тренинга провести упражнения, которые обостряют «прояснения отношений», причем особое внимание сосредоточить на осознании своих чувств по отношению к представителям чужой группы (ибо мы обнаружили полное несоответствие когнитивного и эмоционального аспектов).

– Предложить, кроме тренинговых занятий, преподавателям и мастерам вместе разрабатывать мероприятия по повышению учащихся интереса к теоретическим занятиям путем сочетания для них теоретических знаний с практическими навыками.

Маллаев Д.М., Изиева Д.П. (г. Махачкала)

РАЗВИТИЕ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ДЕТЕЙ С НАРУШЕНИЯМИ ЗРЕНИЯ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИУМЕ

Исследование гендерных различий охватывает различные периоды исторического развития всех цивилизаций мира. На протяжении многих лет проблемы половой дифференциации рассматриваются с точки зрения отдельного пола и его влияние на развитие способностей (математических, творческих, гуманитарных и др.).

Однако, решение задач гендерного воспитания серьезно осложняется тем обстоятельством, что распад традиционных различных культур народов мира сказалось на половом воспитании. Воспитание и развитие девочек и мальчиков сталкивается с изменениями, вызванными переходами из одного состояния общества в другое, что приводит к распаду сложившейся традиции воспитания мужчин и женщин.

Сегодня у девочек и мальчиков формируется особый «кризисный» менталитет в понимании своей социальной роли. Средства массовой информации способствуют созданию стереотипа силы, власти (денег, социального положения), не зависимо от принадлежности к полу. Происшедшие изменения приводят к оживлению различных воззрений на стирание половых различий и, как правило, к борьбе одного с другим, к приоритету

неравенства. Это объясняется борьбой против ущемления прав, особенно женского населения. Решение данной проблемы как нам видится, связано с процессом формирования социальной активности с учетом гендерных различий с опорой на прочную социально – ролевую мотивацию, что позволит сформировать у девочек и мальчиков адекватные способы и формы поведения.

У детей с нарушениями зрения имеются специфические закономерности формирования гендерного поведения, так как это связано с тем, что многие социальные роли воспринимается на суженной сенсорной основе. Поиск путей совершенствования содержания и методов работы с детьми с нарушениями зрения обуславливает актуальность исследования влияния гендерных различий на процесс их социализации.

Исследование проводилось на базе МДОУ № 44 г. Махачкала для детей с нарушениями зрения, в МОУ № 26 г. Махачкала, Республиканском центре социальной помощи матери и ребёнку, Республиканской школе-интернате III –IV вида (для детей с нарушениями зрения) г. Избербаш и Махачкалинской школе-интернате III –IV вида. Всего в исследовании принимало участие 300 детей: 150 детей с нарушением зрения и 150 с нормальным зрением дошкольного и младшего школьного возраста.

Анализ типов поведения детей, выделенных Д.М. Маллаевым, показывает, что они соответствуют разным уровням его усвоения детьми. В нашей модификации представленная система регуляторных типов поведения составляет определённую последовательность и иерархию развития социальных отношений и поведения детей с учетом гендерного развития. С этой целью в констатирующем эксперименте нами были выделены 4 уровня социального поведения детей:

Первый уровень – отсутствие представлений у детей о правилах поведения в обществе взрослых и детей, ориентир на свои потребности и желания, эгоцентризм, пассивность и т.д. Проявлений гендерной специфики в поведении не отмечается.

Второй уровень – знание правил нравственного поведения, понимание необходимости подчинения правилам, однако, нежелание считаться с этой необходимостью, протест против этого. Дети знают о наличии субкультурной разницы в поведении мальчиков и девочек, однако, либо не следуют этим нормам, либо выбирают их извращенное и крайне отрицательное по отношению к девочкам толкование. Отмечаются негативные гендерные стереотипы в поведении.

Третий уровень – внутреннее согласие, присвоение социального опыта, правил нравственного поведения, но еще пассивное, не являющееся определяющим в активном поведении ребенка, т.е. формальное усвоение. Дети имеют представления о различиях в поведении мальчиков и девочек, способны размышлять о гендерных стереотипах в общении и поведении людей, однако не следуют собственным сознательным установкам на поведенческом уровне.

Четвертый уровень – социальные нормы и правила поведения становятся определяющими и регулирующими позицию ребенка в игре и взаимоотношении с взрослыми. Отмечается четкое представление о гендерных различиях, следование на уровне общения и поведения представлениям о позитивных гендерных стереотипах.

Анализ влияния нарушений зрения на гендерное поведение нормально видящих, слабовидящих и слепых старших дошкольников и младших школьников позволяет прийти к следующим выводам:

1. Формирование социального типа поведения претерпевает значительные изменения при переходе от старшего дошкольного возраста к младшему школьному как при нормальном зрительном развитии, так и у слепых и слабовидящих детей. Переход от ведущей игровой к более регламентированной ведущей учебной деятельности способствует развитию более высоких уровней социальной активности и в целом существенно не зависит от влияния фактора зрительной патологии, так влияние фактора возрастной смены ведущей деятельности оказывается более значимым. В то же время, у небольшой части слабовидящих младших школьников отмечаются проявления более низких уровней проявления социальной активности.

2. В старшем дошкольном возрасте отмечаются достоверные различия между нормально видящими детьми и детьми с нарушениями зрения. В выборке детей с нарушениями зрения в два раза чаще отмечается первый, самый низкий уровень социальной адаптированности по сравнению нормально видящими детьми. При этом четвертый уровень встречается почти в два раза чаще в выборке детей с нормальным зрением. Следовательно, нарушение зрения оказывает влияние на формирование социальной активности, задерживая социальное развитие ребенка.

3. В старшем дошкольном возрасте в выборке слепых детей и с нормальным зрением существенное значение приобретают

гендерные различия. У девочек значительно чаще отмечаются более высокие уровни социального развития (третий и четвертый) и очень редко – первый и второй, что подтверждается их более высоким речевым развитием и общительностью, в то время, как треть мальчиков демонстрирует первый и второй уровни социального развития. Роли, которые играют девочки, отличаются более высоким уровнем достоверности передачи социальных отношений, большим количеством деталей, в то время, как в игре мальчиков отмечается схематичность, социальная нивелированность отношений.

В то же время среди слабовидящих детей 5-6 лет гендерные различия не играют роли в проявлениях социальной активности. Возможно, это отличие от слепых детей вызвано тем, что слабовидящие пользуются остаточным зрением. Так как в дошкольном возрасте многие гендерные различия воспринимаются на уровне внешних различий в одежде, причёске и т.д., то возможно, слабовидение приводит к нарушениям социальной перцепции (восприятия и понимания человека человеком), проявляющихся в своеобразной задержке гендерного развития. В то же время слепые дети не могут использовать визуальную информацию как источник гендерных стереотипов, поэтому они основываются на действиях и ролях. Это способствует лучшему пониманию гендерной роли по сравнению со слабовидящими дошкольниками

4. В младшем школьном возрасте среди нормально видящих и слепых детей практически не встречается первый уровень социальной активности, который продолжает сохранять свое значение для слабовидящих мальчиков. Все реже встречается второй уровень, хотя в выборках детей с нарушениями зрения он отмечается в полтора раза чаще, чем среди нормально видящих детей. Для большей части детей с нормальным зрением уже характерен четвертый уровень социальной активности, в то время как для детей с нарушениями зрения весьма актуален третий уровень.

5. Гендерные различия в младшем школьном возрасте уже приобретают существенное значение во всех трех группах испытуемых и начинают проявляться в выборке слабовидящих. Среди мальчиков во всех трех выборках отмечается наличие второго уровня, хотя в выборке детей с нормальным зрением в два раза реже, чем с нарушениями зрения. При этом мальчики отстают в социальном отношении от девочек вне зависимости от влияния

дефекта. Очевидно, в этом уже проявляется специфика гендерного развития. Существенные различия между мальчиками и девочками прослеживаются в количественных характеристиках всех типов социальных отношений.

6. Значительно начинают отрываться от других групп в социальном развитии слепые девочки, большинство из которых (80%) характеризуются четвертым уровнем. Среди них практически нет первого и второго уровня. Возможно, присущая девочкам большая социабельность (как гендерная характеристика) начинает в этом возрасте использоваться для компенсации дефекта и социальной адаптации личности.

Большую часть времени дети с нормальным зрением проводят в общении со сверстниками как в старшем дошкольном, так и младшем школьном возрасте, хотя в возрасте 7-8 лет их частота контактирования несколько снижается. Очевидно, это связано со снижением роли игры и переходом к более высокому уровню социального развития, выражающегося в снижении значения игрового общения по сравнению с деловым. При этом девочки общаются и вступают в контакты чаще, чем мальчики в обеих возрастных группах.

В отличие от нормально видящих детей, слабовидящие дошкольники проводят в контакте со сверстниками только половину свободного игрового времени, хотя к младшему школьному возрасту под воздействием специального обучения и воспитания наблюдается тенденция приближения к норме. При этом не отмечается гендерной специфики в частоте контактирования в возрасте 5-6 лет, которая четко прослеживается в 7-8 лет: девочки контактируют чаще, чем мальчики.

Реже всего в контакты со сверстниками вступают слепые дети, которые в старшем дошкольном возрасте проводят с ними треть своего свободного игрового времени, а в младшем школьном возрасте – меньше половины. Возможно, это связано с тем, что в силу специфики основного дефекта слепые дети более зависимы от общения со взрослым и испытывают страхи в общении со сверстниками, которые могут представлять для них в определенной степени опасность. При этом прослеживается тенденция к большей активности девочек. Мы считаем, что это связано со спецификой игровых интересов. Девочки выбирают более спокойные и менее пространственно зависимые игры, чем мальчики.

Нормально видящие дети более длительно общаются в игровых объединениях по сравнению со слепыми и слабовидящими

детьми, сохраняя тенденцию к большей активности девочек, чем мальчиков. Зрительный дефект в два раза чаще способствует разрушению игрового объединения и возникновению конфликтной ситуации. Гендерный анализ показывает, что в старшем дошкольном возрасте при слепоте и слабовидении не отмечается существенной зависимости средней продолжительности общения от пола ребенка, однако, в младшем школьном возрасте такая зависимость есть: девочки более длительно сохраняют игровое объединение по сравнению с мальчиками.

Анализ полового состава игровых объединений показывает, что для нормально видящих детей как в старшем дошкольном, так и младшем школьном возрасте отмечается предпочтение однополых игровых объединений, имеющих гендерную специфику. Несмотря на это, они испытывают потребность в играх с детьми противоположного пола, что проявляется в значительном количестве разнополых игровых объединений. Примерно три пятых составляют однополые, а две пятых – разнополые объединения. Подобная же закономерность прослеживается и в выборках слабовидящих детей старшего дошкольного и младшего школьного возраста.

Разница игровых интересов мальчиков и девочек, определяемых характером игровых действий, содержание игрового материала и тех и других, мешает им организовывать совместную деятельность. Во всех группах испытуемых прослеживается стремление девочек к спокойным играм с социально-бытовой тематикой и со сказочными творческими сюжетами. Мальчики предпочитают игры строительно-технического характера и с героико-спортивной тематикой. Влияние зрительного дефекта отмечается лишь в конкретных частных ситуациях, сохраняя общие закономерности, характерные для нормально видящих детей.

Анализ результатов социометрии показал, что в старшем дошкольном возрасте при патологии зрения в определении статуса ребенка в структуре межличностных отношений гендерная специфика очень примитивна и отражается в том, что дети стремятся к выбору ребенка одного с ними пола. При этом во всех выборках (как с нормальным зрением, так и со зрительными нарушениями) более высокое положение занимают дети общительные, доброжелательные, социально активные, с адекватным поведением без учета патологии зрения. То есть, к примеру, в выборках слабовидящих визус не влиял на положение в группе. При этом следует отметить, что мы проводили

исследования в группах со схожим уровнем зрительного развития. То есть, по нашему мнению, если бы мы изучали статусное положение ребенка с нарушением зрения в коллективе нормально видящих детей, мы имели бы иную картину. Самым низким статусом обладали дети конфликтные, агрессивные, раздражительные, склонные к обману и подкупу других детей

В младшем школьном возрасте специфика гендерных предпочтений меняется. Дети стремятся выбирать ребенка не одного с ними пола, а более успешного в учебе, которого часто хвалит учитель, общительного и социально активного. Как нами показано ранее, такими характеристиками чаще обладают девочки, что способствует тому, что именно они чаще оказываются в группах лидеров и предпочитаемых, чем мальчики.

Таким образом, в ходе исследования была выявлена специфика гендерного поведения детей с нарушениями зрения.

Масаева З.В. (г. Грозный)

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕНИЕ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ БЕЗОПАСНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ

Модернизация системы образования требует кардинально инновационный характер по сравнению со старой моделью (знания-умения-навыки). Динамика нынешних перемен предполагает становление такой парадигмы образования, при которой чисто знаниевое образование оказывается уже недостаточным. Устаревание информации сегодня происходит значительно быстрее, чем завершается цикл обучения. Поэтому традиционный подход на передачу необходимого запаса знаний от преподавателя к обучающемуся представляется малоэффективным и оторванным от жизненных реалий. В данной ситуации построение оптимального педагогического общения между участниками образовательного процесса послужит созданию безопасного образовательного пространства.

Именно общение участников образовательного процесса, присутствующие в образовательной среде социально организованные психолого-педагогические условия и возможности его реализации, «порождают» психологическую безопасность образовательной среды, ее характер может лежать в основе отнесения образовательного учреждения к среде определенного типа. Оно порождает, создает и референтную значимость среды, и

психологическую защищенность его участников, и удовлетворенность отдельными компонентами самого взаимодействия.

Проблема эффективности общения приобрела в последнее время большое значение. Ей посвящены труды многих известных психологов – А.А. Бодалева, Б.Ф. Ломова, Е.С. Кузьмина, В.В. Знакова, А.А. Леонтьева, А.А. Реана и др. Следует отметить, что в качестве самостоятельного направления выделяется проблема эффективного педагогического общения (И.А. Зимняя, Я.Л. Коломинский, С.В. Кондратьева, А.А. Леонтьев, Н.В. Кузьмина, А.А. Реан и др.). Экспериментальные исследования показывают, что среди множества задач, встающих перед педагогом, наиболее сложными оказываются задачи, связанные с общением. Они предполагают, что педагог обладает достаточно высоким уровнем развития коммуникативных умений.

Психологически оптимальное общение имеет место тогда, когда в нем осуществляются цели участвующих в нем людей в соответствии с мотивами обуславливающими эти цели, и с помощью таких способов, которые не вызывают у партнеров чувство неудовлетворения.

Педагогическое общение является системообразующим фактором профессии учителя. Можно сказать, что педагогическое общение обладает направленностью на развитие личности, которое с позиции В.Н. Мясищева, может быть рассмотрено как процесс расширения пространства осознаваемых взаимосвязей человека с различными сторонами действительности.

Вступить в равноправные отношения с ребенком очень непросто, но именно такого рода отношения направлены на защиту и поддержку личностного становления. Суть этой поддержки не в том, чтобы давать советы и тем более – решать что-то за другого человека), а в том, чтобы создать особые «помогающие отношения», то есть такие «отношения, в которых, по крайней мере, одна из сторон намеревается способствовать другой стороне в личностном росте, развитии, умении ладить с другими» (К.Роджерс). Важным условием помогающих отношений является создание атмосферы психологической безопасности. Такая атмосфера общения складывается из признания безусловной ценности собеседника, отказа от использования в его отношении «внешнего оценивания», эмпатического понимания.

Способность учителя быть фасилитатором ребенка (то есть помогать его становлению и росту) можно представить в виде пяти «искусств»:

1. искусство уважения;
2. искусство понимания;
3. искусство помощи и поддержки;
4. искусство договора;
5. искусство быть собой.

Образовательная среда должна создавать для участников образовательного процесса положительный эмоциональный настрой, вызывающий ощущение психологического комфорта и чувство защищенности, содержать возможность для их поддержки, то есть обеспечить психологическую безопасность образовательной среды.

Межчеловеческие отношения могут складываться в отношении взаимной терпимости и сотрудничества; превосходства и эксплуатации; подавления, подчинения или заботы и поддержки. Во всех этих случаях личность будет находиться в совершенно различной социальной среде разным уровнем ее психологической безопасности, соответственно по-разному будут проходить и процесс ее развития.

Коммуникативное поведение, отражая типичный способ отношения к другим людям, а в конечном итоге и к самому себе, служит важнейшим индикатором внутреннего благополучия личности педагога и безопасности образовательного пространства для всех его субъектов. Только осознанно развивая внутреннюю способность к осмыслению переживаемого опыта, учитель подчас «ценой внутренних и внешних разрушений» становится способным подняться на новые смысловые уровни своей профессиональной деятельности

В.В. Рубцов определяет образовательную среду как «общность, которая в связи со спецификой возраста характеризуется: а) взаимодействием ребенка со взрослыми и детьми; б) такими важнейшими процессами, как взаимопонимание, коммуникация, рефлексия (т.е., отношение к своему собственному опыту внутри данной общности); в) такой важнейшей характеристикой, как историко-культурный компонент, который определяет, откуда это взялось, как оно «двигается». Из этого следует, что основным психологическим компонентом образовательной среды является характер общения и

взаимодействия субъектов образовательного процесса, особенности их коммуникативного поведения.

Понятно, что структура, стили, специфика педагогического общения во многом определяют уровень психологической безопасности субъектов образовательного процесса. Если, в качестве основополагающего понятия в образовательной системе взять затруднение в педагогическом общении, то точка зрения на проблему психологической безопасности в образовательной среде станет заметно иной, что открывает новые возможности для построения комфортной безопасной образовательной среды.

Омаров М.М. (г. Махачкала)

УГРОЗЫ БЕЗОПАСНОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМ УЧРЕЖДЕНИЯМ ДАГЕСТАНА

В соответствии с положениями, изложенными в Концепции национальной безопасности Российской Федерации (утв. указом Президента РФ от 10.01.2000 г. № 24), состояние отечественной экономики, несовершенство системы организации государственной власти и гражданского общества, социально-политическая поляризация российского общества и криминализация общественных отношений, рост организованной преступности и увеличение масштабов терроризма создают широкий спектр внутренних и внешних угроз национальной безопасности страны. Очевидно, что эти же явления представляют угрозу безопасности для образовательных учреждений Дагестана (ОУ РД).

В Дагестане в настоящее время около 2 тыс. образовательных учреждений всех уровней и видов, из которых 1649 общеобразовательных школ. В системе образования заняты свыше 500 тыс. человек.

Актуальность проблемы безопасности в ОУ республики обусловлена многочисленными реальными фактами опасных ситуаций в ОУ и высокой смертностью в этих ситуациях. Кроме того, несчастье с ребенком всегда приобретает особый общественный резонанс. Именно этим определяется необходимость выявления и изучения всех угроз безопасности образовательного учреждения [7].

Угроза безопасности – потенциальное нарушение безопасности, любое обстоятельство, которое может явиться

причиной нанесения ущерба, возникновения опасных и чрезвычайных ситуаций.

В зависимости от источника возникновения и характера действующих факторов, опасные и чрезвычайные ситуации подразделяют на следующие группы: природные, техногенные, социальные, комбинированные. Часто опасные ситуации являются комбинированными (смешанными), например, ураганы и землетрясения сопровождаются пожарами, авариями. Техногенные и природные опасности вблизи ОУ часто переплетаются с социальными факторами и последствиями (например, ДТП, обрушение здания) [1].

Из природных явлений в ОУ чаще приносят беду холода, жара, наводнения, ураганы, реже – оползни, сели, землетрясения.

Из социально-криминальных опасностей в ОУ чаще отмечаются конфликты среди учащихся, факты вандализма и хулиганства, кражи, грабежи, вымогательство, телесные повреждения, ложные сообщения о готовящихся терактах; реже имеют место реальные взрывы, поджоги, убийства, захват заложников из числа учащихся.

Техногенный ущерб чаще всего связан с ДТП, пожарами, протечками и авариями с водой, происшестввиями с электропроводкой и приборами, обрушениями зданий, отдельных конструкций.

Социальные опасности возникают в тысячи раз чаще, чем природные. Количество пострадавших от всех видов криминальных опасностей по российской статистике – около 3 млн. человек ежегодно, а с учетом скрытых и незаявленных фактов преступлений – около 10 млн. человек. Принимая во внимание страдания близких и членов семей потерпевших, эту цифру можно увеличить в пять - шесть раз. Эти данные говорят об актуальности и необходимости изучения материалов о социально-криминальных опасностях для каждого работника ОУ и учащегося. Причем если природные техногенные опасности возникают стихийно и не зависят от действий участников образовательного процесса, то социальная сфера и возможные опасности формируются непосредственно в результате действий и взаимоотношений учащихся, учителей и сотрудников ОУ [3].

Многие опасные, но не чрезвычайные ситуации внешне не сразу воспринимаются как таковые, и мы к ним привыкаем, как к потоку машин, контактам с посторонними. У современного городского жителя значительно снижен порог чувствительности к

скрытым опасностям. Для персонала и сотрудников охраны ОУ это недопустимо.

Чаще всего ОУ сталкиваются со *смешанными происшествиями*: социально-криминальными, социально-природными и социально-техногенными.

У любой опасной ситуации обязательно есть явная или скрытая причина. С учетом мнений социологов и криминологов, комиссий по расследованию ЧС расположим различные причины и негативные факторы (процессы и явления) в порядке убывания их значимости и степени влияния. Вот что выходит на первые места:

- недисциплинированность и бесконтрольность персонала и учащихся;
- непонимание серьезности проблем БЖ;
- сокрытие фактов правонарушений и непринятие соответствующих мер к правонарушителям;
- неорганизованность досуга учащихся;
- слабая система безопасности и охраны ОУ;
- целенаправленные действия преступников;
- негативное влияние преступной и молодежной субкультуры;
- отсутствие необходимой правовой и социальной информации;
- недостаточные знания, умения и навыки безопасного поведения;
- недостаточное изучение педагогами реальной жизни учащихся, их интересов и контактов;
- излишняя строгость отдельных педагогов в период аттестационных мероприятий, элементы жестокости и несправедливости по отношению к учащимся.

Как видно, комплекс причин опасностей в ОУ не может быть нейтрализован действиями в каком-либо одном направлении: правовом, экономическом, информационном, техническом, кадровом или организационном. Однако главным звеном остается воздействие на учащихся, родителей и персонал ОУ, т.е. на человеческий фактор [4].

При сохранении указанных выше причин и негативных факторов легко предсказать дальнейший рост количества происшествий, преступности, травматизма в ОУ.

Причины происшествий, несчастных случаев, производственного травматизма и профессиональных заболеваний

персонала, обучающихся и воспитанников ОУ можно разделить на причины внешнего характера (технические и организационные) и внутренние (личностные) причины, зависящие непосредственно от учащегося или работника.

К техническим причинам относятся неисправности механизмов, приборов, несовершенство технологических процессов, отсутствие или несовершенство оградительных и предохранительных устройств, отсутствие заземления, неисправности электропроводки, недостатки в освещении, вентиляции, отоплении, а также шум, вибрация, устаревшие продукты питания, неисправность оборудования и др.

К организационным причинам относятся: нарушение норм внутреннего распорядка и охраны труда по вине администрации, недостаточный надзор, недостатки в обучении безопасным приемам работы и проведении инструктажей по безопасности, нарушение режима труда и отдыха, неудовлетворительная организация и содержание территории, рабочих мест; небрежное отношение преподавателей к обучению учащихся безопасным приемам работы; слабый контроль соблюдения инструкций по безопасности; слабая организация дежурств; недостатки воспитательной работы; слабое взаимодействие с родителями учащихся по вопросам профилактики правонарушений и травматизма.

К личностным причинам относятся:

- недостаточное внимание, ослабление зрения, слуха, памяти, болезнь, утомление, ослабление самоконтроля учащимся своей деятельности;
- недисциплинированность учащихся, нетрезвость, беспечность, нарушение правил внутреннего распорядка и инструкций по безопасности;
- незнание правил и алгоритмов безопасного поведения, отсутствие необходимых знаний, навыков и умений, культуры безопасного поведения.

Человек может совершать ошибочные действия и проступки из-за утомления, вызванного большими перегрузками, монотонностью труда, умственным перенапряжением [6].

В эту группу относятся также неудовлетворительные социально-экономические условия жизни, недостаточная работа социальных служб, малоэффективная педагогическая работа по воспитанию культуры безопасного поведения учащихся.

Из проведенного анализа можно сделать следующие выводы:

От обычных происшествий и опасных ситуаций погибает

людей (в т.ч. обучающихся и воспитанников) в сто раз больше, чем от ЧС, но они не попадают в статистику ГУ МЧС РФ по РД и не вызывают повышенного внимания в руководящих документах.

Значительную часть этих потерь можно уменьшить, поскольку более 70% пострадавших погибает не от стихийных бедствий, а от отсутствия элементарной культуры безопасного поведения и недостаточности необходимых знаний и умений у населения, в том числе и у части медработников.

Дорогостоящее укрепление технической и тактической готовности к защите ОУ от терактов и иных ЧС не приведет к снижению общих потерь, если эти меры не будут одновременно защищать ОУ от множества других обыденных (не чрезвычайных) опасностей социального характера.

Самые строгие меры и законы не помогут снизить потери обществ и государства, если в каждом ОУ и в обществе в целом не будет создано условий для развития трудовой культуры, культуры здоровья, системы формирования безопасной личности, безопасного поведения, проектирования и внедрения комплексных технических и социальных систем безопасности.

Любые действия не будут эффективными, если не будет обеспечено единство целей и механизма взаимодействия общества, гражданина, семьи, коллектива, организации, государства. Нужны специальные программы и механизмы для постоянного взаимодействия, например, паспорт безопасности ОУ, пакет инструкций по безопасности, единый план безопасности.

Эти выводы помогают осознать важность целого ряда требований к обеспечению безопасности ОУ, созданию комплексных систем безопасности (выбору средств, режима, типа отношений в коллективе, с родителями), позволяющих достичь наибольшего эффекта.

Литература

1. Безопасность жизнедеятельности: Учебник для вузов / Л.А. Михайлов, В.П. Соломин, А.Л. Михайлов, А.В. Старостенко и др. – СПб.: Питер, 2007. – 302с.
2. Безопасность образовательного учреждения (Новосибирская открытая образовательная сеть) [Электронный ресурс]: <http://www.websib.ru/noos/bou/>
3. Мастрюков Б.С. Безопасность в чрезвычайных ситуациях: Учебник для студ. высш. учеб. заведений / Б.С. Мастрюков. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 336с.

4. Обеспечение комплексной безопасности в образовательном учреждении: Настольная книга руководителя / Андреева Н.В. – М.: Айрис-пресс, 2005. – 248 с.
5. Обеспечение психологической безопасности в образовательном учреждении: практическое руководство/ Под. ред. И.А. Баевой. – СПб.: Издательство «Современный учебник», 2006. – 288 с.
6. Петров, С.В. Обеспечение безопасности образовательного учреждения: Практическое пособие для руководителей и работников образовательных учреждений. – М.: Изд-во НЦ ЭНАС, 2006. – 248 с.
7. Комплексная безопасность образовательного учреждения: качество, эффективность, перспективы. Материалы первой Республиканской научно-практической конференции/ Редакционная коллегия: к.п.н., доцент Ибрагимов А.Д., к.п.н. зав. кафедрой БЖ Омаров М.М. –Махачкала: ДГПУ, 2010. -252 с.

Омарова П.О. (г. Махачкала)

КЛАССИФИКАЦИЯ ДЕТЕЙ СО СТОЙКОЙ ШКОЛЬНОЙ ДЕЗАДАПТАЦИЕЙ КАК СРЕДСТВО ОПТИМИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ

Принятые в последние годы нормативно-правовые документы (последняя редакция Федерального Закона «Об образовании», «Концепция модернизации российского образования до 2010 года», Национальная доктрина образования, концепция «Новая школа» и другие) обозначили заботу государства о повышении роли образования в формировании личности юных граждан России, что актуализирует необходимость максимального обеспечения школьников соответствующими условиями обучения и воспитания в зависимости от их индивидуально-типологических особенностей.

В современном российском образовании отмечается тенденция роста числа неуспевающих школьников, испытывающих сложности в процессе адаптации к ситуации школьного обучения. Только небольшую часть этих детей составляют дети с грубыми нарушениями психофизического развития, обучающиеся в специализированных школах. Большинство учащихся начальных классов со стойкой школьной дезадаптацией из-за ограниченных возможностей развития обучается либо в обычных классах, либо в классах коррекционно-развивающего обучения.

Основная педагогическая работа с таким детьми ведется учителем начальных классов. Однако, как показывает практика образования, большинство учителей не готово к эффективному психолого-педагогическому сопровождению таких детей, так как существующие в современной психолого-педагогических исследованиях подходы, в основном, ориентированы на медико-биологический анализ причин дезадаптации и по существу, ничего не говорят учителю о специфике его педагогической работы в этих условиях.

В ходе проведенного нами исследования был сделан ряд весьма важных выводов, позволяющих уточнить и конкретизировать современные представления о младших школьниках с трудностями в обучении и проблемами в развитии и о специфике работы учителя начальных классов с детьми исследуемой категории. Исследование проводилось на базе муниципальных образовательных учреждений №4, №5, №26 г. Махачкала и №1 г. Каспийска.

В эксперименте приняло участие 100 детей с нормальным психофизическим развитием и без трудностей в обучении и 100 детей со стойкой школьной дезадаптацией (учащиеся как классов коррекционно-развивающего обучения (школы №4, №5, №26 г. Махачкалы) и инклюзивного образования (школа №4 г.Махачкалы), так и обычных классов). Также в эксперименте приняло участие 23 педагога (учителя начальных классов и педагоги-психологи).

На основе выявленных познавательных, речевых, эмоционально-личностных и социальных проблем детей, обучающихся в классах коррекционно-развивающего обучения, нами было выделено 7 вариантов стойкой школьной дезадаптации в младшем школьном возрасте в условиях общеобразовательной школы:

1-й вариант характеризуется высоким уровнем развития познавательной сферы и низким уровнем школьной мотивации при нормальном уровне тревожности и адекватности поведения и общения (12% выборки). Такие дети, имея достаточно высокие характеристики внимания, памяти и мышления, речевого развития, отличаются снижением познавательных интересов, отсутствием или недостаточностью познавательных мотивов обучения, что обуславливает специфику стойкой школьной дезадаптации. При этом отсутствуют проблемы, связанные с блоками тревожности, общения и поведения.

2-й вариант характеризуется средним уровнем развития познавательной сферы и средним уровнем развития школьной мотивации при ярко выраженной высокой школьной тревожности. Повышенная эмоциональность приводит к тому, что они крайне нуждаются в одобрении учителя, эмоциональной поддержке. Не получая их, они все чаще совершают ошибки, а критика со стороны взрослых усугубляет их положение. Таких детей в выборке младших школьников со стойкой школьной дезадаптацией оказалось 8%. Нарушений поведения при этом варианте не отмечается.

3-й вариант характеризуется средним уровнем развития познавательной сферы и средним уровнем развития школьной мотивации при ярко выраженных нарушениях поведения в виде повышенной агрессивности, конфликтности, ассоциальности поведения. Всего таких детей оказалось 13%.

4-й вариант взаимосвязи характеризуется низким уровнем развития познавательной сферы, достаточным уровнем развития учебной мотивации и нормальным уровнем тревожности и отсутствием нарушений речи, общения и поведения. Эти дети составили 5% выборки дезадаптированных детей.

5-й вариант характеризуется низким уровнем развития познавательной сферы, низким уровнем развития учебной мотивации и нормальным уровнем школьной тревожности. При этом нарушений поведения и общения не отмечается. Такие дети составили 34% выборки детей со стойкой школьной дезадаптацией.

6-й вариант характеризуется низким уровнем развития познавательной сферы, низким уровнем развития учебной мотивации, нормальным уровнем школьной тревожности и нарушениями поведения (агрессивность, конфликтность и др. Всего – 20% выборки.

7-й вариант характеризуется низким уровнем развития познавательной сферы, общим недоразвитием речи и низким уровнем развития учебной мотивации при отсутствии нарушений общения и поведения. Таких детей оказалось 7%.

Дифференциация видов стойкой школьной дезадаптации позволила разработать схему анализа, позволяющую учителю начальных классов наглядно определить необходимые блоки дифференцированной педагогической коррекции в каждом конкретном случае и использовать широкий арсенал мер педагогического воздействия как традиционных, так и наших авторских разработок на основе идеи о необходимости точечного

направленного педагогического воздействия в условиях национальной школы.

Учет индивидуально-типологических особенностей ребенка со стойкой школьной дезадаптацией позволил обеспечить максимальную психологическую комфортность в адаптации к условиям обучения в начальной школе и способствовал созданию оптимального образовательного пространства с необходимыми коррекционно-образовательными маршрутами.

Омарова П.О., Бажукова О.А. (г. Махачкала)

ОПТИМИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ РИСКОВ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ДЕТЕЙ С НАРУШЕНИЯМИ ИНТЕЛЛЕКТА

Предпринятое нами исследование социальных рисков детей с ограниченными возможностями здоровья в полиэтнической среде позволило нам прийти к следующим выводам:

1. Социальное благополучие человека во многом зависит от того, как приспособлен, адаптирован он к окружающей действительности, каковы его самоощущения в ней. Для комфортного существования в социуме человека необходимо осознание своих возможностей и умение их использовать. Полноценное развитие ребенка как неотъемлемое право человека и одна из важнейших задач образования на современном этапе требует поиска наиболее эффективных путей достижения этой цели. Защита прав человека на охрану и укрепление здоровья, на свободное развитие в соответствии с индивидуальными возможностями становятся сферой деятельности, в которой тесно переплетаются интересы родителей, медицинских работников, педагогов, психологов, различных социальных институтов, всего общества в целом.

2. Проблемы формирования новой философии отношений к лицам с ограниченными возможностями здоровья, к их гражданским правам находятся на пересечении различных отраслей научного знания, однако основная роль в разработке теории и практики организации системы комплексной помощи и поддержки свободного развития особого ребенка средствами образования принадлежит специальной (коррекционной) педагогике. К числу первоочередных задач данной науки относится изучение инновационных направлений создания оптимальных условий для

профилактики и успешной коррекции нарушений в развитии ребенка, воспитания и обучения, социальной адаптации и интеграции в общество лиц с ограниченными возможностями.

3. Современная практика работы с детьми с нарушениями развития весьма разнообразна. В этом разнообразии особенно ясно выступают нерешенные и слабо изученные проблемы. Одной из таких важнейших проблем является разработка системы психолого-педагогической помощи по социальной адаптации, адекватной качественному своеобразию развития этих детей.

4. Одним из самых актуальных направлений специальной (коррекционной) педагогики на современном этапе как в России, так и во всем мире, является психолого-педагогическое сопровождение детей с отклонениями в развитии и формирование социальной компетентности. Такое внимание объясняется рядом причин: увеличением удельного веса перинатальных повреждений нервной системы в структуре детской заболеваемости; патогенетической ролью ранних мозговых повреждений в биологической и социальной дезадаптации детей на последующих возрастных этапах; усилением гуманистических тенденций в обществе.

5. Объективному риску социальной уязвимости подвержены практически все семьи, воспитывающие детей с ограниченными возможностями здоровья. Подавляющее большинство семей, имеющих детей с ограниченными возможностями здоровья, живут за чертой бедности, уровень образования родителей крайне низок, лишь каждая десятая семья может считаться до совокупности социокультурных, психологических, экономических и других характеристик благополучной.

В этой ситуации семья не только не в состоянии оказать какой-либо действенной помощи образовательному учреждению в развитии и воспитании ребенка с умственной отсталостью, но, напротив, она выступает фактором, осложняющим реализацию процессов социализации ребенка с ограниченными возможностями.

Это актуализирует необходимость интеграции семей, испытывающих потребность во всесторонней поддержке государства в бенефициарную систему (систему льгот, пособий и т.п.), а также обеспечение тесного сотрудничества образовательных учреждений с социально-психологическими и социально-реабилитационными учреждениями, антикризисными центрами, так как в настоящее время слаженная, скоординированная работа данных социальных структур наблюдается крайне редко.

Неблагоприятная социокультурная ситуация развития ребенка с ограниченными возможностями здоровья, детерминируемая особенностями социально-демографических характеристик их родительских семей, актуализирует необходимость развития сети комплексной социокультурной и психолого-педагогической поддержки семьи.

В настоящее время актуальными являются развитие и активизация адресной государственной поддержки детей с ограниченными возможностями здоровья и их семей, ориентирование социальной политики в соответствии с принципами «поддержки детей через семью» и благополучие детей через благополучие их родителей (семьи), которые должны стать фокусом всей социальной деятельности российского государства.

Некомпетентность педагогов в отношении работы с семьей ребенка с ограниченными возможностями здоровья еще более осложняет ее проблемы и негативно сказывается на ее участии в решении актуальных проблем в образовании, требующих данного участия.

Одна из наиболее важных проблем – большой информационный пробел у родителей в вопросах физического и психологического здоровья, планирования семьи, отсутствие навыков позитивно решать конфликты в семье.

Работа с родителями должна быть направлена на организацию сотрудничества с семьей в интересах ребенка, формирование общих подходов к воспитанию, совместное изучение личности ребенка, его психофизических особенностей, выработку единых требований, организацию помощи в обучении, физическом и духовном развитии.

Национальная школа имеет определенный резерв психолого-педагогической поддержки семьи ребенка с ограниченными возможностями здоровья. Обращение к национальным и народным традициям, специфике воспитания в национальной школе позволит оптимизировать качество психолого-педагогических услуг, оказываемых такой семье.

Изучение специфики социализации детей с нарушениями интеллекта в национальных образовательных системах свидетельствует о том, что значительная часть детей с нарушениями интеллекта характеризуется низкой социальной адаптированностью и, как следствие, социализированностью. В большинстве своем они не готовы к выполнению необходимых социальных ролей, не способны сделать самостоятельный выбор, не

умеют прогнозировать последствия своих поступков и взять на себя ответственность за свое поведение, неправильно трактует свободу и независимость личности. Им свойственны безответственность, неспособность анализировать свои действия и принимать решения, низкая рефлексивность, поверхностное самопонимание, инфантилизм в достижении своих целей и реализации жизненных планов, в сочетании с завышенными притязаниями, эгоистическими установками, прагматическими ценностями и готовностью к риску.

Изучение межличностных предпочтений показывает, что наиболее высоко в межличностных отношениях дети с ограниченными возможностями развития ценят доброжелательность, отзывчивость, дружелюбие, поддержку и понимание. При этом ненормативная лексика, брань и рукоприкладство отнесены к наиболее отрицательным качествам и поступкам личности. Эти социокультурные представления школьников носят общечеловеческий характер, не связанный с национальной системой образования, однако, они не могут не учитывать нами при проведении специально организованного педагогического воздействия на процесс социализации детей с нарушениями интеллекта в национальных образовательных системах.

Анализируя систему межличностных отношений детей с нарушениями интеллекта в национальных образовательных системах, мы пришли к следующим выводам:

Субъективная оценка социально-психологического климата в коллективе сверстников находится в прямой зависимости от уровня социальной адаптированности ребенка: чем выше уровень, тем более благополучными воспринимаются отношения в классе (и наоборот). В обратной зависимости от уровня социальной адаптированности находятся проявления конфликтности, а также агрессивности и жестокости подростков.

Этнокультурное воспитание в национальной системе образования оказывает прямое влияние на проявления межличностной толерантности и конфликтности у школьников: чем шире поликультурная среда и взаимопроникновение культур, тем выше уровень толерантности (особенно межэтнической) и ниже уровень конфликтности подростков.

Отмечается влияние национально-ориентированного воспитания в проявлениях социальных качеств детей с нарушениями интеллекта (в проявлениях общительности, организаторских способностях, послушания, агрессивности и

других). Характерно проявление социализированности лишь в условиях своей стабильной этнокультуры. Оказавшись в условиях поликультурного сообщества, они оказываются более беспомощными в социальных отношениях из-за возникающего конфликта между этнокультурными и поликультурными правилами поведения. Городские подростки более агрессивны, обидчивы, беспомощны в коммуникативных отношениях, чем дети из относительно монокультурной среды. Они менее самостоятельны и настойчивы. Сельские школьники более послушны и трудолюбивы. Несмотря на более низкие показатели в развитии большинства личностно-коммуникативных качеств, подростки, проживающие в условиях полинационального сообщества, более уверены в себе.

На процесс социализации детей с нарушениями интеллекта в национальной системе образования значительное влияние оказывают следующие профессионально-личностные качества и отношения учителя: оценка взаимоотношений со школьниками, владение методами воспитания у школьников социальных качеств поведения, обсуждение правил поведения в обществе с учащимися, демонстрация образцов позитивного поведения и общения, знание этнокультурных правил поведения и методов этнокультурного воспитания, отношение к физическому наказанию ребенка родителями, знание внешкольного круга общения учащихся, характер взаимоотношений с родителями учащихся, отношение к проявлениям инициативы и самостоятельности ребенка. При этом отмечаются значительные этнокультурные отличия (со статистически достоверной разницей) между выборками учителей, проживающих в условиях монокультуры по сравнению с учителями, проживающими в условиях полинационального сообщества.

Полученные в ходе исследования данные относительно специфики социализации детей с нарушениями интеллекта в национальных образовательных системах, позволили выработать систему коррекционно-психологических технологий по оптимизации процесса социализации детей с нарушениями психофизического развития в условиях школы и семейного воспитания.

Условиями, затрудняющими социализацию умственно отсталых детей в семье, по нашим данным являются следующие:

- неадекватное взаимодействие матери с собственным ребенком; (запреты, недовольство, пренебрежение ребенком);

- неготовность матери быть «проводником» от ребенка к социуму;
- изоляция ребенка от окружающего мира;
- использование неадекватных методов воспитания родителями по отношению к ребенку с нарушениями интеллекта.

Анализ материалов исследования свидетельствует о том, что в условиях коррекционно-образовательного учреждения необходима организация работы по взаимодействию с семьей.

При этом в качестве задач взаимодействия семьи и школы выступают: формирование навыков общения, развитие межличностных отношений в коллективе класса, гармонизация взаимоотношений между ребенком и значимыми взрослыми (педагогами, родителями), формирование доброжелательных взаимоотношений с лицами ближайшего социального окружения, коррекция детско-родительских отношений, помощь в семейной социализации и консультирование родителей по вопросам социального развития ребенка, социально-педагогическая профилактика и коррекция дезадаптивного поведения. Важную роль при реализации этих задач играет социально-педагогическая и психологическая служба коррекционного образовательного учреждения.

Работа классного руководителя и социального педагога с детьми с нарушениями интеллекта по оптимизации процесса социализации начинается с блока психолого-педагогической диагностики, позволяющей оценить реальное состояние дел и строить дальнейшую воспитательную работу с детьми.

Цели продолжающейся научно-исследовательской работы:

- Методологически и теоретически обосновать роль и значение деятельностного подхода к социализации детей с ограниченными возможностями развития в условиях полиэтнической среды.

- Раскрыть сущность и своеобразие процесса социализации детей с нарушениями психофизического развития, выявить особенности социального развития детей с ограниченными возможностями развития на различных этапах школьного детства с учетом гендерной специфики; разработать пути и средства преодоления трудностей, возникающих в процессе социализации детей изучаемой категории.

- Систематизировать коррекционно-развивающие технологии социализации детей с ограниченными возможностями развития в

условиях специально организованного психолого-педагогического воздействия и разработать пути расширения возможностей школьной социально-педагогической и психологической службы в процессе социального развития детей с ограниченными возможностями развития.

- Разработать модель, методы, приемы и способы социализирующего психолого-педагогического воздействия на личность ребенка с отклонениями в развитии; установить их влияние на коррекцию социального развития детей изучаемой категории.

- Теоретически и экспериментально обосновать психологические аспекты использования возможностей семейного воспитания в процессе социализации ребенка с ограниченными возможностями здоровья.

В настоящее время идет внедрение в практику работы образовательных учреждений и реабилитационных центров пяти предлагаемых нами технологий работы с семьей ребенка с ограниченными возможностями развития.

Петров С.В. (г. Москва), Кисляков П.А. (г. Шуя)

К ВОПРОСУ ОБ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ

Вступление человечества к концу XX века в информационную стадию развития существенно расширило реальные возможности получения нужных результатов в деле управления индивидуальной психикой и, особенно, психологией больших масс людей. В работу по программированию психики включились новые науки (кибернетика, информатика, генетика) и технологии (электронные СМИ, глобальные информационные сети и, в первую очередь, Интернет как «мировая паутина» – для человека в буквальном смысле), установки которых не новы: сделать поведение людей более стабильным, неконфликтным, хорошо поддающимся контролю и управлению. Переход к глобальному обществу позволил придать информационно-психологическому воздействию и использованию психологических манипуляций всеобщий характер.

С младенчества и до самой смерти мы подвергаемся разным типам психологического воздействия. Этот процесс принято

называть социальным программированием или социализацией, социальной адаптацией. Цель же у любого социального программирования – создать послушный человеческий экземпляр, которым легко управлять, который будет убежден, что действует по собственной воле, и все мысли принадлежат ему самому. Именно такой тип манипуляции человеческим сознанием заложен в современной системе воспитания и обучения, деятельности различных коллективов, фирм, общественных организаций и государственных образований в целом.

Процесс социализации (социального программирования) начинается с детства: с рождения его наставляют, «вводят в рамки», призывают к повиновению, жестко контролируют, наказывают, требуют: «ты должен», «ты обязан». Даже столь уважаемое нынче знание оказывается в этом процессе обоюдоострым оружием. С одной стороны, оно помогает человеку приспособиться к определенному виду деятельности и образу жизни; с другой – делает его привязанным к этому знанию и даже подчиненным ему. В конечном счете, не столько человек овладевает знанием, сколько знание овладевает человеком. Хорошо воспитанный и обученный ребенок – это уже социально управляемый индивид. Дальше с ним работать намного проще, он прошел первый и самый важный этап в деле снижения уровня внушаемости. Так что подготовку к будущим манипуляциям проводят сами родители, заинтересованные в благополучии своего чада. Такого рода манипулирование не связано с неблагоприятными целями. Более того, оно исходит из добрых побуждений. Однако, помогая ребенку адаптироваться к условиям жизни, родители и учителя, не желая того, одновременно снижают уровень его внушаемости, делают более подверженным любой манипуляции в будущем.

Манипуляция сознания начинается и проявляется в обычных, на первый взгляд, жизненных ситуациях. И особенно эффективно она осуществляется в детстве и подростковом возрасте, на фоне формирования человеческой психики и ее высокой пластичности.

В деле манипуляции населением и особенно подрастающего поколения появился лидер, неизвестный прошлым столетиям, – средства массовой информации. Они уже сегодня способны добиваться от людей нужного мировосприятия, закладывать в них требуемые стереотипы поведения, прогнозировать и программировать их желания, формировать реальное единомыслие в стране и мире. Зачастую в СМИ процветают девальвация духовных ценностей, пропаганда образцов массовой культуры,

основанных на культе насилия, на духовных и нравственных ценностях, противоречащих ценностям, принятым в обществе. Интернет-пространство кроме того является той площадкой, где культивируются чуждые нормальному человеку ценности: террор, национальная и расовая неприязнь, разжигающие религиозные конфликты, экстремизм. Ярким примером воплощения этих идей являются беспорядки, произошедшие в Москве в декабре 2010 года, в Лондоне в начале августа 2011 года.

Чтобы, по возможности, избежать «зомбирования» в эти решающие для выработки жизненного стиля годы, подростку необходимо знать основные признаки внушенного извне поведения и уметь оценивать по ним свои действия. Вот некоторые признаки того, что молодой человек уже зомбирован, или на пути к состоянию «социального зомби»:

- круг основных интересов его узок, неоригинален, почти полностью подобен общепринятым в данной среде шаблонам;

- готов бездумно повторять в кругу друзей, как «последнюю истину», то, что услышал вчера в телепередаче или прочитал на рекламном щите;

- бежит в магазин после просмотра рекламы, живет от сериала до сериала, от одного телешоу до другого, не представляет свое времяпровождение без телевизора;

- защищая свое мнение, готов в любой дискуссии лгать, изворачиваться, извращать факты или, напротив, бездумно, не приводя аргументов, при первых возражениях оппонентов отказаться от собственного утверждения;

- потерял чувство любви к своим близким, способность получать наслаждение от общения с природой, искусством, людьми, присутствует желание, например, сутками сидеть у компьютера;

- в суждениях и убеждениях много фанатизма и нетерпимости к другим мнениям, растет желание активно участвовать в деятельности объединений «фанатов» того или иного толка.

Также необходимо со школьной скамьи формирование информационной культуры подрастающего поколения. Информационная культура является частью общей культуры личности и представляет собой совокупность норм, ценностей, знаний и умений, связанных с потреблением и созданием информационных ресурсов, характеризуется умением обращаться с источниками информации (в том числе со СМИ) и адекватно ее

воспринимать. Одним из показателей информационной культуры современного человека является умение и желание «отсеивать» (не принимать) информацию, отрицательно влияющую на сознание. Ориентируя будущее поколение на ценность не любой информации, а только имеющей определенные свойства, можно улучшить «экологию» информационного пространства, избавившись от значительного количества зачастую вредного «информационного мусора», предупредить манипулирование сознанием.

Учащимся необходимо вновь и вновь показывать, что манипуляция их сознанием осуществляется не только и не столько через реализацию глобальных проектов, применение научных методов и современных технических средств, перед которыми человек может быть беззащитен. В значительно большей степени она оказывается результатом того, что происходит с ними ежедневно, и что мы не оцениваем как манипуляцию.

Для повседневной защиты от постепенного превращения в зомбированное существо учащимся нужно знать цели, методы и средства современного манипулирования сознанием людей и уметь контролировать степень своей зависимости от внешних воздействий (например, по указанным выше признакам) каждый день и в каждой из жизненных ситуаций. Освобождению сознания от односторонней информационной зависимости, его раскрепощению могут способствовать приобщенность и любовь к искусству, природе, а также творческое отношение к жизни.

Почтарева Е.Ю. (г. Екатеринбург)

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ЛИЧНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

Социокультурная ситуация, сложившаяся в настоящее время в нашей стране, делает неизбежным смену устоявшихся ценностей. Интерес к индивидуальному началу личности в настоящее время пронизывает все сферы общества, и в том числе в образовании реализуется посредством создания образовательной среды, достижение результатов в которой осуществляется в системе координат «задача – группа – личность».

В разрабатываемой ныне гуманистической концепции образования и воспитания, делается акцент на необходимость

постоянного поиска внутреннего потенциала личности, на стимулирование ее внутренних усилий в процессе обучения, воспитания и саморазвития. Смена содержания и форм социальных отношений, приводят к необходимости реализации новых, субъект-субъектно ориентированных технологий межличностного взаимодействия в образовательном процессе.

Нацеленность на развитие личности в образовании с одной стороны, приводит к изменениям образовательной среды, с другой увеличивает требования к участникам образовательного процесса и специфике их межличностного взаимодействия. Поэтому важным показателем эффективности образовательного процесса в настоящее время является психологическое благополучие участников образовательной среды, т.е. психологическая безопасность.

Анализируя концептуальные подходы к пониманию психологической безопасности (И.А.Баева, Г.В.Грачев, Т.С.Кабаченко, Э.Э.Сыманюк и др.), мы можем определить, что психологическая безопасность основывается на личностно-ориентированном взаимодействии, которое мы понимаем как сотрудничество, партнерство, предоставляющее возможность освоения, познания и преобразования окружающего мира в процессе совместной деятельности. Таким образом, психологически безопасная образовательная среда – это среда, предоставляющая возможность для раскрытия личности в культурно-психологической реальности «практика – психика – культура». [1] Именно этот подход означает признание ребенка активным субъектом образовательного процесса, а, следовательно, означает становление субъект-субъектных отношений.

Рассматривая феномен личностно-ориентированного взаимодействия, необходимо отметить важность общения в развитии личности. Общение пронизывает всю нашу материальную и духовную деятельность. Роль общения в нашей жизни чрезвычайно велика. В процессе общения происходит вхождение в коллектив, социализация. В общении протекает жизнь общества. В общении формируются черты личности, поэтому без знаний об общении человеку трудно познать самого себя и общество в целом. В общении и через взаимодействие друг с другом совершается усвоение ребенком организации и норм коллектива, принятых средств языка, культуры.

Личностно-ориентированное взаимодействие – это развитие и саморазвитие личностных качеств на основе общечеловеческих

ценностей. Это педагогически управляемый процесс культурной идентификации, социальной адаптации и творческой самореализации личности, в ходе которого происходит вхождение ребенка в культуру, в жизнь социума, развитие всех его творческих способностей и возможностей.

Цель личностно-ориентированного педагогического взаимодействия – создание благоприятных условий для ребенка, содействие в его личностном развитии, формировании у него нравственных ориентаций, в его самоопределении. Личностно-ориентированное взаимодействие характеризуется диалогичностью. Особенность педагогического диалога состоит в инициировании его учителем, личностный вклад которого должен обладать большим смысловым и эмоциональным потенциалом. Также гуманистические ценности, заключенные в содержание образования должны быть интериоризованы самим педагогом, войти в систему его ценностных ориентаций, в структуру его личности. Не меньшее значение имеет настроенность самого учителя, понимание им важности стоящих перед ним задач, желание вести разговор с учащимся о животрепещущих проблемах бытия, равно значимых для него и ребенка, используя для этого содержание своего предмета.

В свою очередь необходимым условием установления диалога как личностно-ориентированного взаимодействия педагога и учащихся является организация образовательной среды.

Улучшение качества взаимодействия зависит от изменения характера всей культурной среды образования. В связи с этим актуальным является задача проектирования и моделирования социокультурной образовательной среды образовательного учреждения. В.И.Слободчиков рассматривает «социокультуру» образовательной среды как характеристику развития личности ребенка, педагога, родителя и т. д. [3]. Таким образом, психологическая безопасность личности и среды неотделимы друг от друга.

При моделировании социокультурной среды образовательного учреждения и его потенциала необходимо учитывать следующие факторы:

- влияние социальных негативных средовых факторов на школу, в результате которых ухудшается культурно-нравственная атмосфера в массовой школе;

- необходимость восполнения для личностного роста детей в семье и среде проживания недостающего им положительного социального и нравственного опыта;
- психологическую потребность детей в устранении дисгармонии, деформации, возникающих под воздействием экстремальных условий жизни, восстановлении эмоционального равновесия у детей и подростков;
- потребность в повышении роли школы как компенсирующего культурного механизма в личностном развитии детей, педагогов, родителей.

И.А.Баева высказывает мысль о том, что межчеловеческие отношения могут складываться в образовательной среде, обладающей различной модальностью – в отношениях понимания и сотрудничества, превосходства и эксплуатации, подавления и подчинения, или поддержки и заботы. Все эти варианты отношений ведут к различным вариантам развития личности. [1]

Личностно ориентированное взаимодействие является эффективным средством реализации перспективных тенденций гуманизации образования. Ответственность, включенность в среду, осознание общности – тип взаимодействия, при котором ребенок сам создает мир, т.е. воплощает себя в социуме.

Социокультурная основа образовательной среды, построенная на отношениях взаимоуважения, коммуникации, рефлексии, насыщает внутренний мир ребенка позитивными образами окружающего мира. Личностно-ориентированное взаимодействие реализует защитную функцию образовательной среды через такие характеристики, как доброжелательная атмосфера; высокие ожидания от работы учащихся без предвзятости, одинаковые способы оценивания учащихся; высокий уровень вовлеченности в образовательную среду и процесс обучения, а также вовлеченность родителей; обучение социальным навыкам взаимодействия.

Литература

1. Баева И.А. Тренинги психологической безопасности в школе. – СПб.: Речь, 2000. – 254 с.
2. Гусельцева М.С. Культурно-аналитический подход в психологии и методологии междисциплинарных исследований // Вопросы психологии. – 2009. - № 5 . С. 17-27.
3. Слободчиков В.И. Антропологическая перспектива отечественного образования. – Екатеринбург: Деловая книга, 2009. – 368 с.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ КАК ФАКТОР ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ САМОЗАЩИТЫ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИЙ ВУЗОВСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УКРАИНЕ

Сложный этап реформационных трансформаций, в котором сегодня находится система высшего образования Украины, попытки интегрироваться в глобальные системы международного информационного взаимодействия, к сожалению, дают не только положительные результаты. Исследователи молодежных аудиторий с тревогой констатируют, что все большее распространение в студенческой среде приобретают такие негативные явления, как моральное обнищание, утрата духовано-эстетических ориентиров, накопление избыточного социально-психологического напряжения и т. п. Довольно показательными являются те цифры, в которых фиксируются черты, приобретшие сегодня наибольшее распространение в студенческой среде. В частности, среди них: равнодушие – 53%; инициативность – 26,7 % ; романтизм – 26%; прагматизм – 16%; самокритичность – 14%; духовность – 13%; работоспособность – 8,2%.

Результаты исследований свидетельствуют, что в студенческой среде все большее распространение получают: деструктивный потенциал неуверенности в собственных силах, равнодушие к учебному процессу при отсутствии мощной мотивации в добывании высокопрофессионального образования [1, 32-40]. Эксперты делают вывод, что, изучая личность студента и формируя ее потребности и интересы в позитивном ключе, следует вести поиски возможности выхода из психологического дискомфорта, обретаемого формирующейся молодой личностью в процессе образования, в сфере защитных психологических механизмов, основанных на обретении способности выхода за пределы индивидуальной психической жизни в сферу вероятностной трансцендентности. Наиболее продуктивной в этом плане есть основанная на способности человека к трансцендированию за пределы своего «Я», установка на развитие саморефлексии, которая поможет юной личности психологически защитить себя от хаоса непрерывных социальных экспериментов и

станет условием обретения личностной и социальной идентичностей.

Антропологическая рефлексия выводит человека за пределы суетной повседневности, наполняет жизнь свободой, смыслом. Следует отметить, что рефлексивное сознание, по своей природе, является не просто выходом в трансцендентное, но и отношением к нему. В результате, человек создает неповторимую внутреннюю модель мироздания. Удвоение мира благодаря создаваемой внутренней реальности является способом, с помощью которого человек проявляет себя в деятельности, как существо универсальное, способное к надэмпирической деятельности.

В условиях психологического дискомфорта, который испытывает более половины студенчества в процессе обучения, рефлексия может стать фактором психологической самозащиты личности и рассматриваться ею как способ получения духовного удовольствия [2, 33-42]. Именно рефлексия, как правило, дает возможность обрести точку зрения, которая помогает выйти из сложного хитросплетения противоположных мотивов, интересов и сил, движущих личностью. Антропологическая рефлексия открывает путь к метафизическому постижению человеческой сущности, поднимает человека над рутинной повседневности, указывая на существование вечных и непреходящих ценностей. В результате, мировоззрение человека обретает широту и открытость. Человек рефлексирующий превращается в самоосознающее себя существо, способное продуцировать фундаментальные мировоззренческие установки относительно бытия и своего места в мире.

Следует отметить, что исторический генезис антропологической рефлексии отражает глубокую драму человеческого самопознания в процессе выхода из мира природы в мир свободы, то есть становление человека в качестве духовного, мыслящего существа. Украинский философ И. З. Цехмистро подчеркивает, что преодоление абсурдности бытия, устранение пропасти между человеком и природой возможно сегодня только через очеловечивание метафизики бытия, превращение человека в центр всей системы современной культуры [4, с.33].

Антропологическая рефлексия является неотъемлемой функцией, особенной способностью человеческого мышления и не присуща никакому другому живому существу в мире. Интересные замечания относительно возникновения этого феномена встречаем у А. Шопенгауэра, который отмечал, что такое сложное существо

как человек, чтобы сохранить себя в этом мире, по необходимости обрело способность к двойному познанию: к разуму прибавилась высшая ступень созерцательного познания – его рефлексия, то есть разум как орудие абстрактных понятий. С этой способностью появились обдуманность, которая содержит в себе обзор будущего и прошлого, и, как результат, размышление, забота, способность к независимому действию и, наконец, полное уяснение своей воли [5, 61].

Известный русский психолог и философ С.Л. Рубинштейн указывал, что отношение человека к жизни обусловлено двумя возможными способами его существования: человек либо весь поглощен непосредственным существованием и, не выходя за пределы отдельных явлений, не способен охватить жизнь в целом. Или он развивает способность с помощью рефлексии выйти за пределы непрерывного потока жизни, что становится началом совсем иного пути и провоцирует либо душевное опустошение и моральный скептицизм, даже цинизм, или же становится побуждением к построению моральной человеческой жизни на новых, сознательных основаниях. В результате возникает ответственное отношение ко всему, что происходит, что свершилось, или не свершилось, и каждый поступок обретает характер философского суждения о жизни.

Антропологическая рефлексия дает нам априорный сверхчувственный опыт о человеке и его сущности, который отличается от эмпирии повседневности своей онтологичностью. Человек действительно «укореняется» в бытии в качестве существа экзистирующего. В результате становится очевидным, что реалии человеческой жизни никогда не являются исчерпывающей характеристикой сущности личности.

Одной из составляющих антропологической рефлексии является созерцательное мироотношение, которое имеет способность придавать человеческому существованию высший смысл, рожденный как результат творческого, а не потребительского отношения к миру. Очевидно, что созерцательность не является необходимой для выживания человеческого рода, и в этом плане она «излишня». Но «излишества» апрагматичной созерцательности, наряду с практически-преобразовательной деятельностью, и превратили человека в существо экзистирующее, способное к выявлению истины бытия и наделению абсурдного мира смыслом.

В процессе рефлексии возникает принципиальная диалогичность человека и бытия. Она пронизывает человеческий мир, превращая его в средоточие коммуникативной деятельности, благодаря которой соединяются прошлое, настоящее и будущее. Самоосознание человеком своей сущности и места в этом мире совершается через постоянный внутренний диалог со «значимыми иными» (терминология Мида). Определение человеческой идентичности, которая связана с нашей оригинальностью и неповторимостью, нашей индивидуальной рефлексивностью, отмечает Ч.Тейлор, на самом деле возможно только в диалоге, а иногда и в борьбе с теми идентичностями, которые «значимые другие» хотят увидеть в нас [3, 31].

Антропологическая рефлексия, провоцируя постановку вопроса об онтологической сущности и укорененности человека в бытии, в то же время может способствовать созданию ситуации, которую П. Рикер означил словами «иначе, чем быть». Поставив вопрос бытию и трансцендируя за пределы сущего, пребывая в состоянии, которое М. Хайдеггер определял как «стояние в просвете бытия», человек самоопределяется как существо трансцендирующее и универсальное, тем самым формируя мировоззренческий фундамент своей личности как основу для системы психологической защиты от неудовлетворенности своей повседневной жизнедеятельностью.

Литература

1. Вербець В.В., Вербець О.В. Динаміка формування ідентифікаційних моделей самовизначення в студентському середовищі. // Наукові записки. Серія «Культурологія» (Проблеми культурної ідентичності та культурний проект Європи. Матеріали міжнародної наукової конференції 24-25 квітня, Острого – 2009). – Острого: Видавництво Національного університету «острозька академія», 2009. – Вип.4. – 266 с.
2. Егоров А. Е. Рефлексия как удовольствие и желанность. // Философия желания. Сборник статей / Под ред. И.В.Кузина.- СПб.: Издательство Санкт-Петербургского Государственного Университета, 2005.
3. Тейлор Ч. Етика автентичності. – К.: Дух і літера, 2002. – 128 с.
4. Цехмістро І.З. Голістична філософія науки. Навчальний посібник. – Харків: Вид-во «Акта», 2003. – 285 с.
5. Шопенгауэр А. Понятие воли. – У кн.: Шопенгауэр А. Избранные произведения.- М.: Просвещение, 1992. –479с.

БЕЗОПАСНОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ ДЕПРЕССИВНОГО СОСТОЯНИЯ В СИСТЕМЕ «СТУДЕНТ-ПСИХОЛОГ»

Специфика вузовского обучения в настоящее время связана со значительными стрессовыми нагрузками. Темп и напряжённость учёбы, жизни предъявляют повышенные требования к компенсаторным механизмам психики студентов, срыв которых приводит к возникновению депрессии, что впоследствии приводит к учебной дезадаптации. Специфически важное значение для студентов имеет и фактор времени, поскольку учебная дезадаптация, даже на относительно недлительный период, приводит к неустранимому отставанию от графика обучения и, следовательно, к закономерно затяжной дезадаптации вследствие вынужденности по меньшей мере годичного перерыва в учёбе (академический отпуск), а при запущенной учёбе – угрозе отчисления из вуза.

Человек в состоянии депрессии занят только собой, своими проблемами, своим здоровьем. Он часто склонен говорить о симптомах, связанных с депрессией, но не о самой депрессии. Важно иметь в виду, что депрессия – это болезнь всего организма. Она оказывает влияние на настроение, на мысли, на тело и на поведение [1].

Депрессия серьёзно влияет на качество жизни и адаптационные возможности человека, нарушая привычный образ жизни.

Таким образом, возникает необходимость в консультативной помощи студентам находящимся в депрессии.

Консультант-психолог, столкнувшись с депрессивным состоянием студента, прежде всего, должен определить, чем это состояние вызвано. Если депрессивное состояние порождено серьёзной болезнью студента, то одного психологического воздействия на него будет недостаточно, чтобы решить его проблему, понадобится, скорее всего, медицинское вмешательство. Однако, если студент физически здоров и психологически не болен, то вполне может рассчитывать на эффективную помощь со стороны психолога-консультанта.

Депрессию не следует путать с другими нарушениями. Иногда консультант принимает симптомы депрессии за переутомление, физическое или психическое истощение и рекомендует студенту

больше отдыхать, спать, употреблять витамины, поехать в санаторий и т.п. Однако в случае депрессии это мало помогает [3].

Одно из последствий депрессивного состояния – зависимость от мнения других людей, особенно близких. Человек перестает быть равнодушным к тому, что думают о нем другие. Зависимость и чувствительность к критике порождают неуверенность, а она в свою очередь еще больше увеличивает зависимость. Когда депрессивный студент обращается за помощью, все его поведение проигрывается в ситуации консультирования. Студент добивается, чтобы консультант взял на себя ответственность за его жизнь.

Вообще человек в состоянии депрессии почти всегда испытывает определенную озлобленность, каким бы подавленным и несчастным он ни был. Здесь возникает и определенное противоречие – появление враждебности усиливает дискомфорт, потому что повышена потребность в людях. Когда человек не осмеливается открыто выразить озлобленность, она возрастает и принимает форму самообвинения. Так получается заколдованный круг, где переплетаются между собой депрессия и зависимость, самоуничижение и озлобленность. Недаром депрессию иногда называют "перевернутой злобой". Поэтому внушать депрессивному студенту, что все будет хорошо и не надо обращать внимание на мелочи, т.е. всячески подбадривать студента, скорее вредно, нежели полезно. Это только озлобляет и обостряет депрессию [2]. Приступать к оказанию такой помощи студенту необходимо с выяснения причин его депрессии, так как без их точного знания практически невозможно успешно бороться с депрессивными состояниями. Таких причин может оказаться несколько, и в этом случае необходимо направить усилия на то, чтобы блокировать, устранить их влияние [3]. Консультант должен не выжидать (это еще больше фрустрирует депрессивного студента и углубляет депрессию), а активно разговаривать с студентом о его переживаниях и внешних обстоятельствах. Депрессивные студенты требуют большей активности, чем остальной контингент обращающихся. Необходимо наиболее тщательно, чем обычно структурировать консультативную беседу, особенно в начальной стадии консультирования. Подобная тактика обусловлена пассивностью студента, его нежеланием самостоятельно анализировать проблемы. Если консультант будет сидеть молча, он лишь подчеркнет неспособность студента к адекватному общению, поэтому в начале консультирования специалист несет основную ответственность за беседу.

Иногда депрессивный студент настолько пассивен, что с трудом может говорить о своих проблемах, поэтому с ним приходит сопровождающий. Хотя вообще в консультировании следует уклоняться от разговоров за спиной студента, в данном случае получение информации от лица, сопровождающего студента, представляется оправданным.

Консультант должен часто встречаться с депрессивным студентом, особенно если сталкивается с острой депрессией. Частота встреч может быть 2-3 раза в неделю с постепенным ее уменьшением в зависимости от состояния студента. В процессе консультирования необходимо преодолевать зависимость студента и побуждать его к более активной роли с каждой последующей встречей. Основываясь на позициях Д. Хелла, мы считаем, что депрессия – это биосоциальная модель, используемая большинством людей, оказавшихся в трудной ситуации. Таким образом, депрессия — не следствие каких-либо нарушений, а общечеловеческий способ реагирования на сильную эмоциональную нагрузку. Становится очевидной ее защитная функция.

В качестве следующего этапа работы с депрессией должно стать предоставление человеку возможности в безопасной ситуации пережить то чувство, от встречи с которым его защищает депрессия. Это может быть панический страх, острое чувство вины, боль утраты и т. п. [5]. Необходимо особо отметить цитируемые А. Эллисом довольно интересные взгляды К. Андерсон на взаимосвязь между депрессией и гордыней. Именно скрытая гордыня, амбициозность, невозможность отказаться от рассмотрения себя в качестве божества, невозможность принять свою человеческую ограниченность является, по мнению К. Андерсон, причиной депрессии. Действительно, в некоторых ситуациях можно принять гордыню в качестве причины депрессии [6].

Таким образом, второй этап работы с депрессивным переживанием направляется на стойкое и, по возможности, радостное принятие существующих тяжелых обстоятельств, которые невозможно изменить, такими, какие они есть. Однако, если опираться на идеи В. Франкла, что депрессия – один из вариантов ухода от ответственности на поиск смысла жизни, то в работе с депрессивными переживаниями становится очевидной необходимость третьего этапа – выяснения смысла данных тяжелых обстоятельств. «Быть человеком означает быть ответственным за

осуществление смысла, потенциально присущего данной ситуации», – так считает В. Франкл [4].

Депрессия препятствует успешному обучению, эффективному протеканию процесса социализации в вузе и становлению личности студента в целом. Задача консультанта в работе с депрессивными студентами двояка: поддержать студента и помочь ему в психологическом объяснении трудностей. Сам факт, что консультант готов «сразиться» с депрессией, укрепляет надежду студента и нейтрализует отчаяние. Поддержка и понимание уменьшают страдание и переживание вины, помогают восстановить самоуважение. Студент, видя хотя бы одного человека, понимающего и ценящего его, может изменить установку по отношению к окружающим в позитивном направлении. В целях восстановления у студента веры в собственные возможности необходимо обращать внимание на сферы, в которых он компетентен, и его бывшие достижения. Важно мобилизовать агрессивные побуждения студента, чтобы он мог успешнее бороться с жизненными испытаниями.

Литература

1. Голант М., Голант С. Что делать, когда тот, кого вы любите, в депрессии. Помогите себе – помогите другому. Руководство – Пер.с англ. О. Цветковой. – М.: Издательство Института Психотерапии, 2001. – С.176.
2. Кочунас Р. Основы психологического консультирования и групповой психотерапии – 2-е издание, М.: Академический проект: ОПП Л, 2004. – С. 464.
3. Немов Р.С. Психологическое консультирование: Учеб. Для студ. Вузов- М: Гуманит. изд. Центр ВЛАДОС 2003. – С. 528.
4. Франкл В. Психотерапия на практике. – СПб., 1999.
5. Хухлаева О.В. Основы психологического консультирования и психологической коррекции. Учебное пособие для студентов высш. пед. учеб. заведений. - М.: Издательский центр «Академия» 2001. – С. 208
6. Элисс А. Когнитивный компонент депрессии, которым несправедливо пренебрегают // Московский психотерапевтический журнал. – 1994. - №1 С.47

ШКОЛЬНОЕ ОБУЧЕНИЕ И ПСИХИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ ПЕРВОКЛАССНИКОВ-ЛЕВШЕЙ

В современной отечественной психологии к анализу понятия здоровья личности выделяют четыре его основных составляющих: физическая, психическая, социальная и духовная, которые тесно взаимодействуют друг с другом. В возрастной периодизации здоровья от рождения до трех лет закладывается физическое здоровье, с трех до семи идет интенсивное формирование психического здоровья, с 7 до 12 лет – формирование социальной составляющей; после 12 лет начинается активное формирование духовной составляющей [6, С. 562].

Начало обучения в школе является одним из наиболее сложных и ответственных моментов в жизни детей как в социально-психологическом, так и в физиологическом плане. Вся жизнь ребенка подчиняется учебе, школе. С началом обучения в школе удельный объем нагрузок, связанных с длительной неподвижностью, сильно возрастает, а такая нагрузка для детей в возрасте шести-семи лет является наиболее утомительной.

Адаптация ребенка к школе связана со значительным напряжением всех систем организма. Уже в первые месяцы, наблюдаются изменения в состоянии здоровья первоклассников: изменение массы тела (ребенок худеет), снижение артериального давления при утомлении и повышение при переутомлении. Повышение артериального давления у школьников может сочетаться, как с появлением шумов в сердце, так и с нарушениями нервно-психического здоровья: усталость, вялость, двигательное беспокойство, плаксивость, раздражительность, легкая отвлекаемость, головные боли. Если эти изменения выражены в слабой степени и компенсируются в течение первой четверти, можно говорить о легкой адаптации.

Однако встречаются и более тяжёлые случаи, когда первоклассники с трудом справляются со школьным заданием, у них нарушается сон, развивается

энурез. Такие нарушения расцениваются как ухудшение нервно-психического здоровья, связанное с неблагоприятным влиянием учебной нагрузки.

Пристальное внимание психологов и педагогов привлекает проблема школьного обучения левшей. По данным ряда психологов, левши испытывают особые трудности при адаптации к обучению в

школе. По данным некоторых авторов, процент различного рода левшей среди детей с проблемами обучения как минимум, в 2,5 раза превышает средние цифры у правшей [1, 2, 3, 4].

Наиболее часто леворукие дети встречаются с трудностями при формировании навыков письма, чтения и счета. Дело в том, что отправной точкой для освоения этих умений является зрительное восприятие. Нарушение или недостаточность развития зрительно-пространственного восприятия, зрительной памяти и зрительно-моторной координации, встречающиеся у левшей, ведут к возникновению трудностей восприятия и запоминания сложных конфигураций букв при чтении и, соответственно, медленный темп, трудности формирования зрительного образа букв, цифр, трудности выделения и различия геометрических фигур, трудности копирования, а также проявляется в неустойчивости почерка, зеркальности написания: букв, цифр, очень медленном темпе письма [5].

Когда ребенок пишет, его деятельность состоит из двух поочередно сменяющих друг друга этапов: собственно выполнение движения и микропауза, необходимая для контроля своих движений, коррекции и программирования следующего движения. Различие в механизмах зрительно-моторной координации у левшей и правшей проявляется, прежде всего, в различной длительности этих микропауз. У левшей микропаузы длятся дольше как на этапе формирования навыка, так и впоследствии, когда письмо уже автоматизируется. Часто в школьной практике учитель, стремясь выработать у таких детей навыки быстрого письма, начинает подгонять их, а когда дети-левши торопятся, это приводит к сокращению микропауз, столь необходимых для контроля, собственных, действий. Таким образом, качество письма ухудшается, возникают различного рода ошибки, которые могут трактоваться учителем и родителями как невнимательность.

Вопросы, связанные с графическими трудностями и обучением письму детей-левшей, рассматривались М. М. Безруких, Т. В. Ахутиной, А. Л. Сиротюк, В. С. Ротенберг, С. М. Бондаренко, Н. Ш. Корашвили, А. В. Семенович, О.Шелопухо. Исследование Н. Ш. Корашвили выявило, что тип латерализации влияет на овладение графической деятельностью: в младшем школьном возрасте у левшей и амбидексторов ошибок значительно больше, чем у детей-правшей.

В проведенном нами исследовании графологических особенностей функциональной асимметрии младшего школьника, в которой участвовало 20 испытуемых (ученики 3-х классов школ №30

и Ма37 г. Махачкала), были получены данные, позволяющие охарактеризовать отличительные особенности почерка левши. Испытуемым было предложено написать текст на русском языке (10-15 строк). Полученные тексты были проанализированы по следующим параметрам:

1. Особенности, движений при выполнении овальных элементов в буквах

«а», «б», «д», «о»;

2. Особенности соединения букв в словах;

3. Общая скоординированность всех элементов;

4. Угол наклона букв в словах (правильный наклон - 40°);

5. Соблюдение интервала между словами;

6. Соблюдение строк;

7. Сила нажима (сильный, средний, слабый, паутинообразный);

8. Темп письма.

В результате проведенного анализа полученных письменных текстов, а также в процессе наблюдения за выполнением задания были получены следующие результаты:

1. При выполнении овальных элементов в буквах «а», «б», «д», «о» левши используют правокружное направление движений;

2. Самое большое испытание для левши в процессе писания курсивом – это соединение букв в словах, Чтобы избежать соединений, левша буквально лепит одну букву к другой, или соединение букв характеризуется неестественностью, напряженностью, растянутостью;

3. Почерк характеризуется общей нескоординированностью всех элементов; буквы разного размера и разнонаправлены;

4 Исследование выявило разные углы наклона: левосторонний, правосторонний, разнонаклонный, т. е, не соответствующий правильному наклону – 40° . Сильно сниженный угол, когда буквы буквально гнутся направо и налево;

5. Не соблюдается интервал между словами;

6. Не соблюдается строка: строка идет вниз, строка идет вверх, строка плывет;

7. Сила нажима: из двадцати испытуемых только 2 ученика сохранили нажим неизменным (средний): у остальных 18 испытуемых к концу написания текста сила нажима уменьшилась, появился тремор руки, что свидетельствует о быстрой истощаемости нервной системы;

8. Темп письма невысок. Форсирование приводит к резкому ухудшению качества письма.

Кроме того, в исследовании были получены данные о низкой физиологической сопротивляемости стрессу у наших испытуемых (3-4

балла по тесту Филлипса из 5 возможных), что проявляется в продукте их деятельности – письменном тексте, особенно в ситуации дефицита времени, ответа у доски. Все испытуемые говорят, что у них «сохнет во рту», «дрожат ноги», «в глазах темнеет», «сердце сильно бьется», когда их вызывают отвечать.

Многолетние наблюдения за детьми-левшами показали, что им очень неуютно и тревожно в правостороннем мире, особенно в младшем школьном возрасте. Адаптация к школе происходит болезненно.

Рекомендации, предлагаемые психологами, могут оказать существенную помощь в адаптации ребенка-левши к школе. Так М.М. Безруких, С.П. Ефимова советуют не требовать от левши писать с таким же наклоном, как праворукие дети, не требовать безотрывного письма (лучше использовать более легкие соединения в виде «петелек»), быть более снисходительными к качеству письма. Леворукого ребенка желательно посадить за партой у окна, слева. При работе в школе и дома необходимо, чтобы свет падал с правой стороны.

Проведенное исследование подтверждает необходимость особого внимания психологов, педагогов, родителей к проблемам ребенка-левши в целях сохранения его психического здоровья. Актуальной остается необходимость научно разработанной методики обучения письму леворуких детей. Кроме того, проведенный анализ почерка леворуких детей позволил выявить специфические признаки леворукости, что может послужить основой для разработки методики по распознаванию фактов леворукости.

Литература

1. Безруких М. М. Леворукий ребенок в школе и дома. - М, 2001.
2. Безруких М. М., Ефимова С, Н, Ребенок идет в школу. - М., 2000.
3. Доброхотова Т. А., Братина Н. Н. Левша - М', 2004.
4. Иншакова О, Б. Леворукий ребенок Семья и школа, — МЛ 2002.
5. Корашвили Н, Ш, Влияние особенностей зрительного восприятия на овладение графической деятельностью детьми старшего дошкольного и младшего школьного возраста. АКД, МЛ, 2009. 30 с.
6. Психология личности. Учебное пособие//под ред. Н.Н. Ермакова, В.А. Лабунской. — М., «Эксмо», 2008.
7. Семенович А, В. Эти невероятные левши. – М, 2005.
8. Шелопуха О. Если ваш ребенок левша, - СПб., 2005.

ПРОФИЛАКТИКА ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ РИСКОВ ВО ВНУТРИШКОЛЬНОМ УПРАВЛЕНИИ ЧЕРЕЗ СОЗДАНИЕ БЛАГОПРИЯТНОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КЛИМАТА

Исследование роли благоприятного психологического климата в педагогическом коллективе является одной из наиболее важных проблем в современных условиях модернизации образования. Психологический климат в педагогическом коллективе школы – это комплексное психологическое состояние коллектива, отражающее характер взаимоотношений, складывающихся в нём, специфику субъективного восприятия различных факторов жизни и профессиональной деятельности, степень удовлетворенности ими и побуждения к эффективному выполнению поставленных задач и к личностно-профессиональному развитию учителей.

Согласно Б.Ф. Ломову, психологический климат – это система межличностных отношений, психологических по природе (симпатия, антипатия, дружба); психологические механизмы взаимодействия между людьми; система взаимных требований, общее настроение, общий стиль совместной трудовой деятельности, интеллектуальное, эмоциональное и волевое единство коллектива [4].

С точки зрения В.М. Шепеля, психологический климат – это эмоциональная окраска психологических связей членов коллектива, возникающая на основе их симпатии, совпадения характеров, интересов, склонностей. Социально-психологический климат состоит из социального климата (определяется осознанием общих целей и задач организации), морального климата (определяется принятыми моральными ценностями организации) и психологического климата (неофициальные отношения, которые складываются между работниками) [7].

Согласно исследованиям Р.Х. Шакурова, психологический климат необходимо рассматривать дуально: с психологической стороны, которая раскрывается в эмоциональных, волевых, интеллектуальных состояниях и свойствах группы; с социально-психологической стороны, которая проявляется в интегративных особенностях психологии группы, значимых для сохранения ее целостности и для ее функционирования как самостоятельного объединения людей [6].

Социально-психологический климат [от греч. klima – наклон] – интегральная характеристика системы межличностных отношений в группе, отражающая комплекс решающих психологических условий, которые либо обеспечивают, либо препятствуют успешному протеканию процессов группообразования и личностного развития. Благоприятный социально-психологический климат в сообществе напрямую связан с уровнем социально-психологического развития последнего [2].

Согласно И.А. Щедровой, социально-психологический климат трудового коллектива – состояние психологического и духовного здоровья коллектива, определяемое личностными качествами руководителя и стилем его руководства, зависящее от качества межличностных коммуникаций между его членами [8]. Она также подчеркивает, что роль руководителя в формировании и управлении социально-психологическим климатом коллектива определяется в значительной степени его личностными характеристиками. При этом личностные и профессиональные качества руководителя оцениваются подчиненными через призму его социальной роли.

С.Ю. Головин отмечает, что социально-психологический климат – это качественная сторона межличностных отношений, проявляемая в виде совокупности психологических условий, способствующих или препятствующих продуктивной деятельности совместной и всестороннему развитию личности в группе. К важнейшим признакам благоприятного социально-психологического климата он относит: доверие и высокую требовательность членов группы друг к другу; доброжелательную и деловую критику; свободное выражение собственного мнения при обсуждении вопросов, касающихся всего коллектива; отсутствие давления руководителей на подчиненных и признание за ними права принимать значимые для группы решения; достаточную информированность членов коллектива о его задачах и о состоянии дел; удовлетворенность принадлежностью к коллективу; высокую степень эмоциональной включенности и взаимопомощи в ситуациях, вызывающих фрустрацию у кого-либо из членов коллектива; принятие на себя ответственности за состояние дел в группе каждым из ее членов, и пр. [1].

Б.Д. Парыгин считает, что в понятии «социально-психологический климат коллектива» отражается характер взаимоотношений между людьми, преобладающий тон общественного настроения в коллективе, связанный с

удовлетворением условиями жизнедеятельности, стилем и уровнем управления и другими факторами [5].

К основным показателям психологического климата следует отнести: удовлетворенность работников организации характером и содержанием труда; удовлетворенность взаимоотношениями с коллегами по работе и менеджерами; удовлетворенность стилем руководства; удовлетворенность уровнем конфликтности отношений; удовлетворенность профессиональной подготовкой персонала.

Согласно С.К. Костиной, состояние психологического климата в коллективе во многом обусловлено взаимоотношениями, складывающимися в нем. Эффективность внутригрупповых взаимоотношений в свою очередь зависит от наличия у членов группы таких личностных свойств и качеств, которые обеспечивают оптимальное протекание процесса установления взаимоотношений. К таким свойствам и качествам относятся: коммуникативная компетентность, сенситивные способности, толерантность, социальный интеллект (социальная направленность мышления) [3].

Психологический климат в педагогическом коллективе определяет устойчивость внутришкольных профессионально-личностных отношений, оказывает влияние на развитие, как школьников, так и учителей. Психологический климат создают члены педагогического коллектива и руководитель школы и от их совместных усилий зависит, каким он будет, благоприятным или неблагоприятным.

Для благоприятного психологического климата во внутришкольном педагогическом коллективе характерны такие признаки как сплоченность, возможность всестороннего развития личности каждого, доброжелательная требовательность и ответственность, чувство защищенности, доверия и эмоциональной удовлетворенности, уважения, взаимопонимания и гордости за принадлежность к коллективу.

Благоприятный психологический климат в педагогическом коллективе школы способствует гармонии, снижению остроты возникающих конфликтов, снятию стрессовых состояний, повышению оценки собственной социальной значимости и реализации личностного потенциала каждого члена педагогического коллектива.

Каждый руководитель в определенной мере должен быть и психологом, выбирать оптимальный стиль руководства,

способствовать созданию здорового психологического климата, обладать культурой управленческого труда. Выполнение этих задач способствует повышению эффективности, результативности и качества педагогического труда, развитию творческой инициативы учителей. Поэтому формирование благоприятного психологического климата остается одной из главных задач в работе руководителя школы.

Литература

1. Головин. С.Ю. Словарь практического психолога. – Минск: Харвест, 2005. – 660 с.
2. Кондратьев М.Ю. Азбука социального психолога-практика / М.Ю. Кондратьев, В.А. Ильин. – М.: ПЕР СЭ, 2007. – 464 с.
3. Костина С.К. Психологические условия формирования благоприятного психологического климата в коллективах курсантов образовательных учреждений системы МВД: Дисс. ... к. пс. н. Ставрополь, 2006. – 187 с.
4. Ломов, Б.Ф. Психические процессы и общение. В кн. Методологические проблемы социальной психологии / Б.Ф. Ломов. – М.: Наука, 2005. – 229 с.
5. Парыгин, Б.Д. Социально-психологический климат коллектива: Пути и методы изучения / Под ред. В.А. Ядова. – Л.: Наука, 2001. – 192 с.
6. Шакуров, Р.Х. Социально-психологические проблемы руководства педагогическим коллективом / Р.Х. Шакуров. – М.: Зерцало, 2002. – 290 с.
7. Шепель, В.М. Социологические и психолого-педагогические основы хозяйственного руководства химическими предприятиями / В.М. Шепель. – М., 2004. – 187 с.
8. Щедрова И.А. Личностные качества руководителя как фактор социального управления психологическим климатом в организации: По опыту вуза: Дисс. ... к. соц.н. – Москва, 2005. – 168 с.

ДИНАМИЧЕСКИЙ БАЛАНС В СОХРАНЕНИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Формирование личности, создание условий для ее развития – вот цели образования. Задача сохранения психологического здоровья личности на сегодня актуальна и не имеет однозначного решения. Только системный анализ может привести к доведению этой задачи до реальных технологических подходов. Научной основой для такого анализа может служить теория динамического баланса. Применяя данную методологию, возможно в должной мере интегрировать и дифференцировать знания философии, психологии, педагогики и методики преподавания.

В частности, исследуются гармонично взаимосвязанные процессы дифференциации и интеграции как естественные процессы эволюционирования любой системы, в том числе и педагогической. Отсутствие интеграционных процессов приводило бы к разрушению систем, вследствие отсутствия структур, объединяющих в единое целое появляющиеся новые элементы и соответствующие связи. Сами же интеграционные процессы в свою очередь являются причиной дифференциации элементов системы. Таким образом, эти два противоположных диалектически взаимосвязанных процесса представляют единый механизм адаптации и развития систем, что имеет непосредственное отношение к способам сохранения и поддержания здоровья. Важно, чтобы эти процессы находились между собой в должном сбалансированном соотношении.

Проблема психологического здоровья личности может быть выделена как структурная и наиболее важная часть общего гуманистического направления в философии, психологии и педагогике. По оценке известных психологов, занимающихся данным направлением, психологическое здоровье детерминируется особенностями баланса, гармонией жизненных сил человека. Л.Д. Демина и И.А. Ральникова пишут о том, что важным критерием его выраженности является феномен психического равновесия, то есть гармонии взаимодействия эмоциональной, волевой и познавательной сфер личности. Только при таких условиях индивид способен поддерживать, осуществлять и развивать (в должном соотношении) индивидуальную и социальную

субъектность в изменяющемся мире. Социальное и психологическое здоровье следует рассматривать как меру активного и автономного поддержания и развития жизненных сил [1, с 38-39].

В психологии о существовании явления динамического баланса и возникающих проблемах при диссонансе говорили в свое время такие известные ученые, как Ф. Хайдер (теория когнитивного баланса), Л. Фестингер (теория когнитивного диссонанса), М. Дж. Аптер (теория реверсивности) и другие.

З. Фрейд считал, что психические нарушения – есть следствие конфликтов, возникающих при рассогласовании (дисбалансе) целей, которые ставит человек, и средств их достижения. Л. Фестингер отмечает, что практически всегда существуют когнитивные элементы, соответствующие внутренним убеждениям, и элементы, соответствующие внешним формам поведения, которые отчетливо противоречат между собой. Важнейшей целью человека является устранение возникающего когнитивного дисбаланса [2, с 125].

Однако стремление индивида к сохранению целостности своей структуры, поддержанию постоянства внутренней среды – очень важная, но не единственная задача, которую приходится решать в процессе жизнедеятельности, в том числе и в процессе овладения знаниями. В.Г. Леонтьев, анализируя базовый мотивационный механизм личности, указывает на противоречивость двух идей, (человек приспособливается к миру или приспособливает его к себе), по своему объясняющих его устройство. Автор успешно разрешает эту проблему на основе закона динамического баланса, пользуясь категориями диалектики. Он показывает, что достижение равновесия в одной системе вызывает неравновесность, следовательно, причину активности личности в другой [3, с. 99-107]. Важно при этом отметить, что достижение внутреннего баланса – не самоцель. Лишь при его достижении (что возможно и желательно) индивид может в полной мере ставить собственные цели и достигать их. Таким образом, все описываемые процессы можно считать нормальным здоровым механизмом адаптации человека в мире других систем, на основе транзактного взаимодействия иммунного комплекса, гормонального и нейрокомплекса, действия которых определяются общей целью и принадлежностью одной системе.

К. Роджерс утверждал, что человек является личностью, творящей смысл своей жизни, а Б. Скиннер, напротив, говорил, что

автономный человек – это изобретение, которое придумали для объяснения «необъясняемых» с точки зрения бихевиоризма явлений. Понять такое расхождение во мнениях можно на основе методологии динамического баланса.

В учебном процессе (при рассмотрении его как системы) тоже можно выделить элементы, являющиеся своего рода взаимосвязанными противоположностями. Причиной конфликтов (в системах различных уровней) является дисбаланс в межэлементных и межсистемных отношениях. Исторически интуитивно в педагогической практике появилось понимание необходимости стремления к гармонии элементов системы, что явилось основой для некоторых дидактических принципов.

Например, всем известны принципы: научности и доступности обучения, связи теории с практикой, коллективного характера обучения и учета индивидуальных особенностей. С точки зрения методологии динамического баланса, все эти принципы есть частное проявление одного – принципа динамического баланса. По всей видимости, не совсем правы те представители науки и практики, которые ратуют за развитие какой либо одной крайности.

Необходимо отметить, в этом процессе и наличие третьей стороны – силы, регулирующей взаимодействие этих элементов. В учебном процессе обычно ее представителем является учитель. Грамотный учитель способен определить, в какую сторону и когда необходимо сместить точку временного равновесия в зависимости от состояния обучаемых, темы урока, текущего момента и других управляющих факторов. Опытный специалист соотносит свои действия с красотой протекаемого процесса. Красота, по мнению академика П.В. Симонова, является в том числе и способом информационного обмена сверхсознания с другими подсистемами психики человека и определяет меру того или иного баланса.

Циклическое движение точки равновесия может образовывать как восходящую, так и нисходящую спираль развития. Если учитель своевременно поддерживает добрую волю учащихся, и сам, проявляя добрую волю, организует учебный процесс, понимая общую выгоду, смещает точку равновесия в ту или иную сторону – происходит циклический процесс эволюции системы (элементы – учитель и учащиеся – испытывают положительные эмоции). Если же учитель не противодействует негативным желаниям учащихся, а потом и сам предъявляет никому невыгодные требования, идет процесс деградации системы (элементы испытывают отрицательные эмоции). Следовательно, важнейшей задачей

подготовки будущего учителя является развитие чувства прекрасного, обучение технологии нахождения необходимого баланса интересов взаимодействующих сторон. Необходимо рассмотрение этих вопросов на примере организации учебного процесса в различных классах, на различных этапах урока при изучении различных тем изучаемого предмета.

Подобное происходит, когда предъявляются завышенные или заниженные требования, когда внутренние и внешние мотивы не совпадают, когда отсутствует баланс между индуктивными и дедуктивными методами, эмоциональным и рациональным познанием, эвристикой и интериоризацией, креативностью и интеллектом, интроверсией и экстраверсией, учебной и игровой деятельностью, напряжением и релаксацией, репродуктивными и творческими методами обучения, индивидуальными и коллективными формами учебной деятельности, целями и методами обучения, познавательными интересами учащихся и требованиями образовательных программ, личными и общественными интересами, выполняемыми задачами и материальным стимулированием. Выполнение принципа динамического баланса должно быть заложено в технологию обучения. Владея данной методологией, учитель может автономно и свободно, осознавая личностную причинность (несомненные условия психологического здоровья), осуществлять полезную для себя и общества деятельность.

Литература

1. Демина Л.Д., Ральникова И.А. Психологическое здоровье и защитные механизмы личности: Учебное пособие. Барнаул: Изд-во АГУ, 2001. – 144 с.
2. Фестингер Леон Теория когнитивного диссонанса: Пер. с англ.-СПб.: «Речь», 2000. – 320 с.
3. Леонтьев В.Г. Мотивация и психологические механизмы ее формирования. – Новосибирск 2002. – 264 с.

РАЗДЕЛ 3.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА ЛИЧНОСТИ В КРИЗИСНОЙ СИТУАЦИИ И ПРОБЛЕМА ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Бердник А.Б. (*г. Мелитополь, Украина*)

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ БУДУЩЕГО ПРАКТИЧЕСКОГО ПСИХОЛОГА В УСЛОВИЯХ ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ

Современные социально-экономические, политические, культурологические деформации, происходящие в обществе, неотъемлемо сказываются на стабильности жизнедеятельности личности. Условия современной жизни по праву называют экстремальными и стимулирующими развитие стресса. Это связано со многими факторами и угрозами, в том числе политическими, информационными, социально-экономическими, экологическими, природными. Человек в существующих реалиях находится в постоянной борьбе за право профессиональной и личностной самореализации, в поиске внутренних ресурсов и санногенного потенциала для существования в социально-нестабильном обществе.

В связи с этим повышается спрос на психологические услуги в разных сферах общественной деятельности и, соответственно, возрастают требования к качеству подготовки психологических кадров в высших учебных заведениях. Такое повышение требований распространяется на профессионально важные качества, и на санногенный потенциал личности будущего психолога. Личностно ориентированный подход и гуманизация образования определяют необходимость поиска путей усовершенствования профессиональной подготовки будущих специалистов и развития их жизнестойкости, как компонента

устойчивости личности в процессе профессиональной самореализации.

В этих условиях, необходимо рассмотреть жизнестойкость, как ключевой ресурс преодоления, систему убеждений, как способность и готовность субъекта заинтересованно участвовать в ситуациях повышенной сложности, контролировать их, управлять ими, уметь воспринимать негативные события как опыт и успешно справляться с ними.

Интенсивность современной жизни, нестабильность настоящего, неуверенность в будущем негативно сказывается на состоянии физического и психического здоровья молодежи, о чем свидетельствует ряд исследователей (Г.В. Жарков, Г.Ю. Любимова, Н.В. Малютина, В.С. Мухина и др.). Стрессовые факторы образовательной среды, изучением которых занимаются психологи (Г.Г. Аракелов, В.В. Аршинова, К.А. Абульханова-Славская, А.Г. Асмолов и др.), нарушают психологическую безопасность что, в свою очередь, приводит к «пограничным состояниям» и росту психических и психосоматических заболеваний среди студентов.

В теоретическом плане проблема жизнестойкости студенчества и ее взаимосвязи с личностными особенностями и ресурсными компонентами разработана недостаточно. До сих пор нет единства во мнениях относительно того, что такое жизнестойкость. Таким образом, проблематика работы включает в себя выделение профессионально-личностных детерминант формирования жизнестойкости будущего психолога.

В результате теоретико-методологического анализа нам удалось определить компоненты жизнестойкости личности. Наиболее полно и точно, по мнению Д.А. Леонтьева, понятие жизнестойкости описал С. Мадди. Жизнестойкость представляет собой систему убеждений человека о себе, о мире и об отношениях с ним, которая состоит из трёх компонентов (вовлеченности, контроля, принятия риска) и способствует оценке событий как менее травматических и успешному совладению со стрессом.

Компонент «вовлеченность» (commitment) определяется как «убежденность в том, что вовлеченность в происходящее дает максимальный шанс найти нечто стоящее и интересное для личности». Человек с развитым компонентом вовлеченности получает удовольствие от собственной деятельности. Контроль (control) представляет собой убежденность в том, что борьба позволяет повлиять на результат происходящего, пусть даже это влияние не абсолютно и успех не гарантирован.

Противоположность этому – ощущение собственной беспомощности. Человек с сильно развитым компонентом контроля ощущает, что сам выбирает собственную деятельность, свой путь [3].

Принятие риска (challenge) – убежденность человека в том, что все то, что с ним случается, способствует его развитию за счет знаний, извлекаемых из опыта, – неважно, позитивного или негативного. Человек, рассматривающий жизнь как способ приобретения опыта, готов действовать в отсутствие надежных гарантий успеха, на свой страх и риск, считая стремление к простому комфорту и безопасности обедняющим жизнь личности. В основе принятия риска лежит идея развития через активное усвоение знаний из опыта и последующее их использование [3].

Важна выраженность всех трех компонентов для сохранения здоровья и оптимального уровня работоспособности и активности в стрессогенных условиях. Изучая процентные соотношения выраженности компонентов жизнестойкости среди студентов-психологов Мелитопольского государственного педагогического университета имени Богдана Хмельницкого, выявлено, что у 66% студентов такой компонент жизнестойкости как «принятие риска» высоко выражен, примерно 7% имеют низкий уровень выраженности данного показателя, а 27% – средний уровень выраженности. Такой компонент жизнестойкости, как «контроль» имеет высокий уровень выраженности у 23% студентов и 23% – низкий, соответственно, 54% студентов имеют средний уровень выраженности «контроля». «Вовлеченность» высоко выражена всего у 7% студентов и 20% обладают низким уровнем выраженности, «вовлеченности», 73% имеют средний уровень выраженности. В целом, у 27% студентов высокий уровень жизнестойкости, у 60% средний уровень и только у 13% наблюдается низкий уровень выраженности жизнестойкости.

По результатам исследования с использованием методики «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» обнаружено, что доминирующим стилем поведения для студентов является ориентация на решение задания (66,25%), то есть активный поиск информации и возможностей деятельности в стрессовых ситуациях, хотя иногда такой поиск может повлечь за собой эмоциональную напряженность и психологический дискомфорт, но является эффективным с позиции развития адаптационных и жизнестойких ресурсов личности [2].

Второй по значимости для студентов-психологов является ориентация на эмоции (55%) – эмоциональное восприятие стрессогенной ситуации, которая приводит к возникновению нервно-психического напряжения; третьей по значимости является стратегия, ориентированная на избегание (52%), – то есть стремление отстраниться от стрессогенной ситуации, с целью сохранения психического комфорта, но не разрешение конкретной проблемы.

Таким образом, у большинства студентов- участников исследования наблюдается высокий уровень выраженности такого компонента жизнестойкости, как «принятие риска», следовательно, они стремятся к развитию, черпая знания из своего опыта. Они убеждены в том, что все то, что с ними случается, способствует их развитию, готовы действовать в отсутствие надежных гарантий успеха, на свой страх и риск. Около трети студентов – участников исследования имеют высокий уровень выраженности такого компонента жизнестойкости, как «контроль», указывающий на их стремление влиять на результаты происходящего, выбирать собственную деятельность, свой путь.

Такой компонент жизнестойкости как «вовлеченность» имеет средний уровень выраженности у большинства студентов – участников исследования, следовательно, они получают удовольствие от собственной деятельности, чувствуют себя уверенными. Жизнестойкость поддерживают внутренние (личностные) ресурсы (сознание личности, отношение личности, когнитивная сфера, эмоциональная сфера, поведенческая сфера, коммуникативная сфера) и внешние (межличностная, социальная поддержка).

Литература

1. Гримак Л. Резервы человеческой психики: Введение в психологию активности. – М.: Политиздат, 1989. – 319 с.
2. Крюкова Т.Л. Психология совладающего поведения. – Кострома: Студия оперативной полиграфии «Аквантитул», 2004. – 344с.
3. Леонтьев Д. А., Рассказова Е. И. Тест жизнестойкости. – М.: Смысл, 2006 – 63с.
4. Шкуратова. И. П., Анненкова Е. А.. Личностные ресурсы как фактор совладания с кризисными ситуациями // Психология кризиса и кризисных состояний. Междисциплинарный ежегодник. 2007. Вып.4, С. 17-23.

БЕЗОПАСНОСТЬ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ГОСАВТОИНСПЕКЦИИ КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

В настоящее время большую актуальность приобретают вопросы обеспечения безопасности общества, в том числе безопасности дорожного движения, имеющей, безусловно, психологическую составляющую.

На заседании 64-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, состоявшемся 2 марта 2010 года, 2011-2020 годы объявлены «Десятилетием действий по обеспечению безопасности дорожного движения».

Существенная роль в решении обозначенной проблемы принадлежит Государственной инспекции безопасности дорожного движения (ГИБДД), а реализация ею служебных задач представляется невозможной без учета человеческого фактора. Поэтому целесообразно говорить о необходимости научного изучения психологических основ обеспечения безопасности дорожного движения в профессиональной деятельности сотрудников Госавтоинспекции.

Так, самостоятельного рассмотрения в контексте психологии обеспечения безопасности дорожного движения заслуживают психологические особенности профессиональной деятельности сотрудников Госавтоинспекции, содержащиеся в задачах, предмете, объекте и субъекте труда, ее структуре и содержании. Подобная осведомленность важна, прежде всего, для самих сотрудников Госавтоинспекции, так как повышает уровень их психологической готовности к выполнению служебных обязанностей, благоприятствует совершенствованию положительной мотивации к труду и другим профессионально значимых качеств личности. Научное исследование психологии профессиональной деятельности и личности сотрудников Госавтоинспекции позволит обосновать профессиограмму, а также направления, формы и методы совершенствования их профессионально важных качеств.

Специфика профессиональной деятельности сотрудников Госавтоинспекции по обеспечению безопасности дорожного движения во многом обусловлена сложностью объекта труда, многообразием разных психологических типов участников

дорожного движения. Кроме того, особую сложность представляют собой водители, отличающиеся достаточно высоким уровнем активности на дороге и сами выступающие в момент управления транспортным средством элементом системы «человек – техника – среда». Поэтому важной задачей является исследование психологии участников дорожного движения, ее влияния на обеспечение безопасности дорожного движения сотрудниками Госавтоинспекции и на характер взаимоотношений с ними.

Научного изучения требуют и частные вопросы, касающиеся психологических аспектов повышения уровня правосознания населения России, предупреждения нарушений Правил дорожного движения РФ и дорожно-транспортных происшествий, пропаганды безопасности дорожного движения, психологической подготовки водителей и профессиональной психологической подготовки сотрудников Госавтоинспекции.

В последние годы ученые и практики активно обсуждают вопросы обеспечения безопасности дорожного движения, предлагают системный и поэтапный подход к их решению, однако анализ материалов конференций и международных форумов показывает, что психолого-педагогические аспекты не находят должного отражения в этих обсуждениях и в конкретной реальности.

Несмотря на имеющиеся в настоящее время психологические исследования труда, психологические особенности профессиональной деятельности и личность сотрудника Госавтоинспекции изучены недостаточно.

Характеристика классификаций и социально-психологических особенностей участников дорожного движения содержится в отдельных работах юристов (преимущественно криминологов) и психологов. Однако, имеющиеся данные нуждаются в систематизации, а вопросы психологии обеспечения безопасности дорожного движения в профессиональной деятельности сотрудников Госавтоинспекции требуют самостоятельного целенаправленного научного познания с позиций современных методологических подходов.

Исходя из этого, цель научного исследования состоит в научном обосновании психологии обеспечения безопасности дорожного движения в профессиональной деятельности сотрудников Госавтоинспекции как раздела юридической психологии, выработке основных теоретических положений данного раздела и их эмпирическом подтверждении.

Объектом исследования выступают безопасность дорожного движения, профессиональная деятельность сотрудников Госавтоинспекции, а также сотрудники Госавтоинспекции и участники дорожного движения.

Предмет исследования – юридико-психологическая составляющая категории «безопасность дорожного движения»; психологическое содержание профессиональной деятельности сотрудников Госавтоинспекции, направленной на обеспечение безопасности дорожного движения; психологические характеристики сотрудников Госавтоинспекции и участников дорожного движения, а также закономерности и механизм взаимоотношений между ними.

Задачи исследования:

1. Определить методологические подходы к изучению психологии обеспечения безопасности дорожного движения в профессиональной деятельности сотрудников Госавтоинспекции.

2. Обобщить и систематизировать данные, касающиеся психологии обеспечения безопасности дорожного движения, накопленные в научных исследованиях и практике.

3. Осуществить системный психологический анализ профессиональной деятельности сотрудников Госавтоинспекции, направленной на обеспечение безопасности дорожного движения.

4. Исследовать психологические особенности разных категорий и типов участников дорожного движения, влияющие на безопасность дорожного движения.

5. Изучить психологические закономерности и механизм взаимоотношений между сотрудниками Госавтоинспекции и участниками дорожного движения.

6. Разработать структуру и содержание психологии обеспечения безопасности дорожного движения в профессиональной деятельности сотрудников Госавтоинспекции как раздела юридической психологии.

7. Разработать практические психологические рекомендации, направленные на повышение эффективности профессиональной деятельности сотрудников Госавтоинспекции по обеспечению безопасности дорожного движения.

Методологическую основу исследования составят общенаучные и психологические принципы (объективности, детерминизма, системности, развития, единства сознания и деятельности, активности личности и субъекта деятельности, принцип социальной обусловленности психического) и

специальные методологические принципы юридической психологии (психологической специфичности, юридической специфичности, конструктивности, гуманности и законности).

В качестве теоретической основы исследования используются научные концепции и положения: системный, субъектно-деятельностный, диалектико-материалистический, социально-психологический и целостно-психологический подходы, а также представления о взаимном проникновении и взаимосвязи разных областей научного знания.

Научное познание психологии безопасности дорожного движения представляется весьма перспективным и актуальным направлением современных теоретических и эмпирических исследований, результаты которых могут во многом способствовать обеспечению безопасности общества в целом.

Бысюк А.С. (г. Тверь)

СОВЛАДАЮЩЕЕ ПОВЕДЕНИЕ КАК РЕСУРС ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Современные социально-экономические условия и рыночные механизмы функционирования общества приводят к тому, что в последнее время все более остро встает вопрос об эффективности осуществления профессиональной деятельности субъектами труда. При этом, для работодателя «эффективность» сотрудника – это прямая материальная выгода, прибыль от реализации потенциала сотрудников, т.е. возможность конкурировать на рынке. Соответственно, сотрудник, оказавшись вовлеченным в такого рода производственные отношения (где личность профессионала и его психологическое состояние уходит на второй план в гонке за финансовой прибылью), рано или поздно начинает испытывать чувство беспокойства, тревогу, внутреннего напряжения, что в свою очередь требует от него включения адаптационных механизмов, позволяющих справляться с ситуацией, угрожающей его безопасности в рамках данной социальной среды организации. Таким образом, встает вопрос о сохранении личности профессионала и обеспечения его психологической безопасности как залого профессионального здоровья и успешности профессиональной деятельности.

Не вызывает сомнения тот факт, что психологическая безопасность сотрудников зависит от индивидуальных характеристики личности, ее потребностей – с одной стороны, и условий деятельности, особенностей организационной среды, а точнее, от психологической системы ощущений работником чего-то, что ему нужно, для того, чтобы чувствовать свою защищенность, – с другой. В этом смысле, под психологически безопасной средой будем понимать такое ее состояние, когда в ней отсутствуют проявления психологического насилия во взаимодействии, и она способствует удовлетворению потребности в личностно-доверительном общении, создает референтную значимость и обеспечивает оптимальный уровень психического здоровья включенных в нее участников [1, с.19].

Психологическая безопасность личности будет проявляться в ее способности сохранять устойчивость к психотравмирующим воздействиям и сопротивляемости деструктивным внутренним и внешним воздействиям [там же]. Психологический анализ показывает, что человек, лишенный психологической защищенности, не обладает внутренним ресурсом сопротивляемости к негативным воздействиям, и может быть выведен из строя или полностью потерять способность к эффективному функционированию [2, с. 272].

Таким образом, в ситуациях профессионального стресса, а также при наличии неразрешенных противоречий между потребностями личности и условиями трудовой деятельности (профессиональные, коммуникативные, организационные, материальные и иные противоречия [4, с.19], человек в состоянии внутреннего эмоционального напряжения вынужден «включать» адаптационные ресурсы организма в виде той или иной стратегии совладающего поведения. Соответственно, можно утверждать, что психологическая безопасность и копинг-стратегии являются взаимодействующими, т.к. адекватно выбранная копинг-стратегия повышает уровень психологической безопасности и предотвращает процесс дезадаптации личности в профессиональной среде [3, с.196-197]. В свою очередь, восприятие среды как безопасной позволит специалисту эффективно и успешно функционировать в профессии.

Несмотря на то, что проблема психологической безопасности становится все более актуальной и ведутся практические исследования в данном направлении (Баева И.А, Зотова О.Ю, Шлыкова Н.Л., Львов В.М., Соломин В.П., Грачев Г.В.,

Кабаченко Т. С. и др.), пока недостаточно представлена в научных публикациях и практических исследованиях по ПБ такая узкоспециализированная профессиональная группа, как инженеры-метрологи. В этой связи изучение данного вопроса является весьма своевременным.

В данном исследовании приняло участие 159 человек, из которых 71% - женщины. Возрастной диапазон опрошиваемых – от 25 до 65 лет, все с высшим техническим образованием. Для проведения исследования были использованы следующие методики: «Когнитивно - поведенческие стратегии» (С.И. Филиппченкова) [6, с. 120–122]; «Психологическая диагностика безопасности социальной среды организации» И.А. Баевой в адаптации А.Г. Макеевой [5, с. 169–171]. Математическая обработка эмпирических данных производилась с помощью программы SPSS v.19.

Предварительно испытуемые были разделены на две группы – успешные и менее успешные метрологи. Основанием для такого деления стали результаты экспертной оценки (непосредственные руководители, независимые эксперты), результативность деятельности (объем выполненных работ), а также метод наблюдения, беседа.

Анализ данных по методике «Психологическая диагностика безопасности социальной среды организации» показывает: 72,9 % (116 чел.) имеет положительное отношение к социальной среде организации, 22,6% (36 чел.) – нейтральное отношение.

Высокий и очень высокий уровень психологической безопасности в рамках организации отмечают 37,7 % и 32,7 % опрошенных инженера-метролога соответственно. В большей степени чувствуют себя более безопасно и защищенно от публичного оскорбления, угроз, принуждения что-либо делать против желания, игнорирования, недоброжелательного отношения со стороны коллег 38 %. Скорее незащищенными, или полностью незащищенными от перечисленных факторов со стороны руководителей чувствует себя 9,4 %.

Обнаружены достоверные различия у «успешных» и «неуспешных» инженеров-метрологов по следующим показателям психологической безопасности социальной среды организации: «защищенность от оскорблений со стороны коллег» ($U = 178,5$, $p \leq 0,05$) – признак сильнее выражен в группе «успешных» инженеров метрологов; «защищенность от игнорирования со стороны руководства» ($U = 76,5$, $p \leq 0,01$) - у «неуспешных»

метрологов средний ранг выше, и, следовательно, и признак выражен сильнее. Проведенный корреляционный анализ по К. Спирмену показал, что в группе «успешных» инженеров-метрологов при высоком уровне защищенности от разных форм психологического насилия со стороны коллег и руководства, редко используются приспособительные («антиципирующее совладание») ($r = -0,58, p \leq 0,01$), «придание нетривиального смысла ситуации» ($r = -0,52, p \leq 0,01$), «идентификация со счастливым» ($r = -0,50, p \leq 0,01$) и неконструктивные стратегии совладания - «стратегия отрицания» ($r = -0,58, p \leq 0,01$).

Можно с большой долей вероятности утверждать, что в ситуациях профессионального стресса для «успешных» инженеров-метрологов для снижения эмоционального напряжения и поддержания профессионального здоровья на оптимальном уровне, характерно использование широкого спектра стратегий совладания, за счет чего возможна стабильная и эффективная профессиональная деятельность. Детальный анализ корреляционных плеяд в группе «неуспешных» показал, что, несмотря на использование широкого спектра стратегий совладания (6) и на достаточно большое количество взаимосвязей (21), можно отметить наличие лишь трёх преобладающих стратегий, две из которых выполняют функцию адаптации и способствуют поддержанию профессионального здоровья – «когнитивная репетиция» и «фиксированная на эмоциях стратегия». Еще одна предпочитаемая и часто используемая стратегия – «уход или бегство из ситуации». Выполняя функцию адаптации к профессиональной среде, данная стратегия отрицательно сказывается на состоянии профессионального здоровья (не обеспечивает защищенность при взаимодействии с коллегами и руководством).

Учет выявленных связей позволит в дальнейшем разработать теоретические курсы, повышающие психологическую грамотность инженеров-метрологов, а также тренинговые программы психопрофилактической направленности, способствующие поддержанию профессионального здоровья специалистов.

Литература

1. Баева И.А. Психология безопасности: теоретическая основа практической помощи человеку в экстремальной ситуации // Журн. Приклад. психологии. 2008. № 4. С. 19–20.
2. Баева И., Лактионова Е. Психологическая безопасность образовательной среды и риски ее разрушения // Народное образование 2008. № 9 С.272.

3. Илларионов С.Н., Шлыкова Н.Л. Процесс восприятия как фактор формирования психологической безопасности субъекта и выбора копинг-стратегии // Социальная психология XXI столетия. Т.1 / Под редакцией Козлова В.В. – Ярославль, 2005. 316 с.
4. Львов В.М., Шлыкова Н.Л. Проблемы психологической безопасности личности // Журн. Практ. психолога. 2007. № 4. С.121-136.
5. Макеева А.Г. Создание психологической безопасности социальной среды организации средствами активного социально-психологического обучения: дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2009. 199 с.
6. Филиппченкова С.И. Особенности преодоления стресса в профессиональной деятельности сотрудников дорожно-патрульной службы: дис. канд. психол. наук. Тверь, 2002. 268 с.

Гузь Н.В. (*г. Мелитополь, Украина*)

ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ПСИХИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ ЛИЧНОСТИ

Современные социально-политические и экономические кризисы общества актуализировали проблему сохранения физического, психического, духовного и социального здоровья подрастающего поколения. Социально-технологический прогресс влечет рост негативного влияния на личность информационных потоков; увеличение повседневных физических и психологических нагрузок; обострение экзистенциального чувства страха, неуверенности, растерянности и разочарования. Все это негативно отражается на здоровье человека в целом и на психологическом здоровье в частности. В связи с этим перед обществом возникает проблема создания таких условий развития личности, которые бы способствовали укреплению здорового образа жизни, гармонизации ее взаимоотношений, с окружающей средой. Особенное значение приобретает формирование гармонично развитой, общественно активной, физически совершенной, здоровой личности.

Таким образом, сохранение психического здоровья личности, в частности подрастающего поколения – одно из важнейших заданий нашего общества и, в первую очередь, системы образования.

В научных работах анализируется свыше 200 определений понятия «здоровье», основанных на методологических подходах и критериях, но важным является признание того, что здоровье человека не сводится к физическому состоянию, а предусматривает психоэмоциональную уравновешенность, духовное и социальное здоровье [4]. Такой подход, по нашему мнению, имеет смысл, поскольку человек – существо не столько биологическое, сколько социальное. Проявления его здоровья или нездоровья связаны не только с нормальным функционированием организма, но и обусловлены ее психосоциальным благополучием, эффективной социально-психологической адаптацией, собственной реализацией, в окружающем мире. Поэтому категория «здоровья индивида» может и должна рассматриваться в контексте постановки и решения целого ряда вопросов, которые касаются психологических характеристик личности, в частности проблемы ее психического здоровья. Тенденция определения здоровья учетом социально-психологических аспектов жизнедеятельности и существования человека прослеживается в многочисленных научных работах.

Принимая во внимание, тот факт что психическое здоровье является одним из основных компонентов здоровья личности, начнем его рассмотрение с проведения общего анализа понятия «здоровье». Здоровье - это состояние полного физического, духовного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней и физических изъянов (Б. Г. Мещеряков, В. П. Зинченко). Г. З. Поташнюк различает такие компоненты здоровья, как соматическое, физическое, моральное и психическое [5].

Под определением сущности психического здоровья автор понимает состояние психической сферы, основу которой составляют состояние общего душевного комфорта, который обеспечивает адекватную психоэмоциональную и поведенческую реакцию. Такое состояние предопределяется как биологическими, так и социальными, потребностями, а также возможностями их удовлетворения. А. В. Петровский, М. П. Ярошевский дают следующее определение: «Психическое здоровье – состояние душевного благополучия, характеризующееся отсутствием болезненных психических проявлений обеспечивающее адекватную условиям окружающей действительности регуляцию поведения, деятельности» [6; 301]. М. Е. Андрос психическое здоровье личности определяет как такое функционирование психики индивида, которое обеспечивает ему гармоничное взаимодействие с окружающим миром [1; 64].

Обобщая научные взгляды ученых констатируем, что кроме необходимости лечения и профилактики уже существующих и предболезненных форм психической патологии, существует проблема сохранения психического здоровья в широком понимании, которая включает здоровый образ жизни современного человека в сложных условиях информационных, техногенных, микро- и макросоциальных влияний.

Психическое здоровье и психическое благополучие является важнейшими составляющими высокого уровня качества жизни, которые позволяют человеку считать свою жизнь полноценной и значимой, быть активными и творческими членами общества [3]. Психическое здоровье личности зависит от многих факторов: правильного питания, режима дня, пребывания на свежем воздухе, двигательной активности и т.д. Но особое место в этом перечне принадлежит психологическому комфорту. Очень часто психологический дискомфорт возникает в результате фрустрации (неудовлетворении) потребностей личности.

Следствием психологического дискомфорта могут быть невротические срывы и состояния. Невротическое состояние является следствием хронического перенапряжения и характеризуется достаточно выраженной стойкостью, в основе которой лежат определенные индивидуально-психологические свойства (высокая тревожность, низкий уровень нервно-психической стойкости, избыточная эмоциональность, психическое равновесие) [7].

Особенного внимания среди этих признаков заслуживает критерий психического равновесия. Уравновешенность человека и адекватность его реакций на внешнее влияние имеют большое значение в плане разграничения нормы и патологии – только у психически здорового, то есть уравновешенного человека мы наблюдаем проявления:

- · относительной устойчивости поведения и адекватности его внешним условиям;
- · высокой индивидуальной приспособленности организма к привычным колебаниям внешней среды;
- · способности поддерживать привычное комфортное самоощущение, морфо-функциональное сохранение органов и систем.

С другой стороны можно говорить о характерных признаках психического нездоровья, неблагополучия, среди которых наиболее типичными являются:

- свойства личности: зависимость от вредных привычек, уход от ответственности за себя; потеря веры в себя, свои возможности; пассивность;

- психические состояния: тупость чувств, беспричинная ; враждебность; ослабевание как высших, так и более низших, инстинктивных чувств; повышенная тревожность;

- психические процессы: неадекватное восприятие себя, своего «Я», снижение познавательной активности, хаотичность мышления, категоричность (стереотипность) мышления, повышенная внушаемость, некритичность мышления;

- самоуправление: неадекватность самооценки; ослабевание или неоправданно гипертрофированный самоконтроль; ослабевание воли;

- социальное неблагополучие в неадекватном восприятии окружающего мира; дезадаптивном поведении; конфликтности; враждебности; эгоцентризме; стремлении к власти, обогащению[4].

Таким образом, главной целью сохранения психического здоровья личности является укрепление психического здоровья и предупреждение возникновения психических расстройств для обеспечения психического благополучия населения, которое будет способствовать общественному спокойствию, стабильности, производительности труда и экономическому росту общества.

Литература

1. Андрос М. Є. Психічне здоров'я особистості: психологічне консультування керівників шкіл // Освіта і управління. – Том 2. – 1998. – С.64
2. Большой психологический словарь / Сост. И общ. Ред. В. Мерещяков, В. Зинченко. – Спб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. – 672 с.
3. Катков Л. Теория и практика формирования психического здоровья населения / Л.Катков. - Кастанай, 1998 – 267с.
4. Корольчук М.С. Психологічне забезпечення психічного здоров'я / Корольчук М.С., Крайнюк В.М., Косенко А.Ф. – К.: «Інкос», 2002. – 272с.
5. Поташнюк Р. З. Психогігієна: Навч. посібн. / Волин. держ. ун-т ім Л. Українки. – Луцьк: Надстрія, 2000. – 62с.].
6. Психология: Словарь / Под общ. ред. А. В Петровского, М. Г. Ярошевского. – 2-е изд. – М.: Политиздат. 1990. – С.301.
7. Хорни К. Невротическая личность нашего времени / Карен Хорни. – СПб.: Питер, 2002. – 224 с. – (Серия «Психология классика»).

СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОНЯТИЯ АСОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

В аспекте теоретического анализа понятия асоциального поведения целесообразно выделить те специфические особенности, которые помогут отличить его от других феноменов, а также при необходимости констатировать их наличие и динамику у конкретного человека. Анализ отечественной и зарубежной литературы (Змановская Е.В., Первова И.Л., Кочин А.А., Годфруа, Ж, Kazdin, 1987; Achenbach & Edelbrock, 1981; Walker, Colvin, & Ramsey, 1995 и др.), позволил выявить следующие признаки асоциального поведения:

- неспособность устанавливать прочные социальные связи, снижение уровня усвоения социальных ролей и качеств;
- нежелание придерживаться принятых норм;
- несформированность устойчивых социальных установок и системы ценностей;
- отсутствие толерантности по отношению к другим, несклонность соблюдать свои обязанности перед ними, недостаток внимания к чувствам окружающих;
- отсутствие чувства вины даже за свои самые неблагоприятные поступки;
- драчливость, причинение вреда чужой собственности, жестокость по отношению к людям и животным, воровство, ложь, побеги;
- поведение, характеризующееся повышенной эмоциональной возбудимостью, импульсивностью, двигательной и вербальной активностью, внушаемостью, подражательностью, обостренным чувством независимости, негативизмом, неуравновешенностью возбуждения и торможения;
- преобладание в поведении непослушания, агрессивности, самоуверенности;
- при эмоциональном отвержении взрослых, быстро находят способ обходить контроль старших;
- свойственно уклонение от учебно-трудовой деятельности;
- бесцельное времяпровождение в малых (неформальных) группах, где несовершеннолетние получают возможность продемонстрировать свою силу, смелость, бравировать своим противостоянием нормам права и морали, что может выражаться в насилии над другими членами группы, в нарушениях общественного порядка, в употреблении алкоголя, наркотиков,

курении, издевательствах над животными, проявлениях алкоголизма, в проявлениях аморализма (например, бравирование сменой сексуальных партнеров), бродяжничества и т.д;

– подростки перестают выполнять требования взрослых родителей и учителей, пропускают уроки, грубят, проводят все свободное время с компанией себе подобных, распивают спиртные напитки, или экспериментируют с другими психотропными веществами. Пропуливают уроки, организовывают драки со сверстниками, отнимают деньги у слабых сверстников, терроризируют их и шантажируют, угоняют велосипеды, мотоциклы, вызывающе ведут себя в общественных местах; стремятся к превилигированному положению в своей среде, подражают криминальным авторитетам;

– подростки не умеют эффективно использовать механизмы психологической защиты;

– стремление к нарушению правил, непризнание авторитетов и попрание социальной морали и норм.

Исходя из вышеперечисленных признаков характеризующих асоциальное поведение, можно выделить следующие уровни:

1 уровень. Ситуативные проявления нарушений в поведении.

Нарушения социального взаимодействия ребенка в системе семейных и внутришкольных отношений, опосредованных низким уровнем нравственной культуры, отсутствием достаточной базы социального опыта, несформированностью устойчивых социальных установок и системой ценностей, снижением уровня усвоения социальных ролей и качеств, приводит к ситуативным проявлениям таких нарушений в поведении личности, как:

– эпизодические пропуски уроков;

– отсутствие толерантности по отношению к другим, выраженная в отдельных агрессивных вербальных высказываниях в адрес сверстников и взрослых, а также в форме насмешек к более слабым;

– давление, ругательства, драки;

– уклонение от некоторых требований родителей и учителей;

– импульсивность и спонтанность в поведении с целью установления личного превосходства - привлечение внимания деструктивными способами к собственной персоне.

2 уровень. Систематические нарушения в поведении. Данный уровень характеризуется тем, что нарушения закрепляясь, начинают носить систематический характер, постепенно преобразовываясь в асоциальный паттерн поведения - смещение социальных контактов в сферу неформальных групп. Учащийся

постепенно приобщается к новому окружению. Каждодневная деятельность индивида нарушается, происходит деформация ценностных отношений, ухудшаются межличностные отношения с окружающими, возникают другие вредные привычки:

- наблюдаются систематические пропуски уроков, постоянные стычки с учителями;

- бесцельное времяпровождение в малых (неформальных) группах;

а также в форме девиантных отклонений:

- дети начинают курить, употребляют спиртные напитки, наркотики;

- воровство;

- патологическая лживость и др.

3 уровень. Устойчиво – выработанный паттерн асоциального поведения. Поведение подростков характеризуется постоянством выработанных навыков асоциального поведения, шлифуются приобретенные навыки. На данном уровне наблюдаются следующие признаки:

- отсутствие чувства вины даже за свои самые неблагоприятные поступки;

- второгодничество;

- драчливость, причинение вреда чужой собственности, жестокость по отношению к людям и животным, воровство, ложь, побеги;

- уход на более или менее продолжительное время из дома и др.

4 уровень. Приобретение криминального опыта в системе асоциального поведения. Учащийся с асоциальным поведением закрепляется к устойчивой преступной группе, в котором культивируются следующие признаки асоциального поведения:

- бравирование своим противостоянием нормам права и морали, что может выражаться в насилии над другими членами группы;

- нарушения общественного порядка;

- издевательства над животными;

- проявления аморализма (например, бравирование сменой сексуальных партнеров);

а также проявлениями таких форм девиаций, как:

- бродяжничество;

- субкультурные девиации (сленг, шрамирование, татуировки)

и др.

На данном этапе подростки стремятся к нарушению общественных правил, непризнанию авторитетов и поправанию

социальной морали и норм. Появляется дружба с осужденными ранее подростками и взрослыми, знакомство с отдельными традициями преступной среды.

5 уровень. Собственно-криминальный (противоправный) уровень. Этот уровень характеризуется тем, что подростки встают на путь преступления. Асоциальное поведение, противоречащее нормам и законам общественной жизни, становится единственно приемлемым в социализации детей и подростков, характеризующееся прекращением учебной деятельности.

Асоциальное поведение представляет собой достаточно сложный феномен не только в плане его структурного анализа, но и в плане его содержательного аспекта изучения. Анализ понятия асоциального поведения позволил выделить наиболее существенные ее признаки:

- асоциальное поведение носит осознанно-умышленный характер прямого воздействия на личность;
- это любая форма активности человека, направленная против личности: от нарушения норм морали и незначительных нарушений до тяжких преступлений;
- предполагает попрание моральных, правовых, политических и организационно-профессиональных норм;
- асоциальное поведение включает в себя агрессивное, аморальное, делинквентное и криминальную формы поведения;
- рассматривается как субъективная иерархия социальных установок конкретной личности противоречащая сложившейся системе социальных норм общества;
- асоциальное поведение как нарушение способов реагирования и социального взаимодействия конкретной личности с окружающей средой.

Таким образом, асоциальное поведение – это субъектно-деструктивная активность человека, направленная на удовлетворение потребностей человека путем социально-неприемлемых форм поведения, характеризующееся преднамеренным и осознанно-умышленным характером прямого воздействия на личность, противоречащее сложившейся системе социальных отношений общества, и проявляющееся в различных социальных отклонениях, от нарушения норм морали и незначительных нарушений до тяжких преступлений.

ВЛИЯНИЕ СТРЕССА НА ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЧЕЛОВЕКА

В мире, продолжающем стремительно меняться, человеческая жизнь становится все сложнее и интенсивнее. Приспособление к такому миру — задача крайне тяжелая. Нагрузка, возлагаемая на человеческую психику для решения этой задачи, часто превышает резервные возможности человека. С ситуацией, воспринимаемой как неподвластная, диктующая непреодолимые требования, ставящая водораздел между прошлым, настоящим и будущим, сегодня сталкивается практически каждый человек. Состояние человека, попавшего в такую ситуацию и испытывающего на себе ее давление, обычно именуют стрессовым.

Частые конфликты (на работе и дома) и большое внутреннее напряжение могут вызвать сложные психические и физиологические изменения в организме человека, сильное эмоциональное напряжение — привести к состоянию стресса. Стресс — состояние психического напряжения, возникающее в процессе деятельности в наиболее сложных и трудных условиях. Жизнь подчас становится суровой и безжалостной школой для человека. Возникающие на пути личности трудности (от мелкой проблемы до трагической ситуации) вызывают в нас эмоциональные реакции негативного типа, сопровождающиеся целой гаммой физиологических и психологических сдвигов.

Существуют различные научные подходы к пониманию стресса. Наиболее популярной является теория стресса, предложенная Г.Селье. В рамках этой теории механизм возникновения стресса объясняется следующим образом.

Все биологические организмы имеют жизненно важный врожденный механизм поддержания внутреннего равновесия и баланса. Сильные внешние раздражители (стрессоры) могут нарушить равновесие. Организм реагирует на это защитно-приспособительной реакцией повышенного возбуждения. С помощью возбуждения организм пытается приспособиться к раздражителю. Это неспецифичное для организма возбуждение и является состоянием стресса. Если раздражитель не исчезает, стресс усиливается, развивается, вызывая в организме целый ряд особых изменений — организм пытается защититься от стресса, предупредить его или подавить. Однако возможности организма не

безграничны и при сильном стрессовом воздействии быстро истощаются, что может привести к заболеванию и даже смерти человека.

Установлено, что познавательные, эмоциональные, поведенческие аспекты жизни человека, его личностные особенности, характер, темперамент, образ жизни существенно влияют на то, как воспринимаются травмирующие события. Среди возможных психологических реакций, возникающих в ответ на травмирующие события, с большей полнотой описаны тревожность, гнев, агрессия, апатия, депрессия, различные когнитивные нарушения.

Тревожность – одна из наиболее распространенных реакций на стрессор. Обычно она проявляется неприятными переживаниями опасения, страха, внутреннего напряжения, беспокойства и др. Если эти переживания приобретают стойкий длительный характер, у человека может развиться ряд связанных с хронической тревожностью нарушений, называемых посттравматическими. К числу таких возможных посттравматических нарушений можно отнести потерю интереса к привычной деятельности, возникновение чувства отчужденности от других людей, нарушение сна и периодическое переживание травмирующего события во сне, сложность сосредоточения внимания.

Состояние стресса может быть острым или принимать хронический характер. Раньше считалось, что провокатором стресса могут быть только экстремальные ситуации. В этом случае мы имеем дело с острым стрессом. Сейчас особенности существования общества, в частности информационная перегрузка, являются причиной хронических форм стресса. В наше время стресс принял характер эпидемии.

Стресс имеет физиологические, психологические, личностные и медицинские признаки. Кроме того, любой стресс обязательно включает эмоциональное напряжение.

Физиологические признаки: учащенное дыхание, частый пульс, покраснение или побледнение кожи лица, увеличение адреналина в крови, потение.

Психологические признаки: изменение динамики психических функций, чаще всего замедление мыслительных операций, рассеивание внимания, ослабление функции памяти, уменьшение сенсорной чувствительности, торможение процесса принятия решения.

Личностные признаки: полное подавление воли, снижение самоконтроля, пассивность и стереотипность поведения, неспособность к творческим решениям, повышенная внушаемость, страх, тревожность, немотивированное беспокойство.

Медицинские признаки: повышенная нервозность, наличие истерических реакций, обмороки, аффекты, головные боли, бессонница.

Стресс – это не болезнь, однако он приводит к возникновению и/или усугублению многих заболеваний. Проблемы со здоровьем начинаются только в том случае, если ослабевают защитные силы организма. Кто из нас не переживал случаев напряжения в семье, на работе или дома? Стресс и напряжение могут послужить толчком к появлению самых разных болезней.

Гипертония, ишемическая болезнь сердца, бронхиальная астма, язвенная болезнь – вот далеко не полный список заболеваний, развитие которых способен ускорить сильный или длительный стресс. Не стоит забывать и о серьезных психических проблемах — таких как тревожные, невротические или депрессивные расстройства, которые также значительно снижают качество жизни человека.

Многие события в жизни человека переживаются им как стрессовые. К ним обычно относятся неконтролируемые им ситуации, непредсказуемые события, вносящие диссонанс в его бытие, жизненные обстоятельства и конфликты, изменяющие обыденное течение жизни, явления, выходящие за рамки обыденности и заставляющие его радикально изменить представления о самом себе.

Существует несколько основных подходов, объясняющих, почему эти события переживаются людьми как стрессовые.

В рамках психоаналитического подхода акцент ставится не на объективные факторы, вызывающие тяжело переживаемые психологические состояния, а на невротическую тревожность, являющуюся следствием невозможности реализовать инстинктивные потребности и влечения.

В контексте бихевиористского подхода переживание стрессовых состояний связывается с тем, как индивид научен реагировать на те или иные стимулы, идущие преимущественно из внешней среды. Согласно этому подходу, человек в процессе своей жизни выучивается отвечать реакцией страха и тревожности на определенные ситуации. Страх и тревожность, возникшие в ситуации, наносящей ущерб человеку, фиксируются и запускаются

в момент повторного его столкновения с аналогичными обстоятельствами. Величина страха и тревожности может варьировать, достигая иногда таких пределов, что испытывающие их люди становятся нуждающимися в помощи извне. Такие ситуации, приводящие к чрезмерным переживаниям, трактуются в бихевиористском подходе как стрессогенные.

Когнитивный **ПОДХОД**, в отличие от психоаналитического и бихевиористского, объясняя феномен психологического стресса, ударение ставит на том, как люди интерпретируют происходящее с ними. По мнению представителей этого подхода, все события как внешние, так и внутренние, оцениваются человеком. Именно он приписывает то или иное значение случившемуся с ним. Оценка и значение, придаваемые индивидом событию, определяют и то, как оно будет им переживаться. Те события, которым приписывается особая важность, воспринимаются субъектом как предъявляющие особые требования к нему, т.е. как стрессовые.

В полном соответствии с логикой этих подходов выстраиваются и рекомендации по профилактике и преодолению стресса, приобретению навыков управления поведением в стрессовой ситуации. Эти рекомендации включают в себя апробированные способы профилактики, преодоления стресса и управления собой в стрессовой ситуации.

Наиболее распространенными выступают следующие рекомендации: изменение стиля, образа и темпа жизни; изменение окружения; изменение уровня притязаний; нахождение новых источников удовольствий; приобретение новых привычек; использование физических упражнений и нагрузок; переосмысление ситуации, в которой находится человек; поиск эмоциональной поддержки у других, обсуждение своих отрицательных эмоций с друзьями; занятие себя интересным делом (хобби); аутотренинг и др.

Литература

1. Ананьев Б.Г. О проблемах современного человекознания. — СПб.: Питер, 2001.
2. Гринберг Дж. Управление стрессом / Пер. с англ. 7-е изд. СПб., 2002.
3. Васильев В.Н. Здоровье и стресс. — М.: Знание, 1991.
4. Клиническая психология: Учебник / Под. Ред. Б.Д. Карвасарского. — СПб.: Питер, 2004.
5. Ричардс М. Стресс. Пер. с англ. М.: НИРО, 2005.

УСЛОВИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКИХ НАСТРОЕНИЙ: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Психологические факторы формирования дезадаптивного поведения личности в условиях социальной нестабильности региона»), проект № 11-06-00811а

Являясь сложным социальным феноменом, характеризующимся приверженностью к крайним взглядам и действиям, включающим самые разные формы и проявления радикализма, экстремизм возникает в среде, где господствуют либо излишнее возбуждение, аффекты, переизбыток чувств, либо дефицит и полное отсутствие эмоций (в этом отношении экстремизм имеет тесную взаимосвязь с конформизмом). Экстремизм - система взглядов и действий, которая базируется на определенных нормах, ценностях, установках и направляется на разрушение (уничтожение) существующей целостности и идентичности, причем так, что ее новая форма не может восприниматься продолжением старой. Он всегда несет насилие и агрессию, отражает крайние состояния человеческого сознания. Стремление индивида к деструктивным действиям, источники агрессии и насилия следует искать во внешних факторах, которые оказывают влияние на человека, не исключая и его биологическую составляющую.

Формирование и функционирование экстремизма как системы мировоззренческих установок, обусловливается рядом сложных явлений социально-психологического характера: 1) потребность в идентичности, 2) наличие в сознании социальных стереотипов и предубеждений, 3) конформизм, 4) депрессивные состояния и инфантильность.

Потребность в идентичности способствует самосознанию (конкретного индивида, социальных групп, наций, этносов) и предполагает констатацию различий. Для идентификации человеку требуются другие, по отношению к которым она будет осуществляться, причем некоторые индивиды нуждаются во врагах (или их образах). Потребность в противниках может быть крайним, экстремальным ее проявлением и формировать экстремизм.

Активизация в сознании стереотипов и предрассудков, имеющих биологическую природу, детерминируется влиянием условий социального типа: социально-экономических, социокультурных, ситуативных, психогенных, феноменологических, которые формируют экстремистскую систему ценностей.

Депрессивные состояния и инфантильность, порождаемые неравномерностью развития современных обществ (когда индивиды из-за ограниченности адаптационных способностей не успевают за социальными изменениями, попадают в состояние социальной дезориентации), могут трансформироваться в подавленность и отрешенность. Пытаясь избавиться от чувства нестабильности, человек может демонстрировать враждебность и агрессию против индивидов и групп в обществе, чьи ценности кажутся ему непонятными и враждебными.

Становлению экстремизма способствуют различные антиномии существования и развития общества: в индустриальных и постиндустриальных сообществах либерального типа, он выступает неотъемлемой частью социального бытия, поэтому правомерно говорить об экстремизме внутреннего характера (направленного в глубь социальной структуры), являющегося особой формой отчуждения от общепринятых норм и ценностей. Концептуальными основаниями его служат: 1) отчуждение, охватывающее сферы жизнедеятельности; 2) алгоритмизированный темп жизни; 3) состояние «социальной скуки»; 4) невозможность реализовать потребность индивида в творчестве. Субъектом экстремистских действий выступают как отдельные индивиды (через различные варианты социальной девиации), так и целые группы организованного типа (через идеологическую базу и запланированную деятельность). Объектом же борьбы - общественные структуры и институты, все формы проявления либерально-индустриальной системы.

В тоталитарных и авторитарных системах экстремизм приобретает иные формы. Здесь имеет место скрытый экстремизм и экстремизм внешнего характера, поскольку идеологи тоталитарных и авторитарных учений используют крайние, насильственные методы - подавляют, обезличивают, вмешиваются в личную жизнь. Создавая единую идеологическую базу, они манипулируют массовым и индивидуальным сознанием, а информационным воздействием формируют конфронтационные ценности и установки к другим идеологическим течениям. Концептуальными основаниями этого типа экстремизма выступают: 1) манипуляция

индивидуальным и массовым сознанием; 2) контроль и подавление личности; 3) «образ врага» и агрессивные действия по отношению к инакомыслящим.

Итак, экстремизм предстает как сложное социально-идеологическое явление, на формирование которого оказывает влияние группа факторов как внешнего (отношение индивида и государства; действие массовой культуры, средств информации, семьи и ближайшего окружения), так и внутреннего (нравственно-психологические характеристики личности; самооценка собственных качеств и отношение к общепринятым нормам, к криминальным, экстремистским и террористическим группировкам) характера.

Среди объективных причин распространения экстремистских настроений выделим: 1) социальные процессы - сдвиги и депривацию; 2) бесконтрольность миграций; 3) возрастающие темпы урбанизации; 4) возникновение необратимых явлений экстремального характера (обострение экологических и демографических проблем); 5) ломку традиционных стереотипов, социальных ориентиров, образа жизни населения, трудности психологической адаптации; 6) рост технологической составляющей современной цивилизации.

Концептуальными основаниями молодежного экстремизма в современной России выступают следующие факторы: 1) кризис социально-политической и экономической системы; 2) социокультурный дефицит и криминализация массовой культуры; 3) распространение среди молодежи случаев суицида; 4) отсутствие альтернативных форм проведения досуга; 5) кризис школьного и семейного воспитания и др.

Заметим, что основной круг проблем, с которым сталкивается российская молодежь, лежит в сфере межличностных отношений (в семье, в отношениях со сверстниками). Немаловажную роль играют и личностные факторы: 1) деформация системы индивидуальных ценностей; 2) «нездоровая» среда общения; 3) преобладание досуговых ориентаций над социально значимыми целями; 4) неадекватное восприятие педагогических воздействий; 5) отсутствие жизненных планов.

ИНТЕГРАЛЬНЫЙ СТАТУС ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ В УСЛОВИЯХ СОВЛАДАНИЯ С ТРУДНЫМИ СИТУАЦИЯМИ

Многообразная, сложная жизнь постоянно заставляет человека искать выход из создавшихся противоречивых ситуаций. Неустойчивость его социально-экономического, общественного, нравственного и межличностного положения, естественно не может не сказаться на его психологическом состоянии. Несомненно, когда человек пытается справиться с теми или иными жизненными трудностями, он выбирает ту или иную стратегию поведения, которая обусловлена его личностными характеристиками, ответственными за успешную адаптацию и совладание с жизненными трудностями. В этой связи проблема изучения жизнестойкости человека, как интегральной характеристики личности является весьма значимой на современном этапе развития нашего общества.

Понятие жизнестойкости было введено С. Кобейса и С. Мадди и разрабатывалось на пересечении экзистенциальной психологии, психологии стресса и психологии совладающего поведения (Д.А. Леонтьев, 2006).

Исходя из междисциплинарного подхода к явлению жизнестойкости человека, Д.А. Леонтьев считает, что данное свойство личности характеризует меру способности личности выдерживать стрессовую ситуацию, сохраняя внутреннюю сбалансированность и не снижая успешности деятельности. Такой подход к определению жизнестойкости указывает на ее связь со способами поведения человека в определенных, стрессогенных ситуациях.

Согласно С. Мадди, в состав «жизнестойкости» входят такие компоненты как вовлеченность, контроль и принятие риска. Под вовлеченностью подразумевается уверенность в том, что включенность в происходящее дает максимальный шанс обнаружить нечто стоящее и интересное для личности. Слабая вовлеченность выражается в ощущении себя вне жизни, отвергнутым. Сильная же проявляется в том, что человек получает удовольствие от собственной деятельности. В формировании этого компонента жизнестойкости решающая роль отводится семье, а именно любви и поддержке со стороны близких.

Следующий компонент – контроль, определяется как убежденность в том, что борьба позволяет повлиять на результат происходящего, пусть даже это влияние не абсолютно и успех не гарантирован. В случае сильного развития данного компонента человек ощущает, что сам выбирает собственную деятельность, свой путь. В противоположность этому, слабое развитие компонента «контроль» дает ощущение собственной беспомощности. Для развития этого компонента важна поддержка инициативы человека и его желания выполнять задачи все возрастающей сложности.

И, наконец, принятие риска заключается в уверенности человека в том, что все происходящее с ним, способствует его развитию посредством знаний, полученных из опыта. При этом опыт может быть как позитивным, так и негативным. Человек, рассматривающий свою жизнь как способ приобретения опыта, готов действовать в отсутствие надежных гарантий успеха, на свой страх и риск, считая стремление к простому комфорту и безопасности, обедняющим жизнь личности. Здесь важное значение имеет окружающая среда, которая должна быть разнообразной, способствуя тем самым, приобретению новых впечатлений.

Соответственно, в зависимости от уровня выраженности того или иного компонента в структуре жизнестойкости формируются стратегии совладания с трудными ситуациями или индивидуальный стиль поведения.

В современной отечественной психологии предпринимались и предпринимаются попытки целостного осмысления понятия «жизнестойкость». И в большинстве случаев за основу принимается концепция «жизнестойкости» С. Магги. Однако, в связи с многоплановостью перевода понятия «hardiness», возникают некоторые проблемы. Большой англо-русский словарь дает следующий перевод “hardiness” – выносливость, крепость, здоровье, устойчивость, смелость, отвага, неустрашимость, дерзость, наглость. Обычно принято понимать «hardiness» как «стойкость» или «жизнестойкость». Близкими к этому термину считают также такие понятия как: стилевые закономерности, субъектность, смысл жизни, жизнетворчество, жизнеспособность, личностно-ситуационное взаимодействие, самореализация личности, самоотношение, авторство жизни.

Л.А. Александрова предлагает рассматривать жизнестойкость в контексте совладания с жизненными трудностями как способность личности к трансформации неблагоприятных

обстоятельств своего развития, которая лежит в основе совладающего поведения (Александрова Л.А., 2005). В свою очередь, Е.П. Белинская отмечает, что современные психологические подходы к проблеме преодоления трудных жизненных ситуаций рассматривают совладание как динамический процесс, протекание которого определяется не только характеристиками самой ситуации и личностными особенностями субъекта, но их взаимодействием, которое заключается в формировании комплексной когнитивной оценки, включающей в себя как интерпретацию субъектом ситуации, так и его представления о себе в ней (Белинская Е.П., 2009). В данном контексте особое значение приобретает личностный смысл ситуации, когда человек способен воспринимать жизненные трудности как возможности.

В качестве одного из компонентов жизнестойкости Л.А.Александрова определяет личностные ресурсы, выделяемые С. Мадди, которые на уровне реализации обеспечены развитыми стратегиями совладания. В качестве второго компонента обозначается смысл, предопределяющий вектор этой жизнестойкости и жизни человека в целом. Как отдельный компонент жизнестойкости Л.А. Александрова выделяет гуманистическую этику, задающую критерии выбора смысла, пути его достижения и решения жизненных задач.

Согласно концепции А.Г. Маклакова, адаптационный потенциал человека включает следующие характеристики: нервно-психическую устойчивость, уровень развития которой обеспечивает толерантность к стрессу; самооценку личности, являющуюся ядром саморегуляции и определяющую степень адекватности восприятия условий деятельности и своих возможностей; ощущение социальной поддержки, обуславливающее чувство собственной значимости для окружающих; уровень конфликтности личности; опыт социального общения. Все перечисленные характеристики он считает значимыми при оценке и прогнозе успешности адаптации к трудным и экстремальным ситуациям, а также при оценке скорости восстановления психического равновесия.

Так Л.И. Анциферова считает, что когда человек пытается справиться с теми или иными жизненными трудностями, его активность может быть направлена как на внешние обстоятельства, подлежащие изменению, так и на самого себя. Включаются механизмы психической саморегуляции и механизмы психической адаптации: механизмы психологической защиты и копинг-

механизмы. То, какой именно путь преодоления жизненных трудностей выберет та или иная личность, определяется, в частности, ее резервами и ресурсами. Люди, предпочитающие конструктивно преобразующие стратегии, оказываются личностями с оптимистическим мировоззрением, устойчивой положительной самооценкой, реалистическим подходом к жизни и сильно выраженной мотивацией достижения. Люди же, уходящие от трудных ситуаций, прибегающие к механизмам психологической защиты, склонные к «идушему вниз социальному сравнению», воспринимают мир как источник опасностей, у них невысокая самооценка, а мировоззрение окрашено пессимизмом (Л.И. Анцыферова, 1994).

Что касается вопроса о том, какими качествами обладает жизнестойкий человек, то однозначного ответа на него пока нет. Согласно исследованию зарубежных ученых (Pines, 1984; Rutter, 1984; Werner, 1989), выделяют пять качеств, непременно присущих жизнестойкому человеку: высокая адаптивность, уверенность в себе, независимость, стремление к достижениям, ограниченность контактов.

Жизнестойкость в большой степени связана с выбором одной из альтернатив поведения человека в проблемной ситуации: придерживаться прошлого опыта, стремиться ничего не менять в своей жизни и, наоборот, пробовать новые подходы к решению проблемы, рисковать, развиваться. По мнению С. Мадди и других психологов, жизнестойкость является результатом социализации человека, и ее уровень может меняться в любом возрасте, а также под влиянием соответствующих образовательных технологий.

Исходя из этого краткого теоретического анализа, можно сделать вывод, что жизнестойкость личности имеет многоплановую структуру, которая оказывает существенное влияние на поведение человека в трудных жизненных ситуациях. И, несомненно, данная тема требует дальнейшей разработки, с целью нахождения механизмов позитивно влияющих на процесс управления трудными ситуациями и событиями, возникающими в жизни человека.

СИНДРОМ «ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ» РАБОТНИКОВ

Интенсификация жизни, социально-политические и социально-экономические изменения, которые происходят сегодня, выдвигают к работникам образовательных организаций новые, более сложные требования, безусловно влияющие на психическое состояние работников, провоцирует возникновение эмоционального напряжения, развитие значительного количества профессиональных стрессов. Одним из самых тяжелых последствий долговременного профессионального стресса есть синдром «профессионального выгорания». Вот почему сегодня все более пристальное внимание уделяется проблемам психической регуляции и управления профессиональной деятельностью и состоянием человека.

Раскрывая сущность синдрома «профессионального выгорания» и его взаимосвязь с профессиональным стрессом, следует отметить, что в наиболее общем виде синдром «профессионального выгорания» можно толковать как стрессовую реакцию, которая возникает в результате долговременных профессиональных стрессов средней интенсивности.

Анализ работы современных организаций показывает, что большинство учителей, менеджеров и работников организаций работают в достаточно беспокойной, эмоционально напряженной атмосфере, которая требует постоянного внимания и контроля над деятельностью и взаимодействием с людьми. При таких условиях, стресс вызывается огромным количеством стрессогенов, которые непрерывно накапливаются в разных сферах жизнедеятельности. Если работник реагирует адекватным, адаптивным образом, он более успешно действует и повышает свою функциональную активность и уверенность, зато дезадаптивные реакции ведут по спирали вниз, к «профессиональному выгоранию». Когда требования постоянно преобладают над ресурсами, у человека нарушается состояние равновесия. Непрерывное или прогрессирующее нарушение равновесия неминуемо приводит к «профессиональному выгоранию». «Выгорание» является не просто результатом стресса, а следствием неуправляемого стресса [1].

Следовательно, синдром «профессионального выгорания» – одно из проявлений стресса, с которым сталкивается человек в

собственной профессиональной деятельности. Это общее название последствий длительного рабочего стресса и определенных видов профессионального кризиса.

Понятие «burnout» (выгорание, сгорание) введено американским психиатром Х. Дж. Фрейденбергом в 1974 г. для характеристики психологического состояния здоровых людей, которые находятся в интенсивном и тесном общении с клиентами или пациентами в эмоционально нагруженной атмосфере при предоставлении профессиональной помощи.

Согласно подхода разных специалистов под психическим «выгоранием» понимается синдром физического, эмоционального и умственного истощения, которое оказывается в профессиях социальной сферы. Этот синдром включает три основных составляющих: эмоциональную изможденность, деперсонализацию и редукцию профессиональных достижений.

Е. Махер обобщает перечень симптомов эмоционального «выгорания»: усталость, истощение; психосоматические недомогания; бессонница; негативное отношение к клиентам; негативное отношение к самой работе; незначительность репертуара рабочих действий; злоупотребление табаком, кофе, алкоголем, наркотиками; отсутствие аппетита или, наоборот, переедание; Я - концепция; агрессивные ощущения; нисходящее настроение и связанные с ним эмоции: цинизм, пессимизм, ощущение безнадежности, апатия, депрессия; переживание чувства вины.

Причинами «профессионального выгорания», по мнению Христины Маслач, являются:

1. Существует индивидуальный предел, «потолок» возможностей нашего эмоционального «Я» противостоять истощению, противодействовать «сгоранию», самосохранению;

2. У людей разный внутренний психологический опыт, который включает ощущение, установки, мотивы, ожидания;

3. Негативный индивидуальный опыт, в котором сконцентрированы проблемы, дискомфорт, дисфункции или их негативные последствия.

Чаще всего выделяют три основных фактора, содействующих развитию или наоборот, тормозящих «выгорание». Это личный, ролевой и организационный.

К личному фактору относятся такие показатели, как возраст, пол, семейное положение, стаж, и другие.

Ролевой фактор. Сюда относятся ситуации плохо организованной командной работы: действия в большой степени не согласованы, нет интеграции усилий, конкуренция, тогда как продукт зависит от скоординированных действий всех членов команды.

Организационный фактор. В некоторых работах подчеркивается доминирующая роль этого фактора в возникновении «выгорания». Доказано, что администрация может смягчить развитие «выгорания», если обеспечит работникам возможность профессионального роста, наладит поддерживающие моменты.

В плане предотвращения возникновения «выгорания» наиболее существенные два фактора: условия наступления критических жизненных и, в частности, профессиональных событий, которые определяют достоверность их возникновения, и способы адаптации к ним. Адаптация включает психологическую защиту, мастерство, в частности профессиональное, копинг - стратегии, а также техника приспособления, аккомодации [4].

Обзор исследований по проблеме психического «выгорания» в общемировой психологической литературе показывает достаточно глубокую проработку этой проблемы на разных уровнях [2]. Чрезвычайно актуальным является направление, в рамках которого ведется разработка методик предотвращения «выгорания». Накопленный опыт может послужить хорошей основой для решения данной проблемы. Основными задачами, на наш взгляд, должны быть следующие:

- определение места феномена «выгорания» в структуре других понятий, связанных с профессиональным развитием личности; нужно отдифференцирование этого понятия от термина «профессиональная деформация»;
- адаптация существующих и возможная разработка новых методик для диагностики стресса и их апробации;
- выявление специфики возникновения синдрома «выгорания», исследования «выгорания» в профессиональной деятельности.

Некоторые авторы считают, что «выгорание» является одним из проявлений профессиональной деформации личности [3]. Другие считают, что это хотя и подобные феномены, но имеют разную природу. «Выгорание» - это чисто профессиональный феномен. Можно допустить, что негативное влияние «выгорания» на деятельность и самочувствие людей не может не проявиться в

непрофессиональных сферах жизни. «Выгорание» может возникнуть и в начале профессиональной деятельности в результате несоответствия между требованиями профессии и попыткой; личности.

В своем исследовании мы рассматриваем синдром «выгорания» как начальный этап профессиональной деформации личности.

Наличие эффективной команды является необходимым условием предотвращения выгорания. Этот фактор, является таким, которое представляет профилактику, как на ролевом, так и на организационном уровне. Только тогда, когда есть команда, можно сделать ряд профилактических шагов, которые могут существенно ослабить или исключить выгорание. Профилактические шаги: отбор членов команды; планирование работы; психодиагностика; учеба индивидуальным и групповым методикам психической защиты и возобновления сил; создание условий для личностного роста; психологический климат.

Выгорание существует, о нем надо знать и осознавать соответствующий риск, однако существуют методы предупреждения развития высших его уровней и снижения тех, которые есть. Для этого необходимы скоординированная работа социального работника в группе и самостоятельная работа над собой – как по более глубокому самоанализу своего психологического состояния так и по соблюдению ряда психогигиенических и психотехнических правил.

Литература

1. Грановская Р.М. Элементы практической психологии. СПб., 2007.
2. Бойко В.В. Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других. М.: Информ. Изд. дом. Феликс, 2006.
3. Гришина Н.В. Помогающие отношения: профессиональные и экзистенциальные проблемы // Психологические проблемы самореализации личности. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2007. С. 143-156.
4. Форманюк Т.В. Синдром «эмоционального сгорания» учителя // Вопросы психологии. 2004.-№6.-С.57-64.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ СЕМЬИ, ПЕРЕЖИВАЮЩЕЙ ПОТЕРЮ БЛИЗКОГО ЧЕЛОВЕКА

*(Выполнено при поддержке государственного контракта 02.740.11.0601
ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России»
на 2009-2013 гг.).*

В сентябре 2011 года произошло событие, которое вызвало шок: в результате авиакатастрофы в поселке «Туношна» (рядом с г. Ярославлем) практически полностью погибла хоккейная команда «Локомотив»: хоккеисты, тренерский состав, группа административной поддержки, врачи. Информация о трагедии мгновенно распространилась, и о гибели людей стало известно близким, друзьям, жителям города, многие из которых имели прямое или косвенное отношение к клубу «Локомотив»

В этой ситуации было необходимо как можно быстрее принять решение об оказании психологической помощи семьям погибших. На место трагедии выехала психологии МЧС, к работе были подключены опытные психологи, психотерапевты и психиатры Ярославля.

Предварим описание опыта оказания психологом помощи семье, переживающей утрату близкого человека (мужчины, который был для одного члена семьи – сыном, для другого – мужем, для третьего – братом, для дочери –отцом) некоторыми исходными теоретическими посылами.

В конце 1980 –х годов как отдельное направление в научной и практической психологии сформировалась кризисная психология. В рамках теории посттравматического расстройства в кризисной психологии было дано определение понятию «психическая травма». Черепанова Е.С. определяет психическую травму как событие, которое воспринимается человеком как угроза его существованию, которое нарушает его нормальную жизнедеятельность, становится для него событием травматическим, то есть потрясением, переживанием особого рода. Главное содержание психологической травмы составляет утрата веры в то, что жизнь организована в соответствии с определенным порядком и поддается контролю.

Травма влияет на восприятие времени, и под ее воздействием меняется видение прошлого, настоящего и будущего. По интенсивности переживаемых чувств травматический стресс соразмерен со всей предыдущей жизнью. Из-за этого он кажется

наиболее существенным событием жизни, как бы «водоразделом» между происшедшим до и после травмирующего события, а также всем, что будет происходить потом.

Психическая травма может стать пусковым механизмом личностного кризиса (E Lindemann, 1960, 1961; G. Caplan, 1963; G. Jacobson, 1974). Сторонники клинического подхода рассматривают кризис как состояние, возникающее вследствие воздействия на человека психотравмирующих событий. Э. Линдемманн, анализируя процесс переживания острого горя, показывает адаптивный характер этого переживания для личности. Процесс переживания автор рассматривает как последовательную трансформацию первоначально болезненных реакций горя в нормальные реакции (адекватные ситуации потери). По его мнению, продолжительность реакции горя определяется успешностью работы переживания, направленного на преодоление состояния крайней зависимости от умершего. Работа переживания завершается, когда человек приспособляется к жизни в мире, в котором нет потерянного лица, и формирует новые отношения. Э. Линдемманн акцентирует внимание на целительных свойствах психики, на наличии внутренних ресурсов, способствующих самоисцелению. Эта идея лежит в основе психологической работы с травмой.

Дж. Каплан осуществил глубокий психологический анализ эмоционального кризиса. Нарушение душевного равновесия возникает с точки зрения автора, когда индивид сталкивается с важной жизненной проблемой, от которой он не может уйти и которая не может быть решена в короткое время обычным путем.

Дж. Якобсон считает, что жизненные события могут квалифицироваться как ведущие к кризису, если они создают потенциальную или актуальную угрозу удовлетворению фундаментальных потребностей и при этом ставят перед индивидом проблему, от которой он не может уйти и которую не может разрешить в короткое время привычными способами. Разрешение кризисной ситуации возможно через риск, открытость новым возможностям и, как результат, переосмысление своего жизненного пути, своих ценностей. Другой возможный вариант разрешения кризиса состоит в сохранении жизненной ситуации в неизменности, так как любые изменения вызывают тревогу. Тревога актуализирует механизмы психологической защиты. Личностное развитие приостанавливается, в отдельных случаях «запускается» саморазрушающее поведение

Дальнейшее развитие подход к кризису с точки зрения психического здоровья получил в исследованиях посттравматического стрессового расстройства (ПТСР). ПТСР –

ориентированный подход к кризису рассматривает кризис как результат острой травмы, нанесенной извне (С. Агарков, Х.Б. Ахмедова, Е.Г. Гордеева, Е.О. Лазебная, А.В. Смирнов, Н.В. Тарабрина, М.А. Падун). В основе возникновения кризиса лежит стресс, который субъективно воспринимается как непреодолимый. Острая реакция на психологическую травму проявляется в расстройстве мыслительной деятельности, расстройстве эмоций (от поглощенности переживаниями до эмоционального оупения), утрате контроля над поведением. В рамках этого подхода кризис рассматривается как патологическое состояние, требующее экстренной помощи.

Экзистенциальный подход рассматривает кризис как своеобразную реакцию личности на ситуации, требующие от нее изменения способа бытия - жизненного стиля, образа мышления, отношения к себе, окружающему миру и основным экзистенциальным проблемам. И.Ялом подчеркивает то обстоятельство, что в процессе переживания кризиса у человека появляется возможность найти собственную позицию и выработать отношение к основным экзистенциальным данностям.

Это лишь некоторые теоретические основания, которые необходимы для проведения работы по психологической поддержке семьи, понесшей утрату. Обозначим принципиально важные моменты, которые психологу необходимо учитывать в практической работе.

– Понимание значимости психологической и психотерапевтической работы теми, кто организует комплекс мероприятий по оказанию помощи семьям, и информированность самих семей о том, что психологи приходят на помощь в такого рода ситуациях. Кроме экстренной психологической помощи, которую обязаны оказывать психологи МЧС, необходима организация сопровождения после того, как семья пережила первичную острую травматичную реакцию. Первый этап переживания утраты длится несколько часов после получения информации об утрате. Второй этап - психологическая демобилизация длится около трех-пяти суток. По данным наших наблюдений, после девятого дня после утраты, близкие начинают в полной мере осознавать тяжесть произошедшего, у них возникают состояния депрессии, тревоги, апатии и опустошенности. Перед семьей встают вопросы, как объяснить происходящее детям, как поддержать себя и близких в эти тяжелые для всей семьи моменты.

– Формирование установки и позитивной мотивации на взаимодействие с психологом. Важно осуществить ряд действий, которые помогут человеку (или семье) переживающему утрату

принять психолога. Среди них: как можно более раннее включение психолога в работу с семьей, умение представить себя, обозначить свою готовность быть рядом и сделать все возможное для семьи, способность вызвать доверие, ненавязчивость и в то же время, обоснованная ситуацией активность. Переживание горя – очень интимный процесс и присутствие постороннего человека может вызвать неоднозначные реакции. Поэтому, кроме профессиональной позиции, (глубоких знаний о сути происходящего с человеком, владения целым комплексом профессиональных умений, установки на помощь и поддержку), важно искреннее сострадание и сопереживание семье, способность выразить глубокое сочувствие людям, потерявшим близкого человека.

– Понимание происходящего с семьей в данный момент. Это предполагает определение психологического статуса каждого члена семьи. Важно понять их основные особенности, психологические характеристики, уровень стрессоустойчивости, способ переживания травмы. Если у психолога до встречи с семьей есть возможность собрать информацию о семье, характере отношений с ушедшим из жизни, актуальной ситуации в семье, это поможет выбрать оптимальную стратегию профессионального поведения.

– Пристальное внимание необходимо уделить индивидуальным способам взаимодействия семьи (человека) с ситуацией в соответствии с определенной логикой, значимостью в жизни и психологическими возможностями (Л.И. Анцыферова, Л.Ф. Бурлачук, Е.Ю. Коржова, С.К. Нартова-Бочавер, Т.Ю. Крюкова). Главная задача преодоления - удержать человека в состоянии психического равновесия, когда он попадает в ситуацию неопределенности. Необходимо опираться на значимые смыслы, которые возможно актуализировать в этой ситуации, на ресурсы, которые существуют у семьи или отдельных ее представителей: Знание сущности психической травмы и основных этапов ее переживания, а также опора на базовые принципы кризисной интервенции.

Среди них: эмпатический контакт, активность консультанта, ограничение целей и фокусированность на основной проблеме, поддержка и уважение, опора на ресурсы семьи, осуществление комплексной работы (взаимодействие с медиками, в случае необходимости – психотерапевтом, психиатром), немедленное реагирование на потребности, которые актуализирует семья в контакте с психологом.

ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ВЛИЯНИЯ СМИ НА ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

Общественное мнение играет значительную роль во всех сферах жизнедеятельности общества, ибо является способом формирования и проявления сознательности гражданского общества. Данную проблему исследовали такие зарубежные ученые, как П. Бурдьё, Б. Берельсон, Дж. Геллап, П. Лазарсфельд, Г. Лассуэл, Ф. Олпорт.

Е. Бернайз называл общественное мнение понятием, которое описывает едва уловимую, подвижную, нестойкую совокупность индивидуальных суждений [4]. Публичная сфера, где рождается и кристаллизуется общественное мнение и есть в буквальном смысле «разговаривающей структурой».

Публичная сфера воссоздается коммуникативными действиями, направленными к взаимному пониманию участников. Коммуникация является одним из способов распространения информации и потому характеризуется как «особый тип взаимодействия, который складывается в связи с процессами передачи информации».

Следует подчеркнуть, что каждой политической системе свойственна своя сеть политической коммуникации, в соответствии с ее возможностями и уровнем развития. Достаточно точным представляется замечание известного украинского ученого А. Чичановского: «Если рассматривать общественную систему как целое, а политику (политическую сферу) как подсистему общества, то необходимо говорить, что именно институт власти является важнейшим источником информационной продукции. Понятие «органы власти» и «власть» можно рассматривать как синонимы. Ибо власть аккумулируется во властных органах и оттуда же выходит».

От особенностей коммуникативного процесса во многом зависит эффективность политической системы, ее способность адекватно реагировать на внешние влияния. Политические события в Украине последнего десятилетия свидетельствуют о том, что властные коллизии (бесславный конец правления президента Л.Д. Кучмы, крах идеалов «оранжевой революции») происходили, частично, вследствие недооценки властью действенности политических коммуникаций.

Рассматривая политику с точки зрения информационно-коммуникативных связей, мы понимаем ее в качестве социального целого, структуры и институты которого предназначены для разработки, получения и переработки информации, что обусловлено осуществлением политическими субъектами своих ролей и функций.

К механизму политической коммуникации можно отнести: политических агентов, официальные институты государства, СМИ, корпоративные структуры, PR – компании, а также политические акции-митинги, демонстрации, манифестации.

Мифотворцем, по Барту, может быть государство, политическая партия, другие влиятельные субъекты политического пространства, но в каждом случае способные создавать политические мифы или в терминах П. Бурдьё, устанавливать номинации с необходимым условием и атрибутом политической власти [1, с.131-141].

Наиболее важным инструментом реализации политических стратегий, на информационном рынке есть СМИ. В западной социологии все более широкое распространение получает мнение, что средства массовой информации предлагают обществу не только информацию, но и идеи и мировоззрение (Дж. Горбнер, Дж. Б. Томсон, Дж. Райн). По мнению Г. Лассуэлла, деятельность средств массовой информации была направлена на усиление политического образования населения, на осознание им своих интересов в сфере власти.

Наряду с возрастанием значения СМИ для политически правящего класса, они являются эффективным посредником в отношениях населения и власти, инструментом в системе социального представительства интересов граждан.

Не случайно, по выражению Дж. Уеделла, роль средств массовой информации «постоянно находится в конфликте с властью и собственниками имущества» [3, с. 22-28].

Социологические исследования показывают, что почти 90% граждан Украины формируют свои представления об экономике, общественных отношениях и принимают решения, исходя из полученной с телевизора информации. Печатные СМИ и Интернет также играют важную роль в этом, так в 2008 году разосланных e-mail было в 240 раз больше, чем писем, пришедших через обычную почту [2, с. 2].

Масс-медиа имеют особые функции в политических процессах:

- артикулируют образы социальной структуры, социальной дифференциации, ценности социального размежевания или, наоборот, эгалитаризма;
- транслируют и культивируют имидж социальных страт и статусов, способствуют или препятствуют возрастанию их престижа;
- закрепляют старые или репрезентуют новые стили общения между индивидами и группами социального взаимодействия.

Следует обратить внимание на взаимодействие и зависимость масс медиа и других социальных институтов: масс медиа подпадают под контроль со стороны института власти, они подвергаются давлению со стороны экономических структур, капитала; на массовую коммуникацию влияет и институциональная культура, которая санкционирует трансляцию узаконенных ценностей, норм. Сложные отношения масс-медиа с общественным мнением. Несмотря на представления о СМИ как выразителе общественного мнения, общественность не упускает возможности влиять на них. Жизненно важным для масс-медиа является учет информационных, коммуникативных, релаксационных потребностей и интересов аудитории.

Российский социолог С. Фролов выделяет три основные разновидности действия социального контроля: через социализацию, через добровольное принятие индивидом норм и стандартов поведения, распространенных в его окружении; через принуждение, угрозу применения негативных санкций со стороны общностей. Как утверждают эксперты центра исследований гражданского общества, 52,3% опрошенных считают, что в Украине есть свобода слова, но 68,7% утверждают, что не доверяют СМИ, а еще 61,2% хотели бы возвращения цензуры на телевидение. Ибо свобода слова превращается в профанацию. Причинами этого являются:

- Манипулятивность как следствие чрезмерного «потребления» свободы слова. Как подчеркивает российский политолог С. Кара-Мурза, человек современного городского общества зависит от телевизора.
- Отсутствие ответственности за информацию, предоставляемую СМИ. На практике в Украине большинство функций СМИ не реализуется: просвещение как функция вырождается в подачу или сухого фактажа, или поднесение «жареных» фактов. Экспертные оценки давно стали прибыльным бизнесом, критическая же функция неимоверно усилилась и стала

доминирующей. Естественно, что коммуникативная функция превратилась исключительно в элемент маркетинга и скрытой рекламы.

Кризисные PR-коммуникации применяются в том случае, если организация, учреждение оказывается в центре внимания общественности и СМИ, причем внимание это совсем не доброжелательное. Реакция на события будет носить реактивный характер, в то время как PR-коммуникации в обычное время носят больше проактивный характер, где ведущей стороной выступает сам пиарщик. Кризисным коммуникациям в политике свойственен особый характер, поскольку политический PR по своей природе имеет огромное количество кризисных черт, поскольку политик всегда пребывает в центре внимания медиа, и не может быть уверенным в лояльности СМИ.

Масс медиа пресса, радио, телевидение – по сути конструируют политическую сферу как коммуникацию между политическими элитами, экспертами, комментаторами и объединенными в аудитории изолированными индивидами.

В сравнении с телевидением и прессой, радио – менее заангажированный способ информирования граждан. Однако специфика заполнения радио эфира определяется логикой принесения прибыли владельцу. В таких условиях прогрессирует популярность Интернет-изданий, тем не менее говорить о полной их независимости от определенных политических сил также было бы некорректным.

Итак, общественное мнение – важный партнер государства, СМИ, других политических субъектов, заинтересованных в расширении своей политической поддержки.

Литература

1. Бурдые П. Спрос и предложение общественного мнения / П. Бурдые // Социология политики: пер. с фр. Г.А. Чередниченко; сост, общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. – М.: Soeio-Zogos, 1993 – С.131-141.
2. Рыбачук М.В. Профанация свободы слова / М.В. Рыбачук // 2000. – 2009. – 3 июля. – С. 2
3. Уэделл Дж. Законодательство, регулирование, определяющее место и роль средств массовой информации / Дж. Уэдел // Межд. жизнь. – 1993. – №10. – С. 22-28
4. Bernays Edward. Crystallising Publik Opinion / Edward Bernays. – N.V., 1961. – 160 p.

АГРЕССИВНАЯ КОНГРУЭНТНОСТЬ ЛИЧНОСТИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Современное понимание психологической безопасности личности весьма многообразно и находится в спектре психофизиологического, психологического и социально-психологического уровней. Проблемное поле психологической безопасности традиционно включает обеспечение защиты от внешних воздействий на удовлетворение базовых потребностей личности, сохранение ее психологического здоровья, создание условий для душевного равновесия, оптимального функционирования и развития человека. В последнее время, в условиях глобализации и тотальной технологизации общества, особенно актуализируются проблемы информационной, социально-коммуникативной и психологотехнологической безопасности. То есть фактически, психологическую безопасность личности можно рассматривать также и как своеобразную психологическую защиту от агрессивных воздействий окружающей среды и социума. В этой связи представляется важным дальнейшее изучение феноменов проявления агрессивности человека.

Агрессия для подавляющего большинства людей с детства знакомая эмоция и чувство, при чем чаще ассоциирующееся с нападками из вне. Пожалуй, не найдется ни одного человека, который не испытывал бы на себе, либо внутри себя неукротимую силу агрессивного состояния. В науке и жизненной практике традиционно агрессию относят к негативным эмоциональным проявлениям, как поведение или действие, направленное на нанесение физического или психического вреда другим людям. Спектр проявления агрессии весьма широк: от локальных и мировых войн, массового уничтожения людей и инфраструктуры (объектов) цивилизации, до индивидуального физического или морального подавления, громких оскорбительных выражений в отношениях между людьми, сарказма, иронии, насмешки, а иногда и очень «тонких» приемов унижения, манипуляции и давления на личность.

В тоже время, опираясь на базовые принципы психологии системности и детерминизма, следует отметить, что уникальный мир взаимообусловленных и взаимосвязанных психологических проявлений и феноменов человека представляет собой

согласованность между собой всех без исключения элементов системы именуемой психикой. А значит все проявления внутренних закономерностей и факторов функционирования психики изначально конгруэнтны (соразмерны и соответственны) объективным условиям развития психики и ее взаимодействия с внешней средой. В связи с этим, агрессия это закономерные проявления конгруэнтности человеческой психики и поэтому не может рассматриваться только как исключительно негативное явление. Если абстрагироваться от гуманистических и социально-нравственных критериев, то агрессия представляется как уникальный феномен, значение которого в развитии психики человека, как в онтогенезе, так и в филогенезе трудно переоценить.

Поистине все в человеке диво – и гнев и разум и любовь. Что же собой представляет феномен агрессии? В научном дискурсе проблема агрессии до сих пор не получила однозначного трактования. В центре психоаналитического учения З. Фрейда представление о человеке как энергетической системе, в которой энергия либо течет свободно, либо находит обходные пути, либо накапливается, как вода перед плотиной. По мнению З. Фрейда сильно выраженное стремление к агрессии составляет существенную часть человеческих инстинктов [1]. Культура направляет эту агрессивную энергию в приемлемое русло (армия, спортивные соревнования), ставит запреты в виде законов и моральных норм. И тогда одно из двух – либо сублимация этой энергии, то есть превращение ее в высшие стремления, одобряемые обществом (хирургия, живопись и т.д.), либо подавление и постоянный контроль за своим поведением [1]. Согласно К. Лоренцу, агрессия проистекает из врожденного инстинкта борьбы за выживание. Он считал, что агрессивная энергия генерируется в организме спонтанно, непрерывно накапливаясь с течением времени и выливается в действие в ответ на определенные сигналы извне [2].

Э. Фромм разделял агрессию на «злокачественную» и «доброкачественную». Биологически неадаптивная, злокачественная агрессивность (т.е. деструктивность и жестокость) не является защитой от нападения или угрозы, она не заложена в филогенезе и является спецификой только человека, так как приносит биологический вред и социальное разрушение. Главные ее проявления – убийства и жестокие истязания – не имеют никакой иной цели, кроме получения удовольствия. Биологически адаптивная (доброкачественная) агрессия - реакция на угрозу

витальным интересам индивида, заложена в филогенезе, свойственна как животным, так и людям, и носит взрывной характер, возникает спонтанно как реакция на угрозу, а следствие ее – устранение либо самой угрозы, либо ее причины. Примеры «доброкачественной» агрессии: а) псевдоагрессия – действия, в результате которых может быть нанесён ущерб, но которым не предшествовали злые намерения, а именно: непреднамеренная агрессия; игровая агрессия; агрессия, как самоутверждение; б) оборонительная агрессия – как фактор биологической адаптации (агрессивность, как приём вытеснения страха, результат опасности лишения свободы, реакция на попытку лишения иллюзий, инструментальная агрессия и т.п.); в) экзистенциальные потребности человека и различные укоренившиеся в его характере страсти (ценностные ориентации, идеалы, чувство единения, творческие способности, возбуждение, структура характера и т.п.) [3].

Таким образом, объяснение природы агрессии вполне справедливо базируется на двух полярных и в тоже время взаимосвязанных позициях. Первая восходит к миру человеческих инстинктов, вторая коренится в человеческом характере, в человеческих страстях. И если инстинкты категория чисто физиологическая, врожденная, то страсти, укорененные в характере человека - категория социобиологическая и историческая. Характер - фундамент человеческого интереса к жизни и ее продукт, основа человеческого бытия и реализации жизненной стратегии.

По нашему мнению, если соотношение инстинктивной природы агрессии не конгруэнтно ее характерологической природе возникает личностная диспропорция, которая в одном случае, проявляется в патологической склонности к насилию, чрезмерной жестокости, садизме и т.п., а в другом случае - в слабоволии, малодушии, уступчивости, нерешительности, неуверенности, дефиците таких качеств как твердость, целеустремленность и настойчивость.

Вообще в психологии понятие конгруэнтности достаточно распространенное. Термин конгруэнтности личности, введенный К. Роджерсом, подразумевает меру соответствия «Я-реального» «Я-идеальному» и имеет непосредственное отношение к «Я-концепции». В широком смысле конгруэнтность – это целостность, самосогласованность личности вообще. С конгруэнтным человеком очень приятно общаться, когда он конгруэнтен в своем проявлении дружелюбия. Но конгруэнтность также может проявляться и в

проявлении гнева, агрессии. В этом случае подразумевается, что мотивы поведения такого человека адекватны, сложившимся жизненным обстоятельствам, а агрессия носит исключительно конструктивный характер.

На самом деле, агрессия - мощная движущая сила. Феномен агрессии заключается в том, что у нее нет ни положительного, ни отрицательного значения. Это значение придают ей наши действия, а это значит, что мы сами являемся ее хозяевами. И именно агрессивная конгруэнтность личности обеспечивает ее полноценную физическую и психологическую безопасность, защиту интересов и ценностей. Агрессивная конгруэнтность личности является необходимым условием самоутверждения личности в социуме, ее самореализации в личностной, профессиональной и других сферах. Иногда, агрессия может быть средством проверки человека на прочность. Личностный имидж зависит равно как от умения «держат удар» и способности выстоять против агрессивного поведения, так и от «агрессивного статуса» личности. Под агрессивным статусом личности понимается взаимосвязь оценок уровня личностной агрессивности и положений индивида в системе межличностных отношений. Эта интегральная характеристика личности, определяющая способность к активной защите и нападению, а также составляющая личностной системы психологической безопасности.

Дальнейшие исследования феноменов агрессивной конгруэнтности личности и ее агрессивного статуса позволят как разрабатывать и внедрять эффективные практические методики противостояния и регуляции агрессии, превращения ее из примитивной в дифференцированную и последующую конструктивную реализацию, так и в целом способствовать разработке технологий обеспечения психологической безопасности.

Литература

1. Фрейд З. Психология бессознательного / З. Фрейд. – СПб.: Питер, 2006. – 391 с. – (Серия «Мастера психологии»).
2. Лоренц К. Агрессия (так называемое «зло») / К. Лоренц. - М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. - 272 с.
3. Фромм Э. Психоанализ и этика / Э. Фромм. – М.: Республика, 1993. – 415 с.

РЕЗИЛИЕНЦ-УСТОЙЧИВОСТЬ И СОДЕЙСТВИЕ РЕЗИЛЬЕНТНОСТИ НА ЭТАПАХ ОБЩЕСТВЕННЫХ КРИЗИСОВ

Центр Этики и исследования бедности университета Зальцбурга (ZEA) и международный Центр исследований социальных и этических вопросов (ifz) с 2009 года работают над темой «Резильенц». Такое положение личности (людей), как бедность и безработица, трактуются научными сотрудниками и сотрудницами ZEA/ifz, как кризисы, которые необходимо преодолеть.

Под словом «резилиенц» понимают *ряд способностей, которые помогают преодолеть кризисы и содействуют человеку в том, чтобы он вышел из жизненных кризисов сильной личностью.* Межотраслевая обработка этой темы осуществляется в проекте с точки зрения таких дисциплин, как философия, патристика, культурология, политология, социальная география, теология. На начальном этапе исследовательского процесса были приложены усилия в поиске общего представления, обозначенные в современной литературе, как факторы резильентности. Следующим шагом было применение теории на практике. Некоторые из познаний и примеров из практики будут коротко приведены в тексте.

От индивидуального кризиса к общественным изменениям. Большое внимание отводится индивидууму в актуальной немецкоязычной специальной литературе, а также в психологии и педагогике. В ZEA/ifz мы интересуемся не только резильентностью индивидов, но также организациями (например предприятиями), обществами, которые проходят этапы кризиса. По этой причине, мы стараемся работать не только с современной специальной литературой, но и возвращаться к патристическим текстам (творение святых отцов) о душевной энергии, а также о её актуальности в современном мире. Древнехристианское мышление, а также современная философия бытия характеризуется тем, что человек в своих страданиях и обнадёживающих ситуациях действительно в состоянии познать самого себя и при этом воспринимать контуры своего бытия в его универсальности.

Описанный в духовных текстах процесс резильентности, как «исцеление», начинается с изменения точки зрения индивидуума в

кризисной ситуации. Это изменение точки зрения может осуществляться с помощью различных методов. Посредством беседы с психотерапевтом, духовного лица, (или, как описано в древнехристианских текстах, с отцами-пустынниками (Абба) и матерями-пустынницами (Амма) отшельники, аскеты), или с помощью художественного разъяснения кризисной ситуации.

Частин Аллайн Чепмэн описывает в своём тексте значение понятия резильентности в службе церковного душепопечительства, процесс изменения точки зрения от индивидуального уровня к альтруизму, который в конечном итоге ведёт к тому, что человек становится способным влиять на общественные изменения.

Усиление резильентности. Если мы рассматриваем кризис, как ситуацию в которой человеку (организации, обществу) не предоставлена стратегия действий для преодоления ситуации, то тогда важным результатом резильентности станет её усиление, восстановление дееспособности и одновременно создание возможности действовать, которая прежде не была предоставлена. В связи с этим, такие понятия, как культура, искусство и творчество имеют особое значение. Именно поэтому во взаимосвязи с кризисом бедности, очень важно не только обеспечить человека материальными благами, но и изменить отношения этого человека к благу, что означает расширить его возможности использования этих благ, изменить определённые правила, которые до сих пор определяли его сосуществование («культуру», в широком смысле этого понятия), для создания свободы действий. Эти правила, которые ограничивают свободу действий, должны быть глубоко изучены. Процесс глубокого изучения свободы действий может быть разработан путём культурно-просветительной работы («культуры» в узком понятии). Но каким образом возможно эти мысли применить на практике?

Приведём два примера из практики

1. Опыт, накопленный актёрами в работе над темой "Бедность" и социальная эксклюзия, показал, что партиципация „пострадавших“ создаёт не только сознание в публике, но также укрепляет их резильентность. По этой причине с марта 2011 года в ZEA осуществляется проект с "пострадавшими" беженцами, в котором проводится работа во взаимодействии с людьми из области искусства, например с режиссёром-документалистом и с научным сотрудником. Похожая работа была успешно проведена с другой группой в форме театрального проекта, работающей с несовершеннолетним беженцем. Также существует успешная

актёрская кооперация с людьми с ограниченными физическими и умственными способностями.

2. В регионе со слабой инфраструктурой федеральной земли Зальцбурга, насчитывающей в общем 21 тысячу жителей, в этом году (2011) осуществляется проект под названием «Tu was, dann tut sich was» («Действуй, и что-то изменяется») в форме «социального фестиваля» для поддержки и ободрения населения региона в нахождении длительных решений социо-экономических проблем, которые также негативно влияют на психологическую ситуацию населения. В рамках трёх конкурсов у жителей региона была возможность внести свои идеи, которые должны были помочь им в улучшении человеческого сосуществования. В сопровождении научных сотрудников ZEA/ifz и финансовой поддержки некоторых частных фондов многие идеи проекта были осуществлены. Это проект не только укрепляет дееспособность людей, проживающих в регионе, но и способствует укреплению социальных контактов, а также развитию идентичности. Среднесрочным изменениям посредством социального фестиваля будет отведено должное внимание в рамках диссертации.

Резюме. Речь идёт о проектах, осуществляющихся в настоящее время и которые успешно развиваются. С результатами относительно возможности укрепления резильентности и преодоление кризисных ситуаций необходимо повременить. Тем не менее, я считаю целесообразным, касательно претворения этих идей в других кризисных ситуациях и кризисных регионах, тщательно продумать. Возможно, таким образом, можно оказать поддержку процессу мирного сосуществования.

Литература

1. Bucher, Anton A., Kinder, die sich nicht biegen lassen. Psychologische Skizzen zur Resilienz. In: Sedmak, Clemens et al. (Hg.), Der Capability-Approach in sozialwissenschaftlichen Kontexten. Überlegungen zur Anschlussfähigkeit eines entwicklungspolitischen Konzepts. Wiesbaden: 2011. 187–202.
2. Chapman, Justine A., From Adversity to Altruism and Beyond: John Cassian prescribes a process of resilience. In: Bogaczyk-Vormayr, M./Sedmak, C. (Hg.), Patristik und Resilienz. Berlin 2011/12. (in Vorbereitung)

ТЕАТРАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ФАКТОР ПРОФИЛАКТИКИ СОЦИАЛЬНЫХ ОТКЛОНЕНИЙ И СОЗДАНИЯ БЕЗОПАСНОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СРЕДЫ

К социальным отклонениям в поведении молодежи мы относим алкоголизм, наркоманию, игроманию, насилие в семье и в школе, то есть все то, что мешает нормальному сосуществованию гражданина с окружающим его социумом.

Сегодня много методов профилактики социальных отклонений и девиантного поведения молодежи – какие-то из них более эффективны, какие-то менее эффективны.

Мы сегодня предлагаем новое направление профилактики социальных отклонений у детей и молодежи – это театральные технологии работы добровольцев-волонтеров. Суть технологий – в проигрывании волонтерами жизненных ситуаций и в последующем обсуждении увиденного со зрителями, которые могут задавать вопросы тому или иному сценическому герою, посоветовать или высказать свое мнения по данной ситуации.

Зритель имеет возможность осознать те проблемы, которые стоят перед отрицательным персонажем, задается вопросом о своем собственном поведении в описываемой ситуации. Технология работает по принципу «равный – равному», когда молодые люди (волонтеры) в процессе сценического опыта ищут вместе со своими сверстниками выходы из разыгрываемых ситуаций, которые они предпочтительно выбирают из собственного опыта.

Театральные технологии позволяют через эмоциональное отреагирование опыта, проигрываемого на сцене, осознать значимость тех социальных ситуаций, которые сегодня переживают молодые люди, получить некоторый смоделированный актерами-волонтерами позитивный вариант решения собственных проблем, экстраполировать этот опыт в собственную реальность.

В настоящее время театральные технологии активно внедряются в Дагестанском государственном педагогическом университете совместно с дагестанским отделением Всероссийского общественного фонда «Нет алкоголизму и наркомании». Сформировано ядро студенческого актива, работающего в этом направлении. Определился и круг социальных ситуаций, уже разыгранных студентами ДГПУ:

1. Суицидальные попытки у девушек, оказавшихся в трудной жизненной ситуации;
2. Межличностные отношения в неполных семьях;
3. Взаимоотношения между молодыми супругами;
4. Девиантное поведение детей из социальных учреждений (детдомов и интернатов);
5. Подростковый алкоголизм и наркомания;
6. Проблемы семейного общения у молодых пар, находящихся в бесплодном браке;
7. Безразличие и безучастность прохожих к людям, потерявшим сознание на улице из-за проблем со здоровьем.

Фактически круг театрализованных волонтерами проблем может быть весьма обширен. В зависимости от личного опыта добровольцев-волонтеров, участвующих в сценическом действии и их стремления найти выходы из ситуаций, которые они, возможно, и не пережили, но хотели бы обсудить со зрителями.

Разыгрываемые ситуации могут и не нести негативного контекста, а быть направлены на формирование позитивного мировоззрения молодежи. При этом на сцене демонстрируются положительные образцы поведения, которые в дальнейшем обсуждаются со зрителями. Следует отметить, что по степени эмоционального воздействия, они гораздо меньше заинтересовывают юного зрителя, поэтому, обычно, позитивная ситуация работает только в совокупности с двумя-тремя негативными.

На наш взгляд, театральные технологии могут быть использованы при проведении медиации школьных конфликтов, так как позволяют всем участникам конфликта увидеть со стороны собственное поведение и проанализировать его влияние на другие стороны, что, собственно, и составляет первый этап примиренческого (медиаторного) процесса.

ФОРМИРОВАНИЕ ФУНДАМЕНТАЛЬНОГО ПЕРЕЖИВАНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ

Проблема безопасности чаще всего рассматривается в контексте жизнедеятельности взрослого человека, мало внимания уделяется личностным predisпозициям, определяющим оценку ситуации опасности, которые формируются в детском возрасте. Переживания безопасности связаны не только с ситуационными факторами, но также и с личностными – со смыслом ситуации для личности. Развитие личностных predisпозиций, определяющих оценку опасности, в существенной степени связано с формированием в детстве базисной опоры безопасности (Боулби, 1962, 1966).

Действительно, опыт, который формируется у ребенка в первые годы жизни, в значительной степени влияет на то, что он впоследствии ожидает от окружающих людей и как к ним относится. Исследования показали, что хорошо адаптированные к жизни мужчины, с одной стороны, инициативны, уверены в себе, а с другой стороны, способны как к поиску помощи, так и к использованию помощи, когда этого требуют обстоятельства. Выяснилось, что они росли в семьях, в которых отмечались тесные эмоциональные связи, солидарность; родители обеспечивали своих детей поддержкой и одобрением.

Процесс сепарации осуществлялся постепенно, без принуждения и резких разрывов. Во многих других исследованиях было обнаружено наличие прочной семейной основы – основы для психологически комфортного выхода из семьи. Типичным в таких семьях у детей является ощущение полной безопасности рядом с матерью и в то же время сильная идентификация с отцом. На основе этих исследований можно сделать выводы о том, что как уверенность в своих силах, так и способность опираться на других людей, формируются в семье и основываются на привязанности к вызывающей доверие фигуре. Фигура привязанности может рассматриваться как персональная функция, обеспечивающая ребенка безопасной основой, исходя из которой он может действовать. Прочные привязанности развиваются постепенно, по мере того как родители взаимодействуют с младенцем и адекватно реагируют на его сигналы. Наличие прочной привязанности является основой для чувства безопасности, инициирует отделение

ребенка и является основой для исследования окружающего мира. Система безопасности у ребенка формируется на основе двух факторов. Первый фактор – присутствие или отсутствие (частичное или тотальное) заслуживающей доверие фигуры, желающей и способной обеспечивать ту безопасную личную основу, которая требуется на каждой фазе жизненного цикла. Вторым фактором – это понимание того, когда другой человек заслуживает доверия и готов обеспечить безопасную основу и сотрудничество.

Если ребенка воспитывают уверенным в своих собственных силах, но в то же время доверчивым и сотрудничающим с другими людьми, то психоаналитики говорят, что у него формируется сильное Эго. Тогда у ребенка имеется «базисное доверие» и «зрелая зависимость». Он строит репрезентативную модель себя как способного помогать самому себе и способного принимать помощь других в случае необходимости.

Боулби не соглашается с теорией вторичного влечения З.Фрейда и трактовкой опасности как избыточной стимуляции. Боулби связывает феномен привязанности с инстинктивным поведением, а не с влечением, потребностью. Привязанность дает возможность ребенку перенять от матери различные виды деятельности, необходимые ему для выживания.

Отношения привязанности важны как для развития будущих взаимоотношений, так и играют решающую роль в снижении тревоги, которая у ребенка возникает в стрессовых ситуациях. Так семья и, в частности, мать обеспечивает ребенка базисным чувством защищенности, безопасности при взаимодействии его с окружающим миром. Чувство привязанности имеет свои сензитивные периоды.

Исследования показали, что в первые недели после рождения привязанность находится на низком уровне, в дальнейшем она возрастает, и к концу первого полугодия у малыша уже имеются определенные элементы поведения привязанности. Это позволяет предположить, что период с четвертого по шестой месяц жизни является периодом повышенной чувствительности к развитию привязанности. Это поведение часто значительно позже возникает у детей, которые растут в детских домах.

Данные исследований так же показали, что если имеются хотя бы минимальные необходимые социальные условия, то готовность к образованию привязанности может сохраниться, по меньшей мере, до конца первого года жизни. Главная причина того, что условия для развития привязанности становятся менее

благоприятными после шести месяцев, заключается в том, что растет готовность к возникновению реакций страха.

У ребенка страх контакта с незнакомым человеком (когда его берут на руки или трогают его) появляется раньше страха при виде незнакомого человека. Фридман и Эйнсворт отмечают, что развитие привязанности и возникновение реакции страха взаимосвязаны, и пик страха чаще всего наступает на втором году жизни, хотя зависит от конкретных условий жизни. Так, находясь на коленях у матери, начиная с восьми месяцев, ребенок использует мать в качестве надежной защиты при изучении окружающего мира, и с этого же времени негативные реакции на незнакомых людей являются наиболее сильными. Страх разлуки и боязнь незнакомых людей – это две разные, хотя и связанные формы поведения. Эффективное развитие привязанности создает у ребенка «базисную опору безопасности», позволяющую стойко переносить ситуацию разлуки и преодолевать страх окружающих людей, что детерминирует переживание безопасности у взрослого человека.

Мазилев В.А. (г. Ярославль)

ТОЛЕРАНТНОСТЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА И ЕГО СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Проблема социально-психологической безопасности как общества в целом, так и отдельных профессиональных сообществ в настоящее время актуальна, многогранна и, необходимо это признать, явно недостаточно исследована. Под безопасностью в рамках настоящей статьи (в соответствии с определенным направлением работы конференции) будет пониматься минимизация внешних и внутренних факторов, представляющих угрозу психосоциальному здоровью и жизни человека.

Данная статья посвящена анализу некоторых аспектов социально-психологической безопасности, характерных для научного сообщества профессиональных психологов. Возникает некоторый парадокс, связанный с тем, что психологи, активно изучая различные процессы в самых разных сообществах, часто упускают то, что имеет место в их профессиональной среде. Сошлемся в данном случае на авторитетное мнение А.В.Юревича, который отмечает, что «термин «рефлексия» – одно из наиболее популярных понятий психологической науки. Однако, известная

формула «сапожник ходит без сапог» применима и в данном случае: активно применяя этот термин и изучая различные виды рефлексии, психологическая наука испытывает дефицит рефлексии, обращенной на саму эту науку» [6, с.5].

Автор поясняет, что «саморефлексия науки не сводится только к ее методологической рефлексии. К основным разделам науковедения как науки о самой науке, т.е. о ее саморефлексии, принято относить не только философскую методологию науки, но также социологию науки, психологию науки, экономику науки, организацию науки, научную политику, наукометрию и др., а ее саморефлексия, выстроенная в рамках лишь одного из этих направлений, обречена на заведомую неполноту и односторонность» [6, с.5]. Представляется, что А.В. Юревич прав – саморефлексия современных психологов недостаточна. Ниже мы остановимся на одном из проявлений недостаточности такого рода рефлексии.

Обратимся вначале к современному состоянию самой психологической науки. Видимо, Карл Юнг был прав, утверждая, что время глобальных теорий в психологии еще не наступило. Хотя с тех пор прошло более полувека, ситуация принципиально не изменилась. Возможно, научным психологам стоит переменить ориентацию своих разработок – вместо попыток создания глобальной «супертеории» перейти к «нормальной» работе по упорядочению, соотнесению уже добытого знания. Представляется, что научная психология в полной мере еще не осознала реальных размеров того богатства, которое накоплено предыдущими поколениями научных психологов и действительно существует. Правда, для того, чтобы это осознать, необходимо изменение установки.

В психологии действительно накоплено огромное количество научного материала, выдвинуто множество гипотез и теорий, сформулировано много концепций. Главная проблема состоит в недостаточном реальном взаимном соотнесении различных подходов и теорий. Особенно важно подчеркнуть, что дело не только в «нежелании» психологов вступать в научную коммуникацию (что, заметим, тоже представляет собой немалую проблему), но и в отсутствии реального методологического аппарата, позволяющего произвести такого рода соотнесение. О разработке аппарата скажем несколько позже, а пока обратимся к проблеме отношения психологов к работам коллег.

Нами было проведено исследование, которое показало, что в этом отношении не все обстоит благополучно. Выявлено, в частности, что у исследователей доминируют установки на получение нового, оригинального научного продукта. Реальные интегративные установки выражены минимально. Наибольшую ценность в работах их коллег (в глазах самих исследователей) имеют позитивные ссылки на собственные работы и использование полученных результатов другими учеными. Интересно, что хотя реально интегративные установки выражены минимально, на уровне деклараций процессы интеграции в психологии самими психологами оцениваются чрезвычайно позитивно.

На пути интеграции есть существенные психологические препятствия, имеющие корни в представлениях психологов-исследователей. Главное состоит, собственно говоря, в необходимости изменения методологических установок самих психологов. Неявные, часто не осознаваемые самими исследователями представления о развитии психологической науки работают против интеграции. Поясним это. Согласно широко распространенным представлениям, развитие науки (в нашем случае – психологии), идет от частной теории к построению более общей.

Таким образом, «более развитая» концепция «отменяет» («снимает», как часто выражаются в своих отчетах психологи-исследователи) предыдущую (в наших исследованиях, в которых принимали участие известные психологи, интервьюируемые приводят убедительные примеры, характеризующие их научное мировоззрение: теория Эйнштейна «обобщила» ньютоновскую физику, часто встречаются ссылки на гегелевскую модель развития через отрицание и т.д.). В результате научный психолог нацелен на создание общей «универсальной» теории. Известное описание Выготским пяти стадий «развития объяснительных идей» (при всей карикатурности) оказывается достаточно адекватным и для сегодняшней науки.

В современной психологии доминирует установка на «поиск отличий» (заметим, эффективно поддерживаемая существующими научными нормами: даже от курсовой работы (не говоря уже о диссертациях) требуется научная новизна, в результате чего очень легко употребляется слово «впервые»), что в немалой степени способствует чисто «вербальному» творчеству (вспомним Гете: «Из голых слов, ярьась и споря, возводят здания теорий...»). Психологи

привыкают рассматривать работы других лишь как предшествующие осуществлению «собственного» синтеза.

Чтобы описанное не показалось сгущением красок, приведем фрагмент из яркой статьи А.В.Юревича. Прошлое психологии «обычно предстает как скопление ошибок, нагромождение артефактов, паутина тупиковых направлений исследования или, в лучшем случае, как беспорядочное накопление феноменологии, которое по отношению к психологии грядущего призвано сыграть ту же подготовительную роль, какую философия сыграла по отношению к науке. Именно в силу такого отношения к прошлому психологическое знание не кумулятивно, а любое новое направление психологической мысли уверенно отметаёт все предыдущие, видя в них только «кладбища феноменологии», фон для оттенения своих достоинств и иллюстрации чужих ошибок» [7, с.13].

По нашему мнению, прежде всего, необходимо преодолеть одно существенное психологическое препятствие. Связано оно, как ни покажется странным, с тем методологическим влиянием, которое оказали на сознание многих современных психологов-исследователей работы знаменитого методолога науки Томаса Куна. Мы имеем в виду широкий резонанс, который получили известные высказывания выдающегося историка и философа науки о несоизмеримости научных теорий. (Ниже мы приведем – да простит нас читатель – несколько обширных цитат из работы Т.Куна. Курсив в этих цитатах везде мой – В.М.) «Мы уже рассмотрели несколько различных причин, в силу которых защитникам конкурирующих парадигм не удастся осуществить полный контакт с противоположной точкой зрения.

Вместе взятые эти причины следовало бы описать как несоизмеримость предреволюционных и послереволюционных нормальных научных традиций, и нам следует здесь только кратко резюмировать уже сказанное. Прежде всего защитники конкурирующих парадигм часто не соглашаются с перечнем проблем, которые должны быть разрешены с помощью каждого кандидата в парадигмы. Их стандарты или определения науки не одинаковы» [1, с.221]. Томас Кун продолжает: «Однако речь идет о чем-то большем, нежели несоизмеримость стандартов. Поскольку новые парадигмы рождаются из старых, они обычно вбирают в себя большую часть словаря и приемов, как концептуальных, так и экспериментальных, которыми, которыми традиционная парадигма ранее пользовалась. В рамках новой парадигмы старые термины,

понятия и эксперименты оказываются в новых отношениях друг с другом. Неизбежным результатом является то, что мы должны назвать (хотя термин не вполне правилен) недопониманием между двумя конкурирующими школами» [1, с.222]. По Куну, существует и «третий и наиболее фундаментальный аспект конкурирующих парадигм. В некотором смысле, который я не имею возможности дальше уточнять, защитники конкурирующих парадигм осуществляют свои исследования в разных мирах» [1, с.224]. Т.Кун резюмирует: «Работая в различных мирах, две группы ученых видят вещи по-разному, хотя и наблюдают за ними с одной позиции и смотрят в одном и том же направлении. В то же время нельзя сказать, что они могут видеть то, что им хочется. Обе группы смотрят на мир, и то, на что они смотрят, не изменяется.

Но в некоторых областях они видят различные вещи, и видят их в различных отношениях друг к другу. Вот почему закон, который одной группой ученых даже не может быть обнаружен, оказывается иногда интуитивно ясным для другой. По этой же причине, прежде чем они смогут надеяться на полную коммуникацию между собой, та или другая группа должна испытать метаморфозу, которую мы выше называли сменой парадигмы. Именно потому, что это есть переход между несовместимыми структурами, переход между конкурирующими парадигмами не может быть осуществлен постепенно шаг за шагом посредством логики и нейтрального опыта. Подобно переключению гештальта, он должен произойти сразу (хотя не обязательно в один прием) или не произойти вообще» [1, с.224-225].

От психологов, на наш взгляд, требуется отчетливое понимание того, что универсальные концепции сегодня разработать вряд ли удастся. Как неоднократно говорил Юнг, время универсальных концепций в психологии еще не пришло. Поэтому, создавая научную теорию, стоит помнить о том, что она должна иметь свою сферу применения, зону «адекватности». Нужна установка на кооперацию, на сотрудничество. Иными словами, психологи должны выработать толерантность к взглядам коллег, сформировать у себя установку не на поиск отличий, а на обнаружение сходства.

На наш взгляд, подобное изменение установки может привести к существенному повышению уровня социально-психологической безопасности членов психологического сообщества. Эффект представляется очевидным, т.к. такой переход в идеальном случае может означать переход от конкуренции к

кооперации. Но даже частичная корректировка установок исследователей будет обеспечивать дополнительную возможность взаимопонимания. Психологическим следствием явятся улучшение социально-психологического климата в сообществе, позитивная динамика самооценки...

Предполагаем, что подобного рода заключения вызовут со стороны некоторых коллег обвинения в прожектерстве. Оценивая перспективы такого подхода (заметим, сформулированного значительно мягче, чем в настоящем тексте), одна из коллег сравнила его с известным способом вытаскивания себя из болота, предложенным некогда бароном Мюнхгаузеном. Персонаж вполне симпатичный (особенно в блистательном исполнении Олега Ивановича Янковского в замечательном телевизионном фильме Марка Анатольевича Захарова), поэтому будем верить и улыбаться. Такой пессимизм относительно изменения менталитета коллег по цеху разделять не хочется, потому что, согласно известному высказыванию папы Пия VI (по другому, естественно, поводу), проблема имеет два решения: реальное, если вмешается Господь, и фантастическое, если стороны договорятся. Мечты иногда сбываются. Хочется верить, что рано или поздно психологи будут лучше понимать друг друга.

Впрочем, оставим эти рассуждения и вернемся к когнитивной методологии психологической науки. Выше уже было отмечено, что для реальной интегративной работы требуется специальный методологический аппарат. Коротко остановимся на разработке общей когнитивной методологии, которая выступает в качестве методологической основы интеграции психологического знания.

Сформулируем суть нашего подхода. К исследованию любого феномена в области психологии существуют различные подходы. Традиционно они рассматриваются как несопоставимые, поэтому в лучшем случае речь идет о сосуществовании подходов. Мы полагаем, что при использовании специального методологического аппарата могут быть найдены дополнительные «точки соприкосновения» и «несопоставимые» концепции окажутся сопоставимыми в значительно большей степени, чем это обычно представляется.

Задача, на наш взгляд, выполнима, если в качестве основы для сопоставления выступит общая схема психологического исследования. Схема включает в себя следующие структурные компоненты: проблема, предмет психологии, опредмеченная проблема, предтеория, метод (включающий три уровня:

идеологический, предметный и процедурный), эмпирический материал, объяснение (включающее объяснительную категорию, собственно объяснение, предполагающее уровневую структуру), теория как результат исследования. Подчеркнем, что данная схема исследования является «замкнутой», т.е. теория является основанием для постановки новой проблемы. Таким образом, инструментом сопоставления и соотнесения различных психологических концепций выступает общая когнитивная методология.

Мы разделяем следующую позицию: 1) разработка общей методологии возможна, т.к. может быть разработана универсальная модель, позволяющая свести, интегрировать в «общем исследовательском пространстве» важнейшие методологические категории; 2) использование подобного рода интегративной модели позволяет учесть наработки ведущих отечественных и зарубежных методологов, что позволяет сделать разработанная нами ранее соотносительная модель (коммуникативная методология).

Общая методология психологии – непротиворечивая концепция, трактующая проблемы предмета, метода, объяснения, теории и т.д. в их взаимосвязи. Вне учета подобной взаимосвязи, на наш взгляд, не может быть достигнуто существенное дальнейшее продвижение в разработке этих (и многих других) важнейших методологических вопросов современной психологии. Такую методологию можно назвать интегративной когнитивной методологией психологической науки [4].

Интегративная когнитивная методология психологии должна, как минимум, удовлетворять следующим требованиям: 1) должна быть достаточно широкой, т. е., как минимум, включать в себя основные названные методологические понятия (предмет, метод, теория, объяснение и др.); 2) должна иметь достаточно универсальный характер.

Задача, на наш взгляд, выполнима, если в качестве основы выступит общая схема психологического исследования. Схема включает в себя следующие структурные компоненты: проблема, предмет психологии, опредмеченная проблема, предтеория, метод (включающий три уровня: идеологический, предметный и процедурный), эмпирический материал, объяснение (включающее объяснительную категорию, собственно объяснение, предполагающее уровневую структуру), теория как результат исследования. Подчеркнем, что данная схема исследования

является «замкнутой», т.е. теория является основанием для постановки новой проблемы.

Полагаем, что дальнейшая разработка когнитивной методологии будет способствовать и продвижению в понимании психики и проведению новых исследований.

Представляется, что поэлементное сопоставление выделенных компонентов различающихся подходов и психологических концепций позволяет обнаружить как совпадения, так и те моменты, по которым существуют расхождения. Осуществление такого рода методологического анализа будет способствовать усилению взаимопонимания между исследователями и, тем самым, интеграции психологического знания.

Обратим внимание на то, что главная методологическая проблема – выработка нового понимания предмета психологии. Эта мысль нуждается в пояснении. Попытаемся это сделать. Важно понимать разницу между предметом науки и предметом конкретного исследования. С предметом конкретного исследования никто существенных затруднений не имеет: скажем, диссертанты вполне успешно его определяют и защищают результаты проведенных исследований. А с предметом науки – проблема. И исследователь в области психофизики, и исследователь в области трансперсональной психологии представляют одну науку – психологию.

Сейчас складывается впечатление, что это представители совершенно разных наук, т.к. все у них разное. Поэтому понимание предмета психологии должно быть таким, чтобы в нем нашлось место как для одного, так и для другого. Только такое понимание даст возможность объединить наработки психологов разных школ и направлений. Без такого понимания невозможно обобщение накопленных в психологии огромных массивов знаний. Это очень сложная задача. Она, кстати, общая для отечественной и для мировой психологии (при всем различии подходов к исследованию психики). Соотнесение и упорядочение имеющегося материала на основе нового понимания позволят психологии стать фундаментальной наукой.

В решении этой проблемы можно выделить два аспекта, а точнее, два этапа ее решения. Первый этап – формальное описание предмета (какие функции он должен выполнять, каким критериям соответствовать). Эта работа в основном уже проделана [2]. Второй этап – содержательное наполнение концепта «предмет психологии». В этом направлении работа уже проводится. Как

конкретно будет называться этот новый предмет? Представляется, что наиболее удачным является термин «внутренний мир человека». Именно он позволяет, на наш взгляд, осуществить содержательное наполнение, вместив всю психическую реальность в полном объеме. Многие методологические проблемы психологии порождаются нерешенностью главной – выработкой нового понимания предмета. Противостояние парадигм, различия между естественнонаучной и гуманистической ориентациями в психологии и т.п. – эти важнейшие проблемы являются следствиями нерешенности основного вопроса психологии. Проблема предмета – это действительно, если перефразировать классика, основной вопрос всей, в особенности новейшей психологии.

Таким образом, изменение установок психологов (о котором говорилось выше) и систематическая методологическая работа по интеграции научного знания могут внести вклад в решение проблемы повышения уровня социально- психологической безопасности в психологическом сообществе.

Чтобы избежать недоразумений, еще раз повторим: конечно, задача любого научного исследования состоит в том, чтобы продуцировать новое знание. По известному выражению М.Г.Ярошевского, «в науке существует запрет на повтор», ценность имеют только новые знания. Но направленность на понимание взглядов других также должна быть представлена (или специально сформирована). Подчеркнем, что это особенно важно для молодых, начинающих исследователей. Между тем, заметим, что на психологических факультетах этому пока не учат.

Литература

1. Кун Т. Структура научных революций: Сб. перевод с английского. [Текст] / Т.Кун Структура научных революций. М., 2003
2. Мазилев В.А. О предмете психологии [Текст] // В.А.Мазилев / Методология и история психологии: Научный журнал. Т.1. Вып. 1, 2006, с.55-72
3. Мазилев В.А. Методология психологической науки: история и современность. [Текст] / В.А.Мазилев. Методология психологической науки: история и современность. Монография. Ярославль, 2007
4. Мазилев В.А. Когнитивная методология психологии. [Текст] / В.А.Мазилев. Когнитивная методология психологии. Ярославль, 2011

5. Юревич А. В. Методы интеграции психологического знания [Текст] // А.В.Юревич / Труды Ярославского методологического семинара. Т.3. Метод психологии. Ярославль, 2005, с. 37
6. Юревич А.В. Методологический либерализм в психологии // Вопросы психологии, 2001, №5, с.3-19
7. Юревич А.В. Психология в современном обществе [Текст] / А.В.Юревич // Психологический журнал, № 6, т.29, 2008, с. 5

Побидаш А.Ю. (*г. Харьков, Украина*)

КОНЦЕРЦИЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ КРИЗИСНЫХ СИТУАЦИЙ В. ФРАНКЛА

Изучением проблемы преодоления личностью кризисных ситуаций занимались психологи различных направлений. И на сегодняшний день эта проблема не утратила свою актуальность, а даже наоборот, приобрела новый смысл. Ведь, наряду с привычными для людей стрессовыми ситуациями, появляются новые слабоизученные угрозы психическому здоровью. Терроризм, стихийные бедствия, аварии и катастрофы – всё это становится атрибутом современного общества.

Вторая мировая война принесла много вопросов и побудила людей к поиску путей преодоления трудностей. Не обошла эта участь и австрийского психолога Виктора Франкла. Попав в нацистские концентрационные лагеря, он по-новому взглянул на жизнь. Весь его опыт был реализован в его концепции «выживание через веру в себя».

«У каждого времени свои невроты – и каждому времени требуется своя психотерапия». Это один из центральных тезисов экзистенциального подхода В. Франкла. По его мнению, современный человек имеет дело уже с фрустрацией не сексуальных потребностей, как во времена З. Фрейда, а с фрустрацией потребностей экзистенциальных. Современный пациент уже не столько страдает от чувства неполноценности, как во времена А. Адлера, сколько от глубинного чувства утраты смысла, которое связано с ощущением пустоты. В этой связи В. Франкл говорит о понятии экзистенциального вакуума [2].

Когда человек не знает ни того, что ему нужно, ни того, что он должен, он теряет представление о том, чего же он хочет. В результате он либо хочет того же, чего и другие (конформизм),

либо делает то, что другие хотят от нее (тоталитаризм). В. Франкл говорит, что за этими двумя результатами важно не пропустить третий - появление специфического невротического заболевания "ноогенного невроза". В отличие от неврозов в узком смысле слова, являющихся, по определению, психогенными заболеваниями, ноогенные неврозы возникают не из комплексов и конфликтов в традиционном смысле слова, а из угрызений совести, из ценностных конфликтов и, не в последнюю очередь, из экзистенциальной фрустрации, проявлением и воплощением которой может в том или ином случае выступать невротическая симптоматика [3].

Как известно, А. Маслоу ввел классификацию потребностей на низшие и высшие, имея в виду при этом, что удовлетворение низших потребностей является необходимым условием для того, чтобы были удовлетворены и высшие. В. Франкл отмечает, что этому, однако, противоречит то, что потребность и вопрос о смысле жизни возникает именно тогда, когда человеку живется хуже некуда. Вместе с этим он отмечает, что вопрос о смысле порождает не только фрустрация низших потребностей, но и их удовлетворение, в частности в «обществе изобилия».

В. Франкл выделил феномен, который он считал фундаментальным для понимания человека – самотрансценденции человеческого существования. За этим понятием стоит тот факт, что человеческое бытие всегда ориентировано вовне на то, что не является им самим, т.е. на то или на кого: на содержание, которое необходимо осуществить, или на другого человека, к которому тянутся с любовью. Таким образом, с точки зрения В. Франкла, человек, по сути, может реализовать себя только в той мере, в какой она забывает о себе, не обращает на себя внимание [3].

А. Эйнштейн однажды заметил, что тот, кто ощущает свою жизнь лишенной смысла, не только несчастлив, но и вряд ли жизнеспособен. Не последний из уроков, которые В. Франклу удалось вынести из Освенцима и Дахау, состоял в том, что наибольшие шансы выжить даже в такой экстремальной ситуации имели, те, кто был направлен в будущее, на дело, которое их ждало, на смысл, который они хотели реализовать. В своих рассуждениях В. Франкл приходит к вопросу: не заключается ли единственный шанс на выживание человечества в целом в общей для всех задаче, в одном общем стремлении к одному общему содержанию?

Попытка дать человеку смысл свелась бы к морализаторству. А мораль в старом смысле слова, с точки зрения В. Франкла, уже

доживает свой век. Через некоторое время человек уже не будет морализировать, он будет онтологизировать мораль. Одно из главных утверждений В. Франкла: «Смысл нельзя дать, его нужно найти. Смысл должен быть найден, но не может быть создан».

По В. Франклу, человек, который уже не в состоянии найти в своей жизни смысл, равно как и выдумать его, убегая от чувства утраты смысла, создает либо бессмыслицу, либо субъективный смысл. В этом случае, однако, это сопряжено с риском пройти в жизни мимо истинного смысла, истинного дела в реальном мире.

Смысл не только должен, но и может быть найден, и в поисках смысла человека направляет его совесть. В. Франкл говорит, что совесть – это орган смысла. Ее можно определить как способность обнаружить тот единственный и уникальный смысл, который кроется в любой ситуации. Совесть принадлежит к числу проявлений, свойственных лишь человеку. Более того, до последнего момента, до последнего вздоха человек не знает, действительно ли он осуществил смысл своей жизни или лишь верит в то, что этот смысл осуществлен.

На современном этапе все шире встречается чувство потери смысла. Смысл – это также и конкретный смысл конкретной ситуации. Однако смысл вездесущ. В. Франкл утверждает, что нет такой ситуации, в которой бы не было предоставлено жизнью возможность найти смысл, и нет такого человека, для которого жизнь не держала бы наготове какое-то дело [1].

В. Франкл отмечает, что жизнь имеет смысл и даже, более того, что она сохраняет этот смысл в любых условиях и при любых обстоятельствах благодаря возможности найти смысл даже в страдании. Человек не только ищет смысл в силу своего стремления к смыслу, но и находит его тремя путями:

1. Человек может увидеть смысл в действии, в создании чего-либо.
2. Человек видит смысл в том, чтобы переживать что-то.
3. Человек видит смысл в том, чтобы кого-то любить.

Но даже в безнадежной ситуации, перед которой человек беспомощен, он при определенных условиях способен видеть смысл. Дело в позиции и установке, с которой он встречает свою судьбу, которой он не в состоянии избежать или изменить. Лишь позиция и установка по мнению В. Франкла дают человеку возможность продемонстрировать то, на что способен один лишь человек: превращение, преображение страдания в достижение на человеческом уровне. В жизни не существует ситуаций, которые

были бы действительно лишены смысла. И все же дело доходит до экзистенциального вакуума, то есть чувства отсутствия смысла. И это В. Франкл наблюдает в сердце «общества изобилия», которое ни одну из базовых, по А. Маслоу, потребностей не оставляет неудовлетворенной. Это происходит именно потому, что оно только удовлетворяет потребность, но не реализует стремление к смыслу. «Общество изобилия» порождает и достаточно свободного времени, которое хотя и представляет возможность для осмысленной организации жизни, в действительности лишь еще сильнее способствует проявлению экзистенциального вакуума [2].

В. Франкл говорит о возможности наблюдать это на примере так называемых «воскресных неврозов». Уже в 1933 году он описал картину болезни при «неврозах безработицы». При отсутствии работы жизнь кажется людям бессмысленной, а сами они считают себя бесполезными. Их угнетает не безработица как таковая, а ощущение потери смысла. «В век общества изобилия большинство людей имеют достаточно средств для жизни, однако многим людям совершенно неизвестно, ради чего им жить», – констатирует В. Франкл [3].

Можно ли утверждать, что жизнь никогда и ни для кого не перестает иметь смысл? Основанием для этого служит то, что человек в состоянии даже безвыходную ситуацию превратить в победу, если рассматривать ее под человеческим углом зрения. Поэтому даже страдание включает в себе возможность смысла. Само собой разумеется, что речь здесь идет только о ситуации, которые нельзя устранить, нельзя избежать и нельзя изменить, о страдании, которое не может быть устранено. Как врач, В. Франкл, конечно, подразумевает прежде всего неизлечимые болезни, раковые опухоли и т.д..

В заключение В. Франкл говорит: «Страдание имеет смысл, если ты сам становишься другим» [3]. Там, где человек беспомощен и лишен надежды, будучи не в состоянии изменить ситуацию, – именно там он призван и чувствует необходимость измениться самому.

Литература

1. Франкл В. Воля к смыслу. - М.: Апрель – Пресс, 2000. – 368 с.
2. Франкл В. Доктор и душа: пер. с английского А.А. Бореев. – СПб.: Ювента, 1997. – 287 с.
3. Франкл В. Человек в поисках смысла. Сборник: Пер. с англ. и нем./Общ. ред. Л. Я. Гозмана и Д. А. Леонтьева; вст. ст. Д. А. Леонтьева. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОРНАХ СПАСАТЕЛЕЙ УКРАИНЫ

Начало XXI века характеризуется бурным развитием туризма в Украине. Наиболее распространенными местами посещения туристов на Украине являются горные районы - Украинские Карпаты и Крымские горы. Но часто горным туризмом занимаются люди без определенного опыта, совершают восхождение в горы без специального снаряжения и подготовки, пренебрегают правилами безопасного поведения на горной местности.

Для предупреждения чрезвычайных ситуаций, возникающих в результате туристической деятельности, на Украине существуют горные поисково-спасательные отряды МЧС Украины (ГПСО).

Спасатели ГПСО постоянно работают в экстремальных условиях, осуществляют поисково-спасательные работы в горных, спелеологических и водных районах [1]. Экстремальные условия деятельности предъявляют высокие требования как к уровню физического развития, так и к психике спасателей. Говоря о специфике данного вида спасательных работ, необходимо отметить еще один важный аспект – это вид деятельности с разнонаправленными задачами. Выполнения основной задачи (проведение спасательных работ в горах) порождает другую цель – самосохранение, и, таким образом, зарождается конфликт между мотивом достижения результата и мотивом избегания опасности. Нередко встречаются ситуации, когда основная цель отбрасывается из-за невозможности достичь безопасности в процессе деятельности. Исходя из этого, при анализе деятельности спасателей ГПСО необходимо учитывать три фактора: успешность, как достижения профессиональной цели, «достижение», как саморазвитие, преодоление себя и безопасность деятельности. Поисково-спасательные работы (ПСР), как вид профессиональной деятельности, включают в себя характерные для других видов деятельности черты. Поэтому, рассматривая психологию безопасности ПСР правомерно пользоваться общими положениями и выводами из психологии труда, военной и спортивной, а для спасательной службы и медицинской психологии. Результирующим мерилем безопасности является количество несчастных случаев. Поэтому следует рассмотреть общие закономерности травматизма и особенности психологической безопасности данных спасателей.

Исследованием различных аспектов психологической безопасности личности посвящены работы К.Абульхановой-Славской, Л. Дикой, Е. Климова, М. Котика, К. Платонова, В. Семенюк, В.Семиченко, З.Фрейда, К.Хорни, Л. Шлыковой и др. [2]. По мнению Н.Л. Шлыковой, опасность несут в себе неудачное профессиональное самоопределение личности, несоответствие психологических характеристик требованиям профессии, стрессы в профессиональной деятельности, нарушение норм безопасности труда и др. [2].

Основными методами охраны труда (обеспечение безопасности предметной деятельности) является использование техники безопасности, что включает в себя исключение опасности, средства защиты, обучение безопасным приемам работы, организация условий безопасной работы. В советское время в контрольно-спасательной службе все эти элементы техники безопасности учитывались больше. Согласно же статистике, главным виновником несчастных случаев как правило, являются не условия деятельности и не ее организация, а сам работающий человек, который по тем или иным причинам не придерживался правил, нарушал нормальный процесс деятельности, не использовал средств защиты и поэтому в разных источниках 60 - 90% несчастных случаев происходит по вине человека [5].

Существуют вполне объективные причины возможности несчастных случаев: первая - расширился диапазон возможностей в горных поисково-спасательных подразделениях благодаря совершенствованию технического обеспечения, однако при этом увеличилась сложность и продолжительность восхождений, расширился и круг ответных реакций внешнего мира, выросла и величина его воздействий. Несмотря на совершенствование средств защиты, умения выбирать способы действия с учетом опасности, опасность растет быстрее, чем человеческая способность противостоять ей; вторая - рост цены ошибки. На более сложных и напряженных маршрутах «мелочь» приводит к гибели; третья - адаптация спасателя в опасности. В ПСР этот повсеместный движение «на грани срыва» на тяжелых маршрутах, преднамеренное нарушение правил безопасности через мелкие текущие выгоды.

При обучении и совершенствовании в профессиональной подготовке спасателей стоит знать, что адаптация к опасности неизбежно ведет к адаптации к нарушению правил безопасности [3]. Кроме этих общих причин существуют и различные субъективные факторы, главным образом психологического

порядка, способствующие возникновению несчастных случаев по вине человека. Несчастные случаи в процессе профессиональной деятельности спасателей ГПСО МЧС является результатом сложного взаимодействия разнородных факторов: во-первых – спасателя с его физическими и идеальными данными (представлениями, целями, мотивациями и т.д.); во-вторых – среды и материальных средств, – материальных и социальных условий профессиональной деятельности; в третьих, горного поисково-спасательного подразделения с различными писаными и неписаными правилами, нормой и т.д.;

При выявлении связи между этими факторами следует опираться на диалектический, системный подход - при анализе несчастных случаев проводить не только ситуационный анализ, но и системный, рассматривающий все эти факторы [4; 5].

Рассматривая структурную схему профессиональной деятельности спасателей по поиску и спасению туристов можно выделить категории, создающие опасности и категории, которые защищают спасателя от этой опасности. В процессе профессиональной деятельности мы можем выделить три категории, определяющие ее безопасность:

- сам спасатель;
- весь комплекс, в котором он действует (его группу, снаряжение, среда);
- система мер безопасности, включающая средства воздействия на спасателя и на весь процесс его работы.

При изучении вопроса влияния индивидуальных качеств человека на несчастный случай у ученых психотехников возникли весьма спорные суждения об их естественную склонность и о склонности за счет условий деятельности, усталости, болезни, эмоциональных срывов и т.д. Конечно, надо учитывать влияние на предрасположенность к несчастным случаям качеств личности, структуры профессиональной деятельности ГПСО МЧС и особенностей ее условий. Личностный фактор нам надо рассматривать как комплекс качеств, развивается и изменяется и влияет на индивидуальную склонность спасателя к опасности; это поможет своевременно остановить или повлиять на тех, кто не соответствует квалификационным требованиям работы спасателя. Следует знать – недостатки свойств человека особенно ярко проявляются в экстремальных ситуациях. При исследовании причин несчастных случаев при профессиональной деятельности горных поисково-спасательных подразделений можно использовать те выводы, которые получены при исследовании их трудовой

деятельности, где были выделены некоторые социальные факторы и социально-психологические качества, которые способствуют несчастных случаев [4].

Стоит вообще отметить, что в XXI веке изменилась психология, принципы и этика горных восходителей. За редким исключением, бравада, риск и пренебрежение опасностями и погодой стали главными мотивами пребывания в горах. Современные туристы и альпинисты это, очень часто, люди, которые сознательно ищут неприятностей на свои головы в погоне за пресловутым адреналином. И, к сожалению, горные поисково-спасательных отряда в горах сейчас - последний оплот на пути таких людей, потерявших чувство опасности в горах. В настоящее время МЧС не может запретить туристам и альпинистам восхождение в горы, поскольку у нас в стране свобода передвижения. У спасателей остается только право регистрировать группы, идущих в горы, и то не все хотят зайти в поисково-спасательного подразделения и предоставить информацию.

Сейчас, наконец, руководство МЧС Украины осознало, что человек, который выполняет десятки силовых комплексов и приносит чемпионские баллы на соревнованиях по альпинизму, горному и водному туризму, горнолыжному спорту, спортивному ориентированию и т.д. (родственные с спасательной деятельностью виды спорта), зачастую не пригоден для многочасовых подъемов в горах с грузом и выполнение спасательных работ в тяжелых погодных условиях среднегорья.

В 2011 году, возможно, будет, создана дополнительная поисково-спасательная группа ГПСО МЧС, с современным альпинистским снаряжением и средствами связи. В него войдут спасатели Крыма количеством до 15 человек, из поочередными дежурствами в ущельях Крымских гор. В Карпатах планируется на 2015 год приобретение вертолета для проведения ПСР в горах и создание нескольких горных поисково-спасательных пунктов. Также планируется создание центров по горной подготовке спасателей. Все эти шаги МЧС Украины должны облегчить проведение поисково-спасательные работы в горах, где спасатели всегда готовы выполнить свой долг и помочь людям, попавшим в беду.

Литература

1. Безпека туристів в Українських Карпатах: Поради рятувальників / [упорядкувач тексту Наталія Піцур, Петро Митро]. - Ужгород, 2008 – 72 с.

2. Шлыкова Н.Л. Психологическая безопасность субъекта профессиональной деятельности: дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.03 / Н.Л.Шлыкова.- М., 2004.- 332 с.
3. Смирнов Б. А. Психология деятельности в экстремальных ситуациях / Б. А. Смирнов, Е. В. Долгополова. - Х.: Изд-во Гуманитарный центр, 2007. – 256 с.
4. Котик М. А. Психология и безопасность / М.А. Котик. - Т.: Валгус, 1987. – 440 с.
5. Байковский Ю.В. Психология групп, действующих в экстремальных условиях горной среды: монография / Ю.В. Байковский - М., ТВТ Дивизион, 2010. – 177 с.

Приходько И.И. (г. Харьков, Украина)

ПРИОРИТЕТЫ ЦЕННОСТНОЙ СФЕРЫ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ, ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД УКРАИНЫ

Одной из основных служебно-боевых задач (СБЗ), возложенных на внутренние войска МВД Украины, является охрана общественного порядка (ООП) и обеспечение безопасности, которые заключаются в осуществлении государственными органами различных мероприятий по охране жизни и здоровья, чести и достоинства граждан, защиты их прав, свобод и законных интересов, а также обеспечение нормальной деятельности государственных органов. Выполнение СБЗ по ООП имеет свои специфические психологические особенности: отрицательное информационно-психологическое влияние противодействующей стороны на личный состав; необходимость общения и проведение разъяснительной работы с гражданами, которые находятся в повышенном эмоциональном, неуравновешенном психическом состоянии; экстремальность служебно-боевых ситуаций, которые проявляются в возможности возникновения вооруженного конфликта; постоянная угроза для здоровья и жизни военнослужащих и т.д.

Целью проведенного исследования является определение ведущих социальных ценностей, которые влияют на уровень психологической безопасности личного состава при выполнении СБЗ по ООП во время проведения массовых мероприятий

общегосударственного уровня, к которым можно отнести выборы Президента Украины в 2004 году.

В предыдущих научных исследованиях нами было определено, что психологическая безопасность личности является сложной многоуровневой динамической системой, которая определяет степень защищенности психики человека, ее способность поддерживать оптимальный уровень функционирования, возможность устранять возникающие внешние и внутренние угрозы и сохранять на достаточно устойчивом уровне дееспособность при выполнении служебно-боевых задач в экстремальных условиях.

Человек, планируя свое будущее, намечая конкретные события, выходит, прежде всего, из собственных представлений об определенной иерархии ценностей, которые представлены в его сознании. Ориентируясь в широком спектре социальных ценностей, он выбирает именно те из них, которые больше всего тесно связаны с его доминирующими потребностями. Предметы этих потребностей, будучи осознанными личностью, становятся ее ведущими жизненными ценностями. Индивидуальный выбор ценностей во многом определяет направленность личности, ее отношение к людям, обществу и самой себе. Таким образом, ценности носят направленное отношение к окружающему миру и выступают ориентирами деятельности для личности, образуют аксиологическую направленность личности. Потребности и ценностные ориентации являются основой мотивов профессиональной деятельности – это внутренние побуждения, которые определяют направленность активности человека в профессиональном поведении в целом и его ориентацию на разные стороны профессиональной деятельности (на содержание, процесс, результат труда и т.п.) или на факторы, которые лежат вне профессиональной деятельности (заработок, льготы, престижность профессии и т.п.).

Для реализации поставленной цели нами была разработана анкета, состоящая из 31 вопроса, с помощью которой определялись ведущие социальные ценности, влияющие на уровень психологической безопасности личного состава. В исследовании приняли участие офицеры и курсанты Академии внутренних войск МВД Украины, которые выполняли СБЗ с ООП во время выборов Президента Украины в 2004 году, всего 120 военнослужащих, из них 39 офицеров и 81 курсант.

Методологическая основа исследования, направленная на изучение динамики психологической безопасности личного состава в жизненно сложных условиях, требовала обязательного учета ценностей, которые в определенных условиях могут быть утрачены, уничтожены. Именно это обстоятельство делает ситуацию экстремальной. Для того чтобы сохранить, защитить, закрепить эту ценность, субъект прибегает к разным мероприятиям по изменению влияния ситуации. И чем более значимое место в смысловой сфере личности занимает объект, который находится в непосредственной опасности, тем более интенсивно воспринимается личностная угроза, тем выше мотивационный потенциал антипационного поведения. Поэтому нами было предложено проранжировать наиболее значимые социальные ценности для офицеров и курсантов во время выполнения СБЗ с ООП.

Результаты проведенного исследования показали, что структура социальных ценностей у офицеров и курсантов практически подобна. Так, важнейшей ценностью в обеих группах является жизни, которая избирается 54 % офицеров и 64 % курсантов, она является ведущей в обеих группах. Второй по частоте выбора является ценность чести: она определяется как важная у 15% офицеров и 18 % курсантов. Несколько реже в обеих группах избираются ценности здоровья и достоинства. Необходимо отметить, что изучаемые ценности можно сгруппировать в два блока: ценности личностной (физической) безопасности и моральные ценности, которые являются составляющими психологической безопасности. Первый блок ценностей имеет значительный удельный вес в обеих группах исследуемых, тем не менее, их распределение в середине него неодинаковое среди офицеров и курсантов. Офицеры реже выбирают ценность жизни и чаще отдают приоритет здоровью, что можно расценить как возрастное отличие, курсанты редко избирают ценность неприкосновенности (2 %), кроме того отмечается достоверно значимое различие по частотой выбора в качестве ведущей ценности безопасность ($p \leq 0,1$), избираемую чаще офицерами. По данным В.А. Боброва, ценность безопасности тесно связана с критичностью мышления. Можно предположить, что офицеры более критичны, чем курсанты, это является производным от их большего профессионального (выполнение похожих СБЗ) и жизненного опыта, ответственность за семью и близких и т.д.

Суммарная доля психологической безопасности (моральных ценностей) в обеих группах 25 %. Если ценность чести и

достоинства у офицеров представлены довольно ровно (15 % и 10 %), то у курсантов это соотношение другое (18 % против 7 %), что связано с возрастными особенностями: осознание ценности достоинства происходит на более поздних стадиях онтогенеза, а ценность чести может иметь максималистическую окраску у молодых людей.

Таким образом, проведенное исследование показало, что, несмотря на некоторые расхождения, связанные с возрастными отличиями, профессиональным и жизненным опытом, структура ведущих социальных ценностей курсантов и офицеров подобна. Эта тождественность является свидетельством идентификации курсантов с офицерами, т.е. они осознают и разделяют те же самые ценности, что и профессионалы с определенным опытом военной службы.

Для офицеров и курсантов приоритетными ценностями являются те, которые в ситуациях по ООП могут быть утрачены. Во время выполнения данной задачи может быть нарушен (снижен) уровень психологической безопасности личности, возникнуть угрозы и реальная опасность для здоровья и жизни, которая делает СБЗ по ООП во время массовых мероприятий, особенно общегосударственного уровня, на самом деле экстремальной и стрессовой для личного состава сил охраны правопорядка.

Поэтому сохранение психологической безопасности военнослужащих должно быть необходимым условием эффективного выполнения военно-профессиональной деятельности для руководителей всех уровней воинских формирований Украины.

Руновская Е.Г. (г. Ярославль)

ВЛИЯНИЕ ВРАЧА НА ПСИХОЛОГИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ БЕРЕМЕННОЙ ЖЕНЩИНЫ

В рамках целевой программы «Семья и дети» (2009-2010гг.) специалистами Центра корпоративного обучения и консультирования ЯрГУ им. П.Г. Демидова на базе женских консультаций и родильных домов Ярославля и Ярославской области реализована программа «Психологическое сопровождение беременной женщины».

Актуальность проведения данной программы связана с тем, что наиболее острыми проблемами в Ярославской области сейчас являются: высокий уровень общей смертности (18,3) и,

одновременно, низкий уровень рождаемости (9,4 на 1000 населения), составляющий чуть более половины необходимого для простого замещения родителей их детьми (данные на 1 января 2010 года).

Цель – улучшение рождаемости в регионе.

Задачи программы:

- формирование ценности осознанного материнства и отцовства;
- снижение количества отказов от новорожденных детей;
- психологическая подготовка беременных женщин к родам и воспитанию ребенка;
- повышение психологической компетентности врачей и сотрудников женских консультаций и родильных домов.

Работа проводилась в следующих направлениях:

- проведение занятий Школы эффективного родительства «В ожидании чуда», направленных на психологическую подготовку беременных женщин к родам и воспитанию ребенка;
- индивидуальное консультирование женщин, намеревающихся отказаться от ребенка;
- обучающие семинары-тренинги для медицинских сотрудников, направленные на повышение их психологической компетенции в работе с беременными женщинами и женщинами, принимающими решение отказаться от ребенка.

Всего в программе приняло участие 110 медицинских сотрудников и 200 беременных женщин.

Нам представляется важным рассмотреть взаимодействие врача и беременной женщины с точки зрения безопасности, прежде всего, женщины и будущего ребенка.

Под психологической безопасностью на уровне локальной среды обитания (семья, друзья, ближайшее окружение) будем понимать состояние среды, свободное от проявлений психологического насилия, способствующее удовлетворению основных потребностей в личностно-доверительном общении и, как следствие, обеспечивающее психологическую защищенность ее участников.

Безопасность предполагает защищенность жизненно важных интересов личности. В нашем случае женщина, ожидающая ребенка, ориентирована на реализацию себя в роли матери, ее потребности реализуются прежде всего через отношение к ребенку.

Важным фактором, способствующим возникновению чувства безопасности, является качество отношений женщины и врача, который ее сопровождает.

Во время проведения занятий с беременными женщинами и семинаров-тренингов с медицинскими сотрудниками нами были выявлены трудности, которые испытывают во время взаимодействия и врачи, и беременные женщины:

1. *Влияние временного фактора;*
2. *Самолечение или «кому доверяю?»*
3. *Просветительская информация.*

По нашему мнению, вышеперечисленные факторы можно отнести к общению врача с любой женщиной, т.е. они носят общий характер. При взаимодействии с беременными женщинами нужно учитывать, что они имеют еще ряд особенностей:

– *эмоциональные*: внезапные перепады настроения, внушаемость, повышенная впечатлительность, эмоциональная ранимость, потребность в признании и повышенном внимании, нарастание уровня тревожности, повышение уровня психологической зависимости от близких;

– *когнитивные*: избирательность воспринимаемой информации, снижение объема запоминаемой информации, снижение концентрации внимания;

– *страхи, актуализирующиеся во время беременности*: страхи, связанные со здоровьем ребенка; со своим здоровьем и способностью родить; с изменением социальных связей, отношениями в семье, образе жизни; боязнь выкидыша; страх родить ребенка с физическими и психическими отклонениями; страх материнства.

В ситуации постоянного ограничения временного ресурса, высокой эмоциональной и интеллектуальной нагрузки, принятия повышенной ответственности за здоровье и жизнь другого человека – на эти специфические особенности беременных врачи даже распознавая и относя их к «статусу беременной женщины», не всегда могут реагировать конструктивно. По своим функциональным обязанностям врач обязан оказывать медицинские услуги, рабочее время приема рассчитано только на это, а те особенности, которые возникают у женщины на фоне изменившегося гормонального фона, носят скорее психологический характер, т.е. врачу для построения эффективной коммуникации необходимо удовлетворять не только медицинский, но и психологический запрос женщины. При его неудовлетворении

может возникнуть скрытый конфликт взаимодействия. Рассмотрим это на примере.

На семинарах с медицинскими сотрудниками мы проводили ролевую игру «На приеме у врача». Из числа участников один играл роль беременной женщины, второй – роль врача. Перед началом игры тренер просил представить эмоциональное и физическое состояние женщины, которая прежде чем войти в кабинет к врачу долго сидела в коридоре, ожидая своей очереди, возможно воспринимала некоторые запахи, к которым у нее повышенная чувствительность и иногда непереносимость (например, духи от сидящей рядом женщины, запах туалета, процедурного кабинета, аптечного киоска и пр.). У нее затекает поясница, т.к. кушетка в коридоре очень неудобная. Женщина ждет и волнуется за результаты анализов, которые сдала накануне. Это ее первая беременность, родители живут в другом городе, муж мало что знает про беременность, готов помогать, но не очень знает как, вся информация поступает от врача или из Интернета. До конца приема врача осталось очень мало времени, а желающих попасть в кабинет еще много, женщины в очереди начинают выяснять кто по талонам, а у кого плановый прием и пр. Наконец, женщина заходит в кабинет. По условиям игры, на «прием» отводится максимум 13 минут (по рабочему нормативу). За это время врачу надо осмотреть беременную, сделать необходимые замеры, рассказать о результатах анализов, ответить на вопросы, сделать запись в медицинской карте, назначить на следующий прием, возможно, назначить лечение. «Беременной» надо было вести себя так, как обычно ведут себя женщины на приеме.

Процесс и результат игры поразили всех участников. Для них стало открытием, что игроки говорили друг с другом на разных языках. «Беременная», сообщая о своих страхах и волнениях по поводу анализов, на самом деле хотела услышать не то, что в моче нет белка или уровень гемоглобина столько-то единиц, а то, что угрозы ее здоровью нет и ребенок развивается нормально. Когда задавала вопросы врачу «правда ли, что...», хотела получить поддержку от врача о том, что она молодец, интересуется своим состоянием, заботится о малыше. Процесс общения во время игры был очень бурный, т.к. «беременная» бесконечно задавала вопросы, врач старался на все ответить, порой они говорили одновременно, понимая, что время уже заканчивается. В итоге, «беременная» не смогла толком вспомнить что «насоветовал» ей врач, врач очень устал, т.к. приложил много сил для объяснения ненужной для

женщины медицинской информации. На вопрос к «беременной»: «Что вы хотели услышать?», пациентка сказала: «Я хотела услышать, что я - хорошая мама, мне нужна была поддержка, я визитом к врачу не удовлетворила свою потребность». Для врача это было неожиданно, т.к. по его мнению, он выполнил все, что было в его силах (с медицинской точки зрения). Все проявившиеся особенности «беременной» (забывчивость, непонятливость, уточнения, переспрашивания, тревожность, невнимательность, желание поговорить про себя и будущего ребенка) воспринял как факторы, мешающие работе, но при этом никак это не проявив внешне, погасил в себе раздражение.

Почему так произошло? Почему внешне прием состоялся (объективно), а участники итогом не довольны (субъективно)? На наш взгляд, не была удовлетворена потребность беременной женщины в безопасности.

Чувство безопасности складывается из очень многих факторов и у каждого это свой набор: кому-то для обеспечения безопасности нужна работа с особыми гарантиями и стабильный доход, кому-то присутствие рядом мужа, а кому-то удовлетворение информационного запроса принесет успокоение («я знаю, что со мной происходит и знаю, что с этим делать»). Если беременная женщина испытывает, к примеру, страх самих родов, то любые естественные изменения в ее организме могут вызывать у нее беспокойство, поскольку связываются с приближающимися родами. Врач является авторитетной фигурой для беременной, вследствие высокой внушаемости на фоне наличия тревоги и страха, они могут воспринимать доктора как учителя, носителя абсолютной истины или как родителя, поэтому именно от врача для них очень важно знать, что с их здоровьем и здоровьем их ребенка все хорошо. Если в здоровье есть отклонения, то именно на врача ложится ответственность сообщить об этом женщине, объяснить что с ней происходит, оказать медицинскую поддержку в той форме, которая не будет вызывать у женщины чувство безысходности, а наоборот придаст женщине сил и уверенности в том, что она справится.

Как известно, слово и лечит, и калечит. Невербальные средства коммуникации тоже несут смысловую нагрузку. Вступление в контакт с другим для человека является событием, которое имеет комплексный отклик во всем организме: и мышечный, и психический, и гормональный, и аффективный, и связочный, и когнитивный - все сразу. Любая эмоция, которую

человек переживает, вызывает физиологическую реакцию организма.

По шкале иерархии потребностей А.Маслоу, потребность в безопасности стоит на втором месте после физиологической, т.е. является также одной из базовых, и значит, заложена в человека природой, проявляется и активизируется на рефлексорном уровне.

Отсюда вытекают высокие требования к профессиональной подготовке специалистов, работающих с беременной женщиной, т.к. чрезвычайно важно что и в какой форме сообщается беременной женщине, поскольку последствия этого воздействия будут иметь место не только в организме и личности матери, но и отразятся на ребенке, т.к. чувство безопасности матери – это и ощущение безопасности ребенка, условие для формирования гармоничной личности.

Сорокина Д.С. (г. Ижевск)

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ СПАСАТЕЛЕЙ

За последние годы в России произошло немало крупных техногенных катастроф, выявивших серьезные нарушения в работе различных министерств. Аварии и взрывы на железнодорожных путях, крушения самолетов и теплоходов. Последним наиболее страшным событием, унесшим жизни более сотни человек, и навсегда искалечившим души их близким, стало крушение дизель-электрохода «Булгария» в июле 2011 года. Водолазы, задействованные в поиске пассажиров, работали в тяжелых условиях, наощупь исследуя каждый закоулок теплохода. Темнота сама по себе не слишком приятна, тем более в сочетании с глубиной и находящимися неизвестно в какой части судна людьми. Неудивительно, что после нескольких месяцев после катастрофы спасатели плохо спят по ночам, и им требуется помощь квалифицированных специалистов. Они просто оказались морально не готовы к такой деятельности, и теперь их нужно привести к нормальному состоянию.

Кто-то что-то недоглядел, не учел, вовремя не принял меры, и вот уже специально обученные формирования и отряды разгребают последствия чьей-то халатности, работая при этом в страшных условиях, в которых далеко не любой человек сможет хотя бы просто устоять на ногах.

Взрыв арсенала в поселке Пугачево наглядный тому пример. В спешке убегая из дома, люди в уме подсчитывали убытки, попутно думая, что начались военные действия. И ведь это абсолютно нормальная реакция на происходящее вокруг. Что еще остается думать, когда вокруг всё взрывается, горит, да и ударная волна захлестывает новой порцией страха за свою жизнь и за безопасность семьи. Что же касается спасателей, то у них на плач и панику времени не остается, работу нужно выполнить в максимально короткие сроки. Вопрос времени напрямую связан с числом пострадавших, количеством материальных средств, психологическим состоянием населения. Чем скорее чрезвычайную ситуацию ликвидируют, тем быстрее оно стабилизируется.

Полностью избежать психических расстройств вряд ли удастся, но снизить риск их массового возникновения среди населения и сотрудников, устраняющих причины аварии, попытаться стоит. Начать с того, что нужно увеличить часы по психологической подготовке в учебной программе первоначальной подготовки спасателей министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий. Если они будут лучше подготовлены к оказанию экстренной помощи такого плана, то смогут также оградить себя от посттравматического стресса, избежав возможных вторжений в свое сознание жутких красочных картин аварийно-спасательных работ. Муляжи, с помощью которых тренируются спасатели, безусловно, подготавливают их к тому, что они не потеряют контроль над собой, увидев оторванные части тел пострадавших или сами тела в ходе поиска на воде. А заблаговременная психологическая подготовка спасателей, позволяющая им успешно «забывать» события своих рабочих дней, сохранит их эмоциональное состояние и здоровье таким образом, чтобы они не беспокоили их через много лет спустя.

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ МОДЕЛЕЙ ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА НА ОСНОВЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕХАНИЗМОВ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ В СИТУАЦИИ РЕАЛЬНОЙ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ УГРОЗЫ

Каждая чрезвычайная ситуация несет в себе реальную экзистенциальную угрозу для человека, его личности, внутреннего образа «Я». В свою очередь, каждая из ситуаций вызывает определенную психофизиологическую, эмоциональную и поведенческую реакцию человека на предъявляемые стресс-факторы. Наиболее показательной, с точки зрения внутренних переживаний, является предложенная М.М. Решетниковым динамика психофизиологических состояний и поведения жертв чрезвычайной ситуации. Динамика содержит пять стадий, которые сменяют друг друга и для которых характерно специфическое поведение и эмоции. Поэтому за поведением человека, его реакциями в конкретный промежуток времени можно определить, на каком этапе он находится и каким образом ему можно оказать необходимую психологическую поддержку и помощь.

Рассмотрим динамику психофизиологических состояний и поведения человека, который находится в условиях чрезвычайной ситуации:

1. Стадия витальных реакций. Данная стадия длится первые 15 минут после попадания в чрезвычайную ситуацию и характеризуется кратковременным состоянием оцепенения, дезорганизацией поведения и мыслей, нелогичностью выводов и общим состоянием растерянности. На этом этапе срабатывает один из основных инстинктов - самосохранения, поэтому все действия подчиняются именно импульсам этого инстинкта.

В других сферах личности также происходит ряд изменений и преобразований: появляется эмоциональный дискомфорт, напряжение, повышается уровень ситуативной тревоги и возникает страх.

Для поддержания оптимального уровня функционирования организма у человека включается механизм психологической защиты «отрицание», позволяющий не осознавать всех опасных факторов экзистенциальной угрозы, которые несет в себе чрезвычайная ситуация.

В это время в поведении наблюдается шаблонность действий; обычно при активности данного механизма психологической защиты личности человек имеет «холодное», неэмоциональное, несколько агрессивное и жесткое выражение лица. Положение на ногах довольно устойчивое, упор делается на одну ногу, другая только поддерживает равновесие. В речевой функции также наблюдаются изменения – человек быстро говорит, но его фразы поспешные и нечеткие, их трудно понять.

Таким образом, отрицая опасные факторы сложившейся ситуации, человек пытается активно действовать, чтобы выплеснуть эмоциональное напряжение.

2. Стадия острого психоэмоционального шока. Обычно длится от трёх до пяти часов и характеризуется общим психическим напряжением, предельной мобилизацией всех психофизиологических резервов, высокими показателями восприятия и мозговой деятельности человека. На этой стадии могут проявляться необдуманные рискованные поступки, необычно большая смелость, снижается уровень критичности к своей безопасности, оценке реальных факторов угрозы жизни и здоровью. В эмоциональной сфере в основном преобладает ощущение отчаяния, с которым личность начинает активно бороться за счет включения механизма психологической защиты «компенсация», а в некоторых случаях дополнительным действием механизма «проекция».

В поведении человека при использовании этих механизмов психологической защиты появляется искусственная демонстрация раскованности и спокойствия. Появляется закрытая поза (руки скрещенные на груди или на бедрах), мышечное напряжение, общая скованность, но при этом жестикация довольно широкая, и привлекает внимание других людей. Темп ходьбы замедляется, но шаги становятся большими. Обычно, у людей с активностью механизмов психологической защиты «компенсация» и «проекция» речь становится заметно громче, и имеет определенно неестественное произношение. Их взгляд отличается своей жесткостью, брови хмуро сведены, глаза зашурены.

3. Стадия психофизиологической демобилизации. Эта стадия длится до 3 суток и характеризуется значительным снижением показателей оценки собственного состояния. В настоящее время уже достаточно существенно проявляется общая усталость. Поэтому на данной стадии человек чувствует себя уставшим, у него

появляется дискомфорт в желудочно-кишечном тракте, тошнота, «тяжесть» в голове.

Определить и понять свои собственные ощущения помогает работа механизмов психологической защиты «замена» и «вытеснения». При этом собственные негативные эмоции трансформируются в более положительные, приятные и приемлемые для самого себя и окружающих, а те, что не возможно трансформировать, вытесняются в бессознательное.

В поведении человека под действием механизмов психологической защиты личности появляется активная форма действий, которая не всегда является подходящей для сложившейся ситуации. Их движения резкие и неуклюжие, спина сутулая, плечи наклонены вперед, в сидячем положении ноги и руки обычно скрещены. Человек словно «втянут» сам в себя, голова опущена, речь становится тихой и без выразительных интонаций.

4. Стадия разрешения. Продолжительность этой стадии от 3-х до 12-ти суток после происшествия. Эта стадия характеризуется стабилизацией внутреннего состояния и настроения человека. По собственной оценке, человек чувствуют себя значительно лучше, уменьшаются негативные ощущения в области желудочно-кишечного тракта, головные боли и сердечная тахикардия, понемногу начинает восстанавливаться сон, который был беспокойным или вовсе отсутствует на предыдущих стадиях. Наблюдается общая замкнутость и напряжение при установлении контактов с окружающими. Потребность поделиться своими переживаниями, чувствами и мыслями подталкивает к «выборочной открытости».

На этом этапе наиболее активно действуют механизмы психологической защиты «интеллектуализация» и «регрессия». Для поведения человека на данном этапе переживания чрезвычайной ситуации характерно: монотонность и однотипность в движениях, им нравится выстукивать пальцами, ногой какой-то конкретный ритм. Они часто касаются частей лица (потирают глаза, нос, уши), одежды, аксессуаров (постоянно снимают и надевают очки). Их речь медленная, местами даже очень, темп не сменный, но с четким произношением.

5. Стадия восстановления. Обычно эта стадия начинается с 12-го дня пребывания в зоне чрезвычайной ситуации. Переход на эту стадию наиболее заметен в поведенческих реакциях: активизируется межличностное общение, начинает нормализоваться эмоциональная окрашенность речи, впервые за все

время человек начинает шутить и получает необходимый эмоциональный отклик у окружающих. Нормализуется сон, который позволяет отдохнуть, уже не так часто сняться кошмары. Также, восстанавливается деятельность желудочно-кишечной и сердечно-сосудистой систем, в настоящее время наблюдаются лишь единичные случаи возникновения неприятных ощущений.

На данном этапе доминирующей потребностью становится потребность в принятии самого себя таким, какой есть. Для реализации этой потребности включаются механизмы психологической защиты «реактивное образование» и «компенсация». Для спасателей, на этом этапе, характерны сдержанные движения, которые направлены на поддержку сохранения собственной «интимной личностной зоны», стереотипная улыбка, покусывание губ и тому подобное.

Полученные нами данные позволяют, хотя и гипотетически, приблизиться к решению важной научной задачи – прогнозирования копинг-поведения человека на различных этапах его реагирования и переживания ситуации экзистенциальной угрозы.

Урываев В.А., Липов В.Н., Витюткина Т.А.
(г. Ярославль)

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ УСТОЙЧИВОСТИ ЛИЧНОСТИ В СИТУАЦИИ ОБЩЕСТВЕННО- ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕРЕМЕН В ОБЩЕСТВЕ

В условиях социально-экономических трансформаций в современном обществе (прежде всего, в Российском обществе) особый интерес представляет изучение влияния макросоциальных изменений на формирование устойчивых личностных черт.

Наши представления об этих зависимостях могут существенно обогатить лонгитюдные исследования. Подобного типа исследование было проведено нами в 1992-1993 и 2006-2007 годах.

В первом изучаемом периоде (1992-1993 г.г.) были проведены психодиагностические исследования студентов 2-го курса медицинского ВУЗА (лечебный факультет). Возраст обследуемых студентов составлял 18-19 лет (то есть, испытуемые были не позже 1974 года рождения). Это значит, что их рождение (включая период вынашивания) и время формирования личности выпали на период начала 70-х и 80-е годы двадцатого столетия, то есть на период

относительно устойчивого периода развития общества с его устоявшимися групповыми нормами и правилами, на период переживания предсказуемости в отношении будущего. Данная когорта испытуемых вошла в постперестроечный период в юношеском возрасте, достаточно чувствительном к изменениям, но уже впитавшем нормы и правила поведения стабильного периода общества. Вследствие этого, адаптация к новым условиям, возможно, затруднена или протекает с достаточно сильными энергозатратами.

Второй период исследования – 2006-2007 гг. Исследуемая выборка в целом полностью идентична первой по параметрам возраста, пола и рода деятельности. Испытуемые данной исследуемой когорты появились на свет (а также проходили начальные этапы формирования личности) в период дестабилизации общества и его экономики, поэтому базальные личностные качества формировались в условиях сильной социальной и экономической напряженности. Волею исторических обстоятельств, они попали в выраженную стрессовую ситуацию, связанную с коренными изменениями в обществе, перестройке государства и его экономики. По существу, в исследовании удалось зафиксировать существенно иную ситуацию в вопросе формирования черт личности.

Описываемая в данной публикации выборка составила 126 человек в 1992-1993 гг. и 121 человек в 2006-2007 гг. (юноши и девушки были представлены в обеих выборках поровну).

В данной публикации представлен фрагмент исследования, касающийся одного из важнейших для регуляции поведения личности факторов – фактора Q3. Личностный фактор Q3 Р.Б. Кеттелл характеризовал как «гироскопический» фактор личности. В руководствах по применению опросника 16-PF отмечается, что испытуемые с высоким значением этого фактора «организованы, умеют хорошо контролировать свои эмоции и поведение, действуют всегда планомерно и упорядоченно, не разбрасываются, начатое дело доводят до конца, хорошо осознают социальные требования и стараются их выполнять» (Рукавишников А.А., Соколова М.В., 2000).

В нашем исследовании мы проверили связь высоких значений этого фактора в структуре личности молодых людей (как на уровне внутритестовых корреляций опросника 16-PF, так и на уровне внешних корреляций - с методикой мотивационной индукции – ММИ - Ж. Ньютона).

Методика мотивационной индукции (Ж. Ньютен, 2004) позволяет количественно оценить выраженность следующих

основных групп мотивов: стороны личности самого субъекта в целом, определяющие его активность; активность субъекта по отношению к самому себе, саморазвитие; активность, направленная на выполнение профессиональных задач, учебных задач и проч.; все, что включает социальные контакты; активность в связи с получением информации, знания, исследовательская мотивация; мотивация, связанная с религиозными и трансцендентальными ценностями; все, что связано с желанием обладать чем-то, иметь что-то; активность, связанная с отдыхом, игрой, досугом (противоположное работе);

Ученики и последователи Ж. Нюттена называют его подход когнитивно-динамическим или мотивационно-динамическим. Ж. Нюттен определяет перспективу будущего (переживание будущего положено в основу разрабатываемого Ж. Нюттеном направления исследования личности) как приобретенную личностную характеристику, которая формируется в результате мотивационного целеполагания. Человеческие нужды, которые когнитивно переводятся в целевые объекты и поведение, создают эту общую ориентацию на будущее.

Обработка данных с использованием корреляционного анализа Ч. Спирмена дала следующие результаты (далее обсуждаются только статистически значимые корреляции на уровне не ниже 0,05).

- Факторами связанными с высокими значениями Q3 являются:
- рациональный контроль за эмоциями (фактор C, $r=0,17$; 16-PF);
  - гибкость поведения (фактор E, $r= - 0,15$; 16-PF);
  - осторожность (фактор F, $r= - 0,24$; 16-PF);
  - сила характера (фактор G, $r=0,33$; 16-PF);
  - принимающий мир таким, какой он есть (фактор L, $r= -0,17$; 16-PF);
  - практичность (фактор M, $r= - 0,18$; 16-PF);
  - дипломатичность (фактор N, $r= 0,14$; 16-PF);
  - невозмутимость (фактор Q4, $r= - 0,26$; 16-PF);
  - активность (вся категория R, $r= - 0,13$; ММИ);
  - в близких контактах превалирование ценностей дружбы (*C int e* $r= - 0,15$; ММИ);
  - в рамках исследовательской мотивации – стремление понять законы мироустройства, как в естественно-научном, так и в социальном аспекте (*E tw* $r= 0,16$; ММИ);

При обсуждении полученных результатов важно учесть, что особенностью данного исследования стал факт, существенного различия выборок «по социально-психологическим» условиям

формирования личности. В предыдущей публикации (Урываев В.А., Липов В.Н., Витютин Т.А., 2011) мы констатировали, что поколение 70-х уступает поколению 80-х почти целый балл по фактору Q3. Другими словами, поколение 80-х в большей степени полагается на свои собственные усилия в решении жизненных задач.

На этом фоне нам представляется важным выявление обобщенных корреляционных связей, отражающих принципиально важные, существенные, относительно «вне» временные характеристики личности. Мы полагаем, что опираясь именно на эти качества мы можем наладить взаимопонимание между поколениями или взаимопониманием между внутри-личностным опытом разных периодов формирования индивидуальности человека.

Обобщая полученные результаты, мы можем характеризовать факторы, укрепляющие самостоятельность и продуктивность личности как факторы «зрелости» личности: отсутствие демонстративности и аффектации, интерес и вдумчивость по отношению к окружающему миру, реалистичность постановки целей, гибкость в выборе способов достижения, активность и воля в организации усилий.

Флоровский С.Ю. (г. Краснодар)

ДИСПОЗИЦИОННАЯ РЕГУЛЯЦИЯ СОВМЕСТНОЙ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ПРЕДИКТОР НАПРАВЛЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РУКОВОДИТЕЛЯ

Деловая и личностная активность управленцев все в большей мере перемещается из пространства отношений «руководитель-сотрудник» в существенно иную систему социально-психологических координат – «руководитель-руководитель». Онтологической формой интеграции реализуемых в этой сфере менеджерского труда разноплановых и многообразных интеракций выступает фокусирующаяся на регуляции межгруппового взаимодействия структурных подразделений и/или организационных подсистем совместная управленческая деятельность (СоУД) руководителей высшего и среднего ранга, которая представляет собой один из важнейших синергетических механизмов функционирования и развития организации как целостного субъекта социально-экономической активности (Флоровский, 1996, 2000, 2005).

Нормативно основной целью управленческого взаимодействия руководителей (как центрального психологического процесса и ситуативно-обусловленной формы реализации совместной управленческой деятельности) признается обеспечение согласованности и упорядоченности в протекании организационных процессов, противодействие социально-организационной энтропии, обеспечение оптимального баланса тенденций стабильного функционирования и динамичного развития предприятия (Журавлев, 2004, 2005; Кабаченко, 2003; Китов, 1991; Новиков, Мануйлов, 1999; Donaldson & Lorsch, 1983; Likert, 1967). В то же время, повседневная организационная реальность мало напоминает обрисованную выше нормативную модель. Напротив, характерными для повседневных деловых контактов руководителей высшего и среднего ранга оказываются «непрозрачность» и закрытость по отношению друг к другу, конкуренция и соперничество, преобладание установки на максимизацию объема прав и властных полномочий в сочетании со стремлением минимизировать свои социальные обязательства и «подконтрольность» кому бы то ни было. В свою очередь, включение в базирующиеся на принципах отрицательной синергии сценарии управленческого взаимодействия порождает мощнейшие угрозы психологической безопасности руководителей, заставляя их осуществлять непростой выбор между «выпадением» из менеджерского сообщества (с соответствующими статусными и экономическими потерями) и личностной деструкцией вследствие отказа от своих ценностей, этических представлений, жизненных планов и проектов.

Понять причины преобладания в управленческом взаимодействии руководителей положительной или отрицательной синергии, а также оценить степень укорененности тех или иных «интерактивных сценариев» (как конструктивных, так и деструктивных) в культуре организации, невозможно без обращения к анализу той части детерминационного поля СоУД, которая представлена стабильными личностными свойствами взаимодействующих руководителей. Операционально регулирующее влияние личностных свойств руководителей на СоУД может быть раскрыто в результате анализа значимых связей параметров личностной организации руководителей с такими интегральными характеристиками СоУД как продуктивность-непродуктивность, легкость-затрудненность, общая эффективность-неэффективность управленческих интеракций. Это позволяет

эксплицировать такие составляющие культуры организации как комплекс реально-действующих норм поведения и взаимодействия, функционально-ролевых и межличностных ожиданий, а при использовании адекватных стратегий интерпретации – и содержание культуuroобразующих «базовых представлений», которые репрезентируют не только «устоявшиеся» и стабилизировавшиеся характеристики организационной культуры, но и находящиеся в стадии формирования тренды организационного развития. Оказывается возможным понять как именно тот или иной тип культуры генерируется и поддерживается за счет социально-психологических механизмов построения интерперсонального взаимодействия управленцев высшего и среднего ранга. Механизм этих взаимосвязей может быть представлен следующим образом: культура организации ↔ управленческое взаимодействие ↔ функционально-ролевые ожидания участников ↔ поддержка/неподдержка участниками взаимодействия определенных личностно-обусловленных паттернов поведения партнеров (Флоровский, 1996, 2000, 2005, 2009).

Приведем лишь некоторые примеры деструктивных паттернов диспозиционной регуляции СоУД руководителей производственных, торговых и финансово-кредитных организаций южно-российского региона, выявленные нами в период 2002–2008 гг., оказавшийся относительно успешным и стабильным практически для всех вошедших в выборку предприятий. В значительной мере именно эти инерционные личностно-регуляторные паттерны СоУД обусловили низкую эффективность реагирования менеджмента организаций на последовавшие затем «кризисные вызовы».

Ориентация руководителей как субъектов управленческого взаимодействия на дисбалансный вариант «решетки менеджмента». Совместная деятельность руководителей по управлению организациями устойчиво ориентирована на вариант модели «решетки менеджмента» с акцентированной направленностью на отношения и редуцированным стремлением к решению содержательных задач. Стабильно предпочитаемыми партнерами по взаимодействию оказываются руководители, ориентированные на отношения. Управленцы, сколь-либо явно придерживающиеся «задачной» ориентации, быстро приобретают репутацию «трудных и непродуктивных» в совместной работе и вытесняются на периферию организационных процессов.

«Приватизация» ценностных ориентаций руководителей как фактор их успешной интеграции в управленческое сообщество организации. На протяжении последних двух десятилетий происходит существенное усиление роли «приватных» ценностей (материальное благополучие, семья, счастье близких людей и др.) с точки зрения обеспечения общего уровня функционально-ролевой приемлемости руководителями друг друга в качестве субъектов СоУД. Данная категория ценностей всё более отчетливо выполняет маркерную функцию, позволяющую руководителям дифференцировать партнеров по принципу «свой/чужой» с точки зрения легитимности и закономерности их принадлежности к «управленческой элите» организации. Таким образом, способность «позаботиться о себе» оказывается неотъемлемой частью прототипического образа «правильного руководителя», сложившегося в современном российском менеджерском сознании. Как следствие, наблюдается активное «вымывание» с ведущих уровней организационно-управленческой иерархии руководителей с просоциально-ориентированными нестяжательскими ценностями.

Примитивизация критериев формирования руководителями высшего ранга своего окружения. В предложенной Д. Греном концепции «вертикального диадического обмена в организационном лидерстве» были выявлены критерии дифференциации руководителями высшего ранга подчиненных им управленцев среднего и первичного звена на «своих» и «не своих» людей (ин-группу и аут-группу, соответственно). Это оказались следующие параметры субъективной категоризации: 1) компетентность и квалификация подчиненных; 2) допустимая степень доверия к ним; 3) готовность принимать на себя ответственность (Graen & Uhl-Bien, 1995). В наших исследованиях вырисовывается существенно иной психологический портрет нижестоящего руководителя, имеющего наибольшие шансы на вхождение в ин-группу менеджеров более высокого ранга. Он включает в себя следующие черты: снижение уровня субъективного контроля над значимыми событиями в области производственных отношений; направленность на избегание неудач; низкую личностную значимость ценностей самостоятельности, независимости, повышения уровня образования и общей культуры; дефицитарность эмоционального самоконтроля, слабость «Я», тревожность, неуверенность в межличностных отношениях; ограниченность лидерских притязаний, предпочтение субдоминантной, зависимой позиции в интерперсональном

взаимодействии; недостаток социальной опытности, проницательности и т.д. Иначе говоря, руководители высшего управленческого ранга российских организаций отдают предпочтение в качестве партнеров по повседневному деловому общению не активным, инициативным, предприимчивым, стремящимся к повышению уровня профессиональной компетентности и личностного роста, а более «удобным» и «управляемым» с точки зрения ситуационного взаимодействия менеджерам среднего звена.

Подводя итоги, можно констатировать, что одной из самых серьезных угроз безопасности организации в целом и персонально каждого руководителя выступает вызов со стороны латентной «регулятивной энтропии», выражающийся в формировании диспозиционно-регуляторных паттернов, обуславливающих появление и консолидацию деструктивных сценариев совместной управленческой деятельности. Перспективным направлением психологической поддержки организаций, управленческих групп и отдельных руководителей выступает помощь в построении системы стабилизирующей детерминации повседневных управленческих интеракций, способной противостоять действию этих энтропийных тенденций.

Халидов М.М., Байрамов А.Б. (г. Махачкала)

КОПИНГ-СТРАТЕГИИ КАК ФАКТОР ПСИХОСОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Психологические факторы формирования дезадаптивного поведения личности в условиях социальной нестабильности региона»), проект № 11-06-00811а

Проблеме совладания со стрессом посвящено множество исследований. Среди них наиболее популярны работы, изучающие механизм действия копинг-стратегий (поведенческих стратегий), их связь с копинг-ресурсами (личностными ресурсами) и другими психологическими характеристиками. В этих работах определяются стили совладающего поведения, изучается его влияние на процессы адаптации, самочувствие людей.

Проблема преодоления личностью стрессовых и критических ситуаций исследуется учеными в различных областях знания:

биологии, медицине, психофизиологии, психологии, – и в настоящее время остается одной из наиболее актуальных в науке. Устойчивый интерес к данной проблеме обусловлен усилением негативного воздействия природных, экологических, социальных и других неблагоприятных условий на личность. В этой связи особую значимость приобретает изучение психологических способов совладания со стрессом как фактора успешной адаптации человека в современном мире (Л.И.Анцыферова, Ф.Б.Березин, А.А.Реан и др.).

Изучением процесса возникновения стрессовых реакций, способов их профилактики и коррекции поведения личности в стрессовых ситуациях занимались такие зарубежные исследователи, как Дж.Адамс, Ф.Александр, М.Селигман, Г.Селье и др.

Термин «coping» впервые был использован в 1962 г. Л. Мерфи в контексте стремления индивида решить определенную проблему, которое, с одной стороны, является врожденной манерой поведения (рефлекс, инстинкт), а с другой, – приобретенной, дифференцированной формой поведения (владение собой, сдержанность, склонность к чему-либо). Фактически он уже на начальном этапе изучения копинга обратил внимание на его связь с индивидуально-типологическими особенностями личности и предыдущим опытом преодоления стрессовых ситуаций (Карвасарский, Абабков и др., 2007).

Основные положения концепции копинг-процессов были разработаны Р. Лазарусом в книге «Психологический стресс и копинг-процессы» (Лазарус, 1984). С выходом в свет этой книги в 1966 году началась постепенная смена модели стресса, разработанной Г. Селье (Селье, 1962), в сторону рассмотрения копинга в качестве центрального звена стресса, а именно – как стабилизирующего фактора, который может помочь личности поддержать психосоциальную адаптацию в период воздействия стресса.

Таким образом, «копинг», или «преодоление стресса», рассматривается как деятельность личности по поддержанию или сохранению баланса между требованиями среды и ресурсами, удовлетворяющими этим требованиям (Лазарус, 1966).

Р. Лазарус является одним из основоположников ситуационного подхода совладания со стрессом. Его транзакциональная теория рассматривает совладание как процесс и при этом акцентирует его специфичность в отношении конкретных

ситуаций. Личностные характеристики лишь определяют восприятие требований ситуации как стрессогенных.

По мнению Р. Лазаруса, совладание со стрессом – это динамический процесс, посредством которого индивид, в одних случаях, главным образом, использует одну форму совладания, скажем, защитные стратегии, а в других – прибегает к стратегиям решения проблемы путем изменения отношения «личность – окружающая среда».

Р. Лазарус и С. Фолкман рассматривают совладание как постоянно изменяющиеся когнитивные и поведенческие усилия, направленные на управление специфическими внешними и/или внутренними требованиями, которые оцениваются с точки зрения соответствия ресурсам индивида (Лазарус, 1984).

Таким образом, в теории копинга Р. Лазаруса, копинг выступает как динамический процесс, который определяется субъективностью переживания ситуации и многими другими факторами. Психологическое преодоление определяется как когнитивные и поведенческие усилия личности, направленные на снижение влияния стресса.

По мнению, Р. Лазаруса и С. Фолкмана, взаимодействие среды и личности регулируется двумя ключевыми процессами: когнитивной оценкой и копингом. Понятие когнитивной оценки является центральным для подхода Лазаруса к преодолению стресса. Многие, по мнению авторов, зависят от когнитивной интерпретации стрессора. Они выделяют следующие стадии когнитивной оценки: первичную и вторичную. Вначале стресс воспринимается и оценивается в таких субъективных параметрах, как масштаб угрозы или повреждения, которые приписываются событию, или оценка масштабов его влияния. За восприятием и оценкой стрессора следуют нагрузочные эмоции (злость, страх, подавленность, надежда большей или меньшей интенсивности). Далее включаются более сложные процессы регуляции поведения: цели, ценности и нравственные установки. В результате личность сознательно выбирает и инициирует действия по преодолению стрессового события (Абабков, 2004).

Стадии оценки могут происходить независимо и синхронно. Р. Лазарус полагает, что характер оценки является важным фактором, детерминирующим тип совладания со стрессором и процесс совладания (Лазарус, 1966). В случае неуспешного копинга стрессор сохраняется и возникает необходимость дальнейших попыток совладания.

Структуру копинг-процесса можно представить следующим образом: стрессовое воздействие – когнитивная оценка (восприятие события) – возникновение эмоции (нарушение гомеостаза) – выработка стратегии преодоления (копинг) – оценка результата действий (успешное / неуспешное совладание) (Исаева, 2009).

Таким образом, стресс начинается сразу после восприятия и когнитивной оценки стрессового события. В зависимости от того, как оно будет расценено индивидом (положительно/отрицательно, угроза/потеря) практически одновременно возникают соответствующие эмоции. Индивид оценивает свои возможности по преодолению стресса (можно изменить/повлиять на события или нельзя) и в соответствии со своими представлениями, знаниями и предпочтениями осуществляет собственно копинг (действия, направленные на избегание/устранение источника стресса или приспособления к ситуации). После этого вновь происходит оценка ситуации и результата выбранного поведения.

Успешное совладание рассматривается как успешная адаптация. Если поведение не принесло удовлетворяющего результата, то индивид предпринимает новые попытки (Исаева, 2009).

В своей теории Р. Лазарус исходит в большей степени из субъективного восприятия и переживания стресса и уделяет особенное внимание когнитивным процессам и когнитивной оценке. При этом, он не рассматривает стрессоры и способы совладания с ними с точки зрения объективных ситуаций и, в частности, объективно неконтролируемых ситуаций, на которые невозможно влиять по объективным причинам.

Напротив, М. Перре и М. Ричердс (Перре, 1992) считают, что в зависимости от объективных возможностей по изменению ситуации строится и поведение человека. Если на стрессор объективно возможно влиять, то попытка индивида повлиять на него будет адекватной копинговой реакцией. Если по объективным причинам индивид не может повлиять и изменить ситуацию, то адекватным функциональным способом совладания будет являться избегание. Если человек объективно не может ни избежать ситуации, ни повлиять на нее, то функционально адекватной копинговой реакцией будет когнитивная переоценка ситуации, придание ей другого смысла (Перре, 1992).

Адекватный копинг предполагает адекватное восприятие особенностей ситуации. Неадекватная оценка ситуации приводит к неадекватным эмоциям, которые в свою очередь нарушают адаптивные реакции организма. Таким образом, успешная

адаптация возможна только тогда, когда субъект в состоянии объективно и в полном объеме воспринимать стрессор (Аббков, 2004).

М. Перре в своих исследованиях отмечал, что более эффективно преодолевают стресс, обнаруживая при этом более высокие показатели душевного здоровья, те люди, которые чаще руководствуются правилами поведения, соответствующими объективными признаками и особенностями ситуации – контролируемость, изменяемость, негативная значимость события (Перре, 1992). Оказалось также, что лица, склонные к депрессии, например, не способны активно влиять даже на поддающиеся влиянию, управляемые стрессоры. Депрессивные больные недооценивают контролируемость и преобразуемость стрессоров, и потому более пассивны в совладающем поведении (Аббков, 2004).

Одним из факторов, определяющих полезность различных стратегий, является то, в состоянии ли человек контролировать ситуацию или нет.

Наиболее широкую известность в психологической литературе приобрела феноменологическая классификация копинговых ответов, предложенная Р. Лазарусом и С. Фолкманом. Первоначально они подразделяли все многообразие копинг-стратегий, которые использует индивидуум, на две категории: действия (усилия), направленные на себя, и действия (усилия), направленные на окружающую среду.

Группа стратегий, направленных на себя, состоит в большей степени из когнитивных и интрапсихических способов совладания (Лазарус, 1984):

- поиск информации: сосредоточение внимания, визуализирование (представление и воображение), запоминание и т.д.

- подавление информации: отвлечение внимания, постепенное «исчезание» информации, поиск отвлекающих мыслей или занятий;

- переоценка: изменение или замена оценок, сравнение с другими, нахождение нового представления (значения) относительно происходящих событий;

- смягчение: смягчающие способы поведения, нацеленные на сглаживание эмоций, через когнитивные усилия (например, самоуспокаивание) или инструментальные (поведенческие) действия (эмоциональная разрядка при помощи курения, употребления наркотиков, психотропных веществ, а также еды или алкоголя);

– самообвинение: «внутрикарательное» когнитивное поведение, т.е. внутренняя активность, направленная на самообвинение, самокритику или жалость к себе;

– обвинение других или экстрапунитивные реакции: агрессивное обвинение других людей или обстоятельств, проявление гнева.

Вторая группа стратегий представляет собой инструментальные попытки совладания, направленные на окружающую среду (Лазарус, 1984):

– стратегии совладания в условиях, создающих угрозу психологическому благополучию личности и неоднозначных ситуациях: активное, инструментальное воздействие на стрессор: попытки влиять или противостоять влиянию другого человека; в неоднозначных ситуациях – активное расследование (изучение) источника стресса (подвергая сомнению или обращаясь за разъяснениями и т.д.); уклончивое поведение: уход или удаление от источника стресса; пассивное поведение: колебание, ожидание или отставка (отказ от действий);

– стратегии совладания в ситуациях потери (например, потери отношений) или неудачи: действия, направленные на предотвращение надвигающейся потери или отказа (неудачи); действия, направленные на переориентацию со значимых объектов, поиск источников эквивалентной замены (заместителя); пассивное поведение: ожидание, колебание или отставка.

Позднее Р. Лазарус и С. Фолкман классифицируют стратегии совладания уже в соответствии с выделенными ими двумя основными функциями копинга (Лазарус, 1987):

1. Копинг, «сфокусированный на проблеме», направлен на устранение стрессовой связи между личностью и средой;

2. Копинг, «сфокусированный на эмоциях», направлен на управление эмоциональным стрессом.

Необходимость учета обеих функций авторы обосновывают наличием эмоционального, когнитивного и поведенческого компонентов переживания стресса, которые образуют разнообразные комбинации (Лазарус, 1987).

При этом С. Фолкман выделяет активное и пассивное копинг-поведение (Фолкман, 1984). Активное копинг-поведение – это поведение, направленное на устранение или избегание угрозы (борьба или отступление), предназначенное для изменения стрессовой связи с физической или социальной средой. Пассивное копинг-поведение – это интрапсихические формы преодоления стресса, которые относятся к защитным механизмам,

предназначенным для снижения эмоционального напряжения раньше, чем изменится ситуация.

Иными словами, активная форма копинг-поведения, или активное преодоление, представляет собой целенаправленное устранение или изменение влияния стрессовой ситуации, ослабление стрессовой связи личности с окружающей средой.

Пассивное копинг-поведение – это своего рода интрапсихические способы преодоления стресса с использованием различных механизмов психологической защиты, которые направлены не на изменение стрессовой ситуации, а на редукцию эмоционального напряжения (Фолкман, 1984).

С. Фолкман и Р. Лазарус определили 8 видов ситуативно-специфических копинг-стратегий (Лазарус, 1987): планомерное решение проблем; позитивная переоценка; принятие ответственности; поиск социальной поддержки; конфронтация; самоконтроль; дистанцирование; избегание.

С. Фолкман, исследовав совладание со стрессом в разнообразных стрессовых ситуациях, показала, что в целом процессы совладания являются «скорее изменчивыми, чем стабильными» (Фолкман, 1984), но некоторые стратегии совладания обнаруживали относительную устойчивость вне зависимости от ситуаций. Например, выяснилось, что стратегия «позитивная переоценка» наиболее тесно связана с личностными факторами, в то время как сфокусированные на проблеме стратегии «конфронтация», «поиск социальной поддержки» и «планомерное решение проблемы» в наибольшей степени зависели от ситуации.

Одним из значимых компонентов формирования адекватного, адаптивного совладания или активного копинг-поведения является стратегия «планомерное разрешение проблем». Данная поведенческая стратегия способствует появлению и дальнейшему рассмотрению широкого круга альтернативных вариантов решения проблемы.

При формировании дезадаптивного поведения одной из ведущих является копинг-стратегия «избегание». Ее использование обусловлено недостаточностью развития личностно-средовых копинг-ресурсов и навыков активного разрешения проблем. Однако, копинг-стратегия «избегание» может носить адекватный либо неадекватный характер в зависимости от конкретной стрессовой ситуации, возраста индивида и актуального состояния ресурсной системы личности (Сирота, 1994). Вместе с тем, при изучении взаимосвязей здоровья, критических жизненных событий, социальной поддержки и копинга, было обнаружено, что личности,

остающиеся здоровыми при воздействии стресса, чаще использовали стратегию «избегание». При этом семейное окружение действовало как фактор резистентности к стрессу (Гурвич, 1999).

В противоположность изложенной выше позиции Д. Амирхан считал, что выбор индивидом тех или иных копинг-стратегий является достаточно стабильной характеристикой на протяжении всей жизни, мало зависящей от типа стрессора. Он обозначил их как базисные стратегии поведения человека и объединил в три группы (Амирхан, 1990): решение проблемы (адаптивная); поиск социальной поддержки (адаптивная); избегание проблемы (неадаптивная).

Отечественный психолог Л. Собчик также считает, что тип реагирования в стрессовых ситуациях представляет собой «продолжение ведущей индивидуально-личностной тенденции», базирующейся на типе высшей нервной деятельности, является врожденной, генетически обусловленной характеристикой (Собчик, 2000).

Большинство людей склонны применять различные стратегии, переходя от когнитивных стратегий к эмоционально-сфокусированным, и наоборот. При этом для успешного выхода из стрессовой ситуации необходимо пропорциональное представительство каждого из указанных видов копинга. Таким образом, какая из стратегий «хороша или плоха», зависит от ситуации и может изменяться по ходу развития ситуации.

В целом, большинство исследователей придерживаются единой классификации способов совладания со стрессом (Исаева, 2009):

- 1) копинг-стратегии, воздействующие на ситуацию;
- 2) когнитивные стратегии, направленные на переоценку ситуации;
- 3) усилия, направленные на снятие эмоционального напряжения.

Таким образом, копинг-поведение – это стратегии действий, предпринимаемые человеком в ситуациях психологической угрозы физическому, личностному и социальному благополучию, осуществляемые в когнитивной, эмоциональной и поведенческой сферах функционирования личности и ведущие к успешной или менее успешной адаптации.

РОЛЬ ЭТИЧЕСКОГО НАЧАЛА ЛИЧНОСТИ КАК ОСНОВЫ БЕЗОПАСНОСТИ ЕЕ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Понятие безопасности предполагает наличие другой, противостоящей ей категории – опасность. В рамках рассмотрения безопасности жизнедеятельности субъекта такими опасностями являются экстремальные ситуации. Каждый человек сталкивается в жизни с различного рода ситуациями, которые расцениваются как экстремальные и во многом определяют особенности его жизнедеятельности. Характер преодоления (переживания) экстремальных ситуаций во многом определяет дальнейшую судьбу человека и особенности его жизненной активности. Поэтому актуальность проблемы безопасности жизнедеятельности субъекта очевидна. В современном мире с усложнением системы жизнедеятельности всего человечества данная проблема приобретает еще большую значимость, так как активность человека зачастую выступает причиной, порождающей различного рода экстремальные ситуации, которые несут потенциальную угрозу его жизни и благополучию.

Экстремальная ситуация интегрирует в себе два понятия – экстремальность и ситуация. При анализе экстремальности можно обратиться к исследованиям В.А. Пономаренко, который считает, что экстремальность как особый механизм естественного отбора является обязательным спутником жизни человека в системе его многообразных отношений с миром и выступает основой формирования защитно-приспособительных механизмов [1,с.40]. При этом проявления экстремальности в жизни субъекта определяются крайним выражением любого вида воздействия на его психическую активность. В этом плане логично, что «экстремальность в жизненно-личностных, профессиональных, социальных ситуациях требует от человека исключительных, прежде всего духовных, нравственных, психофизических качеств, обеспечивающих ответное системное деяние в виде мужества, преодоления, взвешенной разумности» [1, с. 38],

Результат экстремальности может иметь либо конструктивный, либо деструктивный характер для субъекта. Деструктивный характер экстремальность имеет в случае отсутствия адекватных ситуации приспособительных механизмов,

когда экстремальность приобретает черты, угрожающие разрушением целостности человека.

Экстремальность проявляется через внезапность, неожиданность и тем самым неготовность человека к ней. На психологическом уровне, как замечает В.А. Пономаренко [1,с.39], это проявляется в неспособности организовать интеллектуальный процесс прогнозирования (через недостаточный уровень волевых процессов). Поэтому при взаимодействии психического с экстремальным особая роль отводится именно трансцендентным оценочным механизмам. Данные механизмы проявляются через дух, нравственность, честь, достоинство, добродетельность, долг, жертвенность, а также через ответственное отношение к себе, к людям, к миру. И именно в этом отражается истинный смысл психического -преодоление стереотипности и «синдрома колеи». Таким образом, конструктивный результат в преодолении экстремальности возможен через активацию самостоятельного начала, которое отражает истинную субъектность человека.

Понимание ситуации, а точнее, характера ее влияния на человека традиционно рассматривается представителями разных школ через призму собственных представлений. В этой связи Е.В. Улько [2] дает анализ основных зарубежных подходов к сущности и роли ситуации для человека.

В рамках первого подхода особое внимание уделяется значению внешних характеристик среды. В этом случае ситуация выступает внешним явлением по отношению к человеку и определяет его активность. Наибольший вклад в данное направление был внесен представителями поведенческой школы (Дж. Уотсон, Б. Скиннер, М. Дойч, М. Шериф и др.).

В рамках второго направления в изучении взаимодействия человека и ситуации основной акцент ставится на личность, которая понимается как автономная и саморазвивающаяся система, практически независимая от внешних воздействий среды. В данном направлении работали представители психодинамического направления (З. Фрейд, К. Хорни, А. Адлер и др.).

Третье направление (К. Левин, Д. Магнусон, Л. Росс, Р. Нисбетт, У. Найс-сер и др.) рассматривает в неразрывном единстве человека и ситуацию, которые выступают взаимозависимыми переменными. Рассмотрение этических оснований безопасности жизнедеятельности субъекта соотносится именно с позициями авторов третьего подхода и, более того, отражает основные методологические принципы отечественной психологии. Именно

взаимодействие человека и экстремальной ситуации предполагает включенность субъекта в ситуацию и возможности управления ею.

Экстремальные ситуации, отражающие особенности взаимодействия человека и среды, по критерию происхождения делятся на природные, техногенные и психологические. Степень критичности каждой из них определяет последствия для индивида. В центре каждого из трех типов ситуации всегда находится человек, который сталкивается с угрозой жизни или благополучию. Однако в генезисе каждой из этих ситуаций роль субъекта неодинакова.

В экстремальных ситуациях природного происхождения в большей степени играют роль естественные процессы. Землетрясения, цунами и другие природные явления выступают теми потенциальными опасностями, которые остаются неподвластными управлению. С другой стороны, усиление прогресса способствует тому, что человек пытается овладеть силами природы и, в свою очередь, может спровоцировать естественные процессы.

Техногенные экстремальные ситуации уже в гораздо большей степени определяются именно активностью человека. Непрерывный процесс научно-технического развития способствует постоянному усложнению машин как новой реальности, порождаемой самим человеком. Однако параллельно с техническим совершенствованием происходит усиление вероятности и критичности экстремальных ситуаций техногенного характера. Увеличение машин повышает вероятность аварий с их участием, усложнение технических средств повышает возможности их поломки и т. д. Таким образом, машины и технические сооружения выступают своеобразным промежуточным звеном между экстремальной ситуацией и субъектом.

Экстремальные ситуации психологического характера уже возникают в социальном пространстве, а в основе их развития находится только человек. Он сам эти ситуации порождает, переживает и получает определенный результат. Общество как саморазвивающаяся система социальных связей и отношений, по справедливому замечанию Э.В. Сайко [3,с.45], органически входит в другую, более широкую систему «Человек-Природа». Однако в ней оно занимает особое место в силу того, что его субъекты развивают принципиально новые отношения, выходящие за пределы природных закономерностей.

Итак, проблема безопасности жизнедеятельности определяется прежде всего ролью человека как субъекта своей деятельности, отношений, направленности. К настоящему времени категория субъекта наиболее полно и целостно отражает понимание человека как саморазвивающейся системы и выступает предметом изучения значительной части современных исследований.

В любой экстремальной ситуации можно выделить как человека, непосредственно в нее вовлеченного, так и других людей, выступающих сторонними наблюдателями, то есть этический анализ любой экстремальной ситуации предполагает рассмотрение как ее субъекта, взаимодействующего в ней, так и субъектов, не взаимодействующих в ней, но имеющих к ней отношение.

Литература

1. Пономаренко В.А. Экстремальность и проблема отношения к профессиональной деятельности и в профессиональной жизнедеятельности // Мир психол. - 2006. - №4.
2. Улько Е.В, Субъект интерпретации ситуаций социального взаимодействия // Субъект, личность и психология человеческого бытия: Тр. Ин-та психологии РАН / Под ред. В.В. Знакова, З.И. Рябикиной. - М., 2005.
3. Сайко Э.В. Объективное общественное бытие - это определенные содержательные отношения людей// Мир психол. - 2006. - № 4.

Хуснулина Ю.И. (г. Челябинск)

КОРПОРАТИВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ОСНОВАНИЕ ПРОДУКТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в новых экономических условиях организациям необходимо сконцентрировать усилия на защите собственной функциональной и структурной целостности.

Объект исследования – корпоративная безопасность организации. Предмет исследования – психологические закономерности, условия и факторы корпоративной безопасности как основания продуктивной деятельности организации. Цель исследования заключается в разработке элементов концепции корпоративной безопасности как основания продуктивной деятельности организации (психологический аспект).

Реализация цели исследования предопределила постановку и решение следующих основных задач:

1. Обобщить состояние разработанности проблемы исследования.
2. Дать сущностную характеристику корпоративной безопасности.
3. Определить некоторые критерии, показатели и уровни корпоративной безопасности в ВУЗе.
4. Определить *психологические закономерности корпоративной безопасности* в ВУЗе.

В настоящее время проблема корпоративной безопасности организации является предметом исследований многих социально-гуманитарных наук, в том числе психологии, менеджмента, культурологии, социологии. В данной работе феномен корпоративной безопасности будет рассматриваться с психологической точки зрения.

Для прояснения сущности корпоративной безопасности был проведен анализ специализированной литературы, материалов конференций и иных источников. В результате были выделены следующие базовые составляющие определения корпоративной безопасности:

1. Корпоративная безопасность как личное ощущение и ценность;
2. Корпоративная безопасность как основа социальных отношений;
3. Корпоративная безопасность как процесс и результат;
4. Корпоративная безопасность деятельности как комплекс специальных мер;
5. Корпоративная безопасность как область деятельности;
6. Корпоративная безопасность как качество жизнедеятельности.

В нашей работе основными из названных компонентов являются корпоративная безопасность как личное ощущение и ценность, как основа социальных отношений, как качество жизнедеятельности. В этих компонентах ведущей является психологическая составляющая.

Для уточнения понятия «корпоративная безопасность организации» (психологического аспекта) был проведен ряд исследований восприятия и оценки категории «корпоративная безопасность организации» членами ЧОУ ВПО ЮУИУиЭ. Полученные данные были подвергнуты статистической обработке. Было опрошено 124 человека, но анкет, которые можно было подвергнуть какой-либо обработке всего 73. Из них 12 преподавателей, остальные – студенты 2-5 курсов. В результате получен массив ответов на вопрос: «Как вы понимаете то, что в вашей организации присутствует корпоративная безопасность (опасность)?».

Свыше 60% опрошенных имеют цельные представления о категории «корпоративная безопасность организации». Из них преподаватели определяют «корпоративную безопасность» как результат деятельности специальных внутриорганизационных структур, функционально ее обеспечивающих, а студенты имеют приблизительные представления о корпоративной безопасности и, как правило, характеризуют это понятие следующими оборотами: информационная безопасность, собственная безопасность, благоприятная атмосфера, дружный коллектив и т.д.

В мини-опросник была включена шкала от 0 до 100 баллов, по этой шкале участникам следовало определить, каков «Уровень корпоративной безопасности в нашей организации». Было опрошено 73 человека. На основе данной части исследования, анализа полученных результатов были выделены три группы членов коллектива ВУЗа:

1) преподаватели и студенты, которые считают нашу организацию «корпоративно безопасной организацией»: уровень безопасности 80-100 баллов. В проведенном исследовании количество таких сотрудников – 78 %;

2) условно «корпоративно опасная организация»: уровень безопасности 0-30 баллов; причина такого результата - негативная оценка взаимодействия студента и преподавателя. В проведенном исследовании количество таких сотрудников – 4 % (студенты);

3) так называемая «смешанная корпоративная безопасность» – 18 % . Участники опроса не задумывались над этим вопросом или не имеют четкого представления о вопросе, кроме того, не оценивают однозначно.

Что влияет на корпоративную безопасность в нашей организации, что является регуляторами корпоративной безопасности? Для того, чтобы ответить на эти вопросы, мы использовали в опроснике методику Т.С. Кабаченко (методика ценностных регуляторов организационного поведения). Были предложены регуляторы корпоративной безопасности как альтернативы. Руководствуясь этими регуляторами, респондент определял, каков наш вуз - корпоративно опасен или безопасен. После опроса был определен средний уровень опасности - безопасности нашей организации в соответствии с этими регуляторами. Обработав результаты, получили следующее: «корпоративно безопасная организация» в ВУЗе характеризуется такими регуляторами, как результативность деятельности, «социальное лицо» организации, профессиональные перспективы (карьера, новые горизонты, перспективы, потенциальные достижения). Власть опрошенные определили однозначно как регулятор, свидетельствующий о

корпоративной опасности организации. В противовес власти следует отметить значение фактора лояльности.

Таким образом, феномен корпоративной безопасности показан как имеющий психологическую природу, обусловленный соответствующими условиями и факторами и раскрывающийся через такие категории, как ценности, лояльность, доверие, приверженность сотрудников, формирующиеся у человека в организации. Эти категории становятся базой для реализации задач по обеспечению корпоративной безопасности как основания продуктивной жизнедеятельности организации и ее прогрессивного изменения.

Совокупность проведенных исследований позволяет сделать обобщающий вывод о том, что корпоративная безопасность раскрывается как система следующих психологических показателей:

- надежность сотрудников (характеристика лояльности и доверия);
- позитивное социальное самочувствие, социально-психологический климат внутренней среды организации и совпадение ценностей человека и организации;
- наличие смыслов профессиональной деятельности человека вообще и согласованность со смыслами профессиональной деятельности в данной организации;
- объединение личностных и корпоративных целей, ценностей и интересов, включенность персонала в единое психологическое организационное поле, ощущение «сильного МЫ»;
- отсутствие угроз корпоративной безопасности во внутренней среде.

Царькова О.В., Денисов И.Г. (г. Мелитополь, Украина)

ПСИХИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ НАСЕЛЕНИЯ УКРАИНЫ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Психическое здоровье и психическое благополучие являются важнейшими составляющими высокого уровня качества жизни, позволяющими человеку считать свою жизнь полноценной и значимой, быть активным и творческим членом общества. Высокий уровень психического здоровья населения является важным фактором социального единства, производительности труда, общественного покоя и стабильности окружающей среды, способствующим росту социального капитала и экономическому развитию общества.

К сожалению, показатели здравоохранения психического населения Украины свидетельствуют о негативных тенденциях в этой сфере. По данным начала 2005 года более 1200 тыс. жителей Украины нуждались в помощи психиатра и более 900 тыс. – нарколога. За последние 12 лет, начиная с 1993 года только учтенная распространенность психических расстройств выросла в 1,2 раза, с 222,3 до 248,2 человек на 100 000 населения. В структуре психической патологии отмечается рост распространенности в 1,2-1,5 раза непсихотических психических расстройств, шизофрении, психических расстройств органического происхождения, умственной отсталости. Из общего количества зарегистрированных больных психическими расстройствами 69 % составляют больные работоспособного возраста, 23 % – дети.

Не уменьшается и количество суицидальных попыток и завершенных суицидов. Смертность от суицидов составляет 25-26 случаев на 100 000 населения. Из них до 0,6 % составляют дети и подростки.

Увеличиваются контингенты больных, имеющих группу инвалидности вследствие психических расстройств. Ежегодно первично признается инвалидами 27,5 больных на 100 000 населения, в том числе детей – 31,4 на 100 000 детского населения. Имеют группу инвалидности 540,5 больных на 100 000 населения, из них почти 85% имеют I и II группу инвалидности [1].

Приведенные показатели обуславливают значительные социальные и экономические потери общества и свидетельствуют о том, что ситуация в сфере психического здоровья украинского населения сегодня является достаточно серьезной.

Среди актуальных причин недостаточной эффективности предоставления психиатрической помощи специалисты выделяют также обветшалую структурную и функциональную организацию психиатрической службы, которая очень нуждается в изменениях, согласно европейским и мировым тенденциям, а также недостаточность нормативно-правовой базы для регуляции деятельности психиатрической службы и осуществления ее профилактической направленности.

Конституция Украины гарантирует гражданам право на здравоохранение, медицинскую помощь и медицинское страхование (раздел 2, ст. 49), безопасное для жизни и здоровья окружающую среду (раздел 2, ст. 50).

Закон Украины «Основы законодательства Украины о здравоохранении», утвержденный Президентом Украины в 1992

году, базируется на Конституции и провозглашает, что «каждый человек имеет естественное неотъемлемое и нерушимое право на здравоохранение. Общество и государство ответственны перед настоящими и будущими поколениями за уровень здоровья и сохранения генофонда народа Украины, обеспечивают приоритетность здравоохранения в деятельности государства, улучшение условий труда, учебы, быта и отдыха населения, решение экологических проблем, совершенствование медицинской помощи и внедрение здорового образа жизни.

Основы законодательства Украины о здравоохранении определяют правовые, организационные, экономические и социальные принципы здравоохранения в Украине, регулируют общественные отношения в этой отрасли с целью обеспечения гармоничного развития физических и духовных сил, высокой работоспособности и долголетней активной жизни граждан, устранения факторов, которые вредно влияют на их здоровье, предупреждение и снижение заболеваемости, инвалидности и смертности, улучшение наследственности».

Данные государственные нормативные документы, которые являются основными, не концентрируются конкретно на психическом здоровье человека, но, если речь идет о здоровье в целом, то, бесспорно, имеется в виду и психическое.

В 2000 году был принят основной Закон «О психиатрической помощи», который в основном регламентирует порядок предоставления специализированной психиатрической помощи, а не целостной межсекторной системы здравоохранения психического здоровья, как это имеет место в большинстве стран Европы.

В Украине система предоставления психиатрической помощи практически не изменилась с советских времен. Можно сказать, она даже ухудшилась из-за уменьшения финансирования психиатрических заведений. Кроме того, ментальность украинских врачей-психиатров почти не изменилась.

Закон «О психиатрической помощи» базируется на Конституции Украины и состоит из Основ законодательства Украины о здравоохранении, и является даже не единственным правовым актом в сфере здравоохранения психического здоровья граждан Украины.

Однако следует отметить, что в последнее время специалисты выражают серьезную обеспокоенность ростом психических расстройств, и до настоящего момента в Украине были приняты

некоторые меры, направленные на улучшение ситуации в сфере здравоохранения психического здоровья населения.

Многие специалисты признают состояние здравоохранения психического здоровья граждан Украины и предоставления им психиатрической помощи нуждающимся в улучшении.

Проблема реорганизации и развития системы здравоохранения психического здоровья нуждается в возобновлении законодательной базы, усовершенствовании структурного и функционального содержания психиатрической службы, улучшении материально-технического состояния психиатрических заведений, улучшении профессиональной психиатрической подготовки специалистов соматического профиля, преодолении негативных стереотипов относительно лиц с изъятиями психического здоровья, а также привлечении общественности к участию в решении вопросов развития психиатрической помощи и здравоохранения психического здоровья.

Литература

1. Юрьева Л. Н. История. Культура. Психические и поведенческие расстройства. — К.: Сфера, 2002. С. 101.

Юсупова Р. Ю. (г. Махачкала)

К ВОПРОСУ О ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЙ ДЕГРАДАЦИИ ЛИЧНОСТИ

Происходящие в последние годы процессы духовно-нравственной деградации общества, выявили глубину и остроту нравственных проблем. Перед обществом стал вопрос о переходе к общечеловеческим ценностям в воспитании нового поколения. Нравственное воспитание – процесс целенаправленного развития ценностных отношений воспитанника к обществу, окружающим людям, самому себе. Усиление роли нравственного воспитания в педагогическом процессе делают проблему развития нравственных чувств личности особенно актуальной.

Нравственное развитие – это не только возвышение человека индивидуального, но и совершенствование общества в целом. Изменения, происходящие в нашем обществе, демократизация общественных отношений и многое другое предъявляет новые требования к личности, к её морфемным качествам, к её нравственному развитию. Огромная роль в разработке вопросов

нравственного развития личности принадлежит работам Л. М. Архангельского, А. А. Гусейнов, Л. Н. Когана, А. И. Титаренко, В. Н. Шерданова и др. Среди исследователей, занимающихся проблемами нравственности в условиях перехода общества к рыночным отношениям, известны труды И. И. Кравченко, В. Н. Кудрявцева, Н. И. Лапина, Р. А. Логуа, Е. Ю. Сидорова и др. Изучение этих материалов позволяет глубже анализировать проблемы духовного мира современной личности, её нравственного развития. Изменение материальных и духовных сфер общества объективно влияют на преобразование нравственного мира личности, различных сторон её жизнедеятельности, что порождает противоречия, связанные с возникающим изменением в отношениях между людьми.

Сегодня в обществе недооценивают важного значения морали по отношению к материальной сфере жизнедеятельности человека. Сущность морали обуславливается необходимостью регулировать общественные отношения. Необходимость упорядочить эти новые отношения и побуждает нравственное развитие. Человек моральный отличается от человека аморального не только тем, что его поведение легче регулировать, а тем, что сама личность невозможна без морали. Общество формирует определённые идеалы, цели, принципы и на их основе нормы поведения, доводя последние до сознания индивидуумов через систему воспитания, создавая необходимые условия для их реализации, оценивая совершенные поступки путём одобрения или поощрения.

Воспитание – это процесс, в ходе которого личность интериоризирует ценности и нормы общества, различных социальных групп. Личность не только воспринимает информацию, но и осмысливает ей в процессе собственной жизни, формируя свой собственный мир. Формирование личности осуществляется в определённой системе воспитания. Одним из главных субъектов воспитания является семья. Семья формирует у личности первоначальное представление об обществе, его традициях; тенденциях развития, социальных и духовных реальностях. Нравственные чувства ребёнка формируются в семье.

Дети осознанно или неосознанно выбирают нравственное поведение родителей, их отношения к нравственным ценностям в семье, в процессе непосредственного общения происходит формирование у ребёнка определённых нравственных ценностей, конкретных поступков и способов поведения, способностей и моральных качеств. Активное взаимодействие между родителями и

ребёнком превращает семью в мощный фактор развития и становления гармоничной и нравственной здоровой личности. В последние годы, роль семьи и семейного воспитания недооценивается в становлении нравственного развития личности. Сохранение нравственных принципов будет осуществляться при непосредственном участии семьи и семейного воспитания. Ведь семья является сегодня залогом стабильности, духовного взаимопонимания и единства близких людей. Дальнейшее развитие нравственных качеств личности происходит в школе. Активное приобщение к умственному и физическому труду, социальная деятельность школьного коллектива – важные условия нравственного формирования учащихся. Школа является механизмом нравственного самовоспитания. Процесс осознанной нравственной саморегуляции в подростковом юношеском возрасте занимает важное место в утверждении нравственных качеств личности. Школа должна быть гарантом национального согласия, нравственности, стабильности общества. Общеизвестно, что школа, вузы, вся система образования страны обязаны выпускать людей не только образованных, но и нравственно воспитанных. С раннего детства в душу ребёнка закладываются основные принципы, помогающие ему стать личностью, занять достойное место в жизни.

Процесс нравственного развития личности в стенах общеобразовательных учреждений должен не только включать обучающихся в различные направления деятельности: классные, общешкольные мероприятия, но и индивидуальную работу с каждым школьником. Эффективность работы с нравственным потенциалом ребёнка зависит от педагога, его взглядов на жизнь, его профессиональной культуры, умения понимать и любить детей. Успешное выполнение педагогом своих функций – необходимое условие формирования и становления личности.

Как показали наблюдения В. А. Сухомлинского: «Силой, которая побуждает каждого воспитанника взглянуть на самого себя, задуматься над собственным поведением, управлять собой, а с этого, по существу, начинается настоящее воспитание, – является личность учителя, его идейные убеждения, богатство его духовной жизни» [3]. В современной психолого-педагогической науке вопрос о влиянии личности воспитателя на процесс формирования личности ребёнка рассматривается как ключевой и определяющий. Этой проблеме посвящены многие теоретические и экспериментальные исследования Ш. А. Амонашвили, Л. И. Божович, Н. В. Кузьминой, А. В. Мудрика, Д. И. Фельдштейна и др.

В этих работах показано, что воспитательные задачи, стоящие перед педагогами в настоящее время, выполнимы лишь в случае творческого подхода к их решению и при условии умелого использования разнообразных методов педагогического воздействия. Известно, что личность педагога оказывает непосредственное воздействие на нравственное развитие личности учащихся. О влиянии личности преподавателя на формирование нравственного мира личности студента нам позволяют судить данные результатов социологического исследования. Долгое время система воспитания в педагогике строилась, в основном, на основе тезиса, согласно которому воспитание, а, следовательно, и полноценное развитие личности возможны только в коллективе и через коллектив. Этот тезис разделяется практически всеми педагогами и психологами.

А. С. Макаренко доказал, что развитый детский коллектив действительно играет важнейшую роль в формировании личности и эта роль особенно важна по отношению к тем детям, которые по личностному развитию значительно отстают от коллектива. В этом случае коллектив оказывает положительное влияние на воспитанника, как бы подтягивая, поднимая его до своего уровня [2].

В последние годы в социально-психологических исследованиях коллективов показало, что положительное воздействие на развитие личности может оказать только высокоразвитый коллектив. С другой стороны, во многих случаях среднеразвитые коллективы необходимы для формирования полноценной современной личности. О том, что коллектив оказывает положительное влияние на личность, свидетельствуют многочисленные данные, полученные в педагогике, общей, возрастной и социальной психологии. Получило теоретическое признание и экспериментальное подтверждение о том, что личностью человек не рождается, а становится, что почти всё, что в нём положительного, приобретает им в разного рода группах и коллективах в результате общения и взаимодействия с людьми. Мы только хотим подчеркнуть, что коллектив способен оказывать не только положительное, но и отрицательное воздействие на личность, и в этом случае её от него следует оградить. 57 % опрошенных считают, что личность преподавателя оказывает наибольшее воздействие на нравственное развитие студентов. Таким образом, независимо от возраста, образования, пола, семейного положения, национальности и места жительства,

большинство респондентов убеждены в приоритетности педагогического воздействия со стороны преподавателей на учащихся. Проведённые исследования позволяют нам сделать вывод о том, что студенты ориентируются как на личностные, индивидуально-неповторимые черты своего педагога, так и на его чисто профессиональные навыки и умения. Позиция преподавателя, его установки и ценностные ориентации в нравственной сфере в силу своей авторитетности имеют важное значение в становлении личности студента. Педагог должен осознавать всю ответственность, которую он несёт перед обществом за нравственность своих учащихся.

Таким образом, на формирование высоконравственной личности воздействуют несколько механизмов:

1. семья – как фактор формирования личности;
2. школа – механизм нравственного формирования личности;
3. роль педагога в формировании и становлении личности;
4. коллектив как полноценное развитие личности.

Основы нравственного облика человека закладываются в детском, подростковом и юношеском возрастах, а нравственное развитие протекает в течении всей его жизни. Исходя из всего сказанного, можно сделать вывод, что для решения проблемы подрастающего поколения необходимо объединить усилия педагогов, родителей, общества по установлению стабильности в душах подрастающего поколения, по формированию нравственных ценностей.

Литература

1. Гасанов Ш. Нравственный закон воспитания // Дагестанская правда – 30 марта 1999 г – С. 3.
2. Макаренко А. С. О воспитании. – М., 1988. – С. 29.
3. Сухомлинский В. А. Как воспитать настоящего человека. – М., 1989.
4. Сухомлинский В. А. Методика воспитания коллектива. – М.: Просвещение, 1981. – С. 153.
5. Шихалиева Д. С. Проблемы нравственного развития личности в условиях рыночных реалий. – Махачкала – 2000.

СОДЕРЖАНИЕ

Маллаев Д.М. Приветственное слово участникам конференции.....	3
Сафаралиев Г.К. Приветствие участников конференции	4

РАЗДЕЛ 1.

ПСИХОЛОГИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ И ЭТНОСОВ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВА

Зинченко Ю.П., Шилко Р.С. ПСИХОЛОГИЯ В ИНФОРМАЦИОННОМ МИРЕ: ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.....	5
Далгатов М.М., Муталимова А.М. ЛИЧНОСТЬ В УСЛО- ВИЯХ ДЕПРИВАЦИИ ПОТРЕБНОСТИ В БЕЗОПАСНОСТИ	9
Адильханова Н.Д. ФОРМИРОВАНИЕ ЧУВСТВА ПАТРИОТИЗМА КАК УСЛОВИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	16
Афанасьева Л.В. КУЛЬТУРА МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ ПОЛИЭТНИЧЕСКОГО РЕГИОНА	19
Борисова Н.П. НАУЧНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЭТАПОВ РАЗВИТИЯ СУЕВЕРИЙ.....	23
Букреева И.В. МЕНТАЛИТЕТ КАК ФАКТОР СОХРАНЕНИЯ САМОБЫТНОСТИ НАРОДОВ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ.....	27
Воропаева Т.С. ИССЛЕДОВАНИЕ КОЛЛЕКТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ГРАЖДАН УКРАИНЫ В КОНТЕКСТЕ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	31
Далгатов М.М., Гаджимурадова З.М., Гаджимурадова Ж.Т. ЭТНИЧЕСКАЯ И ОБЩЕРОССИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В МОЛОДЕЖНОМ САМОСОЗНАНИИ КОРЕННЫХ ЭТНОСОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА.....	34
Глинская Л.Ф. ИСЛАМО-ХРИСТИАНСКИЕ КОНФЛИКТЫ И ПРОЦЕСС ЕВРОИНТЕГРАЦИИ	41
Грабовская И.Н. ГЕНДЕРНЫЙ КОНФЛИКТ В КОНТЕКСТЕ РЕЛИГИОЗНОЙ СИТУАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЕ	45

Дрынкина Т.И. СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА.....	49
Закарьяева Б.А. СОЦИАЛЬНО-НОРМАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО В САМОСОЗНАНИИ СОВРЕМЕННОЙ ДАГЕСТАНСКОЙ МОЛОДЕЖИ	53
Кадиева Р.И., Кадиев Т.Т. ГРУППОВАЯ РАБОТА КАК СПОСОБ СНИЖЕНИЯ АГРЕССИВНОСТИ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ.....	57
Квасова О.Г. КЛАССИФИКАЦИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ ПЕРЕЖИВАНИЯ УГРОЗЫ ТЕРАКТА	60
Магомедова М.М. ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЭТНОСА В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВА	62
Магомед-Эминов М.Ш. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ СМЫСЛ ФЕНОМЕНА БЕЗОПАСНОСТИ.....	69
Митяй З.О. ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА В НАЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЕ МИРА	74
Молодыхенко В.В. СОЦИАЛЬНЫЕ МАНИПУЛЯЦИИ И ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ МОЛОДЕЖИ	78
Непочатых Е.П. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТНОПСИХОЛОГИИ: ТЕХНОЛОГИИ РАЗВИТИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ МОЛОДЕЖИ	82
Окса Н.Н. НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ОБЩИЙ КОНТЕКСТ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ УКРАИНЫ ...	87
Орлов А.В. СМИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ БЕЗОПАСНОГО СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ПОЛИКУЛЬТУРНОГО РЕГИОНА.....	91
Раджабов И.М. ПРОБЛЕМА ТОЛЕРАНТНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО МИРА	95
Рашидова А.И. ПРОБЛЕМА МОЛОДЕЖНОГО ЭКСТРЕМИЗМА И ПРИЧИНЫ ЕГО ВОЗНИКНОВЕНИЯ	98
Творогова Н.Д., Кулешов Д.В. ДОВЕРИЕ КАК ИНДИКАТОР УДОВЛЕТВОРЕНИЯ ПОТРЕБНОСТИ В БЕЗОПАСНОСТИ	102
Троянская А.И. О ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ЛИЧНОСТИ	109
Цюрупа М.В., Громова Н.М. ТОЛЕРАНТНОСТЬ В ДИАЛОГЕ ЦЕННОСТЕЙ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ОБЩЕСТВЕ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ.....	113

РАЗДЕЛ 2. ПСИХОЛОГИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ

Абакарова С.М. ВЗАИМОСВЯЗЬ АДАПТИВНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ И АТРИБУТИВНОГО СТИЛЯ КАК УСЛОВИЕ УСПЕШНОЙ САМОРЕАЛИЗАЦИИ ПОДРОСТКОВ В УСЛОВИЯХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ.....	117
Абдулвагабова П.О. ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩЕГО ФАКТОРА РАЗВИТИЯ ПСИХИЧЕСКИ ЗДОРОВОЙ ЛИЧНОСТИ	120
Абдуразакова Д.М. КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ТОЛЕРАНТНОГО СОЗНАНИЯ МОЛОДЁЖИ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО РЕГИОНА	124
Адамакина Т.А. ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ РЕБЁНКА В ПРОЦЕССЕ ГЕНДЕРНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ	129
Алыпкачева П.И. СОЗДАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОМФОРТА НА УРОКЕ КАК УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТНОГО ОТНОШЕНИЯ К ЗДОРОВЬЮ ЛИЧНОСТИ РЕБЕНКА.....	133
Амирова С.К. ПРОБЛЕМА ПЕРЕЖИВАНИЯ ОДИНОЧЕСТВА ЛИЧНОСТЬЮ В ПОСТРАЗВОДНОЙ СИТУАЦИИ.....	136
Арипов М.М., Асадулаева У.М. ВЗАИМОУСЛОВЛЕННОСТЬ ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЙ СФЕРЫ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТА И БЕЗОПАСНОГО ПРЕОДОЛЕНИЯ КРИЗИСНЫХ СИТУАЦИЙ	140
Ахмеднабиев М.К. ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПЕДАГОГА.....	145
Багандова Г.Х. К ПРОБЛЕМЕ РАЗВИТИЯ ПОЗИТИВНОЙ Я-КОНЦЕПЦИИ У ДЕТЕЙ, ВОСПИТЫВАЮЩИХСЯ ВНЕ СЕМЬИ.....	149
Багдужева К.Г. ПРОГРАММЫ РЕАБИЛИТАЦИОННЫХ МЕРОПРИЯТИЙ С ДЕТЬМИ-ИНВАЛИДАМИ И ИХ СЕМЬЯМИ КАК УСЛОВИЕ СОЗДАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИ БЕЗОПАСНОЙ СРЕДЫ.....	153
Байсонгуров И.Б. ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК КОМПОНЕНТ СОВРЕМЕННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ.....	158

Беломестнова Н.В., Бойкова А.В. КОГНИТИВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ	161
Бузмакова А.В, Пошехонова Ю.В. ИССЛЕДОВАНИЕ СВЯЗИ ИЗБЕГАНИЯ КОНФЛИКТОВ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ КУРСАНТОВ ВЫСШИХ ВОЕННЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ	164
Керимова А.В. ОПТИМИЗАЦИЯ ПРОЦЕССА АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ К УСЛОВИЯМ ОБУЧЕНИЯ КАК ФАКТОР СОЗДАНИЯ БЕЗОПАСНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ.....	166
Керимова Д.Р. К ПРОБЛЕМЕ РАЗВИТИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ ДЕТЕЙ В МЛАДШЕМ ШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ	170
Кимпаева Э.А., Исаева Р.Г. ОСОБЕННОСТИ СТРАТЕГИЙ ПОВЕДЕНИЯ СТУДЕНТОВ МЛАДШИХ И СТАРШИХ КУРСОВ В КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЯХ	174
Кисляков П.А. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СОЦИАЛЬНО БЕЗОПАСНОЙ СРЕДЫ ВУЗА	177
Козловская Г.Ю. РАЗВИТИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ УЧАЩИХСЯ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ.....	181
Костева Ю.И. ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ МЕЖГРУППОВОГО КОНФЛИКТА В ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ	185
Маллаев Д.М., Изиева Д.П. РАЗВИТИЕ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ДЕТЕЙ С НАРУШЕНИЯМИ ЗРЕНИЯ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИУМЕ.....	189
Масаева З.В. ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕНИЕ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ БЕЗОПАСНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ .	195
Омаров М.М. УГРОЗЫ БЕЗОПАСНОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМ УЧРЕЖДЕНИЯМ ДАГЕСТАНА	198
Омарова П.О. КЛАССИФИКАЦИЯ ДЕТЕЙ СО СТОЙКОЙ ШКОЛЬНОЙ ДЕЗАДАПТАЦИЕЙ КАК СРЕДСТВО ОПТИМИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ....	203
Омарова П.О., Бажукова О.А. ОПТИМИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ РИСКОВ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ДЕТЕЙ С НАРУШЕНИЯМИ ИНТЕЛЛЕКТА.....	206
Петров С.В.,Кисляков П.А. К ВОПРОСУ ОБ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ	212

Почтарева Е.Ю. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ЛИЧНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ	215
Талько Т.Н. АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ КАК ФАКТОР ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ САМОЗАЩИТЫ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИЙ ВУЗОВСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УКРАИНЕ	219
Умарова З.А. БЕЗОПАСНОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ ДЕПРЕССИВНОГО СОСТОЯНИЯ В СИСТЕМЕ «СТУДЕНТ-ПСИХОЛОГ».....	223
Хизроева З.М. ШКОЛЬНОЕ ОБУЧЕНИЕ И ПСИХИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ ПЕРВОКЛАССНИКОВ-ЛЕВШЕЙ	227
Цибулькинова В.Е ПРОФИЛАКТИКА ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ РИСКОВ ВО ВНУТРИШКОЛЬНОМ УПРАВЛЕНИИ ЧЕРЕЗ СОЗДАНИЕ БЛАГОПРИЯТНОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КЛИМАТА.....	231
Чернева И.В. ДИНАМИЧЕСКИЙ БАЛАНС В СОХРАНЕНИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	235

**РАЗДЕЛ 3.
ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА ЛИЧНОСТИ
В КРИЗИСНОЙ СИТУАЦИИ И ПРОБЛЕМА
ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ ЧЕЛОВЕКА
В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ**

Бердник А.Б. ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ БУДУЩЕГО ПРАКТИЧЕСКОГО ПСИХОЛОГА В УСЛОВИЯХ ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ.....	239
Борисова С.Е. БЕЗОПАСНОСТЬ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ГОСАВТОИНСПЕКЦИИ КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ.....	243
Бысюк А.С. СОВЛАДАЮЩЕЕ ПОВЕДЕНИЕ КАК РЕСУРС ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	246
Гузь Н.В. ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ПСИХИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ ЛИЧНОСТИ.....	250
Давлетбаева З.К. СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОНЯТИЯ АСОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ	254

Исаева М.А. ВЛИЯНИЕ СТРЕССА НА ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЧЕЛОВЕКА	258
Далгатов М.М., Казиева Н.Н. УСЛОВИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЭКСТРЕМИСТ-СКИХ НАСТРОЕНИЙ: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	261
Карпова Е.А. ИНТЕГРАЛЬНЫЙ СТАТУС ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ В УСЛОВИЯХ СОВЛАДАНИЯ С ТРУДНЫМИ СИТУАЦИЯМИ.....	265
Каткова Т.А. СИНДРОМ «ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ» РАБОТНИКОВ	269
Клюева Н.В. ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ СЕМЬИ, ПЕРЕЖИВАЮЩЕЙ ПОТЕРЮ БЛИЗКОГО ЧЕЛОВЕКА	273
Кондрашова Я.В. ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ВЛИЯНИЯ СМИ НА ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ.....	277
Лефтеров В.А. АГРЕССИВНАЯ КОНГРУЭНТНОСТЬ ЛИЧНОСТИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ	281
Лобнер Н. РЕЗИЛИЕНЦ-УСТОЙЧИВОСТЬ И СОДЕЙСТВИЕ РЕЗИЛЬЕНТНОСТИ НА ЭТАПАХ ОБЩЕСТВЕННЫХ КРИЗИСОВ.....	285
Магомедов Д.З. ТЕАТРАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ФАКТОР ПРОФИЛАКТИКИ СОЦИАЛЬНЫХ ОТКЛОНЕНИЙ И СОЗДАНИЯ БЕЗОПАСНОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СРЕДЫ	288
Магомед-Эминова О.И. ФОРМИРОВАНИЕ ФУНДАМЕНТАЛЬНОГО ПЕРЕЖИВАНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ	290
Мазилев В.А. ТОЛЕРАНТНОСТЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА И ЕГО СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ	292
Побидаш А.Ю. КОНЦЕРЦИЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ КРИЗИСНЫХ СИТУАЦИЙ В. ФРАНКЛА	301
Поляков И.А. НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОРНАХ СПАСАТЕЛЕЙ УКРАИНЫ.....	305
Приходько И.И. ПРИОРИТЕТЫ ЦЕННОСТНОЙ СФЕРЫ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ, ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД УКРАИНЫ.....	309
Руновская Е.Г. ВЛИЯНИЕ ВРАЧА НА ПСИХОЛОГИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ БЕРЕМЕННОЙ ЖЕНЩИНЫ	312

Сорокина Д.С. ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ СПАСАТЕЛЕЙ	317
Титаренко Д.С. ПРОГНОЗИРОВАНИЕ МОДЕЛЕЙ ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА НА ОСНОВЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕХАНИЗМОВ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ В СИТУАЦИИ РЕАЛЬНОЙ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ УГРОЗЫ	319
Урываев В.А., Липов В.Н., Витютина Т.А. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ УСТОЙЧИВОСТИ ЛИЧНОСТИ В СИТУАЦИИ ОБЩЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕРЕМЕН В ОБЩЕСТВЕ	322
Флоровский С.Ю. ДИСПОЗИЦИОННАЯ РЕГУЛЯЦИЯ СОВМЕСТНОЙ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ПРЕДИКТОР НАПРАВЛЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РУКОВОДИТЕЛЯ	325
Халидов М.М., Байрамов А.Б. КОПИНГ-СТРАТЕГИИ КАК ФАКТОР ПСИХОСОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ	329
Халилова А.А. РОЛЬ ЭТИЧЕСКОГО НАЧАЛА ЛИЧНОСТИ КАК ОСНОВЫ БЕЗОПАСНОСТИ ЕЕ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ	337
Хуснулина Ю.И. КОРПОРАТИВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ОСНОВАНИЕ ПРОДУКТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ	340
Царькова О.В., Денисов И.Г. ПСИХИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ НАСЕЛЕНИЯ УКРАИНЫ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ	343
Юсупова Р. Ю. К ВОПРОСУ О ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЙ ДЕГРАДАЦИИ ЛИЧНОСТИ	346

Подписано в печать 10.12.2011г.
Формат 60x84_{1/16}. Печать ризографная. Бумага офсетная.
Гарнитура «таймс». Усл. п. л. 22,4. Уч.-изд. л. 18,9. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии АЛЕФ, ИП Овчинников М.А.
Тел.: +7-903-477-55-64, +7-988-2000-164